

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна

Польско-французские отношения в 1933–1935 гг.

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор

Геннадий Филиппович Матвеев

Москва — 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ	49
§ 1.1. Польша и Лига наций.....	49
§ 1.2. Франция во внешней политике Польши в 1918-1932 гг.....	62
§ 1.3. Между Германией и СССР.....	82
§ 1.4. Британское и итальянское направления во внешней политике Польши.....	101
ГЛАВА II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ	114
§ 2.1. Политика «SÉCURITÉ».....	114
§ 2.2. В поисках помощи Великобритании.....	127
§ 2.3. Друзья и союзники в Центральной и Юго-Восточной Европе	137
§ 2.4. Великие союзники на континенте (СССР, Италия).....	146
§ 2.5. Франция и Лига наций: международные гарантии.....	153
§ 2.6. Региональные соглашения и французская система союзов.....	160
ГЛАВА III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛЬШИ И ФРАНЦИИ В 1933-1935 ГГ	174
§ 3.1. Начало кризисного периода польско-французского союза. 1933 год.....	174
§ 3.2. Поворот внешней политики Польши и дипломатия Луи Барту. 1934 год	224
§ 3.3. Конец эпохи Пилсудского и начало катастрофы. 1935 год.....	278
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	314
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	319

Введение

Актуальность темы исследования. В ноябре 1918 – феврале 1919 г. возникла и была признана державами-победительницами в Первой мировой войне Республика Польша. Это было не простое восстановление вымаранной с политической карты мира в последней трети XVIII в. многонациональной Речи Посполитой, а создание нового государства, поскольку национальные элиты народов прежнего Великого княжества Литовского (ВКЛ) не собирались образовывать единого государства с поляками. В связи с этим перед руководством Польши встала двудеятая задача: сделать так, чтобы в ее государственных границах оказалось максимально большое этнически польское население, и чтобы они одновременно образовывали на случай войны необходимое стратегическое оборонное пространство.

Решить эту задачу мирно у Польши не получилось. В процессе начавшегося в XIV в. превращения этнически гомогенной Польши в многонациональную Речь Посполитую и одновременной утери территорий на юге, западе и севере, образовались значительные пограничные территории со смешанным населением. Народы бывшего ВКЛ, как и поляки, на завершающем этапе Первой мировой войны активно занялись строительством собственных государств и не проявляли желания восстанавливать Речь Посполитую даже на демократических основаниях. Поэтому Польша большинство своих границ устанавливала в конце 1918 – 1921 г. с помощью силы. В результате этого по всему периметру границ II Речи Посполитой за исключением румынского и латвийского участков возникли стойкие очаги напряженности. Проблему безопасности усугубляло геополитическое положение Польши между Германией и Советским Союзом, двумя державами, взаимодействовавшими в прошлом при разделах Речи Посполитой. Именно эти две державы и стали источниками опасений польских руководителей относительно безопасности II Речи Посполитой.

В Польше конечно же, понимали, что ослабление Германии и России

временное и через какое-то время вопрос о границах вновь станет актуальным. Поэтому варшавские руководители жили в постоянном страхе перед возобновлением русско-германского союза, ревизией границ, попаданием в зависимость от одного из могущественных соседей. Проблема сохранения границ Польши в том виде, как они были установлены Версальским и Рижским договорами, плебисцитами и Лигой наций, рассматривалась всеми правительствами Польши и большей частью населения как главное условие сохранения независимости.

Не обладая силами, достаточными для противодействия исходящей от соседей угрозы целостности своих границ, Польше не оставалось ничего другого как искать для себя опору в союзе с соседними государствами Восточной Европы, или же с одной из великих держав-победительниц в Первой мировой войне. Шансов на союз с соседями у Польши не было, поскольку три из шести подходящих на эту роль стран не могли участвовать в нем. Литва и Чехословакия вследствие сохранения между ними и Польшей территориального конфликта. Венгрия – как страна, проигравшая мировую войну и поэтому ограниченная в своих правах и возможностях в сфере вооружения. Лишь Румыния согласилась вступить в союз с Польшей. Но это был партнер в противостоянии только с СССР, но не Германией. Латвия и Эстония союза с Польшей просто опасались.

Из двух великих европейских держав-победительниц установить близкие союзные отношения с Польшей проявила готовность только Франция. Польша должна была стать ее восточноевропейской опорой в сдерживании опасного для обеих стран германского реваншизма. Ради этого Париж даже согласился помогать Варшаве в случае советской агрессии. Формально этот союз просуществовал до Второй мировой войны, однако уже в первой половине 1920-х гг. он пошел трещинами, что вызывало серьезные опасения у польской стороны и подталкивало ее к поиску дополнительных гарантий безопасности.

Наиболее активно этот поиск велся подлинным демиургом польской внешней политики с мая 1926 по май 1935 г. маршалом Юзефом

Пилсудским, пожалуй, единственным в новейшей истории Польши руководителем, последовательно отстаивавшим суверенитет при принятии касавшихся ее безопасности решений. Это особенно наглядно проявилось в период с конца 1932 по май 1935 г., когда Польша, формально сохраняя союз с Францией, резко улучшила свои отношения с Германией, и тем самым, как казалось ее руководителям, обрела великодержавный статус и право на ведение самостоятельной внешней политики. Изучение того, как Варшава и Париж, совершая грубейшие ошибки, постигали, казалось бы, очевидную мысль, что мир в Европе можно сохранить только совместными действиями, обеспечивая равную безопасность всем государствам, твердо придерживаясь принципа неделимости мира, представляется **актуальным не только в научном, но и политическом отношении.**

Степень изученности проблемы. История международных отношений межвоенного периода является объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако в отечественной историографии нет монографических работ, специально рассматривающих польско-французские отношения в межвоенный период. Как правило, в общих работах содержатся лишь схематичные характеристики польско-советского договора о ненападении 1932 г., польско-немецкой декларации 1934 г. и их влияния на польско-французский союзный договор 1921 г., повторяющие их излишне политизированные оценки 1930-х гг. Характерным примером такого подхода могут служить классические труды «История дипломатии» под редакцией В.П. Потёмкина¹ и «История дипломатии» под редакцией А.А. Громько². В оправдание их авторов следует назвать недостаточную научную разработку этих проблем в мировой историографии.

Советские историки В.М. Хайцман³ и В.Я. Сиполс⁴, разрабатывая востребованную в историографии того времени тему борьбы СССР за разоружение и продвижение проекта коллективной безопасности, отметили

¹ История дипломатии. Под ред. В.П. Потёмкина. Т. 3. М., 1945.

² История дипломатии. Т. 3. 2-е изд. Под ред. А.А. Громько, И.И. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семенова и др. М., 1965.

негативное влияние польско-немецкого сближения на расстановку сил в Европе, но подробно этот свой вывод не обосновывали.

По очевидным причинам польско-советские отношения всегда были в фокусе внимания отечественных исследователей. К таким работам, затрагивающим интересующий нас период, относятся труды М.И. Мельтюхова⁵, И.В. Михутиной⁶, Ю.В. Иванова⁷, В.С. Парсадановой⁸ и С.З. Случа⁹. Отдельно стоит выделить написанные уже в XXI в. работы Г.Ф. Матвеева, в которых автор детально проанализировал ряд малоизвестных до этого аспектов двусторонних отношений, прежде всего их начального периода, последствия которых ощущаются вплоть до сегодняшнего дня¹⁰.

Оригинальный подход к изучению отношений между Варшавой и Москвой в межвоенный период предложил О.Н. Кен (1960–2007), связавший польско-советский договор 1932 г. с общеевропейским контекстом международных отношений. В своей работе «Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930-1932 гг.)» автор справедливо отмечал, что ключ к желанию Варшавы заключить с СССР договор о ненападении кроется в наметившемся в начале 1930-х гг. франко-советском сближении, а также в постепенном возвращении Германии в клуб великих держав. Такая ситуация создавала для Польши угрозу потери возможности играть на противоречиях великих держав и, таким образом, проводить самостоятельную политическую

³ Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения:(между первой и второй мировыми войнами). М., 1959.

⁴ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989.

⁵ Мельтюхов М.И. Советско-польские конфликты 1918-1939. М., 2022.

⁶ Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931-1935. М., 1977.

⁷ Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914-1945 годы. М., 2014.

⁸ Парсаданова В.С. Советско-польские и советско-румынские отношения накануне второй мировой войны // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 23–41; Парсаданова В.С. Эдвард Рьдз-Смиглы // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 10–23; Парсаданова В.С. Юзеф Пилсудский // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 53–74.

⁹ Случ С.З. Германо-польский пакт о ненападении 1934 г. – дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории. 1983. С. 84-104.

¹⁰ Матвеев Г.Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 130-143; Матвеев Г.Ф. Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 137–156; Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С.100-122; Матвеев Г.Ф. От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге // Родина. 2013. № 6. С. 91-94; Матвеев Г.Ф. Тактика А.А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире 22 сентября – 12 октября 1920 года // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42-47.

линию¹¹. По мнению Кена, отличительная черта политики Пилсудского заключалась в стремлении сохранить высокую степень свободы своей внешней политики, и что особенно важно для нас, в том числе в отношениях с союзной Францией. Историк был убежден, что Сталин это прекрасно знал и учитывал, более того, для него «Польша отождествлялась с Пилсудским», «правителем революционного происхождения». Таким образом, на том этапе развития, как полагал автор, польский и советский режимы были в достаточной мере совместимы, хотя, как покажет практика 1933-1934 гг., их кратковременное сближение было обусловлено разными мотивами¹².

Авторы коллективной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории»¹³ поставили перед собой задачу представить современный взгляд на новейшую историю Польши. Данный труд является первой работой подобного рода, относящуюся к постсоветскому времени. В ней содержатся не только оригинальные выводы, но и принципиально новые подходы к осмыслению всех исторических перипетий польской истории XX века. Авторы привлекли внушительную базу источников, существенно расширившую представления о целом ряде исторических событий. Безусловная важность данной монографии для настоящей работы заключается также в том, что она помогает понять общий исторический контекст, в рамках которого развивались международные отношения в межвоенный период.

Однако, естественно, что в связи с обширностью материала внешней политике в данной работе уделено относительно немного. В разделе II, посвященном Второй Речи Посполитой, Г.Ф. Матвеев отмечает, что на рубеже 1920-1930-х гг., в условиях мирового экономического кризиса, утраты Лигой наций авторитета и рычагов по поддержанию мира, а также наметившегося франко-советского сближения, Пилсудский существенно скорректировал внешнеполитический курс Польши, до этого являвшийся «в равной степени антигерманским и антисоветским», и захотел

¹¹ Кен О. Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930-1932 гг.). СПб., 2003. С. 34.

¹² Там же. С. 109-110.

¹³ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

освободиться от опеки Франции, при этом превратив Польшу в гегемона восточноевропейского региона¹⁴. Суть «корректировки» заключалась во временном и демонстративном оздоровлении польско-советских отношений путем подписания договора в 1932 г. и польско-немецком сближении, результатом которого стала их Берлинская декларация о неприменении силы 1934 г. В основе этих действий лежало желание Пилсудского поднять в глазах французов ценность союза с Польшей и заставить Запад, часто игнорировавший великодержавные притязания Польши, уважать и считаться с мнением Варшавы. Тем не менее, как полагает Г.Ф. Матвеев, результаты от «внешнеполитического маневра Пилсудского» были кратковременными и принесли бóльшую выгоду Германии, чем Польше. Безусловно, сам Пилсудский прекрасно понимал хрупкость и недолговечность успеха, поэтому не скрывал от своих соратников скептицизма в отношении длительности мира в Европе¹⁵.

Отдельного упоминания также заслуживает коллективная монография «Белые пятна-черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях», впервые опубликованная в 2010 г. и переизданная без изменений в 2017 г. Уникальность данной работы заключается в том, что она была создана коллективом российских и польских ученых под эгидой Группы по сложным вопросам российско-польских отношений. В данной монографии вся история отношений между Россией и Польшей в XX веке поделена на периоды, которые зеркально описывались историками России и Польши. Подобный подход не только существенно расширил границы понимания узловых вопросов польско-российских отношений, но и создал площадку для дискуссий ученых двух стран, позволяя взглянуть на проблемы под разными углами. Так, например, интересной представляется дискуссия об эффективности концепции равноудаленности, которая, как принято считать, была краеугольным камнем внешней политики Польши в 1930-е гг. Польский историк В. Матерский отмечает противоречивый характер этого

¹⁴ Там же. С. 214.

¹⁵ Там же. С. 218-219.

подхода, так как он коренным образом противоречил существующим в то время системам безопасности¹⁶. Ему возражает другой польский исследователь С. Дембский, указывая на то, что ошибка Польши была не в политике равноудаленности как таковой, а в том, что польские лидеры не смогли последовательно следовать этим курсом. Дембский объясняет все действия польской дипломатии того времени стремлением Польши быть самостоятельным игроком на международной арене¹⁷. Российский ученый М.М. Наринский не соглашается со своими польскими коллегами, доказывая, что в 1930-е гг. равноудаленность Польши была лишь номинальной, а в действительности же был очевидный крен в сторону Германии¹⁸.

Отечественные историки-франковеды внесли существенный вклад в исследование истории Третьей республики в общем, и отдельных сторон французской дипломатии в 1920-1930-е гг., в частности. Е.С. Белогловский¹⁹, З.С. Белоусова²⁰, А.З. Манфред²¹, Ю.И. Рубинский²², С.А. Стегарь²³ тщательно проанализировали отношения Франции с крупнейшими европейскими державами, позиция которых оказывала прямое влияние на систему европейской безопасности – Великобританией, СССР и Германией. Стоит отметить, что в советской историографии лучше всего разработан сюжет пакта о взаимопомощи 1935 г., так как исследователей интересовали двусторонние отношения между Францией и СССР, представляющие собой составную часть большой проблемы – попыток стабилизации ситуации в Европе, ослабления Лиги наций, коллективной безопасности и вопросов разоружения. Однако по понятным причинам авторы тесно связали изучение внешней политики Франции с анализом классовой борьбы, и рассматривали

¹⁶ Белые пятна-черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2017. С. 111.

¹⁷ Там же. С. 171-172.

¹⁸ Там же. С. 138.

¹⁹ Белогловский Е.С. Проблема безопасности Франции и борьба политических группировок в 1934-1935 // Французский ежегодник 1959. М., 1961. С. 321-339.

²⁰ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. М., 1976; Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964.

²¹ Манфред А.З. К истории советско-французского пакта о взаимной помощи 1935 // Французский ежегодник 1961. М., 1962. С. 458-468.

²² Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции: борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена: 1919-1939 гг. М., 1973.

²³ Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980.

все французские действия сквозь призму позиций социальных слоев и политических партий. Кроме того, не всем проблемам европейской политики Франции уделяется должное внимание. Так, например, отношения Франции с Польшей и Малой Антантой не получили достаточно отражения в указанных работах, а ведь именно эти страны являлись союзниками Франции и занимали важное место в ее внешнеполитических концепциях.

Современные исследователи В. П. Смирнов²⁴, Е.О. Обичкина²⁵, К.А. Малафеев²⁶, И. Э. Магадеев²⁷, Н.Н. Наумова²⁸, А.А. Вершинин²⁹ в своих работах обнаруживают противоположную тенденцию и явно стремятся отказаться от прежней политизированности оценок содержания французской внешней политики. Они также отказались от излишнего подчеркивания ее антисоветизма в пользу выяснения того, адекватны ли были предпринимаемые Парижем шаги возникавшим перед ним вызовам на европейской арене.

²⁴ Смирнов В.П. Советско-французский договор о взаимной помощи в освещении советской печати // Россия-Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 243–252; Смирнов В.П. Франция в XX веке. М., 2001.

²⁵ Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938-1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 97-114; Обичкина Е.О. Мюнхенская политика: Франция в поисках безопасности в период чехословацкого кризиса (сентябрь 1938 г. – март 1939 г.) // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2019. № 6. С. 21-21.

²⁶ Малафеев К.А. Луи Барту – политик и дипломат. М., 1988; Малафеев К.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933–1939 гг. Рязань, 1994.

²⁷ Магадеев И.Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 58–69; Магадеев И.Э. Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 35–44; Магадеев И.Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14, № 3. С. 128–162; Magadeev I.E. L'alliance franco-polonaise dans les estimations militaires et diplomatiques de Moscou dans les années 1920 // Guerres Mondiales et Conflicts Contemporains. 2022. No. 4. P. 51–64.

²⁸ Наумова Н.Н. Крах Франции: расплата за политику умиротворения // Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру / Ред. Л.С. Белоусов, В.Н. Горохов, А.С. Манькин и др. М., 2020. С. 160–181; Наумова Н. Н. Образ поляков в личных свидетельствах капитана Ш. де Голля – участника советско-польской войны 1920-1921 гг // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.). Труды Исторического факультета МГУ. Т. 129. СПб., 2021. С. 272–288.

²⁹ Вершинин А.А. Аристид Бриан. Политический портрет государственного деятеля и дипломата Франции // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 176–196; Вершинин А.А. Эдуард Даладьё и политика умиротворения агрессора накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 42–70; Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская история. 2020. № 3. С. 52–66; Verшинin A. 'my task is to get into the french army': Soviet strategy and the origins of soviet-french military cooperation in the 1930s // Journal of Strategic Studies. 2021. Vol. 44. No. 5. P. 685–714; Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022.

В польской историографии союзу между Францией и Польшей традиционно уделялось достаточно внимания, однако его чаще всего рассматривали не как отдельную тему, а как составную часть европейских международных отношений. Также стоит отметить, что в историографии польско-французских отношений преобладают работы, авторы которых занимались отдельными политическими и военными аспектам темы, а также проблемами двусторонних отношений. Наиболее заметны среди них К. Лаптер³⁰, М. Войчеховский³¹, Т. Кузьминский³², Я. Красуский³³, Х. Батовский³⁴, М. Пулаский³⁵, В. Бальцерак³⁶, С. Серповский³⁷, С. Грегорович³⁸ и другие.

Первой работой, прямо посвященной польско-французскому союзу, стала вышедшая в 1970 г. монография Яна Чяловича (1895–1967) «Польско-французский военный союз 1921-1939», в которой автор попытался осветить весь спектр вопросов польско-французского союза за 18 лет его существования. Я. Чялович, дипломированный полковник армии Второй Речи Посполитой (полковник Генерального штаба Войска Польского – *А. К.*), в течение многих лет занимался историей этого союза и Второй мировой войны. Основу монографии составляет тщательно собранная многоязычная литература предмета. А вот с привлечением архивных источников дело обстоит хуже, они использованы явно недостаточно. Причем не только французские, но и польские.

³⁰ Lapter K. Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962.

³¹ Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933-1938. Poznań, 1965.

³² Kuźmiński T. Polska, Francja, Niemcy, 1933-1935: z dziejów sojuszu polsko-francuskiego. Warszawa, 1963.

³³ Krasuski J. Stosunki polsko-niemieckie, 1919-1932. Poznań, 1975.

³⁴ Batowski H. Między dwiema wojnami 1919–1939. Kraków, 1988.

³⁵ Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie od roku 1933 do wiosny 1938. Poznań, 1967.

³⁶ Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. Wrocław, 1967.

³⁷ Sierpowski S. Piłsudski i jego polityka zagraniczna // Józef Piłsudski i jego legenda (red. Czubiński A.) Warszawa, 1988; Sierpowski S. Piłsudski w Genewie: dyplomatyczne spory o Wilno w roku 1927. Poznań, 1990; Sierpowski S. Stosunki polsko-włoskie w latach 1918-1940. Warszawa, 1975.

³⁸ Gregorowicz S. Koncepcja paktu wschodniego na tle stosunków polsko-sowieckich 1934—1935 // Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX-XX wieku. Studia ofiarowane Piotrowi Łossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1995. S. 321–31.

Gregorowicz S. Polsko–radzieckie stosunki polityczne w latach 1932–1935. Wrocław–Łódź, 1982.

Главное достоинство труда Чяловича – тщательно сбалансированные, спокойные и объективные суждения. Автор фиксирует узловые вопросы польско-французских военных отношений в контексте развития международной ситуации в Европе, успешно объединяет изложение политических и военных аспектов польско-французского военного союза. Приемлема и предложенная им периодизация истории польско-французского военного союза: первый этап – 1921-1935 гг. (от заключения польско-французского союза до смерти Пилсудского) и второй - четыре последних предвоенных года³⁹. Выделение первого этапа вполне обосновано, так как Пилсудский, творец союза между Францией и Польшей, именно в те годы являлся существенным фактором польской политической жизни. Хотя целостность второго этапа не столь очевидна, но он не является объектом нашего изучения.

Конечно, не со всеми суждениями и выводами автора можно согласиться. Например, с утверждением, что Пилсудский верил миролюбивым заявлениям Гитлера и полагал, что мир на западной границе Польши обеспечен как минимум на 10 лет (sic!). В подтверждение своих слов автор приводит слова, которые 1 июня 1934 г. Пилсудский сказал Тадеушу Кательбаху: «Непременно дело дойдет до войны, но ни в коем случае она не может вспыхнуть на польско-немецкой границе»⁴⁰. По мнению Чяловича, это должно было означать, что Германия начнет войну сначала с Францией. Мнение Чяловича легко опровергается известным майским 1934 г. опросом Пилсудского своих военачальников на тему, кто для Польши представляет большую опасность – Германия или СССР⁴¹. Приведенные в книге слова Пилсудского свидетельствуют скорее о том, что он ожидал начала войны на польско-советской границе. Известен также сделанный в том же 1934 г. Пилсудским прогноз, что «хорошие отношения между Польшей и Германией могут продлиться еще четыре года»⁴². Нельзя также согласиться

³⁹ Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921-1939. Warszawa, 1970. S. 15.

⁴⁰ Ibidem. S. 395.

⁴¹ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? Zestawienie odpowiedzi z V 1934 r. S. 1-2.

⁴² Świtalski K. Dziennik, 1919-1935. Warszawa, 1992. S. 660-661.

с утверждением Чяловича, что польско-французский союз стал функцией франко-германских и польско-германских отношений с 30 января 1933 г.⁴³, то есть с момента прихода Гитлера к власти, поскольку таковым он был с самого своего начала.

Не ставил Чялович под сомнение и положение, ставшее в польской историографии аксиомой, что Пилсудский никогда не собирался отказываться от союза с Францией⁴⁴, что даже после прихода Гитлера к власти, попыток создания «Пакта четырех» и подписания польско-немецкой декларации в 1934 г. краеугольным камнем внешней политики Польши оставался союз с Францией. Учитывая, что труд Чяловича охватывает период до начала Второй мировой войны, такой подход подводит читателя к мысли, что Польша не несет ответственности за эту катастрофу, поскольку она последовательно ориентировалась на Францию. На самом же деле, существует немало свидетельств того, что в 1930-е гг. и Польша, и Франция не сохранили прежний характер союза, даже по сравнению с его постлокарнской коррекцией.

Важным явлением в историографии польско-французских отношений стала работа Здислава Вроняка (1927–2021) «Политика Польши в отношении Франции в 1925-1932 гг.»⁴⁵. Историк исходил из того, что Польша играла особую роль во французской системе союзов, направленных против Германии, а для Польши Франция была гарантом независимости. Франко-германское сближение в Локарно вызвало системный кризис польско-французских отношений, Польша почувствовала ущемление своих интересов в области безопасности. Возвращение Германии в международную политику и ее первые успехи в склонении общественного мнения союзных стран в пользу пересмотра Версальского мира показали неизбежность грядущих изменений в международной политике, на которые польское внешнеполитическое ведомство, с мая 1926 г. возглавляемое Августом Залеским, должно было реагировать. Вину за то, что в это время ни

⁴³ Ciałowicz J. Op. cit. S. 180.

⁴⁴ Ibidem. S. 198.

⁴⁵ Wroniak Z. *Polityka polska wobec Francji w latach 1925-1932*. Poznań, 1987.

Польша, ни Чехословакия не были для Франции равноправными партнерами автор возлагал на французского министра иностранных дел А. Бриана.

Одной из своих целей З. Вроняк определил изучение реакции общественного мнения в Польше и Франции сразу после Локарно на ослабление двустороннего союза, что до него польские исследователи не делали. Однако французская часть представлена на основании не подробного анализа прессы, а пересказа сообщений французской печати в польской публицистике, что, конечно же, снижает достоверность полученных им результатов. По мнению автора, в период 1925–1932 гг. Польша проводила независимую от великих держав внешнюю политику и преследовала самостоятельные цели, однако при этом сохранялась ее зависимость от западных держав, «прикрываемая фразами о равных правах и обязанностях»⁴⁶. Как полагал Вроняк, в связи с нормализацией отношений с Германией Франция пыталась отказаться от союзнических обязательств перед Польшей⁴⁷. Что же касается Великобритании, то она теоретически могла бы оказать Польше желаемую поддержку, но не делала этого, так как Германия была важным противовесом французскому доминированию на континенте⁴⁸.

Вроняк обращал внимание на значительное ухудшение польско-французский отношения после отставки Залеского в 1932 году. По его мнению, договор о ненападении между Польшей и СССР в 1932 г. был шагом к независимости внешней политики Польши, так как теперь она могла не концентрироваться только на союзе с Францией, а искать альтернативы и пытаться выстраивать баланс между Германией и СССР⁴⁹. Правда, данное утверждение не подкреплено никакими доказательствами, так как хронологические рамки исследования ограничиваются 1932 г., но оно показывает, что Вроняк придерживался традиционной для польской дипломатии концепции равноудаленности польской внешней политики.

⁴⁶ Ibidem. S. 84.

⁴⁷ Ibidem. S. 117.

⁴⁸ Ibidem. S. 118.

⁴⁹ Ibidem. S. 199.

Отмечая широту источниковой основы труда Вроняка (материалы из польских архивов, публикации польских источников, польская пресса, воспоминания), приходится констатировать, что им не использованы опубликованные непольские дипломатические документы (например, французский многотомник дипломатических документов). Это существенный недостаток работы, оставляющий поле для не подкрепленных источниками утверждений, нередко эмоционально окрашенных. Например, А. Бриан представлен как отрицательная фигура в связи с проводимой им политикой компромисса с Германией, которую автор априори считает антипольской. Вряд ли можно согласиться со стереотипными оценками Франции и Германии только с позиции *raison d'état* польской политики.

Существенный вклад в изучение польско-французских отношений внес польский исследователь Хенрик Булхак (р. 1930), более 30 лет занимавшийся исследованием проблематики двусторонних отношений между Парижем и Варшавой в межвоенный период. Две работы автора – «Польша – Франция: из истории союза 1922–1939. Ч. 1 (1922–1932)»⁵⁰ и «Польша – Франция: из истории союза 1933–1936»⁵¹ — результат тщательного анализа архивных источников. За основу работы был взят упомянутый выше труд Я. Чяловича, который в течение длительного времени являлся наиболее полным исследованием польско-французского союза в межвоенный период. Стержнем работы, по словам Булхака, стало исследование функционирования польско-французского союза в политической и военной сферах⁵², начиная с 6 февраля 1922 г., когда заключенный 19 февраля 1921 г. союз формально вступил в силу.

Для нас наибольший интерес представляла вторая часть исследования, которая, согласно намерению автора, должна была стать подробным описанием всех событий и действий сторон в этот период. Однако Булхак не смог реализовать свой замысел и описал только события 1933 г. и 1936 г. Эти два года отмечены серьезными изменениями в истории не только

⁵⁰ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1922-1939. Cz. I (1922-1932). Warszawa, 1993.

⁵¹ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. Warszawa, 2000.

⁵² Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1922-1939. Cz. I (1922-1932). S. 6.

польско-французского союза, но и межвоенной Европы в целом. Представляется очень важным наблюдение этого автора, что кризис польско-французских отношений стал очевиден уже в конце 1932 г. Тогда между Варшавой и Парижем возникли серьезные разногласия в рамках конференции по разоружению и Польша выступила против французского проекта по разоружению, расценив его как не соответствующий ее интересам⁵³. Второй брешью в польско-французских отношениях, по мнению Булхака, стал проект «Пакта четырех»⁵⁴. Варшава была категорически против пакта, считая его идущим вразрез с союзом с Францией. Отметил историк и то важное обстоятельство, что Варшава так и не стала первым и главным союзником Парижа в Восточной Европе, хотя в стратегических расчетах Парижа продолжала оставаться важным элементом эвентуального блока, который Франция пыталась создать при помощи Восточного пакта.

Интересны наблюдения Булхака и о так называемой «превентивной войне». Он убежден, что в отсутствие конкретных источников, на основании только косвенных данных можно лишь высказывать более или менее убедительные предположения по этому вопросу чрезвычайной важности. Несомненно только одно, полагает Булхак: Пилсудский был уверен в слабости Германии и превосходстве эвентуальной франко-польской коалиции. Поэтому он пытался прощупать позицию Парижа, недвусмысленно давая понять французским властям, что Польша готова участвовать в своего рода специальной военной операции против Германии. Однако Франция, находившаяся в то время в глубоком экономическом и политическом кризисе, а также «крайнем пацифизме», не отреагировала на сигналы Польши. Поэтому Пилсудский был вынужден самостоятельно выстраивать отношения с Гитлером, который в тот момент был склонен упорядочить напряженные отношения с Польшей⁵⁵.

Разбор современных исследований польско-французских отношений межвоенного периода начнем с работы Марии Паштор «Польша в глазах

⁵³ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. S. 10.

⁵⁴ Ibidem. S. 37.

⁵⁵ Ibidem. S. 154.

французских правительственных кругов в 1924–1939 гг.»⁵⁶. Она примечательна не только намерением автора на основе обширного корпуса источников и историографии проанализировать весь комплекс вопросов, связанных с польско-французскими отношениями в межвоенный период, но и введением в научный оборот большого числа документальных материалов из польских и французских архивов. Новым для польской историографии моментом стало и то, что в монографии акцент явно смещен на Францию. Отличительной чертой автора является взвешенность ее оценок, что хорошо видно на примере характеристики отношения французов к Ю. Пилсудскому и особенно к Ю. Беку⁵⁷.

Но это вовсе не значит, что со всеми содержащимися в работе оценками следует безоговорочно согласиться. Так, требуют уточнения замечания Паштор о месте Польши во внешнеполитической концепции Франции с середины 1920-х гг., когда на них все сильнее начинает проецироваться отношение Парижа к Москве. В последующие годы процесс выстраивания отношений по линии Париж-Москва продолжился, что, безусловно, несколько уменьшило важность союза с Польшей. Однако с утверждением Паштор, что его стали воспринимать во Франции как «лишний балласт»⁵⁸, особенно применительно к середине 1920-х гг., вряд ли можно согласиться. Полный отказ от союза и стремление к его ослаблению – разные вещи, и разрыв польско-французского союза никогда серьезно не рассматривался в Париже, скорее там стремились вписать его в наметившуюся франко-советскую констелляцию.

Из других современных польских исследований стоит назвать работы М. Волоса⁵⁹, посвященные отдельным вопросам польско-французского союза, а также монографию М. Гмурчик-Вроньской «Польша – ненужный союзник Франции?», в которой автор ставит важный и интересный вопрос – был ли для Франции польско-французский союз сам по себе наполнен

⁵⁶ Pasztor M. Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924-1939. Warszawa, 2015.

⁵⁷ Ibidem. S. 18-19, 22-23.

⁵⁸ Ibidem. S. 32.

⁵⁹ Wołos M. Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń, 2004; Wołos M. Józef Beck: espion allemand? Histoire d'une rumeur //Revue historique des armées. 2010. №. 260. P. 45-53.

смыслом, или же он имел значение только в контексте отношений с Берлином и Москвой?⁶⁰

Отдельного упоминания заслуживает монография польского исследователя Кшиштофа Рака ««Пилсудский между Сталиным и Гитлером»»⁶¹, вышедшая в 2021 г. Несмотря на то, что в центре внимания автора отношения в треугольнике Москва–Варшава–Берлин, существенное место уделяется анализу влияния французского фактора на внешнюю политику Польши. Хронологически повествование охватывает период от преддверия Локарно до начала 1935 г., тем самым отражая кризисные этапы в польско-французских отношениях. К. Рак привлек солидную источниковую базу, состоящую как из новых документов из архивов Польши, Германии и США, так и из основных публикаций архивных материалов, вышедших в Польше и России. Интересными представляются и выводы автора о том, что поведение Пилсудского в отношениях с Москвой и Берлином было ничем иным, как дипломатическим блефом, благодаря которому он сумел вбить клин между СССР и Германией, а также получить очень выгодную позицию, которая позволила ему в международных играх «использовать три возможности: французскую, советскую и немецкую»⁶².

Также стоит отметить общие работы, рассматривающие внешнюю политику Второй Речи Посполитой в общем, и функционирование польского МИД, в частности. К таким работам относятся труды М. Каминского и М. Захариаса⁶³, П. Лоссовского⁶⁴, А. Фришке и М. Корната⁶⁵, а также изданная в 2014 г. польским Институтом дипломатии им. И. Падеревского книга «Министерство иностранных дел II Речи Посполитой. Организация, политика, министры»⁶⁶, в которой содержатся не только детальное описание

⁶⁰ Gmurczyk-Wrońska M. Polska - niepotrzebny aliant Francji? (Francja wobec Polski w latach 1938–1944). Warszawa, 2003. S. 5.

⁶¹ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021.

⁶² Ibidem. S. 842, 981.

⁶³ Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918-1939. Warszawa, 1998.

⁶⁴ Łossowski P. Dyplomacja polska 1918-1939. Warszawa, 2001.

⁶⁵ Friszke A., Kornat M. Dwie epoki: O celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015. Warszawa, 2020.

⁶⁶ Ministerstwo Spraw Zagranicznych II Rzeczypospolitej: organizacja, polityka, ministrowie / Pod red. P. Długołęckiego i K. Szczepanika. Warszawa, 2014.

механизмов функционирования польского МИД в межвоенный период, но и подробные биографии министров иностранных дел.

В изучении истории внешней политики Польши в межвоенный период особняком стоят работы американских исследователей польского происхождения А. Ченчялы и П. Вандыча, писавших свои труды и на польском языке. Важно подчеркнуть, что вклад польских зарубежных историков в исследование дипломатической истории значим еще и потому, что в то время в ПНР взгляд на этот вопрос не был свободен от воздействия фактора цензуры и самоцензуры.

Профессор истории Канзасского университета Анна Мария Ченчяла (1929–2014) является автором множества книг и статей, посвященных дипломатической истории. Активно работая с архивными документами, в том числе и вновь рассекреченными, она сумела пролить свет на различные аспекты деятельности польского министерства иностранных дел в межвоенный период. Несмотря на то, что книга «Польша и западные державы 1938-1939»⁶⁷ (в основу которой легла ее докторская диссертация) посвящена достаточно узкой теме – политике Ю. Бека от аншлюса Австрии (март 1938 г.) до англо-польского соглашения (апрель 1939 г.) – она содержит важные наблюдения относительно внешнеполитической стратегии Варшавы в 1930-е гг.

Центральная проблема книги заключается в вопросе, могла ли Польша каким-либо образом избежать войны, и если нет, то могла ли она тогда вступить в войну при более благоприятных обстоятельствах и с меньшим объемом катастрофических разрушений. А. Ченчяла полагает, что ни Франция, ни Великобритания не были готовы остановить восточную экспансию Германии, следовательно, у Бека не было другого выхода, кроме как стоять на своих позициях, балансируя между Германией и СССР и пытаясь получить какие-то гарантии западных границ Польши. Ченчяла явно пытается оправдать действия Бека. Она считает, что после смерти

⁶⁷ Cienciala A.M. Poland and the Western Powers 1938-1939. London, 1968.

Пилсудского Бек проводил неудачную политику не по своей вине, а «в связи с условиями того времени».

В чем-то новаторский подход проявил профессор Йельского университета Петр Вандыч (1923–2017) в своем фундаментальном труде «Сумерки восточной системы союзов Франции, 1926-1936: франко-чехословацко-польские отношения от Локарно до ремилитаризации Рейнской области»⁶⁸. Данная работа является продолжением его монографии «Франция и ее восточные союзники 1919-1925»⁶⁹. Практически четверть века Вандыч ждал момента, когда во Франции, Польше и Чехословакии станут доступны интересующие его архивные документы. Его труд — это работа терпеливого и мудрого историка, отличительной чертой которого является исключительное внимание к документам и нежелание спекулировать фактами.

В работе Вандыча отчетливо просматриваются следующие ключевые идеи: во-первых, французская система союзов в Восточной Европе просуществовала недолго. Разработанный в 1919 г. для изоляции большевистской России от Германии, французский «восточный барьер» — включающий в себя Польшу и Чехословакию — вскоре получил совершенно другую направленность: контроль действий Германии. Во-вторых, с 1925 г. французская система союзов постепенно приходит в упадок, а Франция теряет свои позиции в Восточной Европе. Все это, как следует из работы, привело к раннему рассвету, короткому дню и затянувшимся сумеркам польско-французского союза.

Упадок союзной системы Вандыч объясняет тем, что Польша и Чехословакия не хотели и не могли преодолеть расхождения во взглядах. Их отношения «колебались между мимолетным сближением и фазами подчеркнутого охлаждения». К тому же французские правительства отказывались предоставить (особенно Польше) необходимую

⁶⁸ Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, 1988.

⁶⁹ Wandycz P.S. *France and Her Eastern Allies, 1919-1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno*. Minnesota, 1962.

экономическую поддержку, которая на какой-то момент смогла бы вернуть доверие восточных союзников. Восточная Европа не занимала заметного места во французской экономической политике – эту позицию Парижа Вандыч расценивает как критический аспект французской системы.

Вандыч подчеркивает слабость французской дипломатии, которой остро не хватало четкого видения ситуации и последовательности действий для поддержания и развития системы союзов. Главной отличительной чертой французской политики в отношении восточных союзников являлось то, что Париж не был в состоянии играть роль лидера. В течение всего межвоенного периода союзу не хватало руководства, французские политики пытались избежать ответственности, а страх перед возможными рисками лишал союз всякого смысла.

Тем не менее, утверждает Вандыч, Польша и Чехословакия являлись не только ставками в большой дипломатической игре, но и реальными акторами, действия которых заслуживают глубокого понимания и непредвзятой оценки. Отличительной чертой исследования профессора Вандыча является именно то, что он постоянно подчеркивает этот факт.

Во **французской историографии** польско-французских отношений отчетливо просматриваются две тенденции: с одной стороны, подчеркивание непоколебимой многовековой дружбы между двумя нациями, в другой же – акцентирование отсутствия взаимопонимания между двумя странами⁷⁰. Особый интерес для нас представляют работы Ж.-А. Суту⁷¹, Ж.-Б. Дюрозеля⁷², П. Ле Гойе⁷³, А. Роле⁷⁴, Ф. Дессберга⁷⁵ и И. Давьён⁷⁶.

⁷⁰ Dessberg F. La Pologne vue de France: un aperçu historiographique // *Revue historique des armées*. 2010. № 260. P. 4.

⁷¹ Soutou G. L'impérialisme du pauvre: la politique économique du gouvernement français en Europe Centrale et Orientale de 1918 à 1929: Essai d'interprétation // *Relations internationales*. 1976. P. 219-239; Soutou G. H. L'alliance franco-polonaise (1925–1933) ou comment s'en débarrasser? // *Revue d'histoire diplomatique*. 1981. P. 295-348.

⁷² Durosell J.-B. France and the Nazi threat: The Collapse of French Diplomacy, 1932–1939. New York, 2004.

⁷³ Le Goyet P. France-Pologne, 1919-1939. De l'amitié romantique à la méfiance réciproque, Paris, 1991.

⁷⁴ Rollet H. Deux mythes des relations franco-polonaises entre les deux guerres // *Revue d'histoire diplomatique*, juillet-décembre 1982, p. 217-236.

⁷⁵ Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009.

В статье Ж.-А. Суту «Франко-польский союз (1925-1933), или как от него избавиться?» анализируются военно-политические отношения между Францией и ее восточными союзниками в рамках политики «тыловых союзов» и коллективной безопасности. Для нас особый интерес представляет тезис автора о том, что французской «системы безопасности» на Востоке как таковой не существовало, так как Парижу в первую очередь был нужен сплоченный блок сдерживающих союзов против Германии, в то время как его партнеры были озабочены другими проблемами безопасности и пограничными спорами. Схожего мнения придерживается И. Давьён в своей книге, написанной по материалам диссертации, «Мой сосед, этот враг»⁷⁷. Она анализирует крах французской системы безопасности сквозь призму польско-чехословацких отношений и показывает, что неоднократные, но всегда безуспешные попытки Франции подтолкнуть Польшу и Чехословакию к соглашению являлись следствием и симптомом глубокого непонимания, царившего между этими тремя странами.

Для понимания сущности политики Франции на польском и германском направлениях в 1930-е гг. для нас наиболее важным был новаторский труд Ж.-Б. Дюрозеля «Франция и нацистская угроза: крах французской дипломатии в 1932-1939 годах», сразу же после публикации в 1979 г. получивший широкое признание и по сей день остающийся классическим исследованием реакции Франции на нацистскую угрозу в 1930-е годы. Автор привлек многочисленные материалы из архива французского МИД, дополнив их опубликованными документами из зарубежных архивов, мемуарами, и литературой предмета. В работе исследуется не только внешняя политика Франции как таковая, но и ее «кухня», т.е. то, как она разрабатывалась и проводилась⁷⁸. Столь же

⁷⁶ Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // *Revue historique des armées*. 2010. №. 260. P. 54-64; Davion I. L'intégration de la Pologne dans la Petite Entente: cheval de Troie de la France et serpent de mer diplomatique // *Valahian Journal of Historical Studies*. 2004. №. 2. P. 67-93; Davion I. Strategiczne stosunki francusko-polskie w latach 1918-1939 // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2011. T. 9. № 1. S. 113-125.

⁷⁷ Davion I. *Mon voisin, cet ennemi. La politique de sécurité française face aux relations polono-tchecoslovaques entre 1919 et 1939*. Bruxelles, 2009.

⁷⁸ Duroselle J.B. *France and the Nazi Threat: The Collapse of French Diplomacy 1932-1939*. P. 214-232.

пристальным объектом внимания Дюрозеля стала деятельность французского Генштаба. По его мнению, деятельность этих двух учреждений – дипломатического и военного – не была скоординирована должным образом. По сути, работа Дюрозеля является историей не только внешней политики Франции, но и государственных институтов, в обязанности которых входит деятельность в сфере внешней политикой.

Главная идея работы Дюрозеля раскрывается как в ее названии, так и в завершающей ее цитате из Ш. Монтескье: «Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, т. е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы»⁷⁹. И такой общей причиной, отличительной чертой Франции 1930-х гг. была нестабильность правительств, когда кабинеты в среднем держались всего по несколько месяцев. Руководство было робким и слабым и действовало в условиях серьезных ограничений, этого главного последствия жестоких уроков войны 1914-1918 гг. Именно этот опыт, по мнению автора, объясняет пацифизм широких слоев населения и его «оборонительный» менталитет. Великая депрессия сильно ударила по Франции, но не было французского Ф. Рузвельта с «Новым курсом», чтобы возродить экономику. Руководители страны так и не смогли в должной мере оценить влияние экономических факторов на политику. Автор также отмечает, что важнейшим элементом французской внешней политики была «связь» с Великобританией, однако зачастую англичане действовали в одиночку, принимая решения в одностороннем порядке и информируя о них Париж постфактум (так было, например, на Лозаннской конференции 1932 г. по вопросу репараций)⁸⁰. Нежелание Уайтхолла каким-то образом обуздать последовательные

⁷⁹ Ibidem. P. 415. Русский перевод взят из: Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002. С. 356.

⁸⁰ Duroselle J. B. France and the Nazi Threat: The Collapse of French Diplomacy 1932-1939. P. 214-232. P.8.

действия Германии (начиная с перевооружения и далее) оставило Францию в полном одиночестве и в значительной мере привело к «падению ее престижа»⁸¹ и, тем самым, поставило под угрозу ее союзников, как это патетически сформулировал президент Чехословакии Э. Бенеш: «Моей величайшей ошибкой перед лицом истории будет то, что я был верен Франции»⁸². Таким образом, рассматривая французскую внешнюю политику в 1930-е гг., автор к основным причинам «декаданса» Франции относит ее неспособность отстаивать фундаментальные основы Версальского договора и держать Германию в режиме ограничений.

Еще одной работой, позволяющей составить общее представление о французской внешней политике в межвоенный период, стала монография Ж. Нере «Внешняя политика Франции с 1914 по 1945 год»⁸³, представляющая собой скрупулезный анализ всей совокупности проблем, которые стояли перед Францией в те годы. По мнению автора, часть этих проблем возникла в связи с отказом США ратифицировать Версальский договор и складыванием коренных противоречий между Францией и Великобританией по вопросу германских репараций и разоружения. Нере, конечно же, представлял французскую точку зрения, что, однако, не мешало ему указывать на ошибки французской стороны, некоторые из которых были допущены дипломатами, например, на Конференции по разоружению, другие – военными, излишне преданным принципам, основанным на устаревших концепциях обороны, например, как это было во время Рейнского кризиса. При этом Нере осуждал как близорукость польского руководства и раздувание им конфликтов со всеми своими соседями, что сделало невозможным реализацию Восточного пакта, так и отказ чехов сотрудничать с Италией в решении дунайских проблем, что затрудняло франко-итальянское сближение. Вместе с тем Нере отмечал, что бездействие Франции в марте 1935 г., когда Германия аннулировала военные статьи Версальского договора и ввела всеобщую воинскую повинность,

⁸¹ Ibidem. P. 214-232, 299.

⁸² DDF. 2 série. T. XII. P. 65

⁸³ Néré J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. London, 1975.

отнюдь не было вызвано влиянием Великобритании. Причина крылась в том, что значительная часть французской общественности была пацифистски настроенной, военные вовсе не собирались пересекать немецкую границу, к тому же многие во Франции считали повторную оккупацию Германии мало результативной.

Существенным недостатком данной работы является то, что по большей части она опирается на мемуары и литературу. Хотя Нере и использовал систематически публикации материалов французского МИД, доступные на момент написания книги, однако новые архивные материалы практически им не привлекались.

Среди работ, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования, заслуживает внимания монография Ф. Дессберга «Невозможный треугольник: франко-советские отношения и польский фактор в вопросах безопасности в Европе (1924-1935)»⁸⁴. Это – сокращенная версия диссертации, защищенной им в 2005 г. в университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна под руководством профессора Жоржа-Анри Суту. Фредерик Дессберг исследует процесс франко-советского сближения и пытается понять, в частности, почему ему сопутствовало дистанцирование Польши от Франции. Безусловная ценность данной работы заключается в том, что при изучении международных отношений Дессберг избрал многосторонний подход, учитывающий всю совокупность факторов, в том числе политико-стратегических и идеологических, в период между официальным признанием СССР Францией и годом подписания франко-советского пакта о взаимопомощи. На материале французских, советских и польских архивов автор анализирует трехсторонние отношения «невозможного треугольника», центром которого был Берлин. Франция стремилась держать Германию и СССР на расстоянии друг от друга дипломатическим и военным путем, в то время как в Москве старались не допустить возникновения оси Париж-Берлин.

⁸⁴ Dessberg F. Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924-1935).

По мнению Дессберга, расхождение стратегических интересов Парижа, Москвы и Варшавы препятствовало достижению любого сдерживающего соглашения против Германии. В начале 1930-х гг. французы решили отказаться от политики «тыловых союзов» и разработали систему коллективной безопасности, в то время как СССР стремился при помощи Франции разделить западные державы. Поляки пристально следили за тем, чтобы их права (в том числе возможность независимых действий) ни в коей мере не были ущемлены. Каждый раз улучшение франко-советских отношений, хотя всегда временное и хаотичное, тревожило Варшаву. С 1924 г. перспектива франко-советского сближения стала причиной неуклонного охлаждения отношений между Варшавой и Парижем, причем развитие отношений между Москвой и Парижем тревожило Варшаву больше, чем франко-германское сближение⁸⁵. Тем не менее, сменявшие друг друга французские правительства никогда не отказывались от своих обязательств перед Польшей, даже несмотря на их неоднократные призывы внести поправки в военную конвенцию 1921 г.

Как полагает Дессберг, для Парижа польское направление всегда было не только вспомогательным, но, когда Польша стала стремиться к утверждению в качестве региональной державы и предпринимать попытки освободиться от своего французского опекуна, между союзниками пролегла непреодолимая пропасть недоверия и непонимания. По мнению автора, после поворотного в польской политике 1926 г., когда к власти вернулся Ю. Пилсудский, СССР выступил в поддержку создания дипломатического треугольника Москва–Варшава–Париж, однако все попытки на этом направлении были обречены на провал. Дело в том, что в этом предложении в Париже и Варшаве усматривали скрытые мотивы – помимо европейского миропорядка, установленного под эгидой Лиги наций, Москва стремилась создать как противовес Женевской системе «контрсистему», основанную на двусторонних договорах⁸⁶.

⁸⁵ Ibidem. P. 368.

⁸⁶ Ibidem.

В исследованиях ведущих **английских и американских историков** послевоенных лет Л. Нэмира⁸⁷, Х. Сетон-Уотсона⁸⁸, А. Уолферса⁸⁹, В. Джордана⁹⁰, Р. Янга⁹¹, посвященных генезису мирового конфликта, освещены отдельные аспекты европейской политики Парижа, в первую очередь франко-британские и франко-немецкие отношения. Одной из первых была работа Хью Сетон-Уотсона «Восточная Европа между войнами 1918–1941»⁹², впервые опубликованная в 1945 г. и впоследствии неоднократно переиздававшаяся. Это – фундаментальное, до сих пор не утратившее своей ценности исследование. Сетон-Уотсон писал свою книгу во время Второй мировой войны, будучи на военной службе. В 1962 г. автор объяснил, что в своей книге он сумел отразить настроения и чаяния британцев в то время. Несмотря на то, что в ней значительное внимание уделяется Польше, она все же предстает перед читателем всего лишь как один из фрагментов восточноевропейской мозаики – пусть и со своей спецификой, но все же не независимым игроком на европейской политической арене. Описание Х. Сетон-Уотсоном внешней политики Польши повлияло на несколько поколений англоговорящих историков, включая и современных.

Для нас интерес представляла глава монографии, посвященная французской системе союзов и месту в ней Польши, Чехословакии и балканских стран. В работе содержится множество деталей, помогающих лучше понять ситуацию в регионе и определить место в нем Польши.

От работы Сетон-Уотсона выгодно отличается исследование В. Джордана «Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг.»⁹³, основная мысль которого сводится к утверждению, что французские политики несут основное бремя ответственности за возникновение франко-британских противоречий во время приведения в жизнь положений

⁸⁷ Namier L. *Diplomatic Prelude 1938-1939*. London, 1948.

⁸⁸ Seton-Watson H. *Eastern Europe Between the Wars 1918-1941*. New York, 1967.

⁸⁹ Wolfers A. *Britain and France between two wars: conflicting strategies of peace since Versailles*. Norton, 1966.

⁹⁰ Jordan W.M. *Great Britain, France, and the German Problem, 1918-1939: A Study of Anglo-French Relations in the Making and Maintenance of the Versailles Settlement*. Oxford, 1971.

⁹¹ Young R.J. *France and the origins of the Second World War*. New York, 1996.

⁹² Seton-Watson H. *Eastern Europe Between the Wars 1918-1941*.

⁹³ Jordan W.M. *Great Britain, France, and the German Problem, 1918-1939: A Study of Anglo-French Relations in the Making and Maintenance of the Versailles Settlement*.

Версальского договора; именно они сделали возможным ремилитаризацию Германии и возникновение европейского очага напряженности. В. Джордан считал Локарнский договор серьезным стабилизирующим фактором в деле сохранения мира, который принципиально отличался от всех региональных договорных комплексов своей открытостью, то есть, был направлен не против конкретного государства, а против неизвестного агрессора в определенной области⁹⁴. Кроме того, по мнению автора, Локарнский договор также представлял собой искусный компромисс между стремлением Великобритании не распространять свои обязательства за пределы Западной Европы и стремлением Франции оберегать территориальное устройство в Восточной Европе.

В своем уже ставшем классическим исследовании «Великобритания и Франция между двумя войнами: конфликтующие стратегии мира со времен Версаля»⁹⁵ американский профессор А. Уолферс, в 1950–1960-е гг. директор Центра исследования внешней политики в Вашингтоне, рассматривал фактические усилия Франции по предотвращению возрождения военной мощи Германии и, в частности, изучал отношения Франции со странами, чью территориальную целостность она стремилась гарантировать, прежде всего, в интересах собственной безопасности.

Уолферс развеял несколько популярных мифов, в том числе мнение, что сами по себе условия Версальского договора стали виной последующих событий. Автор строил свое исследование вокруг тезиса о том, что Франция и Великобритания желали сохранить версальский миропорядок, но при этом каждая из них следовала своим собственным курсом, полагая, что именно он является правильным и полностью отвечает их интересам. В результате конфликт между этими двумя политическими курсами привел к постепенному разрушению всей версальской конструкции. Анализ Уолферса построен на тщательном разборе и оценке дипломатических аспектов межвоенной истории Европы со всеми сложными нюансами и

⁹⁴ Ibidem. P. 215.

⁹⁵ Wolfers A. Britain and France between two wars: conflicting strategies of peace since Versailles.

последствиями, благодаря чему мы можем шаг за шагом проследить, как две страны разрабатывали свою политику. Выбор был между двумя диаметрально противоположными стратегиями поддержания мира. Первая, французская, состояла в создании неоспоримого перевеса защитников установленного порядка и оснащении их средствами принуждения, достаточными для предотвращения протеста. А британская стратегия была направлена на устранение причин восстания, чтобы исключить вероятность взрыва. Она исходила из принятия нового порядка как отправной точки в процессе непрерывной корректировки, призванной в конечном итоге привести к новому и более приемлемому для всех урегулированию. Великобритания, в силу своих интересов, географического положения, и взгляда на европейские дела, была склонна к этой альтернативе, хотя и не без определенных важных оговорок. Уолферс подчеркивает, что для Франции территориальная целостность Польши и Чехословакии были важны почти так же, как своя собственная, в связи с чем Париж оказался вовлеченным в «древний конфликт между тевтонцами и славянами» и с 1919 г. стал придерживаться «прославянского курса». В это же время Великобритания не была принципиально против последующего возвращения Германии в клуб великих держав, так что в этой точке английские и французские цели находились в явном противоречии⁹⁶.

По мнению Уолферса, путь к катастрофе начался в 1929 г., когда экономический кризис подорвал силы великих держав и одновременно усилил недовольство остальных. В 1930-е гг. защитники мира и статус-кво не были достаточно сильны и, что самое главное, едины, чтобы удержать под контролем центробежные силы и поэтому не смогли достичь новых соглашений со своими потенциальными противниками. Уолферс неоднократно подчеркивал, что мирные стратегии Франции и Великобритании находились почти в постоянном конфликте и заканчивались неудачей. Примечателен также вывод автора о том, что «до тех пор, пока в Европе существует много великих суверенных держав, баланс сил является

⁹⁶ Ibidem. P. 381-383.

единственной доступной альтернативой доминированию одной нации или одной группы наций над другими. Создание нового баланса сил не решает вопроса о мире в Европе; это не "мирный план", а всего лишь один из необходимых элементов соглашения по важнейшей проблеме Европы – месту и могуществу Германии»⁹⁷.

Главный тезис исследования профессора Уолферса кажется простым – Лига наций должна была стать возрожденным европейским концертом с системой принудительных и совершенно не связанных с ней ни по положению, ни по процедуре союзов за ее рамками. Автор полагал, что именно французская система союзов сделала Германию враждебной по отношению к Лиге наций, а сама Лига помешала французской системе союзов функционировать без сбоев. С этим выводом трудно не согласиться.

Важно также отметить, что Уолферс стал одним из разработчиков концепции политического реализма в международных отношениях, согласно которой государства находятся в состоянии борьбы за доминирование, исходя из национальных интересов, а важнейшие мировые проблемы решают крупнейшие и самые сильные игроки. При этом основным инструментом стабильности и поддержания мира является баланс сил между великими державами, а остальные страны должны добровольно или принудительно следовать правилам игры, продиктованной сильнейшими⁹⁸. Таким образом, Уолферс анализировал политику Франции и Великобритании только с этой точки зрения.

Работа американского историка Э. Комджати «Кризисы восточно-центральноевропейской дипломатии Франции, 1933-1938»⁹⁹ посвящена анализу дипломатических отношений Франции с Австрией, Чехословакией, Венгрией, Польшей, Румынией и Югославией в кризисные 1930-е гг. Однако автор пытается охватить слишком много проблем в относительно небольшой книге: французскую дипломатию и состояние самой Франции в 1930-х гг., в том числе ее экономики и армии; внешнюю политику и

⁹⁷ Ibidem. P. 390.

⁹⁸ Подробнее см.: Wolfers A. *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*. Baltimore, 1962.

⁹⁹ Komjathy A.T. *The Crises of France's East Central European Diplomacy, 1933-1938*. New York, 1976.

ситуацию в Австрии, Чехословакии, Венгрии, Польше, Румынии и Югославии; планы и действия Гитлера и Муссолини в Восточной и Центральной Европе, и, конечно, кризисные точки – убийства Э. Дольфуса, Л. Барту и короля Югославии Александра, ремилитаризацию Рейнской области, аншлюс и Мюнхен. Достаточно поверхностный анализ французской дипломатии, предлагаемый Комджати, явно не основывается на интенсивных исследованиях. В глаза сразу бросается отсутствие мемуаров Э. Эррио, Ж. Лароша, Ю. Лукаевича, дневников Я. Шембека и многих других источников. Более того, за редким исключением автор опирается на опубликованные источники (зачастую, достаточно неполные).

Для нас в его работе показались важными утверждение о бессистемном характере французской политики в отношении восточно– и центральноевропейских государств, включая те из них, которые были союзниками Франции, а также критика неспособности французов понять, что у их союзников были и другие интересы, кроме связей с Францией.

Безусловную ценность для данного исследования представляют биографические работы польских и российских историков А. Гарлицкого¹⁰⁰, Г.Ф. Матвеева¹⁰¹, П. Вандыча¹⁰², М. Корната¹⁰³ и М. Волоса¹⁰⁴, позволяющие понять мотивы и цели, двигавшие творцами внешней политики Польши.

Суммируя обзор привлеченной к нашему исследованию литературы, следует признать, что проблема польско-французских отношений имеет самостоятельное звучание только в польской историографии. Исследователи в других странах главным образом рассматривают эту тему в более широком контексте. Польская же историография не отличается особым разнообразием рассматриваемых сюжетов, в том числе и потому, что она не выходит за рамки, если так можно выразиться, канонического перечня

¹⁰⁰ Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867-1935. Kraków, 2008.

¹⁰¹ Матвеев Г. Пилсудский. М., 2008.

¹⁰² Wandycz P. Aleksander Skrzyński, minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej, Warszawa, 2006; Wandycz P.S. Z Piłsudskim i Sikorskim: August Zaleski, minister spraw zagranicznych w latach 1926-1932 i 1939-1941. Warszawa, 1999.

¹⁰³ Kornat M. Waclaw Grzybowski: ambasador w Moskwie (1936-1939): biografia polityczna. Warszawa, 2016; Kornat M., Wołos M. Józef Beck: biografia. Kraków, 2020.

¹⁰⁴ Wołos M. Alfred Chłapowski (1874-1940): biografia ambasadora Polski we Francji. Toruń, 1999.

исследовательских вопросов, главный среди которых – почему Франция теряла интерес к Польше как своему стратегическому союзнику. Значительно реже задается вопрос, а всегда ли, особенно в 1930-е гг., Польша была надежным и последовательным союзником Франции? Именно эта недоговоренность и подтолкнула нас к изучению истории польско-французских отношений на относительно непродолжительном, но чрезвычайно важном для последующих судеб этих двух стран, Европы и мира временном отрезке межвоенного периода.

Исходя из вышесказанного, **объектом настоящего исследования** избраны международные отношения в Европе с момента прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. и до мая 1935 г.

Предметом исследования стали наиболее значимые аспекты политических отношений Польши и Франции, развивавшиеся в динамично менявшемся европейском контексте, в том числе и их влияние на возраставшую в это время анемию Версальской системы европейской безопасности.

Цель исследования – определение совокупности внутренних и внешних факторов, предопределявших развитие польско-французских отношений в 1933–1935 гг. Для ее достижения мы считаем необходимым решить ряд **исследовательских задач**, а именно:

- основываясь на политической стратегии, внешней политике и взаимных интересах двух стран, рассмотреть основные мотивы, точки соприкосновения и факторы, определившие роль Франции в качестве главного союзника и гаранта безопасности Польши;
- определить причины, по которым Польша не нашла себе альтернативного Франции надежного союзника в контексте противостояния с Германией;
- выяснить причины эволюции позиции Франции и пересмотра ею концепции безопасности в середине 1920-х гг., сказавшихся на ее взаимоотношениях с Польшей;

- изучить мотивы и стратегические цели, стоявшие за желанием Франции добиться нормализации отношений между Польшей и СССР в начале 1930-х гг.;
- выяснить обстоятельства и факторы, способствовавшие тому, что Ю. Пилсудский в 1933 г. стал искать возможность самостоятельного урегулирования отношений с Берлином;
- определить произведенные Ю. Пилсудским в 1933 г. изменения во внешнеполитической линии Польши, проанализировать основополагающие принципы его нового курса, прежде всего, в отношении Германии, СССР и Чехословакии, а также их влияние на атмосферу и содержание польско-французских отношений в 1933–1935 гг.

Хронологические рамки собственно исследования охватывают период с 1933 до мая 1935 г. Но для получения максимально точной картины отношений Варшавы и Парижа в эти годы мы сочли необходимым обратиться к истории рождения польско-французского военно-политического союза, показу причин постепенного затухания интереса к нему во Франции и нарастания сомнений в его действенности в Польше. Мы исходили из того, что только в этом случае можно понять мотивы, подтолкнувшие Ю. Пилсудского переменить свое отношение к Германии. Исходный рубеж собственно исследования определяется временем прихода Гитлера к власти в январе 1933 г., когда наметился первый серьезный кризис польско-французских отношений и начала постепенно разрушаться Версальская система. В качестве завершающего рубежа избран май 1935 г., когда умер маршал Пилсудский, а Юзеф Бек стал полновластным хозяином министерства иностранных дел.

Территориально исследование охватывают страны Центральной и Восточной (Польшу, Чехословакию и СССР), Западной (в первую очередь Францию, Германию и Великобританию), частично Северной (прибалтийские страны) и Юго-Восточной Европы (Румынию, Югославию).

Обзор источников. Используемые нами источники можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют материалы отечественных и зарубежных архивов.

Первостепенное значение для реконструкции отношений между Польшей и Францией в указанный период имеют материалы варшавского Архива новых актов (Archiwum Akt Nowych; AAN), в частности, материалы фондов «Посольство РП в Париже», «Посольство РП в Берлине», «Посольство РП в Праге», отдельные из которых впервые вводятся в научный оборот. В первую очередь это дипломатическая переписка, аналитика и обзоры прессы. Они дают достаточно полное представление об основных направлениях работы польской дипломатии на французском, германском и чехословацком направлениях, находившихся в центре внимания Варшавы в изучаемый период. Используются также материалы фондов «Главного штаба в Варшаве» и «Военных учреждений», содержащие документы II отдела Главного штаба Войска Польского: агентурные донесения польской разведки, аналитические справки, информационные сообщения, рефераты и рапорты. Эти документы приоткрывают завесу над тайными замыслами польского руководства, особенно в отношении Чехословакии и СССР. Интересные материалы, дающие представление о принципах и особенностях работы польской делегации на международной арене содержатся в фонде «Делегация РП при Лиге наций в Женеве».

В Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) главными стали для нас материалы фондов М.М. Литвинова, «Референтура по Польше», «Референтура по Франции» и «Посольство СССР во Франции». Основной массив документов представляет собой нотную переписку, дневники полпредов и послов, отчеты о событиях в стране пребывания, обзоры прессы и анализы политико-экономической ситуации. Эти материалы важны для понимания общей ситуации в интересующих нас странах, знакомства с позицией известных политиков и СМИ по вопросам внешней политики и европейской безопасности, а также взаимных двусторонних отношений Польши, Франции, СССР и Германии.

Корпус опубликованных официальных документов, касающихся самых разнообразных аспектов внешней политики Польши и Франции, достаточно широк и включает в себя, прежде всего, дипломатическую переписку. Для решения поставленных в диссертации задач первостепенную важность имеют дипломатические документы, опубликованные в классических сборниках «Documents Diplomatiques Français»¹⁰⁵ и «Polskie Dokumenty Dyplomatyczne»¹⁰⁶. Это официальные многотомные публикации документов по внешней политике Франции и Польши. Польские дипломатические документы за 1933–1935 гг. были изданы недавно, и в этой связи их исследование представляется для нас особенно перспективным. Использование дипломатических документов советского¹⁰⁷, британского¹⁰⁸ и немецкого¹⁰⁹ внешнеполитического ведомств, а также специальных сборников документов, посвященных отдельным вопросам¹¹⁰ (в том числе так называемых «белых»¹¹¹ и «желтых»¹¹² книг), позволяет воссоздать целостную картину международной обстановки, восстановить хронологию важных для нашей темы дипломатических переговоров и встреч, понять мотивы и цели участвовавших в них сторон. Отдельно стоит отметить публикацию документов II отдела Главного штаба Войска Польского¹¹³, проливающих свет на диверсионную деятельность польской разведки в Чехословакии на рубеже 1933–1934 гг. Благодаря содержащимся в них

¹⁰⁵ Documents Diplomatiques Français (DDF). I série (1932-1939). T. I-X. Paris, 1964-1972.

¹⁰⁶ Polskie Dokumenty Dyplomatyczne (PDD), 1933-1935. Warszawa, 2015-2017.

¹⁰⁷ Документы внешней политики СССР. Т. I-XVII. М., 1959-1971.

¹⁰⁸ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 1st Series, vol XXVII. London, 1986; 2nd Series, vol. IV, XII, XIII. London, 1950-1973.

¹⁰⁹ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). Vol. I-II. London, 1959.

¹¹⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. 1933-1938 гг. / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории польско-советских отношений Польской АН; Отв. ред. И.А. Хренов, Т. Цесляк. М., 1969; Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914-1945 годы. М., 2014; Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923-1939. Москва, 2001; Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. IV-V. М., 1933; Советско-польские отношения в 1918-1945 гг. Сборник документов в 4-х томах. Том 3: 1932-1939 гг. / Сост. С.А. Скляр; под общей редакцией М.М. Наринского и А.В. Мальгина. М., 2017; Berber F.J. ed. Locarno: A Collection of Documents. London, 1936.

¹¹¹ Official Documents concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933—1939. Ministry for Foreign Affairs (The Polish White Book). New York, 1940.

¹¹² Documents Diplomatiques. Documents Relatifs Aux Négociations Concernant Les Garanties De Sécurité Contre Une Agression De L'Allemagne (10 Janvier 1919 - 7 Decembre 1923). Paris, 1924; Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 - 7 décembre 1923). Paris, 1924.

¹¹³ Badziak K., Matwiejew G., Samuś P. "Powstanie na Zaolziu" w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1997.

материалам стало возможно установить и датировать поворот во внешней политике Польши в сторону постепенного временного охлаждения отношений с Францией, дрейфа в сторону Германии и, таким образом, балансирования между этими двумя странами.

Определенный интерес для исследователя польско-французских отношений также представляет подборка документов из архива Министерства иностранных дел Франции «Дипломаты II РП в свете рапортов Кэ д'Орсэ»¹¹⁴, состоящая из отчетов и депеш французских дипломатических представителей из разных столиц мира, собранных за весь межвоенный период, характеризующих польских коллег, их поведение, карьеры, специфику общения с ними. Следует сказать, что они предназначались для узкого круга лиц, многие из них имеют гриф «секретно» или «строго конфиденциально». Донесения французских дипломатов проливают свет на некоторые аспекты закулисных решений, имеющих ключевое значение для понимания хитросплетений внешней политики Польши в указанный период.

В самостоятельную группу источников стоит выделить коллекцию документов, размещенную в электронной Президентской библиотеке имени Б.Н. Ельцина. Особенный интерес в рамках данного исследования представляют материалы фонда «Вторая мировая война в архивных документах»¹¹⁵, содержащие сгруппированные по годам агентурные донесения, аналитические материалы II бюро Генштаба французской армии, шифротелеграммы советских дипломатов и другие документы. В коллекцию вошли материалы из Российского государственного военного архива (РГВА), архива Службы внешней разведки (СВР), архива Федеральной службы безопасности (ФСБ), архива Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Некоторые документы были впервые

¹¹⁴ Łaptos J. *Dyplomaci II RP w świetle raportów Quai d'Orsay*. Warszawa, 1993.

¹¹⁵ Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов). [электронный ресурс] // <https://www.prlib.ru/collections/1298142> (Дата обращения: 14.02.2023).

представлены широкой общественности и, безусловно, открывают новые перспективы для дальнейших исследований.

Публикации документов, безусловно, являются репрезентативным источником, релевантным в сфере политических и экономических отношений. Тем не менее, при работе с подобными публикациями нужно иметь в виду, что это лишь подборка документов, произведенная составителями, что не исключает субъективного и конъюнктурного подхода при их отборе. Поэтому существующие лакуны мы старались закрыть в процессе работы с подлинными делами в отечественных и зарубежных архивах.

Отдельную группу источников составляют *стенограммы заседаний* Национального собрания Франции – как палаты депутатов¹¹⁶, так и сената¹¹⁷ (публиковались в официальной газете). Законодательный орган Франции играл значительную роль в определении внешнеполитического курса страны, так что анализ дебатов дает возможность проследить ход и суть борьбы по отдельным вопросам внешней политики, а также выделить основные политические группировки и выявить соотношение сил в правящих кругах. Пристального внимания заслуживают дискуссии по узловым вопросам польско-французских отношений в 1933–1935 гг.: проблемы польско-французского союза 1921 г. и способы его оживления, безопасность в Европе, Восточный пакт. Более того, подробный анализ парламентских дебатов позволяет ответить на следующие вопросы: кто, в какой степени и в какой период интересовался польскими делами; было ли во французских правящих кругах единое отношение к Польше; какие элементы и факторы влияли на формирование образа Польши.

При написании работы были использованы и документы по общим вопросам международных отношений, не касающиеся непосредственно отношений между Польшей и Францией, но позволяющие оценить

¹¹⁶ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés.

¹¹⁷ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat.

международную ситуацию и ее влияние на внешнеполитический курс польского и французского правительств в этот период¹¹⁸.

Группой источников, дополняющей и оживляющей картину событий, стали материалы *прессы*. Нами были использованы как подборки польской, французской, советской, немецкой и английской прессы, составлявшиеся для служебных целей советскими и польскими дипломатами, так и материалы периодической печати, доступной в электронном виде. Из польских изданий это газеты «Слово», «Курьер варшавски», «Курьер поранны», «Роботник», «Польска Збройна», «Газета польска», «Илюстрованы курьер подзенны», «Экспресс поранны», «Газета Варшавска», «Глос Любельски» и другие; из французских – «Фигаро», «Тан», «Попюлер», «Пари-суар», «Матэн», «Журналь», «Юманите», «Эклерер дё Нис», «Эко дё Пари», «Пёти Паризье» и другие, а также советские газеты «Правда» и «Известия», английские «Обсервер» и «Дейли Телеграф», венский «Винер Тагблатт» и «Альпенландиш Моргенцайтунг», а также немецкую «Фёлькишер беобахтер» за рассматриваемый период. Отдельным, хотя и близким к газетным материалам, видом исторического источника являются обзоры печати. Они представляют собой краткое изложение содержания ведущих зарубежных газет и позволяют ознакомиться с большой и репрезентативной выборкой печатных изданий за определенный период по наиболее острым проблемам не только внешней политики Польши и Франции, но и актуальным вопросам европейской политики.

По интересующей нас проблеме существует большое количество *мемуарной литературы и дневников* политиков. Это не вызывает удивления, так как в моменты катастроф, бедствий и балансирования на грани войны неизбежен поиск «правых и виноватых», причин катаклизмов и виновников вовлечения стран в пучину войн.

¹¹⁸ Версальский мирный договор. М., 1925; План Юнга и Гагская конференция 1929-1930. Документы и материалы. М., 1931; Устав Лиги Наций. [Электронный ресурс // <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 13.02.2023); Report to the Fourth Assembly of the League on the Work of the Council, on the Work of the Secretariat and on the Measures taken to execute the Decisions of the Assembly. Geneva, 28.06.1923. [электронный ресурс] // <http://digital.library.northwestern.edu/league/le00195a.pdf> (дата обращения 24.04.2018).

Конечно, зачастую подобные мемуары писались для того, чтобы доказать собственную непричастность к трагедии и оправдать себя ссылками на политическую, экономическую и военную слабость своих стран. Характерным примером подобного источника могут служить мемуары Юзефа Бека «Последний рапорт»¹¹⁹, которые он написал уже во время интернирования в Румынии. Лейтмотивом всего повествования является идея собственной непричастности к катастрофе сентября 1939 г.

Важным источником для данного исследования стал изданный в 4 томах дневник заместителя министра иностранных дел в 1932–1939 гг. графа Яна Шембека. Для нас особый интерес представляет первый том, посвященный 1933–1935 гг.¹²⁰. Дневник Шембека содержит не только записи (зачастую очень подробные) о разговорах с дипломатами и другими людьми (в том числе с Пилсудским), но и документы, отчеты и рапорты, большая часть которых ранее не публиковалась и была извлечена из архивов Исторического института генерала Сикорского в Лондоне, личной коллекции Шембека, а также редактора тома, Титуса Комарницкого (в то время постоянного представителя Польши в Лиге наций). Материалы для дневника Шембек ежедневно диктовал своему секретарю Янушу Зембжускому с целью последующего издания мемуаров (которые он так и не написал, так как 9 августа 1945 г. умер от сердечного приступа). Внешнеполитическая концепция Шембека, которой он строго придерживался в разговорах с польскими официальными лицами и зарубежными дипломатами, заключалась в том, что Польше уже не могла быть ничьим клиентом, только равноправным партнером.

Также стоит отметить дневники и воспоминания целого ряда польских политиков, военных и дипломатов – К. Свитальского¹²¹, адъютантов маршала М. Лепецкого¹²² и А. Хрынкевича¹²³, К. Моравского¹²⁴, посла в Берлине

¹¹⁹ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 2014.

¹²⁰ Dziariusz i teki Jana Szembeka (DTJS). T.1. Londyn, 1964.

¹²¹ Świtalski K. Dziariusz, 1919-1935. Warszawa, 1992.

¹²² Lepecki M. Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1989.

¹²³ Hryniewicz A. Dziennik adiutanta Marszałka Józefa Piłsudskiego //Zeszyty Historyczne (Paryż). 1988. T. 85. S. 75-138.

Ю. Липского¹²⁵, редактора виленской газеты «Слово» С. Цата-Мацкевича¹²⁶, Я. Мейштовича¹²⁷, посла в Германии (1931–1933) и Рима (1933–1938) А. Высоцкого¹²⁸ и других.

Отдельный исследовательский интерес представляют сочинения французских дипломатов, политических деятелей и журналистов. В первую очередь здесь стоит отметить воспоминания французского посла в Польше Ж. Лароша¹²⁹, который занимал этот пост в течение всей «эпохи Пилсудского» – с июня 1926 г. по май 1935 г. Его преемник на посту Л. Ноэль оставил после себя не только мемуары¹³⁰, но заслуживающую не меньшего внимания работу «Германская агрессия против Польши»¹³¹, в которой проводил мысль о том, что в основе внешнеполитических неудач Третьей республики лежал кризис и распад «тыловых союзов», финалом которого стало участие польской санации в расчленении Чехословакии. Л. Ноэль отмечал неэффективность политики правящих группировок Третьей республики, не сумевших сохранить и упрочить тыловые союзы, составлявшие опору французской национальной безопасности и Версальской международно-правовой системы в Европе. Основу подобной политики Ноэль видел в социальной позиции «средних французов», мелкособственнических масс, пацифизм которых формировал республиканское общественное мнение, в значительной степени определявшее позицию парламентариев и политиков.

Безусловно, много интересных для нас замечаний и наблюдений содержат воспоминания французского государственного деятеля и многократного премьер-министра Э. Эррио¹³², французского посла в

¹²⁴ Morawski K. Tamten brzeg: wspomnienia i szkice. Warszawa, 1996.

¹²⁵ Lipski J. Diplomat in Berlin 1933–1939. N.Y., 1968.

¹²⁶ Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М., 2019.

¹²⁷ Meysztowicz J. Czas przeszły dokonany. Wspomnienia ze służby w MSZ w latach 1932- 1939. Kraków, 1984.

¹²⁸ Wysocki A. Tajemnice dyplomatycznego sejfu. Warszawa, 1974.

¹²⁹ Laroche J. Polska lat 1920–1935. Warszawa, 1966.

¹³⁰ Noël L. La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984.

¹³¹ Noël L. Agresja niemiecka na Polskę. Warszawa, 1966.

¹³² Эррио Э. Из прошлого: между двумя войнами. 1914-1936. Москва, 1958.

Германии (1931–1938) А. Франсуа-Понсе¹³³ и других, а также сочинения французских журналистов Андре Жеро¹³⁴ (более известного под псевдонимом Пертинакс) и Женевиевы Табуи¹³⁵, которые были свидетелями важнейших переговоров своего времени, дружили с политиками и дипломатами, вершившими судьбы Европы.

По сравнению с официальными документами, материалы личного характера имеют второстепенное значение, но без них невозможно воссоздать максимально целостную картину событий. К тому же, они позволяют увидеть неофициальную сторону дипломатии, приводят детали, не отраженные в служебной переписке, но очень важные для понимания эпохи, сильных и слабых сторон занимавшихся внешней политикой людей. В мемуарной литературе можно часто встретить малоизвестные исторические факты и неожиданные характеристики видных государственных деятелей.

В качестве источника, дополняющего представленную официальными материалами и мемуарной литературой картину, в работе использовались сочинения государственных и политических деятелей: Ю. Пилсудского¹³⁶, У. Черчилля¹³⁷, И.В. Сталина¹³⁸, Л.Д. Троцкого¹³⁹, К.Б. Радека¹⁴⁰ и других.

Перечисленные выше различные виды источников позволили сформировать, как нам представляется, максимально объективный взгляд на поставленную проблему, и что самое главное, посмотреть на польско-французские отношения под новым углом зрения, соединить публичные и конфиденциальные дипломатические действия с глубоко законспирированной практической деятельностью польских спецслужб и

¹³³ François-Poncet A. The Fateful Years: Memoirs of a French Ambassador in Berlin, 1931–1938. New York, 1949.

¹³⁴ Pertinax. Les gravediggers of France. Gamelin, Daladier, Reynaud, Petain, and Laval. New York, 1968.

¹³⁵ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.

¹³⁶ Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Т. IX. Warszawa, 1937; Józef Piłsudski o państwie i armii. Т. I. Warszawa, 1984; Nieznane rozmowy Józefa Piłsudskiego. Kraków, 2018.

¹³⁷ Churchill W. S. The Second World War. Vol. 1. The Gathering Storm. Boston, 1986.

¹³⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 2, 7, 13. М., 1946-1951.

¹³⁹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. М.–Л., 1925.

¹⁴⁰ Радек К.Б. Ликвидация Версальского мира: доклад IV Конгрессу Коммунистического Интернационала. Пг., 1922.

армии, которая и была сутью польской внешней политики в интересующий нас период.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют как общие, так и специальные подходы к изучению международных отношений. Среди общих методов можно выделить системный подход (изучение польско-французских отношений с учетом политики других центров силы и международного фона), принцип историзма (рассмотрение исторических событий в динамике, целостности и последовательности), принцип объективности (отказ от избирательности в подборе фактов и интерпретации данных источников), а также генетический метод (для выявления причинно-следственных связей и закономерностей развития польско-французских отношений)¹⁴¹.

Обращение к международной проблематике связано с необходимостью применения особого инструментария, разработанного в рамках теории международных отношений. В значительной степени данное исследование опирается на положения *теории политического реализма*¹⁴². Основываясь на подходе к международной политике как к объективной реальности, эта парадигма уделяет принципиальное внимание «рациональным» факторам – военному и экономическому потенциалам, государственным интересам и т.д. Теория политического реализма способствовала выявлению объективных факторов, обусловивших постепенное обострение польско-французских отношений.

Теория конфликта, рассматривающая конфронтационное взаимодействие государств на международной арене¹⁴³, была применена для анализа отношений между Варшавой, с одной стороны, и Берлином и Москвой, с другой. Были использованы основные принципы анализа, разработанные конфликтологией, а именно: пространственно-временные

¹⁴¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

¹⁴² Wolfers A. *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*; Morgenthau H. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 5th ed. N.Y., 1978; Donnelly J. *Realism and International Relations*. Cambridge, 2000.

¹⁴³ Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001. С. 178-215.

характеристики конфликта, оценка его интенсивности во времени, выделение основных объектов противоборства, исследование функции конфликта в рамках системы международных отношений и региональной подсистемы.

Институционализм как методология¹⁴⁴, выделяющая роль международных организаций в развитии конфликтов и формировании внешней политики государств, применялся при анализе деятельности Лиги наций применительно к польско-французским отношениям. При решении задач, поставленных в настоящем исследовании, использовалась концепция представителей школы «коллективной безопасности», сформировавшейся в рамках институционализма. Они исходят из того, что все великие державы изначально не были созданы равными и, хотя их поведение на международной арене во многом обосновано соображениями равновесия сил, влияние внутренней политики (государственное устройство, идеологии) представляется не менее важным¹⁴⁵.

Структурно диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу, позволяющему четче проследить изменение позиций Варшавы и Парижа в двусторонних отношениях.

Научная новизна и оригинальность диссертации обусловлены недостаточной степенью изученности заявленной проблематики и отсутствием, в первую очередь в отечественной историографии работ, прямо рассматривающих польско-французские отношения в указанный период в контексте реализации Польшей и Францией своих внешнеполитических программ. В работе показано, что на начальном этапе отношений проблема безопасности во многом явилась связующим звеном между Варшавой и Парижем и отправной точкой для польско-французского союза 1921 г. Однако в стремительно меняющихся европейских конstellациях уже в начале 1930-х гг., когда в Польше постепенно стало расти ощущение опасности, а Франция ничего не делала для повышения уровня безопасности своего союзника, польско-французский союз не мог эффективно

¹⁴⁴ Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977.

¹⁴⁵ Kupchan C.A., Kupchan C.A. The promise of collective security // International security. 1995. Т. 20. №. 1. P. 52-61.

функционировать в первоначальном виде и отчаянно требовал переосмысления, приспособления к новым условиям и наполнения новым содержанием. Но в Варшаве и Париже по-разному видели действия, необходимые для оживления союза. В результате на рубеже 1933–1934 гг. Польша начинает постепенно переориентировать свою внешнюю политику в сторону временного охлаждения отношений с Францией и сближения с Германией для того, чтобы иметь возможность балансировать между двумя этими странами.

Привлеченные к исследованию внушительный корпус источников (часть из которых впервые вводится в научный оборот) и литература позволили по-новому осветить ряд важнейших проблем, имевших ключевое значение не только для региональных отношений, но и европейской политики в целом. В работе убедительно показано, что утвердившаяся в историографии идея о политике «равноудаленности» Польши от Германии и СССР не имеет под собой реальной фактологической почвы и при тщательном изучении обнаруживает совершенно иные тенденции. Таким образом, в работе рассматривается то, как польские и французские интересы расходились с течением времен.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования заключается в том, что в ходе работы над диссертацией было выявлено множество ранее неизвестных материалов и фактов, существенно расширивших исследовательское поле и позволивших по-новому взглянуть на международные отношения в первой половине 1930-х гг.

Материалы и основные положения диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке вопросов истории польско-французских отношений в межвоенный период, а также при подготовке общих и специальных курсов по истории Польши, Франции и международных отношений. Работа также может быть полезна специалистам при изучении актуальных проблем мировой политики – глобальной безопасности и формирования политики в отношении потенциальных агрессоров.

Положения, выносимые на защиту:

1. Польско-французский союз был краеугольным камнем внешней политики Польши как минимум в 1921–1935 гг. После обретения независимости Польшей единственной великой державой, которая в новой европейской действительности теснее всего с ней контактировала, оказывая как политическую поддержку, так и разноплановую военную помощь, была Франция. Результатом их тесного взаимодействия явилось подписание в феврале 1921 г. политического договора и военной конвенции, ставших основой дальнейших отношений и картой взаимных обязательств Франции и Польши. С самого начала это не был союз равноправных партнеров: интересы двух государств совпадали не во всех областях европейской политики. Тем не менее, даже в периоды охлаждения отношений речи о его прекращении не было, так как он был нужен и выгоден как Польше, так и Франции.

2. Поиск альтернатив польско-французскому союзу, особенно в начале 1930-х гг., когда Париж стал рассматривать возможность заключения двустороннего договора с Берлином, в результате чего Варшава могла стать разменной монетой, результата не дал. Италия вышла из мировой войны глубоко убежденная в игнорировании ее жизненно важных интересов союзными державами на мирной конференции, поэтому в скором времени Рим стал разрабатывать планы корректировки версальской системы. К необходимости мирного пересмотра Версальского договора склонялась и Великобритания. Таким образом оказалось, что свое суверенное существование в версальском миропорядке Польша по-прежнему могла связывать только с Францией.

3. На рубеже 1933–1934 гг. произошел поворот во внешней политике Польши, явным проявлением которого стала агрессивная античешская кампания в польской прессе, начатая в январе 1934 г. Его спланированный характер подтверждает секретная операция по дестабилизации положения в чехословацкой части Тешинской Силезии с целью ее отторжения, начатая польскими спецслужбами после подписания

польско-германской декларации о неприменении насилия. Так как Чехословакия являлась самым преданным союзником Франции, то любые действия против нее вели к ослаблению французских позиций в Центральной и Восточной Европе.

4. Существенные изменения политического вектора Германии (приход Гитлера к власти, последующий разрыв Берлина с конференцией по разоружению и Лигой наций) вынудили Ю. Пилсудского модифицировать внешнюю политику Польши и проводить политику балансирования между Берлином и Парижем, но уже в статусе самостоятельного игрока, а не сателлита. Однако для балансирования нужны равнозначные партнеры. К 1933 г. у Польши с Францией были союзный договор, военная конвенция и гарантийный договор от 1925 г. В этой связи отношения с Францией требовалось охладить, а с Германией – оживить, что и было сделано подписанием 26 января 1934 г. декларации о неприменении насилия. Что же касается СССР, то после заключения в 1932 г. пакта о ненападении он практически не фигурировал во внешнеполитических планах Варшавы, отношения между двумя странами были фактически заморожены. Поэтому договоры 1932 и 1934 гг. не являются, как принято считать, звеньями одной цепи – их заключили в разных исторических условиях и для иных целей.

5. Начало 1930-х гг. было ознаменовано заметным поворотом французской политики к пацифизму. Это выражалось в возвращении к концепциям А. Бриана и франко-германскому сближению. Этот пацифизм, основанный на известной триаде Э. Эррио – арбитраж, безопасность и разоружение, – проистекал из желания французов любой ценой избежать новой кровопролитной войны. Идеи пацифизма глубоко укоренились в сознании французов, стали своего рода *modus vivendi* межвоенной Франции. После прихода нацистов к власти, в Варшаве стали понимать, что Париж не сможет оказать эффективную поддержку в случае эвентуальной угрозы со стороны Германии. Поляков тревожило и то, что в это же время Франция начала входить в орбиту влияния Великобритании и терять позиции гегемона на европейском континенте.

б. Главная задача руководителей Польши с момента ее появления на карте Европы в 1918 г. заключалась в обеспечении условий сохранения и укрепления национальной независимости. В рамках этой задачи Ю. Пилсудский стремился обеспечить безопасность Польши доступными средствами. Пилсудский полагал, что Польша может и должна проводить абсолютно суверенную политику. Однако уже на тот момент эта идея была устаревшей и во многом дестабилизирующей европейскую систему международных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в ряде статей, опубликованных в научных изданиях¹⁴⁶. Семь из них вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Промежуточные результаты диссертации были представлены в ходе 17 всероссийских и международных конференций.

¹⁴⁶ Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Далеко идущее германофильство Бека... // Родина. 2020. № 3. С. 122–125; Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179–196; Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Новая биография полковника Юзефа Бека // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 482–491; Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Польша-бабочка. Дипломатические порхания польских властей вокруг советской угрозы в 1930-е годы // Родина. 2021. № 11. С. 118–121; Кузьмичёва А.Е. «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17–19; Кузьмичева А.Е. «Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии». Что скрывалось за пактом Гитлера – Пилсудского? // СЕМИНАР / СЕМИНАР / SEMINARIUM. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О.Н. Кена. СПб., 2018. С. 57–71; Кузьмичева А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 126–135; Кузьмичева А.Е. К вопросу о мифах в истории: было ли у Ю. Пилсудского завещание? // Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. М., 2023. С. 362–371; Кузьмичева А.Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933–1934) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 1. С. 32–50; Кузьмичева А.Е. Он был польским националистом, и это было его существом. Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 165–170; Кузьмичева А.Е. Почему Польша была против Восточного пакта? // СЕМИНАР / СЕМИНАР / SEMINARIUM. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О.Н. Кена. СПб., 2017. С. 27–38; Кузьмичева А.Е. Реакция Варшавы на франко-советское сближение 1934–1935 гг // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов. Краснодар, 2015. С. 155–164; Кузьмичева А.Е. Французский фактор в политике равноудаленности Юзефа Бека в 1935–1936 гг. // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв. Т. 9. Санкт-Петербург, 2017. С. 254–266.

Рукопись диссертации была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

В соответствии с исследовательскими задачами диссертация в **структурном отношении** состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во **введении** обоснована актуальность темы, сформулирован основной круг проблем и исследовательские цели. В нем также даны характеристики степени изученности темы и источниковой базы, представлены методы исследования, хронологические и географические рамки, определена научная новизна и теоретическая и научно-практическая значимость диссертации.

В **первой** главе характеризуются концептуальные основы внешней политики Польши в 1918–1932 гг. путем последовательного рассмотрения отношений Варшавы с Лигой наций, изучения немецкого, советского, британского и итальянского направлений внешней политики Польши, а также определения роли и места Франции во внешнеполитических концепциях Варшавы на указанном временном отрезке.

Во **второй** главе рассматриваются основные тенденции во внешней политике Франции в 1920-е – начале 1930-х гг., такие как концепции обеспечения безопасности, поиска союзников, сотрудничество с Лигой наций. В главе также исследуется характер взаимодействия Франции с Великобританией, СССР и Италией в указанный период. Особое внимание уделяется изучению французской системы союзов и роли Польши в ней.

Третья глава посвящена непосредственному анализу двусторонних отношений между Варшавой и Парижем в 1933–1935 гг. с учетом международной обстановки в Европе.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются выводы.

Глава I

Внешняя политика Польши в 1920-е – начале 1930-х гг.

Особенности геополитического положения возрожденной Польши предопределили главные направления ее дипломатических усилий, направленных на обеспечение международной безопасности и территориальной целостности страны. Таких направлений было два. Первым были Лига наций и Франция, которые рассматривались Варшавой как ее главные союзники. Вторым – Германия и Россия, пресловутые «молот и наковальня», основные и наиболее опасные недоброжелатели Польши. В 1918–1921 гг. она силой оружия отторгла у них ряд территорий, которые в Берлине и Москве считали своими. Принимая во внимание неизбежность быстрого экономического и военного восстановления этих стран и их возвращения в мировую политику в качестве ее субъектов, в Польше не без оснований опасались нарастания угрозы с их стороны ее территориальной целостности.

§ 1.1. Польша и Лига наций

В условиях формирования основ независимой Польши факт создания Лиги наций в Варшаве рассматривали с интересом, но и со значительной долей сдержанности, а глава государства Юзеф Пилсудский относился к Лиге даже весьма критично. Основными слабостями этой организации он считал отсутствие собственных вооруженных сил и руководство моральными принципами как главным средством поддержания мира¹⁴⁷, привилегированную позицию великих держав, а также право Лиги

¹⁴⁷ Michowicz W. Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918-1945. Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego. Toruń, 2000. S. 12.

вмешиваться во внутренние дела Польши, прежде всего в вопрос соблюдения ею прав национальных меньшинств.

Сотрудничество Польши с Лигой наций условно можно разделить на несколько периодов:

1) 1920–1923 гг. – Польша рассматривала Лигу как важный элемент международной безопасности и основную защиту для средних и малых стран. Кроме того, Лига во многом помогала регулировать отношения с Гданьском и решать вопросы защиты прав нацменьшинств;

2) 1924–1933 гг. – расцвет сотрудничества Польши с Лигой наций в сфере стабилизации постверсальской системы безопасности. Под эгидой Польши были подготовлены два важных проекта, целью которых было сохранение и поддержание мира – резолюция ассамблеи Лиги о запрете агрессивной войны (1927) и проект конвенции о моральном разоружении (1931–1932);

3) 1934–1938 – постепенное отдаление Польши от Лиги наций – начиная с одностороннего снятия с себя в сентябре 1934 г. обязательств по статье 12 о нацменьшинствах договора с великими державами от 28 июня 1919 г., и заканчивая отзывом польской делегации из Женевы в ноябре 1938 г.

Однако были и моменты, существенно дестабилизирующие отношения Польши с Лигой и в период плодотворного, как казалось, сотрудничества. События, происходившие с 5 по 16 октября 1925 г. в швейцарском городе Локарно, навсегда изменили не только взгляд Польши на Лигу, но и имели длительное негативное влияние на ее отношения с главным в то время союзником, Францией. Как отмечал в своих воспоминаниях Ю. Бек, «... с полным пренебрежением к основополагающим принципам Устава Лиги наций, устанавливающих, что любая атака будет встречена совместной и солидарной реакцией членом Лиги, ... уже в 1925 г. великие державы спокойно отнеслись к договору, противоречащему всем этим основам. Основной частью локарнских договоров был так называемый Рейнский пакт.

В этом пакте западные державы гарантировали друг другу границы Германии и режим безопасности этих границ ... Однако в то же время он совершенно не гарантировал немецкую границу с восточными соседями, поэтому не вызывает сомнений ... что юридически и политически в Европе было создано два типа границ, две категории важности территорий. ... Германию торжественно пригласили напасть на восток, чтобы за эту цену купить покой на западе»¹⁴⁸. Это высказывание Бека по крайней мере частично отражает позицию Польши. Она была горько разочарована предательством Франции, на которое та пошла под давлением Великобритании и Германии.

Хотя Локарнский договор и представлял для Польши в каком-то смысле дипломатический провал, его непосредственным результатом стало установление, по крайней мере внешне, более тесных отношений между ней и Францией, а также получение места так называемого «полупостоянного» члена в Совете Лиги с правом переизбрания¹⁴⁹.

Однако этот иллюзорный успех не изменил скептического отношения к этой международной организации маршала Пилсудского, полагавшего, что чрезмерная вовлеченность Польши в неинтересные для нее проблемы (например, колониальные вопросы) пагубно сказывается на внешней политике страны, прибавляя случайных друзей и врагов. С течением времени скептицизм маршала лишь возрастал.

Рейнский гарантийный пакт, представляющий собой интегральную часть системы Локарнских договоров, ознаменовал собой новый этап европейской дипломатии, когда недавние противники на фронтах Первой мировой войны смогли сесть за стол переговоров и договориться.

На конференции министр иностранных дел Польши А. Скшиньский намеревался добиться включения в польско-германское арбитражное соглашение запрета военных действий и ревизии границ, получения от Франции согласия стать гарантом этого соглашения, сохранения ею военных обязательств в отношении Польши и включения их в текст Рейнского пакта,

¹⁴⁸ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 2014. S. 267-268.

¹⁴⁹ Подробнее см.: Korczyk H. Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1986.

вхождения Германии в Лигу наций и взятия ею на себя всех обязательств, вытекающие из Устава Лиги*.

Но организаторы конференции безапелляционно свели до минимума роль поляков и чехов в решении проблем, прямо относившихся к их безопасности. Польская дипломатия не сумела добиться одной из своих главных целей – показать всему миру, что к Польше теперь относятся как к государству, равному великим державам. Великие державы сделали это подчеркнуто демонстративно. Чехословацкий и польский министры Э. Бенеш и Скшиньский были приглашены в зал переговоров лишь 15 октября, накануне подписания итогового протокола конференции. Более того, глава германской делегации Г. Штреземан настоял на том, чтобы было издано коммюнике, в котором говорилось, что участие польского и чехословацкого министров необходимо в связи с арбитражными соглашениями и что они были приглашены основными участниками конференции¹⁵⁰. Председатель встреч министров иностранных дел О. Чемберлен во время заседаний посадил Бенеша и Скшиньского за отдельный боковой стол. К этому времени без их участия текст Рейнского пакта был уже согласован, оставались только вопросы по восточным соглашениям и арбитражу. Парадоксально, но к этому моменту ни польская, ни немецкая стороны не хотели, чтобы вопросы границ подпадали под арбитраж. Поляки боялись облегчения немецкого ревизионизма, в то время как немцы не хотели допустить окончательного признания восточных границ. В проекте соглашения, представленного польской стороной, говорилось об исключении войны и постулировалась невозможность пересмотра договоров без согласия обеих сторон. В своей аргументации Скшиньский апеллировал к «колоссальной агрессии, которая наблюдается в Германии по вопросу ревизии границ Речи Посполитой»¹⁵¹. Немецкая

* Особый интерес для Польши представляла 16 статья, в которой постулировалась обязанность всех стран-членов Лиги участвовать в санкциях против агрессора. В этом случае Варшава исходила из эвентуальной агрессии СССР.

¹⁵⁰ Cienciala A. M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno: Keys to Polish Foreign Policy, 1919-1925. Kansas, 1984. P. 269.

¹⁵¹ Wandycz P. Aleksander Skrzyński, minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2006. S. 204.

сторона отклонила этот проект, так что французам пришлось искать компромисс, аргументируя свое согласие с немцами тем, что пересмотр границ может быть затруднителен и несвоевременен.

16 октября в торжественной обстановке Локарнские договоры были парафированы. Они состояли из итогового протокола Рейнского пакта (на нем также стояла подпись Скшиньского), в котором говорилось, что британское, французское, бельгийское, немецкое, чехословацкое и польское правительства с целью сохранения и поддержания мира приняли пять документов – договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, а также арбитражные конвенции между Германией и Бельгией, Францией, Польшей и Чехословакией¹⁵². Отдельно Франция подписала гарантийные договоры с Польшей и Чехословакией, однако они не стали интегральной частью локарнской системы.

Хотя подписанты Рейнского пакта всячески подчеркивали, что они пошли на это ради обеспечения всеобщего мира в Европе, а Лондон даже утверждал, что договор стал необратимым достижением в сфере безопасности, на самом деле каждый из них заботился прежде всего о своих интересах. Франция с помощью нормализации отношений с Германией намеревалась ускорить преодоление терзавших ее экономических трудностей. Помимо этого, А. Бриан рассчитывал на ослабление реваншистских настроений в Германии, уменьшение опасности советско-германского политического сговора, взятие на себя Великобританией обязательства в случае войны с Германией встать на защиту Франции, и тем самым внести определенное успокоение в европейские международные отношения, наполнив их т.н. духом Локарно. Следует признать, что Франция большинство интересовавших ее в тот момент целей достигла. Однако следует согласиться с наблюдением М. Волоса, что успех Парижа в Локарно все же был иллюзорным, так как в результате Франция отдалилась

¹⁵² Berber F.J. ed. Locarno: A Collection of Documents. Hamburg, 1936. P. 48-49.

от своих восточноевропейских союзников и, таким образом, существенно ослабила свои позиции в том числе перед лицом немецкой угрозы¹⁵³.

Оставался также открытым вопрос, выиграли ли восточные союзники Франции от Локарнского договора? Публично Бриан давал на него положительный ответ, настаивая на том, что теперь, благодаря арбитражным соглашениям, Германия будет вынуждена «уважать все границы и не предпринимать каких-либо силовых действий»¹⁵⁴. В личных же беседах Бриан говорил, что позиция Польши и Чехословакии после Локарно была точно такой же, как и до него, ни лучше, ни хуже¹⁵⁵. Даже министр иностранных дел Бельгии Э. Вандервельде публично отмечал, что есть существенная разница между Рейнским пактом и тем, что поляки называли «второсортными гарантиями»¹⁵⁶. Уже тогда многие в Европе рассматривали Локарнский договор как жертвование Польшей и Чехословакией ради возвращения Германии в клуб великих держав. Таким образом, для многих Локарно стало символом политики концессий Германии¹⁵⁷.

Действительно, после Локарно Варшава, в отличие от Парижа, не почувствовала облегчения: угроза немецкого ревизионизма после вхождения Германии в Лигу наций возросла, французские обязательства перед Польшей ослабели, так как Франция частично переложила гарантии Польше на Лигу наций. Министр военных дел в правительстве А. Скшиньского генерал Л. Желиговский заметил, что различие между западной и восточной границами «просто поощряет Германию на борьбу за изменение границ с Польшей»¹⁵⁸.

Конечно, утверждение, что франко-польский гарантийный договор лишал законной силы союз между двумя государствами, было бы чрезмерным преувеличением, но совершенно очевидно, что франко-польский

¹⁵³ Кантор Ю.З., Волос М. Треугольник Москва-Варшава-Берлин. СПб., 2011. С. 117.

¹⁵⁴ J.O. Sénat. 4.06.1926. P.1138-1139. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6354739t/f14.item> (дата обращения: 8.06.2019).

¹⁵⁵ Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, 1988. P. 25.

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ Подробнее см.: Wołos M. *Alfred Chłapowski (1874-1940): biografia ambasadora Polski we Francji*. Toruń, 1999. S. 86-96.

¹⁵⁸ Цит. по: Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936*. P. 34.

альянс был в значительной мере ослаблен. Не случайно же О. Чемберлен на заседании британского кабинета министров отметил, что Франция «пересмотрела» союзы с Польшей и Чехословакией и сократила свои перед ними обязательства¹⁵⁹. Ж. Ларош тоже считал, что хотя новый договор был «более императивным», чем договор 1921 г., он также накладывал ограничения, но в силу его прямой связи с процедурами Лиги наций и потому, что помощь могла быть оказана только в случае немецкой агрессии¹⁶⁰. И Л. Ноэль признавался в том, что гарантийный договор был разработан прежде всего для того, чтобы Польша легче смогла примириться с «дискриминацией, которой с правовой и юридической точек зрения» она подверглась в локарнских договорах при рассмотрении западных и восточных границ¹⁶¹. То есть Локарно ввело в польско-французский союзный договор третьего участника, и им была Лига наций.

Ю. Пилсудский, которому вскоре предстояло стать диктатором Польши и реальным руководителем ее внешней политики, также очень критически оценил результаты Локарно, поскольку был нарушен баланс между Восточной и Западной Европой. Ю. Бек вообще считал Локарно первым шагом на пути к военной катастрофе 1939 г.¹⁶².

Хотя Локарнские договора подписывались без формального участия Лиги наций, но сам факт, что в их подготовке участвовали три постоянных члена ее Совета, способствовал эрозии доверия к Лиге наций в польских политических кругах.

После майского переворота Варшава последовательно стремилась продемонстрировать, что она уже не клиент Лиги наций, а фактор, участвующий в формировании политики этого международного органа. Вести себя так ей помогало получение 16 октября 1926 г. Польшей трехлетнего мандата члена Совета Лиги наций с правом переизбрания на следующие три года. Но и после этого отношения Польши с Лигой наций

¹⁵⁹ Ibid. P. 271- 272.

¹⁶⁰ Laroche J. Polska lat 1920–1935. Warszawa, 1966. S. 21.

¹⁶¹ Noël L. Agresja niemiecka na Polskę. Warszawa, 1966. S. 85.

¹⁶² Beck J. Ostatni raport. S. 268.

лучше не становились. Частично это зависело от личной неприязни маршала к Лиге. Особенно ему не нравилось ее постоянное вмешательство во «внутренние дела» страны, такие, например, как проблемы Данцига и немецкое меньшинство.

Существенным эпизодом, укрепившим негативное отношение Польши к Лиге наций, стало рассмотрение Лигой в 1927 г. польско-литовского конфликта и связанная с этим поездка Пилсудского в Женеву на Ассамблею Лиги в декабре 1927 года. История польско-литовского конфликта достаточно полно изучена как в польской, так и в российской историографии¹⁶³, поэтому мы обратимся лишь к «женевскому» эпизоду и его влиянию на отношения между Польшей и Лигой наций.

Как известно, в связи с силовым захватом Вильно поляками в октябре 1920 г. и его последующим включением в состав Польши, литовские руководители отказывались вступать в официальные переговоры со своими польскими коллегами по вопросу о нормализации отношений, не давали результата и негласные контакты.

Такое состояние отношений не устраивало Польшу. Через нормализацию отношений с Вильно Пилсудский намеревался обеспечить более прочную связь с Латвией и Эстонией, лишить СССР и Германию литовского плацдарма, ослабить ее влияние на Западную Белоруссию, отодвинуть до Западной Двины барьер, отделяющий СССР от Европы, а также облегчить Польше деятельность на линии Москва–Вильно–Ковно–Кенигсберг–Гданьск. Таким образом, Вильно для Пилсудского было не только ключом к его политике на востоке, но и важным фактором в отношениях с Германией. Можно согласиться с польским историком С. Серповским, называющим Вильно «альфой и омегой внешней политики Польши»¹⁶⁴. В-третьих, существовали и внутривнутриполитические причины, по которым Пилсудскому нужна была поездка в Женеву. В ноябре 1927 г. истек

¹⁶³ См.: Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie 1921-1939, Warszawa, 1997; Mitkiewicz L. Litwa i Polska. Stosunki wzajemne do roku 1939. Toruń, 2018; Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918-1926 годах. М., 2016 и др.

¹⁶⁴ Sierpowski S. Piłsudski w Genewie: dyplomatyczne spory o Wilno w roku 1927. Poznań, 1990. S. 34.

срок полномочий сейма и следующие выборы были назначены на март 1928 г. Санация поставила перед собой цель обязательно на них победить, поэтому успех в Женеве при его умелом представлении в СМИ должен был помочь ее избирательной кампании.

Поездка Ю. Пилсудского в Женеву была должным образом срежиссирована. В процессе подготовки к ней Пилсудским впервые была опробована «дипломатия устрашения». Эскалацию напряженности в польско-литовских отношениях Пилсудский вел, начиная с 1926 г. Для этого использовались его провокационный визит в Вильно, грубая антилитовская кампания в прессе и др. действия, которые можно было истолковать как подготовку Польши к войне с Литвой¹⁶⁵. И Литва дрогнула, в октябре 1927 г. она обратилась в Лигу наций с жалобой на подготовку Польшей войны против нее, тем самым дав шанс Пилсудскому успешно завершить свою линию.

Лига наций, задачей которой было поддержание мира, пригласила Польшу объяснить. Пилсудский, в то время возглавлявший правительство, решил ехать лично, что свидетельствовало о придании им этой поездке важного значения. Не случайно он 10 декабря 1927 г. в интервью корреспонденту французской газеты «Матэн» признался: «Не люблю путешествовать без определенной цели и надеюсь, что уже ничто не вызовет необходимость моей поездки в Женеву»¹⁶⁶.

Пилсудский пробыл в Женеве 36 часов и 40 минут, с 12:30 9 декабря до 1:10 11 декабря, однако этот визит без натяжек можно отнести к наиболее часто описываемым или чаще всего упоминаемым моментам его жизни. С самого начала эту поездку окружал повышенный интерес. Польская пресса, особенно связанная с санацией, не могла не подливать масла в огонь.

¹⁶⁵ См.: Garlicki A. Józef Piłsudski. 1867-1935. Kraków, 2008. S. 723-727. Уместно отметить, что совокупность этих действий, а также тот результат, которого маршал достиг в Женеве, своими методами и инструментами очень напоминает ситуацию, возникшую в 1933 г., которая в историографии получила название превентивной войны. Именно так же, оказывая моральное давление и угрожая войной, Пилсудский получил от Гитлера заверения в миролюбивых намерениях и польско-германский договор 1934 г. Аналогичным образом санация действовала и против Чехословакии в 1938 г.

¹⁶⁶ Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. Warszawa, 1937. S. 103-104. Примечательно, что в комментарии к тексту интервью содержится ошибка – оно было опубликовано в газете «Матэн» 11 декабря (номер 15971), а не 12 декабря. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k576003g> (дата обращения 22.09.2020).

Например, газета «Курьер поранны» в статье под громким заголовком «Пришел, увидел, победил» в героических тонах подробно описывала поездку маршала, приведя несколько анекдотических ситуаций, сопутствующих визиту, а также смаковала знаменитый и обросший легендами эпизод, когда Пилсудский 10 декабря 1927 года во время выступления премьер-министра Литвы А. Вольдемараса якобы стукнул кулаком по столу и громко сказал, что он не слышит отчетливо слово мир, что он приехал не для «процедурных глупостей», а чтобы узнать, мир или война, и если мир, то он немедленно прикажет петь «Te Deum» во всех польских костелах¹⁶⁷.

Пилсудский частично достиг поставленной цели, в тот же день Литва заявила о прекращении состояния войны с Польшей. Но на восстановление дипломатических отношений не пошла и ведения прибалтийской политики Польше не облегчила. Но пропагандистский эффект в Польше был ошеломляющим.

Личное знакомство с форумом Лиги наций не изменило скептического отношения Пилсудского к этой организации. В упомянутом выше интервью «Матэн» на вопрос о впечатлении от Лиги Пилсудский «задумался на мгновение, как будто имел трудности в выражении своих мыслей на французском», и сказал, что в «Лиге наций много хорошего и ее деятельность очень полезна. ... Но я считаю, что после принятия решений они немного теряются в формулах, в связи с чем забывают о реальности»¹⁶⁸.

Отмечая несомненный скептицизм Пилсудского во второй половине 1920-х гг. в отношении эффективности Лиги наций, не следует, однако, его преувеличивать. По убеждению тогдашнего польского министра иностранных дел А. Залеского (которое также разделял Пилсудский),

¹⁶⁷ «Kurjer Poranny». 15.12.1927. S. 2. [электронный ресурс] // <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/123143/display/Default> (дата обращения 15.09.2020). Этот эпизод подробно описан и проанализирован целым рядом польских историков. См. напр.: Garlicki A. *Od maja do Brześćcia*. Warszawa, 1981. S. 193; Sierpowski S. *Piłsudski i jego polityka zagraniczna* // *Józef Piłsudski i jego legenda* / red. Czubiński A. Warszawa, 1988. S. 95-100; Gawroński J. *Dyplomatyczne węgry*. Warszawa, 1965. S. 30-31; Łossowski P. *Po tej i tamtej stronie Niemna: stosunki polsko-litewskie, 1883-1939*. Warszawa, 1985. S. 228-229 и др.; Sierpowski S. *Piłsudski w Genewie: dyplomatyczne spory o Wilno w roku 1927*. S. 103-114.

¹⁶⁸ Piłsudski J. *Pisma zbiorowe*. T. IX. S. 103.

«другой надежды на существование небольших государств не было кроме как благодаря какой-либо международной организации по сохранению мира»¹⁶⁹. Были и другие причины заинтересованности Польши в Лиге наций. В 1926 г. начала свою работу Подготовительная комиссия Конференции по разоружению*. Польское правительство проявило к ней интерес по двум причинам. Во-первых, чтобы не допустить принятия решений, которые бы эвентуально снижали численность польских вооруженных сил ниже уровня, который Варшава считала для себя безопасным. Во-вторых, чтобы использовать площадку форума для презентации польских внешнеполитических проектов стабилизации международных отношений.

На сентябрьском 1927 г. заседании Лиги наций польская делегация внесла проект декларации о запрете любой наступательной войны, а также предложение о мирном решении споров между государствами. И даже несмотря на то, что хотя в конечном счете эти проекты приняты не были, польский вариант декларации, по оценкам польской делегации, «привнес несомненно доброжелательное изменение мнения о Польше в Европе, где враждебная нам пропаганда постоянно подчеркивала якобы агрессивные намерения и неопределенное положение Польши»¹⁷⁰.

В ходе заседаний Конференции по разоружению в Женеве (1932–1937) главная цель польской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить даже самого малейшего сокращения Войска Польского и сохранить статус-кво в области вооружений (и по возможности даже добиться увеличения некоторых родов войск, в особенности флота). Эти предложения не выходили за рамки основного канона польской внешней политики – абсолютной поддержки международных договоров, ограничивающих

¹⁶⁹ Цит. по: Wandycz P.S. August Zaleski: minister spraw zagranicznych RP 1926-1932 w świetle wspomnień i dokumentów. Paris, 1980. S. 37.

* 12 декабря 1925 года Совет Лиги наций образовал Подготовительную комиссию к конференции по разоружению, на которую возлагалась подготовка к конференции по сокращению и ограничению вооружений. Было решено, что в комиссию войдут представители государств-членов Совета Лиги наций (в 1925-1926 гг. это Великобритания, Франция, Италия, Япония (постоянные члены) и Чехословакия, Бельгия, Швеция, Испания, Бразилия, Уругвай (временные члены) и представители стран, находящихся в отношении проблемы разоружения в особых условиях вследствие их географического положения (ими были признаны Польша, Румыния, Югославия, Болгария, Финляндия, Голландия, позднее – Аргентина и Чили; также вошли и страны, не входящие в Лигу – СССР, Германия и США).

¹⁷⁰ AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/170. S. 60.

вооружения Германии уровнем, обозначенным в Версальском договоре. Поляки были убеждены в том, что уровень разоружения должен быть прямо пропорционален уровню безопасности. В этом пункте, надо отметить, что взгляды польских дипломатов полностью совпадали с позицией их французских коллег, действовавших под лозунгом «безопасность прежде всего»¹⁷¹. Именно поэтому польская делегация в Женеве последовательно противодействовала принятию германского предложения о равенстве прав и даже пошла дальше, продвигая собственную оригинальную идею так называемого морального разоружения как начального этапа перед материальным разоружением¹⁷².

В 1925–1927 гг. во время работы Подготовительной комиссии к конференции по разоружению предпринятые польской дипломатией усилия по продвижению идеи морального разоружения не принесли ощутимых результатов даже несмотря на поддержку Франции и ее союзников, а также на фоне развертывания очередной антипольской ревизионистской кампании в Германии¹⁷³.

Стоит отметить, что польский проект морального разоружения органично вписывался в систему пакта Бриана-Келлога и Локарнские соглашения, так как представлял собой логическое продолжение и развитие заложенных в них идей. Усилиями польской стороны в марте 1932 г. был создан инициативный комитет¹⁷⁴, в задачи которого входили определение четкой разницы между материальным и моральным разоружением, а также разработка способов реализации последнего. Однако его работа так и не привела к каким-либо практическим результатам.

¹⁷¹ См. подробнее: Brzeziński A.M. Warszawa-Paryż-Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym, 1919-1937. Łódź, 1996; Michowicz W. Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932-1937) a dyplomacja polska. Łódź, 1989.

¹⁷² Подробнее о моральном разоружении см.: Michowicz W. Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym // Kwartalnik Historyczny. T. 82. 1975. № 2. S. 321-346; Kolasa J. The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations. Ossolineum, 1962. S. 68 et al.; Sierpowski S. Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym. // Studia z dziejów najnowszych. Wrocław, 1989. S. 121-132.

¹⁷³ Подробнее см.: Fiedor K. Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918-1939. Poznań, 1967; Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973.

¹⁷⁴ AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/192. S. 55.

Компромиссный проект конвенции о моральном разоружении был представлен в декабре 1933 г., однако, к тому моменту Польша уже начала сомневаться в возможностях Лиги наций быть гарантом стабильности и мира и, как следствие, утратила интерес в дальнейшей работе в Комиссии по разоружению. Влияние на это прежде всего оказали два фактора – во-первых, декларация от 11 декабря 1932 г. о признании принципа «равноправия» Германии в вопросе вооружения, и, во-вторых, разрыв Германии с Конференцией по разоружению 14 декабря 1933 г. Для Пилсудского и Бека стало очевидным, что ключ к польской безопасности лежит отнюдь не в активном сотрудничестве с Лигой наций, а в двусторонних соглашениях с соседними государствами. Плодом этой внешнеполитической концепции явились прежде всего польско-советский (1932 г.) и польско-германский договоры (1934 г.)¹⁷⁵. Таким образом, данные договоры наряду со снятием с себя обязательств, которые накладывала статья 12 договора о нацменьшинствах явили собой переломный момент в отношениях между Лигой наций и Варшавой. С точки зрения собственных интересов Польши Лига утратила свою необходимость. Как считал Ю. Бек, Лига никогда не приобрела характер универсальной организации, и со временем она «все больше становилась инструментом определенной группы государств, все менее многочисленной»¹⁷⁶.

Еще одним невралгическим пунктом в отношениях Польши с Лигой наций был вопрос международной защиты прав нацменьшинств. Этот вопрос портил отношения между Варшавой и Женевой в течение 15 лет. С самого начала существования Лиги польская дипломатия, с одной стороны, выступала за генерализацию договорных обязательств, с другой – говорила о невозможности распространения процедуры защиты нацменьшинств за рамки договоров. Естественно, что генерализации договорных обязательств в

¹⁷⁵ См. подробнее: Кен О.Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей, (1930-1932 гг.). СПб., 2003; Кузьмичева А.Е. «Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии». Что скрывалось за пактом Гитлера – Пилсудского? // СЕМИНАР / SEMINAR / SEMINARIUM. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О. Н. Кена. СПб., 2018. С. 57–71; Lapter K. Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962.

¹⁷⁶ Beck J. Ostatni raport. S. 48.

отношении нацменьшинств противились великие державы. Не будучи в силах изменить их позицию, а также опасаясь, что СССР, став членом Совета Лиги наций, будет активно ставить вопрос о положении в Польше украинцев и белорусов, 13 сентября 1934 г. Варшава решила приостановить исполнение статьи 12 соглашения о нацменьшинствах. А этот шаг, в свою очередь, фактически парализовал всю международную систему защиты прав нацменьшинств¹⁷⁷.

Таким образом, к середине 1930-х гг. Лига наций, как одна из опор безопасности Польши, достаточно наглядно продемонстрировала неспособность исполнять свою уставную роль, т.е. быть надежным инструментом обеспечения коллективной безопасности в Европе. Не случайно, именно этот мотив в завуалированном виде приводился польской дипломатией при объяснении причин подписания польско-германской декларации о неприменении силы 1934 г.

§ 1.2. Франция во внешней политике Польши в 1918-1932 гг.

Второй опорой в первом направлении дипломатических усилий, направленных на обеспечение международной безопасности и территориальной целостности Польши в момент ее возвращения на политическую карту мира, стала Франция. И случилось это не в силу исторических польско-французских сантиментов, и не потому, что в Париже в 1917–1918 гг. действовал Польский национальный комитет, добившийся согласия держав Антанты и США на восстановление Польши. Выбор был предопределен тем, что лишь Франция выбрала Польшу в качестве кандидата в состав профранцузского блока в Восточной Европе. Великобритания на создание своей системы союзов в начале межвоенного периода не претендовала, а США тем более. В польско-французском партнерстве Париж изначально играл роль ведущего, а Варшава – ведомого.

¹⁷⁷ Michowicz W. Walka dyplomacji polskiej przeciwko traktatowi mniejszościowemu w Lidze Narodów w 1934 roku. Łódź, 1963. S. 162.

Французская политика союзов явилась результатом Первой мировой войны. Франция в 1918 г. оказалась истощенной и лишенной своего главного континентального союзника – России. Париж также не мог поддерживать на должном уровне сотрудничество с Вашингтоном и Лондоном, несмотря на то что сближение с Великобританией оставалось постоянной целью французской дипломатии. В этой связи Кэ д’Орсэ не оставалось другого варианта, кроме как пытаться укрепить свои позиции путем заключения союзов с «новыми» государствами, граничащими с Германией на востоке – Польшей и Чехословакией. Эти союзы, которые вначале в основном расценивались как санитарный кордон (*cordon sanitaire*), созданный для того, чтобы отделить большевистскую Россию от Германии, с течением времени превратились в новую версию «восточного барьера», направленный на сдерживание Берлина и сохранение территориального статус-кво.

В специальных исследованиях, посвященных истории франко-польских отношений в межвоенный период, преобладают два подхода. Одни исследователи придерживаются романтического взгляда на историческую дружбу поляков и французов, другие же резко осуждают обманутое Парижем доверие Варшавы. В настоящее время происходит переоценка этих подходов с точки зрения индивидуальных целей и обязанностей обеих сторон в указанный период, поскольку Франция и Польша действительно имели общие ценности и во многом совпадающие интересы, что оправдывало тесные отношения между ними.

В 1920 г. победоносная Франция и возвращенная на карту Европы независимая Польша имеют один и тот же приоритет – безопасность, и они одинаково ощущают актуальность этого вопроса. И это стремление к безопасности обусловлено одним и тем же вопросом, хотя и отражающим две разные реальности: как существовать в «сердце Европы»? Для польского государства задача здесь двоякая: необходимо обеспечить полный суверенитет, в том числе территориальный, находясь между двумя более сильными соседями – Германией и Россией, – и при этом занять достойное место в клубе великих держав.

Для Франции вопрос о существовании в центре Европы оказывает существенное влияние на стратегический выбор союзников – Парижу необходимо спроецировать себя в центр континента путем установления системы союзов, в которой элементы так или иначе связаны между собой. Для достижения этой цели большие надежды возлагались на Чехословакию и, естественно, Польшу. Утрата Францией своего «тылового союзника» (*allié de revers*)*, каковым являлась дореволюционная Россия, а также германская угроза и неудачные попытки получить от США и Великобритании гарантии – все это в совокупности послужило причиной для создания новой союзнической системы, основная цель которой заключалась в обеспечении безопасности Франции. Историк Изабель Давьён полагает, что «Франция, лишенная Рейнского компромисса**», в отношении с Германией делает «тыловые союзы» стержнем безопасности европейского континента»¹⁷⁸. По замыслу французских политиков, дружественный Франции блок в центре Европы в составе Польши и Чехословакии, «имеющих особый интерес, так как они занимают исключительное выгодное стратегическое положение», послужит связующим звеном между северными и южными славянами, а между Балтикой и Адриатикой будет проложена дорога, благоприятствующая торговому и стратегическому сотрудничеству¹⁷⁹. Однако этот грандиозный замысел быстро разбился о реальность польско-чехословацкого спора из-за Гешинской области.

Версальский договор и последовавшие за ним территориальные изменения, казалось бы, четко определили новую расстановку сил в Европе: главная роль должна была отводиться Франции и Великобритании.

* Характерной чертой французских союзов является стремление вступить в союз со странами, которые являются соседями или находятся по другую сторону от врага, что во французской дипломатии называется тыловыми союзами («*alliance de revers*»). *Alliance de revers* — это классика реальной политики французской дипломатии. Это проистекает из геополитического видения мира, в котором большое значение придается географическому положению стран, а не их политической близости.

** Ж. Клемансо согласился с принципом частичной и временной оккупации правого берега Рейна в обмен на англо-американскую военную гарантию франко-немецкой границе.

¹⁷⁸ Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // *Revue historique des armées*. 2010. № 260. P. 55.

¹⁷⁹ *Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés* (далее – J.O. Chambre). Séance du 23 décembre 1919. P. 5336-5337. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6261828g> (дата обращения: 16.02.2021).

В действительности же, Франция вышла из Первой мировой войны истощенной, экономически и демографически слабой, задолжавшей огромные суммы США и Великобритании. У нее не получилось добиться от великих держав гарантий для ее границы с Германией, а Лондон, верный своей политике баланса сил (*balance of power*), был категорически против гегемонии Франции в Европе. Мощь Франции, которая сводилась к силе ее политического престижа и наличию огромной армии, в скором времени оказалась иллюзорной¹⁸⁰. Главный противник Франции – Германия – несмотря на понесенные в ходе войны потери, все еще оставалась, по крайней мере по мнению французских политиков, грозной и опасной державой¹⁸¹.

Отношение Франции к проблеме восточных границ Польши, на которое существенное влияние оказала польско-советская война, было двойственным. С одной стороны, Париж желал падения большевистского режима, однако он не был апологетом плана Ю. Пилсудского по возвращению России в границы XVIII века и превращению украинско-белорусско-литовских территорий в буферную зону, тесно связанную с Варшавой. Однако этот федералистский замысел маршала так и не был претворен в жизнь. Уставшие от войны поляки подписали с Советской Россией компромиссный Рижский договор. В.И. Ленин, смирившись с неудачей в деле советизации Польши, после 22 сентября 1920 г. стал торопить А.А. Иоффе поскорее договориться с Варшавой о перемирии и прелиминарных условиях мира¹⁸².

¹⁸⁰ Pasztor M. Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924-1939. Warszawa, 2015. S. 29.

¹⁸¹ См. напр., выступление А. Бриана в: Wells H.G. Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand. London, 1922. P. 233-257.

¹⁸² Подробнее см.: Матвеев Г.Ф. От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге // Родина. 2013. № 6. С. 91-94; Матвеев Г.Ф. Тактика А.А. Иоффе на переговорах опрелиминарном мире 22 сентября - 12 октября 1920 года // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42-47; Матвеев Г.Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Т. 1. М., 2018. С. 416–417; Матвеев Г. Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года // Новая и новейшая история. 2021. №. 3. С. 130-143.

Париж, не демонстрируя явной поддержки политическим целям Варшавы, помогал польской армии в ходе военных кампаний¹⁸³. В Польшу была направлена военная миссия и большое количество военных советников, а генерал М. Вейган был советником при польском верховном командовании во время кульминационных событий в августе 1920 г., чем дал почву для создания легенды, которую впоследствии активно культивировали французы и польские правые, что именно Вейган являлся истинным спасителем Польши.

27 октября 1920 г. в газете пилсудчиков «Наруд» вышла статья под неоднозначным заголовком «О союзе с Францией». По всей видимости, сама идея подобной статьи была инспирирована в Бельведере и являлась пробным шаром в адрес Франции. Неизвестный автор писал: «Сегодня Франция без Польши не могла бы существовать. Как раньше союз с Россией был для нее необходимостью, так сегодня такой необходимостью является союз с нами». По мнению автора, только сильная Польша может помочь Франции стоять на страже Версальской системы и предотвращать угрозу ревизионизма, так что «с Францией должен быть заключен официальный союз», опирающийся на взаимовыгодное и взаимообязывающее сотрудничество на основе общих интересов.

Уже 27 декабря французское правительство осознало такую необходимость и пригласило Пилсудского посетить Париж. С 3 по 6 февраля 1921 г. маршал в сопровождении министра иностранных дел Е. Сапег и военного министра К. Соснковского посетил с официальным визитом Париж¹⁸⁴.

Подписанное в Париже Сапегой и А. Брианом 19 февраля 1921 г. польско-французское политическое соглашение и тайная военная конвенция от 21 февраля имели для II Речи Посполитой первоочередное значение и

¹⁸³ Для анализа (достаточно одностороннего) французского взгляда на проблему большевистской угрозы см.: Carley M.J. The Politics of Anti-Bolshevism: The French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // *The Historical Journal*. 1976. Т. 19. №. 1. P. 163-189; Carley M.J. Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Crisis in Poland in 1920 // *The International History Review*. 1980. Т. 2. №. 3. P. 410-431.

¹⁸⁴ Faryś J. *Między Moskwą a Berlinem. Wizje polskiej polityki zagranicznej w latach 1918–1939*. Szczecin–Warszawa, 2019. S. 90.

стали основой ее внешней политики и главным основанием стратегической безопасности. Политический договор предусматривал сотрудничество двух стран в вопросах внешней политики, а военная конвенция накладывала обязательства по оказанию эффективной и безотлагательной помощи в случае агрессии третьей стороны, а также определяла потенциальных противников (Германия, Россия). Однако вступление договоров в силу и выделение займа в размере 400 миллионов франков на перевооружение польской армии оказались в прямой зависимости от подписания выгодного прежде всего Франции торгового соглашения. Оно было заключено уже 6 февраля 1922 г., вместе с торговым договором и двусторонней конвенцией о защите имущества, прав и частных инвестиций, предусматривающих выгодные для французского капитала уступки в нефтяной отрасли¹⁸⁵.

Непосредственно из Парижа Е. Сапега отправился в Бухарест, где ему был устроен помпезный прием. 3 марта 1921 г. он и румынский министр иностранных дел Т. Ионеску подписали конвенцию об оборонительном союзе. К ней прилагалась тайная военная конвенция, подписанная начальниками генеральных штабов договаривающихся сторон генералами Т. Розвадовским и К. Кристеску. Срок действия договора был определен в 5 лет, затем он был продлен до 1939 г.¹⁸⁶. Договоры с Францией и Румынией стали единственными союзными договорами*, подписанными и ратифицированными Польшей в межвоенное двадцатилетие. Только в конце августа 1939 г. был подписан договор с Великобританией.

¹⁸⁵ Подробнее об этом вопросе см.: Girault R. L'Europe centrale et orientale dans la stratégie des hommes d'affaires et des diplomates français // Les relations financières internationales, facteurs de solidarités ou de rivalités. Bruxelles, 1979. P. 119-132; Landau Z., Tomaszewski J. Sprawa żyrdowska: przyczynek do dziejów kapitałów obcych w Polsce międzywojennej. Warszawa, 1983; Soutou G.-H. L'impérialisme du pauvre: la politique économique du gouvernement français en Europe centrale et orientale de 1918 à 1929 // Relations internationales. 1976. №. 7. P. 219-239.

¹⁸⁶ Подробнее см.: Walczak H. Sojusz z Rumunią w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918-1931. Szczecin, 2008.

* Все политические партии Польши сходились во мнении, что краеугольным камнем внешней политики является союз с Францией, так как только он обеспечивал необходимые гарантии безопасности. Однако существенная дисперсия во мнениях была в отношении союза с Румынией. Например, в ШПС считали, что этот союз был инспирирован Парижем, желавшим вернуть утраченные в России капиталы и строившим блок с Польшей и Румынией, чтобы оказывать давление на Москву. Кроме того, социалисты с опаской относились к союзу с Румынией из-за бессарабского вопроса, являвшегося в то время основной причиной румынско-советского конфликта.

Важно понимать и учитывать, что с политической точки зрения польско-французский союз никогда не был альянсом двух равноправных партнеров. Интересы обеих стран, даже несмотря на сближение в связи с эвентуальной немецкой агрессией, не были идентичными¹⁸⁷. Французский посол в Польше Л. Ноэль, оценивая польско-французский военный союз, отмечал, что в действительности он так никогда и не был создан, а сам договор 1921 г. являлся политическим соглашением, подразумевающим взаимопомощь в случае эвентуальной агрессии. Ноэль заостряет внимание на том, что в самом тексте не содержалось никаких уточнений в отношении технических условий вступления в силу обязательств о взаимопомощи¹⁸⁸.

В Польше критичнее всего отнеслись к союзу с Францией социалисты. Причин для этого было много, одна из них заключалась в том, что они не соглашались с политикой Франции по отношению к России, Германии и Чехословакии. Важно отметить, что в связи с успешным визитом Пилсудского в Париж разногласия отошли на второй план, тем более что сам визит и заключенное соглашение подняли в глазах международной общественности как авторитет самого маршала, так и Польши как независимого актора. «Франция видит в Польше не клиента, – с восторгом писала социалистическая пресса, – а сильного, способного развиваться союзника»¹⁸⁹. Позиция ППС в вопросе союза с Францией была отражена в цикле статей в партийном органе «Роботник».

Польша считала средством обеспечения своей безопасности от Германии принуждение Берлина любыми доступными способами соблюдать и уважать постановления Версальского договора. Для Франции, стремившейся удержать территориальные приобретения и сохранить свои позиции на международной арене, эта проблема уже с 1924 г. рассматривалась в плоскости либо непосредственного соглашения с Берлином (в форме запуска многосторонней схемы, где Германия была одним из главных участников), либо же (по мере того, как эта концепция

¹⁸⁷ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1922-1939. Cz. I (1922-1932). Warszawa, 1993. S. 9-10.

¹⁸⁸ Noël L. La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984. P. 174.

¹⁸⁹ Цит. по: Faryś J. Między Moskwą a Berlinem. S. 91.

становилась все менее реальной) достижения поставленных целей методом дипломатического шантажа, который заключался в демонстративном укреплении связей с Польшей и странами Малой Антанты¹⁹⁰. Франция не была одинока в таком «инструментальном» отношении к другим странам. Представляется интересным мнение французского историка Сабин Дюллен, утверждающей, что уже с середины 1930-х гг. СССР «использовал», скорее даже «разыгрывал карту» отношений между Францией и ее союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе, стремясь обезопасить советскую территорию от эвентуальной немецкой агрессии путем ведения военных действий в «буферной» зоне, входившей до революции в состав Российской империи¹⁹¹.

Следует отметить, что польское правительство изначально старалось повлиять на французский истеблишмент – как извне, при помощи пропаганды, так и изнутри. В этой связи стоит упомянуть специальную миссию Казимежа Раковского, близкого соратника Войцеха Корфанты. Раковский был дипломатическим представителем Польского плебисцитного комиссариата при делегации польского правительства на мирной конференции, и в течение своего пребывания в Париже – с августа 1920 до конца 1921 г. – помимо информационной и пропагандистской деятельности, активно занимался «деятельностью в парламентских сферах». Благодаря его усилиям в Национальном собрании Франции в мае 1921 г. была образована парламентская группа «Друзья Польши» (*«les Amis de la Pologne»*), состоявшая прежде всего из противников брианизма. Так как основная цель миссии Раковского заключалась в обеспечении французской поддержки на плебисците в Верхней Силезии, то он смог привлечь на свою сторону нескольких французских депутатов, выступления которых повлияли на «благоприятную, по словам Раковского, позицию палаты депутатов в

¹⁹⁰ Pasztor M. Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924-1939. S. 30.

¹⁹¹ Dullin S. Des hommes d'influence. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930-1939. Paris, 2001. P. 103.

дискуссии о Силезии», которая состоялась в Национальном собрании 24-26 мая 1921 г.¹⁹².

В воеводском государственном архиве в Катовицах хранятся документы, посвященные миссии Раковского в Париж в 1921 г. В них содержатся рукописные отчеты Раковского, касающиеся отношения Парижа к вопросу Верхней Силезии, а также некоторых деталей пребывания Раковского в Париже¹⁹³.

24 мая 1921 г., выступая на заседании нижней палаты Национального собрания Франции, А. Бриан коснулся проблемы беспорядков в Верхней Силезии и выступил за строгое соблюдение предписаний Версальского договора. Французский министр иностранных дел обвинил Варшаву в инспирировании вооруженной борьбы (Третье Верхнесилезское восстание) и отметил, что подобное поведение — это «серьезный удар по договору». Бриан подчеркнул, что «мы обеспечили порядок, по мере сил сделали все, что от нас требовалось» и что «проблема безопасности – будь то разоружение Германии или серьезные события, которые могут разжечь пожары в Верхней Силезии – вопрос безопасности, жизненно важный для Франции, возник, и не могло быть никаких колебаний»¹⁹⁴.

М. Паштор, тщательно проанализировавшая французские парламентские дебаты за этот период, отмечает, что деятельность будущих членов группы «Друзей Польши» существенно повлияла на благоприятную позицию палаты по вопросу польско-немецкого противостояния в Верхней Силезии. Не вызывает сомнений, что сама Франция была заинтересована в решении верхнесилезского вопроса в пользу Польши, так как это стало бы

¹⁹² Pasztor M. Słabnące lobby. Działalność propolskich grup parlamentarnych we francuskim Zgromadzeniu Narodowym w latach 1921-1936 //Dzieje Najnowsze: [kwartalnik poświęcony historii XX wieku]. 1997. T. 29. № 3. S. 48.

¹⁹³ Dr Kazimierz Rakowski – działalność w Paryżu. [электронный ресурс] // <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/20270205> (дата обращения: 27.10.2020).

¹⁹⁴ J.O. Chambre. 24.05.1921. P.2357-2358. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63531240> (дата обращения 27.10.2020).

еще одной мерой серьезного ослабления Германии путем лишения ее важного промышленного района*.

Например, депутат от Роны Ф. Рего, выступая категорически против Бриана, сослался на свои собственные наблюдения, сделанные во время его поездки в Верхнюю Силезию в момент проведения плебисцита. Он решительно опротестовал неблагоприятные для Польши результаты плебисцита, сообщив собранию, что немецкое преимущество было связано с тем, что они привели на выборы 186 000 эмигрантов*, а также оказывали экономическое давление на более слабое польское население. Более того, сразу после оглашения результатов вечером 20 марта в Ополе, столице Опольской Силезии, «организованные немецкие банды» провели манифестации на центральных улицах города, распевая «Deutschland über Alles», и когда толпа остановилась перед правительственным дворцом, она стала освистывать Межсоюзническую комиссию и, в частности, французского генерала Анри Ле Рона. По мнению Рего, это была отнюдь не «спонтанное проявление», а запланированная и подготовленная акция, отражающая «состояние души». Рего прямо заявил, что имея в руках экономический потенциал Верхней Силезии, Германия использует его в

*20 марта 1921 г. состоялся Верхнесилезский плебисцит. Явка была беспрецедентно высокой – 98% (1 190 846 человек). За включение Верхней Силезии в состав Польши проголосовало 40,4 %, в состав Германии - 59,5%. После подведения итогов плебисцита представители Великобритании и Италии предложили разделить Верхнюю Силезию с учетом его результатов, таким образом наиболее развитые промышленные районы отошли бы к Германии. Франция же, выступая категорически против усиления своего исконного противника, поддерживала Польшу. Более того, глава Межсоюзнической административной и плебисцитной комиссии в Верхней Силезии французский генерал Анри Ле Рон разрешил полякам имитировать возмущение англо-итальянским вариантом решения верхнесилезского спора с его последующим перерастанием в вооруженное восстание, основные силы которого составили регулярные части Войска Польского. 9 мая 1921 г. французский посланник в Берлине заявил, что посылка райхсвера в Верхнюю Силезию будет воспринята как нарушение Версальского договора и Франция ответит на этот шаг оккупацией Рурской области. Решительная поддержка Францией польских территориальных притязаний привела к тому, что 20 октября 1921 г. на конференции послов в Париже было принято решение разделить территорию по линии противостояния польских и немецких формирований. Таким образом, Польша получила 1/3 Верхней Силезии, однако, именно там располагалось большинство промышленных предприятий. См. подр.: Малес-Маснык В. Plebiscyt na Górnym Śląsku: geneza i charakter. Opole, 1989; Матвеев Г.Ф. Как делалось Силезское восстание 1921 г. // Casus belli в международных отношениях XIX-XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. М., 2023. С. 108-130.

* Согласно установленным в Париже правилам проведения плебисцита в Верхней Силезии, в нем имели право принять участие все родившиеся в этой провинции вне зависимости от их позднейшего места проживания. И именно Польша при окончательном определении порядка проведения плебисцита настояла на праве мигрантов участвовать в нем.

войне против Франции¹⁹⁵. Другие депутаты также неоднократно указывали на то, что Франция должна неизменно поддерживать интересы своих союзников, в частности – Польши, иначе все возрастающее влияние Великобритании на континенте грозит Франции потерей своего положения великой державы. Примечательно, что при анализе французских дебатов, посвященных Верхней Силезии, складывается стойкое впечатление, что в конечном счете большинство депутатов отстаивали точку зрения Польши не столько как дань союзническим чувствам, а в связи с тем, что этот вопрос, по их мнению, был тесно связан с безопасностью Франции и борьбой с угрожающим ее интересам «экономическим пангерманизмом».

Стоит отметить, что после прений 24-26 мая многие французские депутаты стали воспринимать необходимость защиты интересов Польши в Верхней Силезии как существенный элемент *raison d'état* Франции. Парижу был нужен сильный союзник, который в дальнейшем не станет обузой, а также возможность реализации собственных экономических интересов в регионе. Как пишет Раковский в своем отчете, пропольская кампания в нижней палате депутатов привела к созданию парламентского клуба «Друзей Польши» – «он должен был стать своего рода польским лобби на форуме французского парламента». Цели данного клуба также заключались в сотрудничестве «с польским представительством по всем вопросам внешней политики, представляющим для нас общий интерес»¹⁹⁶. Раковский принял участие в первом заседании этой парламентской группы. Несколько позднее аналогичная группа была создана в верхней палате Национального собрания, ее возглавил левый республиканец Пьер Этьен Фланден, позднейший премьер-министр и министр иностранных дел.

В контекст развития польско-французских отношений особое внимание заслуживает позиция самого Бриана, который 15 апреля 1921 г. на заседании парламентского комитета по иностранным делам заявил, что «военные

¹⁹⁵ J.O. Chambre. 24.05.1921. P.2357. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6353125d> , J.O. Chambre. 25.05.1921. P.2396-2398. (дата обращения: 27.10.2020).

¹⁹⁶ Цит. по: Pasztor M. Słabnące lobby. Działalność propolskich grup parlamentarnych we francuskim Zgromadzeniu Narodowym w latach 1921-1936 // *Dzieje Najnowsze*. Т. 29. 1997. № 3. S. 50.

договоры, заключенные с Польшей, не были такой природы, чтобы нас серьезно привлекать или брать ответственность за всю международную ситуацию в Польше». Он также добавил, что «эти военные договоры были подчинены экономическим договорам», которые на момент обсуждения еще не были подписаны¹⁹⁷. В отношении Польши Бриан старался высказываться очень осторожно, что было крайне невыгодно Варшаве.

М. Паштор отмечает неуклонный рост числа членов группы «Друзей Польши», а также влияния, которое она оказывала на французское общественное мнение, способствуя тем самым принятию благоприятных для интересов Польши решений. Однако победа блока левых партий на парламентских выборах 11 мая 1924 г. привела к существенному изменению баланса сил в Национальном собрании. Участники польского клуба – в большинстве своем члены Демократического союза – потеряли свое преимущество и влияние. В сложившейся ситуации в Варшаве стали осознавать острую нехватку благосклонно настроенных к польским делам сил в новом Национальном собрании в условиях осложнявшейся международной ситуации, особенно, в свете шагов, предпринятых Брианом и Великобританией для достижения взаимопонимания с Германией в Локарно. Как справедливо замечает Ю. Лаптос, польская пропаганда во Франции, несмотря на выделяемые на ее осуществление значительные суммы, была малоэффективна. Отсутствие конкретных основ и определения стратегических целей, а также нехватка научной базы — все это раз за разом приводило к неудачным кампаниям в прессе. Культурная пропаганда, которую, по сути, проводила только группа «Друзей Польши», была также ограничена¹⁹⁸.

Проигрыш на выборах 1924 г. правого Национального блока, ярых сторонников полного выполнения постановлений Версальского договора и польского-французского сближения, а также отставки премьера и министра иностранных дел Раймона Пуанкаре и президента Александра Мильерана на

¹⁹⁷ J.O. Chambre. 25.05.1921. P. 2418. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6353126t> (дата обращения: 03.11.2020).

¹⁹⁸ Łaptos J. Francuska opinia publiczna wobec spraw polskich w latach 1919-1925. Kraków, 1983. S. 167-168.

фоне все усложняющегося международного положения Франции положили начало пересмотру внешнеполитического курса Франции, свидетельством чего впоследствии стали Лондонская конференция (следствием которой стало принятие плана Дауэса в 1924 г.), Локарно (1925) и, наконец, вывод войск из Рейнской демилитаризованной зоны в 1930 г. Возможность получения французской военной помощи для Польши становилась более сложным делом.

Но польские дипломаты далеко не сразу уловили новую тенденцию в французской внешней политике. Так, польский поверенный в делах Ян Шембек писал в МИД, что, «несмотря на смену правительства, Франция сохранит свои обязательства перед нами», а ведущие политики картеля левых «имеют понимание польских дел и традиционную привязанность к ней [Польше – *А. К.*]»¹⁹⁹. Схожего взгляда придерживался посол Альфред Хлаповский, сообщавший в Варшаву: «Что касается отношения нового правительства [*Э. Эррио – А. К.*] к польским делам, то, в принципе, как и ко всем союзникам Франции, оно скорее доброжелательное»²⁰⁰. В том же рапорте от 20 июня 1924 г. он писал, что из заявления Бриана «если не прямо, то косвенно следует, что Франция не собирается менять свою внешнюю политику, что она желает сохранить существующие отношения с союзниками, а значит и с Польшей». К сожалению, будущее показало излишний оптимизм подобных заявлений.

Определенное влияние на польско-французские отношения оказывали противоречия и конфликты между «малыми союзниками» и их нежелание безоговорочно подчиняться политическому курсу, обозначенному Парижем. Существенным препятствием стало, в частности, не устроившее Пилсудского и большую часть польского общества решение великих держав по выгодному для Праги урегулированию спора по Тешинской области в 1920 г.²⁰¹. Естественно, что вследствие этого в Польше стали преобладать

¹⁹⁹ Цит. по: Pasztor M. *Słabnące lobby*. S. 47.

²⁰⁰ Цит. по: *Ibidem*. S. 47.

²⁰¹ Для анализа антипольских взглядов Э. Бенеша см.: Kalvoda J. *Czechoslovakia's role in Soviet strategy*. Washington, 1978. P. 36-37.

античехословацкие настроения, ослаблявшие профранцузский блок в Восточной Европе.

Совокупность этих и других факторов порождала в умах французских политиков мысль о том, что интересы их страны заключаются в постепенном освобождении от слишком связывающих свободу ее действий на германском направлении обязательств перед государствами Восточной Европы. Да и невозможность бесконечно долго поддерживать прежнюю мощь французской армии и ставший следствием этого мобилизационный план оборонительного характера ставила под вопрос возможность оказания эффективной помощи своим союзникам в Восточной Европе в случае их военного конфликта с Германией или СССР²⁰².

Первые симптомы ослабления польско-французского союза дали о себе знать уже с 1924 г., когда Париж, под давлением Великобритании и США, стал склоняться к отказу от силовых методов принуждения Германии к исполнению репарационных постановлений союзников, в связи с чем антигерманский союз с Варшавой утрачивал свою прежнюю значимость. С этого момента Бриан, а затем и его преемники трактовали франко-польский союз как предмета торга в каждой новой комбинации, служившей интересам Франции в отношениях с Германией.

Первым явным сигналом изменения Парижем подхода к союзу с Варшавой стала Локарнская конференция 1925 г., на которой Франция для достижения своих целей пошла на корректировку своих отношений с польским союзником. По оценкам ряда исследователей, Локарно показало недееспособность польско-французского союза в отношении Германии и разницу взглядов сторон на проблему сдерживания Германии. В результате постановления польско-французского военного союза 1921 г. утратили свой прежний автоматический характер²⁰³. Более того, во Франции постепенно

²⁰² Doise J., Vaïsse M. *Politique étrangère de la France: diplomatie et outil militaire (1871-1991)*. Paris, 1992. P. 339-349.

²⁰³ Подробнее о влиянии Локарнского договора на польско-французские отношения см.: Balcerak W. *Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna*. Wrocław, 1967; Ciałowicz J. *Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921-1939*. Warszawa, 1970. S. 129-141; Cienciala A.M., Komarnicki T. *From Versailles to Locarno. Keys to Polish foreign policy, 1919-1925*. University press of Kansas, 1984. P. 255-276; Krasuski J. *Stosunki polsko-niemieckie, 1919-*

стало появляться ощущение, что Польша становится для нее, урегулировавшей свои отношения с Германией и получившей поддержку Великобритании, обузой, ибо Варшава не может найти модус-вивенди с Берлином. Локарно охладило отношения между Варшавой и Парижем и имело длительные негативные последствия²⁰⁴.

Прения по вопросу о ратификации Локарнских соглашений, проходившие в Национальном собрании с 25 февраля 1925 по 3 марта 1926 г., продемонстрировали, что даже у польского лобби отсутствует желание отстаивать интересы польского союзника. Большинство членов этой группы, хотя и отмечали присущие договорам недостатки, поддержали ратификацию договоров, оценив их как благоприятные с точки зрения политического и стратегического положения Франции и ее восточных союзников. За ратификацию, несмотря на кажущиеся процедурные пробелы, связанные с гарантиями для Польши и Чехословакии, высказался докладчик и член польско-французской парламентской группы Жозеф Поль-Бонкур, позднейший премьер-министр и министр иностранных дел. Он полагал, что Локарно не только принесет Западной Европе долгожданное успокоение, что отвечает интересам и восточноевропейских союзников Франции, но и послужит своего рода положительным примером для Германии²⁰⁵.

Справедливости ради стоит отметить, что единственным депутатом, который постоянно указывал на таящуюся в Локарнских соглашениях угрозу не только для Польши и Чехословакии, но и для самой Франции, был Луи Марен. Он утверждал, что союз Польши и Франции является фундаментальной основой мира и безопасности в Европе²⁰⁶, что Локарно принес Франции вместо «братской помощи» полную зависимость от

1925 Poznań, 1962. S. 427-461; Wandycz P.S. France and Her Eastern Allies, 1919-1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minnesota, 1962. P. 341-367; Wroniak Z. Polityka polska wobec Francji w latach 1925-1932. Poznań, 1987. S. 9-39.

²⁰⁴ Cienciala A.M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno. P. 260-271.

²⁰⁵ J.O. Chambre. 02.03.1926 P.1132. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6395504b> (дата обращения: 07.11.2020).

²⁰⁶ Цит. по: Smogorzewski C. La Politique polonaise de la France: déclarations d'hommes d'état, savants, écrivains et publicistes français. Paris, 1926. S. 81.

Великобритании и, как следствие, значительно ослабил ее безопасность²⁰⁷, предостерегал от предоставления Германии равноправия, от разделения государств Европы на две группы, неравные с точки зрения правовой защиты границ. Протестовал он и против принятия Германии в Совет Лиги наций в качестве постоянного члена под предлогом, что в случае опасности, используя свое положение, она не позволит Франции двинуть свои войска для защиты Польши или Чехословакии²⁰⁸. Марен прямо заявил: «Я испытываю еще большее беспокойство, когда думаю о ситуации, в которой оказались наши друзья с востока – Польша и Чехословакия. Германия признала границы на западе, но отказывается признавать восточные границы ... Почему Германия соглашается на признание западных границ, а не восточных? Все спрашивают себя, а не там ли когда-то вспыхнет искра, которая подожжет всю Европу»²⁰⁹.

Государственный переворот Пилсудского 12 мая 1926 г. не сразу ознаменовал новую эру во франко-польских отношениях. Новое правительство некоторое время продолжало во внешней политике прежнюю линию. Поворотный момент наступил лишь в 1928-1930 гг. Так как Франция была заинтересована в сохранении территориального статус-кво в Европе, в том числе Восточной, то не было причин для существенной корректировки внешнеполитического вектора, и Польша по-прежнему продолжала ориентироваться на Париж. Однако важно иметь в виду, что после майских событий кардинально изменился порядок функционирования МИД Польши. С 15 мая 1926 г. и вплоть до 12 мая 1935 г. внешняя политика нераздельно находилась в руках Пилсудского. Президент, премьер, министр иностранных дел были лишь техническими исполнителями воли маршала. Во многом этим можно объяснить тот факт, что с мая 1926 г. в Польше сменилось лишь два министра иностранных дел, а до этого года их с конца 1918 г. было сразу 17!

²⁰⁷ Цит. по: Ibidem.

²⁰⁸ J.O. Chambre. 27.02.1926 P.1042-1044. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64108377> (дата обращения: 07.11.2020).

²⁰⁹ J.O. Chambre. 27.02.1926 P.1050. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64108377> (дата обращения: 07.11.2020).

В начале 1930-х гг. во французской прессе «стали раздаваться голоса, призывающие к отмене договора с Польшей и требующие пересмотра договоров, относящихся к восточным границам Германии»²¹⁰. Однако Бриан, стремясь ослабить обязанности, наложенные военной конвенцией, и в конечном счете свести их к техническому военному соглашению политического характера, в инструкциях для военных и дипломатов постоянно подчеркивал необходимость создания для поляков видимости неизменности политической и военной ценности конвенции 1921 г.

Выражением этих тенденций во внешней политики Франции стали поездка в Варшаву маршала Луи д'Эспере 17-19 ноября 1927 г. и беседы по вопросу уточнения некоторых пунктов конвенции с целью сокращения французских военных обязательств, которые с января 1928 г. в польском МИД вел посол Ж. Ларош. Стоит отметить, что схожую цель преследовал в июне 1934 г. визит в Варшаву генерала Мари-Эжена Дебени²¹¹.

Весной 1932 г. германский канцлер Г. Брюнинг разработал далеко идущий план пересмотра Версальского договора (если точнее, части V, накладывавшей на Германию ограничения в сфере вооружения) и в апреле отправился с ним в Лигу наций Женеву, где, по свидетельствам У. Черчилля, встретил неожиданно благосклонный прием. Было решено, что может быть достигнуто соглашение, в основе которого будет лежать «принцип равенства вооружений между Германией и Францией, правда, с оговоркой о возможности различного его толкования»²¹². Воодушевленная неожиданным успехом, Германия уже 29 августа 1932 г. выдвигает новые требования «о равноправии вооружения» – министр иностранных дел барон К. фон Нейрат вручает французскому послу в Берлине Франсуа-Понсе меморандум, в котором французскому правительству предлагалось начать конфиденциальные переговоры для урегулирования этого вопроса и пересмотра ограничений Версаля.

²¹⁰ Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921-1939. S. 161.

²¹¹ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1922-1939. Cz. I (1922-1932). S. 251- 255; Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. Warszawa, 2000. S. 113.

²¹² Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1. The Gathering Storm. Boston, 1986. P. 57-58.

В отношении военной системы германское правительство хотело обладать правом, «каким обладают все остальные государства, а именно определить эту систему ... в соответствии с нуждами страны и ее экономическими и социальными особенностями»²¹³. Примечательно, что уже на следующий день, 30 августа, об этом визите уведомили французское посольство в Варшаве, и поверенный в делах П. Бресси немедленно передал польскому правительству как немецкие предложения, так и перечень возможных осложнений, которые они могли повлечь за собой. Министр иностранных дел Залеский сообщил, что польская точка зрения совпадает с французской и с удовольствием услышал от французов то, что и хотел – часть V Версальского договора (ограничения вооружения Германии) является постоянным элементом европейской системы безопасности²¹⁴. Этой позиции Пилсудский придерживался вплоть до своих последних дней (даже несмотря на последующий политический поворот в отношениях с Германией).

Париж решительно отверг подобные требования Берлина в ноте от 11 сентября 1932 г., отмечая, что французы не намерены вести по данному вопросу сепаратные переговоры²¹⁵. Великобритания поддержала французскую позицию, в результате чего германское правительство в очередной отказалось участвовать в заседаниях конференции по разоружению, которые должны были начаться 21 сентября.

Возможно, надежды Берлина так и разбились бы о правовые препоны, которые активно выстраивали в Париже и Лондоне, если бы не Муссолини, написавший статью, в которой выражал поддержку немецким притязаниям и отмечал, что «Германия не может вечно оставаться беспомощной среди вооруженных наций»²¹⁶. Очевидно, что пересмотр Версаля также был в

²¹³ Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению. Признание Маньчжоу-Го и др. / Наркомат по иностранным делам СССР; Ред. К.В. Антонов. М., 1933. С. 104.

²¹⁴ Laroche J. Polska lat 1926–1935. Warszawa, 1966. S. 111-112.

²¹⁵ Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. IV. С. 105-109.

²¹⁶ Цит. по: Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959. С. 328.

интересах Италии, он позволил бы ей укрепить свое влияние в Центральной и Южной Европе и, тем самым, существенно ослабить позиции Франции.

В сложившейся ситуации принципиальную роль должна была сыграть позиция США, что и произошло 2 декабря 1932 г., когда глава американской делегации на Женевской конференции Н. Дэвис прямо заявил, что необходимо «дать Германии такую же военную систему, что и другим континентальным странам и ту же конвенцию о разоружении»²¹⁷.

На этот раз Франция оказалась не в состоянии отстоять свою точку зрения и убедить другие великие державы в возможных катастрофических последствиях вооружения Германии. 11 декабря 1932 г. в Женеве совещание пяти держав (Великобритании, США, Италии, Франции и Германии) постановило, что конференция предоставит Германии и другим разоруженным странам «равенство прав в системе, дающей безопасность всем нациям»²¹⁸. После принятия резолюции Германия заявила о возвращении на конференцию.

Стоит отметить, что на Женевской конференции Польша старалась поддерживать и продвигать инициативы Франции. Как писал французский посол Ж. Ларош, «проводя в Женеве ту же игру, что и мы, они оказывали гарантированную, большую помощь французской делегации»²¹⁹. Апеллируя к «молодости» своей армии, польская делегация – как и члены Малой Антанты – хотела, чтобы за ней признали право продолжать ее усилия по наращиванию военной мощи²²⁰. Однако это финальное сотрудничество членов французской системы союзов разбивалось о формулу «*Gleichberechtigung*», или «равноправия вооружения» для Германии.

Премьер-министр Франции Э. Эррио должен был разъяснить странам, которые не консультировались и не участвовали в совещании пяти держав, но были в первую очередь обеспокоены этим, почему же у Франции было

²¹⁷ Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Second series. Vol. IV. P. 309.

²¹⁸ Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. V. Экономические конференции и соглашения. М., 1933. С. 138.

²¹⁹ Laroche J. Polska lat 1926–1935. Warszawa, 1966. S. 102.

²²⁰ Davion I. Le système d'alliances français à la conférence du désarmement de 1932 // Cahiers du CESAT. № 16. 2009. P. 87-66.

очень ограниченное пространство для маневра в этом вопросе. Буря, разразившаяся тогда в Польше, совпала с отставкой А. Залеского, которого 2 ноября 1932 г. на посту министра иностранных дел сменил полковник Ю. Бек, имевший репутацию франкофоба. С этого момента польско-французские отношения вступили в свою наиболее сложную фазу.

Одновременно с приходом Бека на пост министра в польском МИД начались активные кадровые перестановки, насторожившие французскую сторону. 8 ноября Габриэль Пуо, в 1928-1933 гг. французский посол в Румынии, в письме к Эррио не скрывал своего удивления по поводу назначения тогдашнего посла Польши в Румынии Я. Шембека единственным заместителем Бека. Пуо писал: «Тем, кто знает графа Шембека, с трудом бы пришло в голову, что при выборе его заместителем министра Бек руководствовался достоинствами его ума. ... Новый министр иностранных дел был очарован тем, что у польского посла в Бухаресте имеется медлительного, женоподобного, нехорошего как с точки зрения ума, так и характера. Имея такого сотрудника, Бек не должен бояться интриг, какие плел сам, чтобы стать правопреемником Залеского»²²¹.

17 января 1933 г. Ларош в депеше премьер-министру Полью-Бонкуру, посвященной изменениям в польской дипломатии, дал подробную характеристику Ю. Лукасевичу, сменившему С. Патека на посту польского посла в Москве, и отметил, что «он принадлежал к наиболее преданной маршалу Пилсудскому группировке», что у него было много друзей среди пилсудчиков, например, Б. Венява-Длугошовский и сам Бек, и что «московское представительство в польской дипломатии принадлежит к одному из самых важных»²²². Отставке Залеского Ларош посвятил отдельный рапорт, в котором сожалел о таком ходе событий, отмечал симпатию Залеского к Франции и также передавал слова самого бывшего министра о том, что «несогласия с Беком стали причиной отставки ... он [Залеский – А. К.] не мог нести ответственность за последствия политики,

²²¹ Łaptos J. Dyplomaci II RP w świetle raportów Quai d'Orsay. Warszawa, 1993. S. 219.

²²² Ibidem. S. 222.

которую сам не поддерживал и которой не мог противостоять, а которая ему навязывалась с обращением к авторитету Пилсудского»²²³.

Таким образом, уже весной и летом 1932 г. стал проявляться кризисные явления польско-французских отношений, вызванные не в последнюю очередь сближением Парижа и Лондона. В Варшаве опасались, что подобного рода перемены повлекут за собой уступки Германии за счет Польши. И для этого у поляков были определенные основания – часть французской общественности разделяла такие взгляды, например, газета «Републик» регулярно писала о необходимости пересмотра польско-германской границы. В результате в окружении Пилсудского постепенно начинало утверждаться мнение, что Франция отворачивается от Польши, и чтобы в очередной раз не стать разменной картой в игре великих держав, Польше необходимо действовать более самостоятельно, без оглядки на Францию. По свидетельствам Лароша, в беседах с ним министр Залеский неоднократно намекал, что в польско-немецких отношениях постепенно наступает разрядка и что Варшава могла бы и сама найти модус-вивенди с Берлином, исключая при этом ревизию границ, установленных договорами. Ларош полагал, что результатом этой поведенческой линии Варшавы стала польско-германская декларация о неприменении силы от 26 января 1934 г.²²⁴.

§ 1.3. Между Германией и СССР

Политика Советского Союза и Веймарской Республики в отношении Польши анализировалась в ряде исследований, которые проводились в более широком европейском контексте. Большая часть польской историографии придерживается мнения о том, что основной причиной советско-германского сотрудничества в 1920-е – начале 1930-х гг. была общая ненависть к Польше. Однако в настоящее время историческая наука не располагает достаточным количеством материалов, позволяющих однозначно сделать такой вывод. В данном случае за безусловный факт мы можем принять лишь то, что

²²³ Ibidem. S. 224.

²²⁴ Laroche J. Polska lat 1926–1935. Warszawa, 1966. S. 110.

основным цементирующим фактором сотрудничества Германии и СССР была ненависть к Версальскому договору и тем унижениям, которым он подверг некогда великие державы.

По очевидным географическим причинам в первое время после прихода большевиков к власти Польша играла ключевую роль в их внешнеполитических планах на европейском направлении. В этой связи лидеры молодого советского государства регулярно артикулировали, что она должна была стать либо мостом, либо барьером на пути распространения коммунизма; во втором случае ее было необходимо разгромить, в первом – советизировать²²⁵. Этот выбор зависел прежде всего от того, в каком направлении будет развиваться ситуация в польских землях на заключительном этапе первой мировой войны: к социальному или национальному перевороту. Польский политический класс повел общество по второму пути, активно используя при этом стойкие национальные чувства и антирусские предубеждения поляков. У советского руководства понимание того, что в Польше не следует ожидать быстрой революции, приняло вполне конкретные формы примерно в середине марта 1919 г.²²⁶

Казалось бы, исполнение вековой мечты поляков о возрождении своего государства, должно было направить их энергию на его обустройство в духе описанных писателем Стефаном Жеромским мечтаний о Польше «стеклянных домов». Но этому помешала прочно укорененная в польском обществе историческая память о I Речи Посполитой, простиравшейся до Днепра на востоке. Поскольку Парижская мирная конференция не решала вопрос о западной границе будущей небольшевистской России, у польского руководства появился соблазн провести ее рубежами 1772 г. или близкими к ним, т.е. так или иначе связать с Польшей Литву, Белоруссию и Правобережную Украину. Но аналогичные претензии были и у советской стороны, что делало военный конфликт между Польшей и советскими

²²⁵ Korb J. Poland between East and West: Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919-1933. New Jersey, 1963. P. 11.

²²⁶ Матвеев Г.Ф. Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919-1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир: Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка. Серия Историки-слависты МГУ. Кн. 11. М., 2016.

республиками неизбежным²²⁷. Описание всех перипетий польско-советской войны 1919-1920 гг. не имеет прямого отношения к теме работы, поэтому ограничимся лишь констатацией, что завершивший ее Рижский мирный трактат не имел характера договора победителя с побежденным, а был соглашением компромисса. Именно так его оценивал, например, Г.В. Чичерин²²⁸. Именно в этом была одна из причин сохранявшейся в отношениях Москвы и Варшавы атмосферы взаимного недоверия и подозрительности.

Не лучше складывались польско-германские отношения. В течение пяти лет после войны в Германии сменилось девять правительств, и все они подвергались давлению крайне левых и правых, которое препятствовало их усилиям выработать хоть какое-то направление во внутренней или внешней политике. Однако существовал один кардинальный вопрос, по которому народ и политические партии были единодушны – польский вопрос. Эта страна, значительная часть которой, присоединенная к Германии после разделов XVIII века и Венского конгресса 1815 г., подверглась серьезному влиянию бисмарковских культуртрегеров, страна, презираемая «высшей» немецкой расой, теперь вышла победительницей и захватила немалые территории, которые пруссаки считали своими по историческому праву. Более того, была физически отделена от остальной Германии Восточная Пруссия, а Данциг объявлен вольным городом, но включен в таможенную границу Польши. Борьба за Верхнюю Силезию, богатую полезными ископаемыми и имевшую развитую промышленность, обернулась еще одним разочарованием для немецкого народа. Традиция ненависти и презрения к польскому народу теперь подкреплялась духом мести.

Таким образом, и Москва, и Берлин, оказавшиеся в рамках Версальской системы в положении изгоев, не могли не искать путей двустороннего сотрудничества, тем более учитывая формальную общность

²²⁷ Матвеев Г.Ф. Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919-1920 годах? // *Studia slavica-polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009.

²²⁸ Польско-советская война. 1919-1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. 2. М., 1994. С. 104.

текущих политических задач, а также культурные и общественные связи и особенно традиционную взаимодополняемость их экономик.

Реализацией этого взаимного стремления к сближению стало подписание в Рапалло в 1922 г. договора об урегулировании взаимных претензий, возникших в связи с событиями первой мировой войны. Это соглашение открывало путь для тесных политических и экономических отношений. Фактически Рапалльский договор стал основой германо-советского сотрудничества до 1934 г. В зарубежной историографии преобладает точка зрения, что одной из главных причин германо-советского сотрудничества стала общая враждебность к Польше²²⁹. Однако данное утверждение основывается не на документальных источниках, а на его политических оценках современниками²³⁰.

Против якобы агрессивных намерений Москвы в отношении Варшавы говорит и тот факт, что уже в ноябре 1924 г. СССР выдвинул идею заключения пакта о ненападении с Польшей (хотя и без точной формулировки условий). Это предложение сделал в Варшаве советский посланник Петр Войков²³¹. В январе 1925 г. польская сторона заявила о необходимости включения в эти переговоры Румынии и прибалтийских государств, но без Литвы²³². Для СССР, учитывая фактор Румынии, это было неприемлемое предложение, поэтому им было предложен контрпроект трехстороннего польско-франко-советского соглашения. Первый раз на возможность такого соглашения указал народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин в Москве в августе 1925 г., во время встречи с французским послом Жаном Эрбеттом. По предложению главы советской дипломатии Москва брала на себя обязательства гарантировать советско-польскую границу, установленную Рижским миром, в то время как

²²⁹ См. напр.: Niclauss K. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung: eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935. Bonn, 1966. S. 21.

²³⁰ Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Мезга Н.Н. Советско-польские отношения 1921-1926 годов: новый этап противостояния. Гомель: ГГУ им. Скорины, 2019 // Славяноведение. № 3. С. 131.

²³¹ ДВП СССР. Т. VII. М., 1963. С. 771-772. Также на эту тему см.: Materski W. Tarcza Europy: stosunki polsko-sowieckie, 1918-1939. Warszawa, 1994. S. 182; Gregorowicz S., Zacharias M. J. Polska — Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939, Warszawa, 1995. S. 19.

²³² ДВП СССР. Т. VII. С. 104-106.

Франция должна была оказывать на Польшу влияние в целях обеспечения мирной политики Варшавы в отношении Москвы.

В разговорах с Парижем Москва регулярно возвращалась к этой теме, как, например, во время визита Чичерина в Париже в ноябре и декабре того же года²³³, или позже, во время встречи в Москве заместителя наркома М.М. Литвинова с послом Эрбеттом 25 января 1927 г.²³⁴ В общем и целом, как уже отмечалось выше, это шло параллельно с желанием Франции выстраивать политический треугольник Париж–Варшава–Москва. По не совсем ясным причинам советская сторона одновременно не обращалась с аналогичным предложением непосредственно к Польше, предпочитая использовать французских дипломатов для зондажа Варшавы. Скорее всего, последняя знала об этом проекте еще с 1925 г., когда Чичерин на пути в Берлин остановился в Варшаве 27-29 сентября и во время бесед с министром иностранных дел А. Скшиньским говорил о пакте о ненападении, торговом договоре и как раз о возможном трехстороннем франко-польско-советском соглашении²³⁵.

Как писал П. Вандыч, перед приездом Чичерина Скшиньского консультировал Бриан, который подчеркнул, что хорошие отношения с Москвой находятся в интересах Польши. Важно также заметить, что осенью 1925 г. идея трехстороннего соглашения в какой-то степени была спровоцирована состоянием советско-германских отношений. Как полагает М. Волос, в 1927 г. данный маневр советской дипломатии также должен был служить предостережением Польше от выдвижения идей общего фронта с прибалтийскими странами и коллективного договора о ненападении²³⁶. П. Лоссовский также связывал советские инициативы с подписанным

²³³ Там же. С. 730-735.

²³⁴ Gmurczyk–Wrońska M. Negocjacje polsko–sowieckie o pakt o nieagresji w roku 1927 i w latach 1931–1932 // *Dzieje najnowsze*. 2012. № 3. S. 21.

²³⁵ Подробнее о визите см.: ДВП СССР. Т. VII. С. 552-555; Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924-1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007. С. 116-121; Кен О.Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930-1932 гг.). СПб., 2003. С. 7; Wandycz P. Aleksander Skrzyński, minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2006. S. 191–195.

²³⁶ Wołos M. Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń, 2004. S. 219.

28 сентября 1926 г. советско-литовским соглашением и советскими попытками торпедировать «идею Балтийского союза»²³⁷.

Важно помнить, что на набережной д'Орсэ уже с 1927 г. говорили, что заключение франко-советского договора возможно только в случае подписания аналогичного соглашения между СССР и Польшей. На этот факт в своих работах неоднократно указывали М. Волос и Ф. Дессберг²³⁸.

Первые трудности в германско-советском сотрудничестве возникли в 1925 г. В тот год в Локарно Германия подписала Рейнский пакт, в силу которого она гарантировала неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, а также демилитаризованный статус Рейнской области. Одновременно она подписала договоры о мирном урегулировании споров с Польшей и Чехословакией. В этой связи в Кремле стали беспокоиться о том, что Локарнские договоры приведут к прозападной ориентации германской политики и, как следствие, значительно меньшему интересу к дружественным отношениям с СССР.

В течение 1925 г. внимание советских центральных газет «Правды» и «Известий» было приковано к гарантийному пакту в общем, и поведению Германии в Локарно, в частности. Если учитывать тот факт, что до 1928 г. Г.В. Чичерин лично просматривал все статьи, так или иначе затрагивающие международные отношения, то некоторые пассажи, содержащие завуалированные предупреждения Веймарской республике, требуют пристального изучения. К. Радек в своей рубрике «Международное обозрение» регулярно предостерегал Германию от неверных шагов в сторону Запада и предупреждал о последствиях, которые могли бы повлечь со стороны СССР действия «без учета всяких сантиментов». Уже по официальным каналам в докладе на III Всесоюзном съезде Советов Чичерин прямо отметил, что если Германия пойдет на сближение с западными

²³⁷ Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie 1921–1939. Warszawa, 1997. S. 87.

²³⁸ Wołos M. Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. S. 371; Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009. P. 205–206; Dessberg F., Wołos M. Francusko-sowieckie i polsko-sowieckie negocjacje w sprawie zawarcia paktów o nieagresji w latach 1925–1927 // Zeszyty Historyczne. 2007. № 161. S. 73–74.

державами и вступит в Лигу наций, то сохранять дружественные отношения с СССР будет весьма затруднительно²³⁹.

Министр иностранных дел Германии в 1923–1929 гг. Г. Штреземан намеревался развивать хорошие отношения как с западными державами, так и с Советским Союзом. По мнению В. Кульского, цель этих действий была проста – Германия стремилась дипломатически изолировать Польшу²⁴⁰. Однако этот взгляд представляется односторонним, а действительность, как это обычно бывает, была намного сложнее. Само по себе географическое положение Германии в центре Европы и желание сбросить оковы Версаля требовали от нее лавирования и постепенного встраивания в европейские констелляции. Но, как отмечал сам Штреземан, выступая в рейхстаге, «как раньше, так и сейчас стратегический центр тяжести лежит безусловно в России»²⁴¹.

Стоит также отметить, что сложившаяся вокруг гарантийного пакта и планировавшегося вступления Германии в Лигу наций ситуация была во многом инспирирована Великобританией, желавшей в лице Германии иметь в Европе надежный противовес гегемонии Франции, а также, как полагают некоторые историки, возможный плацдарм для будущего наступления на Советский Союз. В конце 1925 г. советские руководители уже не сомневались в том, что Германия вступит в Лигу наций, и К. Радек в присущей ему язвительной манере выражал сомнения в том, что Германии будет позволено и дальше «сидеть на двух стульях, сохраняя хорошие отношения с СССР и одновременно улучшая свои отношения с союзниками»²⁴². Наряду с этим Москва, не желая быть пешкой в английской игре, решила сама начать разыгрывать польскую карту, и на страницах все тех же «Правды» и «Известий» СССР начинает активно приглашать Варшаву к сотрудничеству, приводя географические, исторические и экономические доводы. По сути, советский прогноз развития международной ситуации был

²³⁹ Подробнее см.: Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8. 2020. № 3. С. 109.

²⁴⁰ Kulski W.W. The Soviet Union, Germany and Poland // The Polish Review. 1978. P. 49.

²⁴¹ Центр тяжести – в России. Штреземан об отношениях с СССР // Правда. 1925. 20.05. № 113.

²⁴² Слово за Германией // Известия. 1925. 13.08. № 183.

достаточно взвешенным, прагматичным и, как показали дальнейшие события, недалеким от реальности – Великобритания желает втянуть Польшу в антисоветский лагерь, но при этом не побрезгует удовлетворить за ее счет германские территориальные претензии, Франция неуклонно слабеет и в скором времени будет не в состоянии выступать гарантом безопасности Польши, а вступление Германии в Лигу наций может повлечь за собой пересмотр границ. Таким образом, тезис о враждебном отношении СССР к Польше может быть в очередной раз подвергнут критике. Также примечательно и то, что каждый раз при упоминании в официозах возможности сближения с Польшей всегда фигурировала и Франция.

Перспективу вступления Германии в Лигу наций СССР прямо трактовал как утрату Берлином внешнеполитической самостоятельности и, возможно, как примирение с Версальским порядком. Напряженность в советско-германских отношениях не была до конца снята даже подписанием в Москве 12 октября 1925 г. торгового договора. В сложившейся ситуации германское руководство понимало, что Москву следовало успокоить и убедить в добрых намерениях, поэтому 24 апреля 1926 г. Веймарская республика и СССР подписали Берлинский договор о ненападении и нейтралитете. В дальнейшем вопрос о продлении этого договора был предметом оживленных дебатов в течение последних двух лет Веймарской республики и первого года канцлерства Гитлера.

Примечательно, что в немецких политических кругах сомнения относительно политического значения Берлинского договора начали возникать после подписания советским правительством в 1932 г. договора о ненападении с Польшей. Немцы задавались вопросом, собирается ли Москва отказаться от недружественной политики по отношению к Польше. Эти опасения были напрасны, так как Советский Союз не собирался дружить с Польшей, но отчаянно нуждался в пактах о ненападении со своими европейскими соседями (в 1932 г. СССР заключил схожие договоры не только с Польшей, но и с Финляндией, Эстонией и Латвией), чтобы обезопасить свои европейские границы и, следовательно, чувствовать себя

свободнее в нарастающем противостоянии с Японией. После японской оккупации Маньчжурии Москва стала предполагать, что Япония намеревается расширить свое господство в направлении советской дальневосточной территории и Монголии. Советско-японские вооруженные столкновения 1938 и 1939 гг. доказали, что советские опасения были вполне обоснованными.

В литературе подчеркивается, что 1932–1933 гг. были периодом наибольшего сближения и сотрудничества в истории польско-советских отношений в период между двумя мировыми войнами. Это рассматривается почти как модель отношений между государствами с различными социально-экономическими системами²⁴³. Однако лишь внимательные наблюдатели замечают, что это сближение с обеих сторон было очень сдержанным, скорее тактическим, чем стратегическим, и в первую очередь было призвано решить внешнеполитические задачи, выходящие за рамки двусторонних отношений²⁴⁴. Именно поэтому «медовый месяц» польско-советских отношений был столь недолог, и уже в 1934 г., когда Польша достигла своих тактических целей (Германия отказалась следовать курсом Рапалло и подписала с Варшавой декларацию о неприменении силы), а СССР убедился в невозможности торпедировать польско-германское сближение и совместно с Польшей создать антигерманский блок с государствами Прибалтики, Москва стала постепенно сворачивать диалог с Варшавой. Пилсудский же, вероятнее всего, к тому времени полагал, что дальнейшее сближение с Советским Союзом будет возможно лишь при отказе от политики нормализации отношений с Германией, позволявшей Польше, по его мнению, чувствовать себя на международной арене самостоятельным игроком, не зависящим в том числе и от Франции. Но, как замечает К. Рак, в действительности Польша лишала себя свободы маневра и все больше

²⁴³ Матерски В. К. вопросу о периодизации польско-советских отношений в межвоенный период // Вестник Московского университета. 1995. Т. 4. С. 73. Также см.: Белые пятна-черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Москва, 2017. С. 81-89, 109-111.

²⁴⁴ Подробнее см.: Materski W. The Second Polish Republic in Soviet Foreign Policy (1918-1939) // The Polish Review. 2000. Т. 45. №. 3. P. 338.

дрейфовала в направлении Германии²⁴⁵. После первого и единственного визита Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г. единственной сферой сотрудничества двух стран осталась только культура.

Опасения Берлина, что советско-польские переговоры о пакте о ненападении могут толкнуть Кремль к признанию нерушимости всех польских границ, заставили Москву сделать обнадеживающие жесты. 29 июня 1931 г. СССР сообщил Германии о своем желании продлить действие Берлинского договора 1926 года, а 13 декабря 1931 г. (то есть в разгар переговоров с Польшей) Сталин в беседе с немецким писателем Эмилом Людвигом, высказавшим опасения, что договор с Польшей будет означать разрыв дружеских отношений с Германией, так как, по сути, станет признанием версальских постановлений, заявил следующее: «Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем, так же как Польша не была и не будет гарантом наших границ. Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор. Таково мое твердое убеждение»²⁴⁶.

Но подозрения немцев не утихли. Рейхстаг не хотел ратифицировать протокол о продлении действия Берлинского договора. «Германская сторона прежде всего хотела исключить [советскую – А. К.] гарантию польской территориальной целостности»²⁴⁷. Подобное поведение вполне можно было объяснить надеждами немцев на мирный пересмотр германско-польской границы, что допускал Статут Лиги наций, а также возвращение Данцига в состав Германии.

Несмотря на нежелание рейхстага ратифицировать протокол о продлении срока действия Берлинского договора, СССР продолжал свою дружественную политику по отношению к Германии в течение двух последних лет существования Веймарской республики. Нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов на обеде в честь немецкого посла Г. фон Дирксена

²⁴⁵ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 982.

²⁴⁶ Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом 3 декабря 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 117.

²⁴⁷ Цит. по: Kulski W.W. The Soviet Union, Germany and Poland // The Polish Review. 1978. P. 50.

12 января 1933 г. отмечал, что Советский Союз придает огромное значение дружественным отношениям с Германией, а недавно заключенные пакты о ненападении с Францией и Польшей не изменили этой его позиции. Фон Дирксен в своих воспоминаниях отметил, что «... достичь тайной цели, столь желанной для Франции, а именно польско-русского примирения, оказалось для французов значительно более сложной задачей, поскольку Польша и Россия никогда не были по-настоящему дружественными по отношению друг к другу. ... Русские с опасением и недоверием наблюдали за новорожденной Польшей, считая ее сторожевым псом Франции в Восточной Европе и силой, направленной как против России, так и против Германии»²⁴⁸.

На советское дружелюбие не повлияла перспектива назначения Гитлера на пост канцлера Германии. 23 января 1933 года председатель СНК СССР В.М. Молотов в докладе на III сессии ЦИК СССР 6-го созыва подчеркнул: «Особое место в этих [международных – А. К.] взаимоотношениях принадлежит Германии. Из всех стран, имеющих с нами дипломатические отношения, с Германией мы имели и имеем наиболее крепкие хозяйственные связи. И это не случайно. Это вытекает из интересов обеих стран»²⁴⁹. Как считал посол фон Дирксен, именно враждебное отношение к Польше, «разделяемое как Россией, так и Германией, было важной связующей нитью в дружбе двух стран»²⁵⁰.

После прихода Гитлера к власти вопрос ратификации протокола, продлевающего действие Берлинского договора, Москва стала рассматривать как проверку намерений Берлина. Однако фюрер не спешил заверять Кремль в своей дружбе и уже в 1933 г. думал об улучшении отношений с Польшей и о возможности германо-польского сотрудничества против СССР. Но Гитлер не был уверен в том, какой ответ он получит в Варшаве, поэтому сжигать мосты с Москвой тогда было еще рано.

В дневнике заместителя наркома иностранных дел Н.Н. Крестинского зафиксирована высказанная им германскому военному атташе в Москве

²⁴⁸ Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон – двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 155.

²⁴⁹ ДВП СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 50.

²⁵⁰ Дирксен Г. фон. Указ. соч. С. 155.

Гартману оценка двусторонних отношений: «никогда эти отношения не осуществлялись в более тяжелой общеполитической атмосфере, чем сегодня»²⁵¹. Москва была не на шутку обеспокоена явным противоречием между заверениями канцлера и реальным положением дел. Гартман постарался успокоить заместителя наркома, заметив, что «военное ведомство Германии как один человек стоит за сохранение дружеских отношений с СССР и что военный министр Бломберг в этом духе выступает на заседаниях правительства»²⁵². Однако советско-германские отношения развивались лишь по инерции и было уже заметно, что поддержание тесных отношений с Москвой отнюдь не являлось внешнеполитическим приоритетом Гитлера.

Назначение Гитлера на пост канцлера поставило Пилсудского перед выбором такой линии поведения в отношении Германии, которая гарантировала бы безопасность Польши в ближайшие годы. В тот момент у маршала было две возможности: или затормозить военным путем процесс возрождения мощи Третьего рейха, пока на это есть шанс, или же протянуть Гитлеру дружескую руку и попытаться построить добрососедские отношения. Пилсудский сначала обдумывал первый вариант и обратился к Франции, чтобы узнать ее позицию по вопросу о превентивной войне с Германией. Франция отказалась, так как не чувствовала себя для этого достаточно сильной²⁵³. У маршала не оставалось иного выхода, кроме как выстраивать отношения с Гитлером самостоятельно. Подобно тому, как Пилсудский уже однажды бросил вызов Вольдемарасу в Женеве вопросом «Мир или война?», так и теперь он поставил перед Гитлером тот же

²⁵¹ Из дневника заместителя наркома по иностранным делам СССР Н. Н. Крестинского – запись беседы с послом Германии в СССР Г. фон Дирксеном и германским военным атташе в СССР О. Гартманом об ухудшении советско-германских отношений. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1296478#v=d&z=3&n=5&i=13519789_doc1.tiff&y=349&x=611 (дата обращения: 04.05.2021).

²⁵² Из дневника заместителя наркома по иностранным делам СССР Н. Н. Крестинского – запись беседы с послом Германии в СССР Г. фон Дирксеном и германским военным атташе в СССР О. Гартманом об ухудшении советско-германских отношений. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1296478#v=d&z=3&n=5&i=13519789_doc1.tiff&y=349&x=611 (дата обращения: 04.05.2021).

²⁵³ Подробнее см.: Кузьмичева А.Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933-1934) // Вестник Московского университета. Серия 8. 2018. № 1. С. 32–50.

ультиматум. Гитлер выбрал мир, и, надо признать, в тот момент он действительно имел его в виду.

Здесь стоит вернуться немного назад и вспомнить сюжет, который часто выпадает из поля зрения исследователей. Отто Вагнер (1888–1971) с лета 1929 вплоть до января 1933 г. входил в ближний круг Гитлера. Все события этого периода подробно изложил в своих мемуарах, которые озаглавил «Гитлер с близкого расстояния»²⁵⁴.

Вагнер описывал эпизод, как осенью 1930 г. в мюнхенском штабе НСДАП появился некий поляк, представился неофициальным эмиссаром маршала Пилсудского и заявил, что его миссия заключается в установлении контакта с Гитлером. По словам поляка, глава режима санации прекрасно понимал, что польский коридор создает потенциальную угрозу для вооруженного столкновения, так как Германия никогда не смирится с таким положением вещей. Именно для устранения этой опасности Пилсудский поручил ему предложить Гитлеру, «чтобы Польша и Германия заключили договор о мире и дружбе на десять лет сразу после прихода к власти национал-социалистов»²⁵⁵. Гитлер принял эмиссара и имел с ним двухчасовую беседу с глазу на глаз. Он сказал, что полон решимости последовать совету Пилсудского и заключить договор с Польшей сроком на 10 лет сразу после прихода к власти. Гитлер также добавил, что договор будет иметь колоссальный резонанс в мире, так как Германия продемонстрирует свою возродившуюся способность заключать договоры и «протягивать руку прежним врагам»²⁵⁶.

Анализируя данный эпизод, важно понимать, что отправление доверенных людей с тайной миссией было вполне в стиле маршала Пилсудского²⁵⁷. Именно во время визита гипотетического визита этого эмиссара НСДАП стала второй на парламентских выборах в Германии.

²⁵⁴ Wagener O. Hitler aus nächster Nähe: Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929-1932. Ullstein, 1978. В 1985 г. книга была переведена на английский под названием «Гитлер – воспоминания доверенного лица». Английская версия была несколько сокращена и отредактирована. Wagener O. Hitler: Memoirs of a Confidant. New Haven – London, 1985.

²⁵⁵ Wagener O. Hitler aus nächster Nähe. S. 118.

²⁵⁶ Ibidem. S. 120.

²⁵⁷ См., напр.: Lipski J. Diplomat in Berlin 1933–1939. New York, 1968. P. 11.

Знаменательно и то, что заключение польско-германского договора действительно произошло вскоре после прихода Гитлера к власти и стало первым внешнеполитическим успехом Третьего рейха²⁵⁸.

В это же время вступили в активную фазу франко-советские переговоры о заключении договора. Несмотря на то, что французское правительство действовало с оглядкой на своего польского союзника (Бриан считал, что «заключению франко-советского пакта должно предшествовать или сопутствовать заключение польско-советского пакта»²⁵⁹), Варшава на советском направлении проявляла много меньше энтузиазма, чем на немецком. Польский посол в Москве С. Патек, вручая проект договора заместителю наркома иностранных дел Л.М. Карахану 23 августа 1931 г., «не предлагал возобновить переговоры и сам охарактеризовал документ как подведение итогов переговоров 1926–1927 гг.»²⁶⁰.

Таким образом, если разработка и обсуждение польско-советского договора о ненападении по сути шли долгие 10 с лишним лет, то в случае польско-германского пакта это заняло лишь несколько месяцев. Стоит отметить и достаточно неоднозначные действия советской стороны, вызвавшие много подозрений у поляков. Дело в том, что вскоре после передачи СССР проекта пакта об этом сообщило Польское телеграфное агентство. 27 августа 1931 г. ТАСС опроверг это сообщение, заявив, что никакие переговоры о заключении польско-советского договора не ведутся, а переданный Патеком документ представляет собой лишь подведение итогов переговоров 1926–1927 гг. Отрицал переговоры и нарком иностранных дел Литвинов²⁶¹. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 30 августа 1931 г. участники резко осудили подобные действия НКВД без предварительного

²⁵⁸ Анализируя этот эпизод, П. Вандыч пытался дать ответ на вопрос, не был ли этот внезапный и существенный поворот германского внешнеполитического курса подготовлен заранее. Он пришел к выводу, что такая встреча польского эмиссара и Гитлера была вполне вероятна, так как, по мнению исследователя, Вагенеру не было смысла лгать. Схожего мнения придерживались историки Е. Бореяша и Т. Серватка. См.: Wandycz P. Próba nawiązania przez Marszałka Piłsudskiego kontaktu z Hitlerem jesienią 1930 roku // *Niepodległość* (Nowy Jork). 1978. T. 11. S. 127-138; Borejsza J.W. *Śmieszne sto milionów Słowian: wokół światopoglądu Adolfa Hitlera*. Gdańsk, 2016. S. 83-86; Serwatka T. *Józef Piłsudski a Niemcy*. Wrocław, 1997. S. 130-131.

²⁵⁹ ДВП СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 536.

²⁶⁰ Там же. С. 498.

²⁶¹ Там же. С. 498-501.

согласования с ними и обязали его до выработки стратегии дальнейших действий «полемики и обсуждения на страницах печати не вести»²⁶². Ряд исследователей полагает, что решение о заключении договора с Польшей принадлежало лично Сталину и шло вразрез с мнением руководителей советской дипломатии²⁶³.

В связи с вышеизложенным напрашивается несколько выводов. Во-первых, уже в начале 1930-х гг. Пилсудский пришел к убеждению о неэффективности многосторонних договоров и уже тогда решил сделать ставку на установление двусторонних отношений с отдельными странами. Во-вторых, по всей видимости, Варшава была намного больше заинтересована в выстраивании собственных отношений с Германией и поддержании союза с Францией, чем в позитивных сдвигах на советском направлении.

В-третьих, как полагает К. Рак, возможный союз с Польшей носил для Гитлера стратегический характер, а не временный и тактический характер. Параллельно с процессом сближения с Варшавой Гитлер понижал градус отношений с Москвой, имея в виду свою стратегическую цель, которая заключалась в завоевании жизненного пространства на востоке. Это было начало демонстративного отказа Гитлера от политики Г. Штреземана, целью которой было возвращение в состав Германии несправедливо с этнической точки зрения отторгнутых территорий на востоке. Его планы шли существенно дальше и предусматривали также территориальные приращения за счет Прибалтики и СССР. Поэтому через несколько месяцев после заключения польско-немецкой декларации о ненападении дух Рапалло перестал существовать²⁶⁴. Таким образом, это еще один аргумент в пользу того, что Рапалльский договор не был направлен против Польши, а являлся всего лишь договором двух аутсайдеров Версальской системы, заинтересованных в тесном экономическом сотрудничестве.

²⁶² Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923–1939. М., 2001. С. 257.

²⁶³ Friszke A., Kornat M., Stemplowski R. Dwie epoki: O celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015. Warszawa, 2020. S. 50.

²⁶⁴ Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019. S. 150-177.

Традиционно торгово-экономические отношения являются лакмусовой бумажкой политической ситуации, так что одним из определяющих факторов развития отношений между Варшавой, Берлином и Москвой в 1920-е-начале 1930-х гг. был также и экономический аспект. В этой связи уместно остановиться на основных этапах развития торгово-экономических отношений между тремя странами.

Важным фактором в отношениях между Германией и Польшей²⁶⁵ стала польско-германская таможенная война, начавшаяся в июне 1925 г. и официально закончившаяся в марте 1934 г., после подписания польско-германской декларации. В первой половине 1920-х гг. торговля с Германией составляла практически половину экспорта Польши, при этом немцы покупали практически 80% польского угля. В январе 1925 г. истек срок исполнения 264 статьи Версальского договора, предоставлявшей Польше режим наибольшего благоприятствования в торговле с Германией. В июне того же года закончился период не облагаемого пошлиной экспорта польских товаров из Верхней Силезии в Германию. Берлин не пошел ни на заключение с Варшавой долгосрочного торгового соглашения, ни на отмену запрета на импорт, а также приостановил ввоз угля из Польши²⁶⁶, таким образом объявив полякам таможенную войну²⁶⁷.

В ответ на действия Германии Польша запретила ввоз определенных немецких товаров. Германские запреты на польский импорт затрагивали 57% всего польского импорта в Германию²⁶⁸, таким образом нанеся серьезный ущерб экономике Польши. Германская же экономика, будучи сильнее, меньше ощущала последствия таможенной войны²⁶⁹.

²⁶⁵ Подробнее о польско-немецких экономических отношениях см.: Błahut K.J. *Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze w latach 1919-1939*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1975; Łuczak C. *Od Bismarcka do Hitlera. Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze*. Poznań, 1988; Klimiuk Z. *Kształtowanie się polsko-niemieckich stosunków gospodarczych w latach 1929-1939 // Społeczeństwo i Polityka*. 2019. № 4 (61). S. 191-209; Kowal S. *Partnerstwo czy uzależnienie: niemieckie postawy wobec stosunków gospodarczych z Polską w czasach Republiki Weimarskiej*. Poznań, 1995; Ratyńska B. *Stosunki polsko-niemieckie w okresie wojny gospodarczej, 1919-1930*. Warszawa, 1968.

²⁶⁶ Sobański P. *Roszczenia Polski wobec RFN w świetle doktryny niemieckiej*. Poznań, 2019. S. 67.

²⁶⁷ Batowski H. *Między dwiema wojnami 1919-1939 // Zarys historii dyplomatycznej*. Kraków, 1988. S. 146.

²⁶⁸ Sobański P. *Roszczenia Polski wobec RFN w świetle doktryny niemieckiej*. Poznań, 2019. S. 67.

²⁶⁹ Skrzyński T. *Programy walki z hiperinflacją-reformy Władysława Grabskiego i Leszka Balcerowicza // Zeszyty Naukowe*. 2004. №. 2. S.80.

С 1926 г. экономическая ситуация в Польше стала улучшаться (сказались последствия не только реформ В. Грабского, но и забастовки английских шахтеров, позволившей Польше втрое увеличить экспорт угля) и, несмотря на таможенную войну, экономический рост продолжался. Таким образом, последствия таможенной войны не оправдали ожиданий Берлина и не разрушили польскую экономику.

17 марта 1930 г. в Варшаве было заключено польско-германское торговое соглашение, которое в случае ратификации могло положить конец таможенной войне. Однако торговый договор так не вступил в силу²⁷⁰. В 1932 г. Германия ввела максимальные импортные пошлины на многие польские товары; зеркальные меры были приняты польской стороной. Меньше чем через год после прихода Гитлера к власти в октябре 1933 г. начались торговые переговоры с Польшей, 7 марта 1934 г. в Варшаве был подписан протокол о прекращении таможенной войны²⁷¹, а 4 ноября 1935 г. было заключено торговое соглашение, которое в значительной степени нормализовало ситуацию в польско-германской торговле.

Говоря о таможенной войне, важно учитывать, что Берлин пошел на нее сознательно и без опасения, так как к этому времени имел доступ к американским деньгам и на советский рынок, да и потребность в продукции Верхней Силезии в связи с ограничениями в сфере военного производства были невелики. На фоне начавшейся таможенной войны с Польшей, Германия в том же 1925 г, когда еще мало кто хотел вступать с СССР в финансовые отношения, предоставила Советскому Союзу краткосрочный кредит а размере 106 млн марок²⁷², а уже на следующей год была открыта кредитная линия в размере 300 млн марок сроком на 4 года. В 1925–1931 г. СССР получил от Германии кредиты на сумму 700 млн марок.

12 октября 1925 г. было подписано советско-германское торговое соглашение, подтверждавшее принцип наибольшего благоприятствования в

²⁷⁰ Batowski H. Między dwiema wojnami 1919–1939 //Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 1988. S. 146.

²⁷¹ Batowski H. Między dwiema wojnami 1919–1939 //Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 1988. S. 204-205.

²⁷² История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 432.

двусторонних торговых отношениях²⁷³. На пресс-конференции в Берлине Г.В. Чичерин отметил, что торговый договор с Германией является «не только важным признаком дружественных отношений между Советским Союзом и Германией, но и практической необходимостью, соответствующей жизненным интересам обеих сторон»²⁷⁴. Помимо регулирования основных торговых и юридических вопросов, в нем говорилось, что договаривающиеся стороны желают «упрочить свои дружественные отношения и с этой целью установить основы для практической совместной работы в экономической области и в области международных правоотношений»²⁷⁵. Примечательно, что советско-германский договор был подписан во время локальных переговоров. По всей видимости, таким образом Германия давала понять западным державам о наличии у нее возможности еще большего сближения с Москвой, если партнеры по переговорам не захотят учитывать ее требования.

Если польско-германские экономические отношения исследованы достаточно полно, то о польско-советских экономических отношениях в 1918-1939 гг. этого не скажешь²⁷⁶. В целом следует признать, что они не соответствовали потенциалу и потребностям сторон, в том числе и по причине отсутствия на протяжении почти всего межвоенного периода торгового договора между ними, который гарантировал бы государственную поддержку этой области отношений. В. Грабский, в период своего второго премьерства в 1923–1925 гг. намеревался оживить экономические отношения с Советским Союзом. Посол Польши в СССР Л. Даровский в первой половине 1924 г. говорил о готовности польской стороны установить и активно развивать экономические отношения²⁷⁷, но вопрос о заключении торгового соглашения упирался в проблему предусмотренных мирным

²⁷³ Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. Сост. Ф.Р. Горбов; под ред. проф. Д.Д. Мишустина. М., 1941. С. 59-107.

²⁷⁴ ДВП СССР. Т. VIII. С. 560.

²⁷⁵ Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. С. 59-60.

²⁷⁶ См.: Łopatniuk S. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze: 1921–1939. Warszawa, 1987.

²⁷⁷ ДВП СССР. Т. VII. С. 141

договором компенсационных выплат*. Польше они были нужны для восстановления собственной экономики, СССР по тем же причинам, а также расценивая их как скрытую форму контрибуций, уклонялся от них. Вопрос о торговом договоре поднимался сторонами и на следующий год²⁷⁸, и вновь безрезультатно.

Тем не менее, польская сторона стремилась наладить непосредственные контакты с советскими компаниями. С этой целью в 1925 г. было создано Польское общество торговли с Россией «Польрос», подписавшее с Народным комиссариатом внешней торговли договор о создании советско-польского акционерного торгового смешанного общества «Совпольторг» с представительством в Москве ²⁷⁹. Например, в рамках установленных квот в 1925 г. в СССР была ввезена текстильная продукция на общую сумму 20,4 млн злотых²⁸⁰, что составило 63% от всего экспорта текстиля²⁸¹. Если до 1926 г. в польском экспорте доминировала текстильная продукция, то затем она уступила место металлургической. Самый высокий товарооборот между Польшей и СССР был зафиксирован в 1930 г., когда польский экспорт составил 129 млн злотых, а импорт – 46 млн злотых²⁸². Однако в связи с переходом СССР на пятилетнее планирование и мировым финансовым кризисом польский экспорт значительно снизился в 1928–1932 гг. В 1932 г. в связи с нехваткой валюты СССР перестал импортировать металлургическую продукцию, а Польша была не в состоянии выделять кредиты на ее покупку, так что начиная с 1933 г. деятельность «Совпольторга» и «Польроса» была минимальна. Польский экспорт в СССР

* Статья XXI Рижского договора гласила: «Обе договаривающиеся стороны соглашаются не позднее, чем по истечении 6-ти недель с момента ратификации настоящего договора, приступить к переговорам о торговом договоре и договоре о компенсационном товарообмене...». Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. III. М., 1965. С. 538.

²⁷⁸ ДВП СССР. Т. VIII. М., 1963. С. 128-134, 136.

²⁷⁹ Jezierski A., Leszczyńska C. Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1999. S. 315.

²⁸⁰ Данные приведены по паритету 1 кг золота = 5924, 44 злотых. Mały rocznik statystyczny Polski: wrzesień 1939 - czerwiec 1941. Warszawa, 1990. S. 72.

²⁸¹ Jezierski A., Leszczyńska C. Historia gospodarcza Polski. S. 315.

²⁸² Łopatniuk S. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze: 1921–1939. S. 122.

стал неуклонно снижаться, а с 1935 г. у Польши был отрицательный торговый баланс в размере нескольких миллионов злотых²⁸³.

16 ноября 1927 г. стороны констатировали завершение передачи основной части культурных ценностей Польше, но оставался советский долг приблизительно в 30 млн золотых рублей. Для Советского Союза его выплата была по-прежнему затруднительна, тем более что пополнение золотого запаса происходило в том числе за счет внешней торговли, а стороны не спешили заключать торговый договор²⁸⁴.

После подписания в 1932 г. польско-советского договора Москва логично предполагала, что за ним вскоре должно последовать торговое соглашение. Однако этого не произошло, не помог и визит в Польшу в мае 1933 г. представительной хозяйственной делегации во главе с замнаркома внешней торговли И.В. Боевым. Несмотря на пышный прием, оказанный советской делегации, результатом данной поездки стало лишь подписание протокола о расширении товарооборота между Польшей и СССР²⁸⁵. Поездка Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г., несмотря на все ожидания, также не принесла ощутимых результатов в направлении заключения торгового договора. Договор был подписан лишь 19 февраля 1939 г. Вероятнее всего, Варшава вполне осознанно проводила недружественную торгово-экономическую политику в отношении Москвы, так как ограниченные экономические отношения с СССР оставляли только политическую площадку для взаимодействия.

§ 1.4. Британское и итальянское направления во внешней политике Польши

История взаимоотношений между Варшавой и Лондоном²⁸⁶, Варшавой и Римом имеет достаточную историографию. В рамках же данной работы,

²⁸³ Jezierski A., Leszczyńska C. Historia gospodarcza Polski. S. 315.

²⁸⁴ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001. С. 120.

²⁸⁵ ДМИСПО. Т. VI. 1933-1938 гг. М., 1969. С. 39, 41, 42, 376.

²⁸⁶ Duman T.S. Britain, Poland, and the search for security in Europe: Anglo-Polish relations, 1924-1934. Illinois, 1985; Nowak-Kiełbikowa M. Polska – Wielka Brytania w latach 1918–1923. Warszawa, 1975; Nowak-Kiełbikowa

подробно не затрагивая частности польско-английских и польско-итальянских отношений, будет целесообразно ответить на вопрос, почему ни британское, ни итальянское направления не могли стать альтернативной для профранцузской ориентации.

- **Великобритания**

Трения между Великобританией и Польшей дали о себе знать уже на Парижской мирной конференции в 1919 г., в частности, Лондон более чем сдержанно относился к территориальным претензиям Варшавы. Во время польско-советской войны Д. Ллойд Джордж, по крайней мере с конца 1919 г., начал налаживать полуофициальные контакты с советским руководством, а в июне 1920 года разрешил приехать в Великобританию советскому наркому внешней торговли Л.Б. Красину, к которому в августе того же года присоединился член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменев, формально для переговоров о торговом договоре²⁸⁷. Как потом вспоминал в то время начальник имперского Генштаба и член Военного кабинета сэр Генри Хьюз Уилсон, «я ужаснулся почти подобострастной манере, с которой Ллойд Джордж следил за соблюдением русских интересов и был враждебно настроен к полякам ... он был дружен с Каменевым и Красиным, и они вместе обсуждали французов и поляков»²⁸⁸. По этой причине именно Великобритании было поручено довести до сведения руководства РСФСР принятые Верховным советом Антанты в июле 1920 г. условия прекращения военных действий на польско-советском фронте и предлагаемую линию польско-советской государственной границы (линия Керзона). Более того, ссылаясь на протестные акции комитетов действия, он отказал Польше в военной помощи Великобритании и настаивал на том, чтобы она приняла советские условия мира.

M. Stosunki polsko-brytyjskie w okresie pierwszego rządu labourzystowskiego (styczeń-październik 1924) // *Kwartalnik Historyczny*. 1984. T. 91. №. 4. S. 807-844; Nowak-Kiełbikowa M. British Policy Towards Poland in the 1930s // *Acta Poloniae Historica*. 1979. T. 40. S. 97-122; Piszczkowski T. Anglia a Polska, 1914-1939: w świetle dokumentów brytyjskich. London, 1975.

²⁸⁷ Политический дневник советской делегации в Лондоне за 1–30 августа 1920 г. // Советско-польские отношения в 1918-1945 гг. Сборник документов в четырех томах. Т. 1. 1918-1926. М., 2017. С. 190-211.

²⁸⁸ Charles E. Callwell. Field Marshal Sir Henry Wilson, His Life and Diaries. Vol. II. London, 1927. P. 256.

Во время плебисцита в Верхней Силезии в 1921 г. как Великобритания, так и Италия высказались за признание воли его участников, в то время как Франция, уже имея союзный и военный договоры с Польшей, поддерживала своего союзника. Ллойд Джордж стремился помешать полякам получить контроль над промышленным регионом²⁸⁹, и не столько из-за приверженности демократическим принципам, но и опасаясь, что они не смогут эффективно использовать его экономический потенциал.

Как известно, один из хрестоматийных постулатов внешней политики Великобритании заключается в противодействии чрезмерному усилению какой-либо континентальной державы в Европе. Конечно, Лондон не боялся Польши как таковой, однако опасался, что в ее лице Франция приобретет сильного союзника и, тем самым, закрепит свою позицию европейского гегемона. Однако из-за проблем с Ирландией, греко-турецкого спора и обязательств по оккупации Рейнской области Великобритания не могла позволить себе полностью оттолкнуть Францию. И Ллойд Джорджу пришлось отказаться от своей позиции. Не сумев предотвратить несправедливый раздел Верхней Силезии, Великобритания пристально следила за тем, чтобы Польша тщательно соблюдала договор о нацменьшинствах, из-за чего вступала в конфликты с поляками в Женеве.

Падение коалиционного правительства Д. Ллойд Джорджа в октябре 1922 г. и формирование консервативного кабинета Э. Бонар-Лоу, был менее критически настроенного к Польше, создали более благоприятную атмосферу для улучшения англо-польских отношений. На Конференции послов 15 марта 1923 г. Великобритания поддержала решение о признании восточной границы Польши с советскими республиками и Литвой. Но не торопилась с предоставлением Польше, переживавшей экономический кризис, технической и материальной поддержки. В Варшаве быстро пришло понимание, что финансовая помощь от Великобритании была связана со

²⁸⁹ 21 июня 1921 г. во время ланча с виконтом Эдгаром Винсентом д'Аберноном, послом Великобритании в Берлине, Ллойд Джордж признался, что хотел «сохранить для Германии как можно большую часть промышленной зоны», но «французы в значительной степени связаны обязательствами с Польшей». D'Abernon, E. V. An ambassador of peace: pages from the diary of Viscount D'Abernon. (Berlin, 1920-1926). London, 1929. P. 185.

слишком большим количеством обязательств со стороны банкиров и казначейства²⁹⁰.

Приход в январе 1924 г. к власти лейбористского правительства во главе с Дж. Р. Макдональдом также не предвещал скорых позитивных перемен в польско-британских отношениях. Опасения поляков усилились, когда в феврале 1924 г. министр внутренних дел А. Хендерсон призвал провести международную конференцию для рассмотрения вопроса о пересмотре Версальского договора, шаг, который он охарактеризовал как «необходимый» и «запоздалый». Призыв Хендерсона был встречен с тревогой и волнением как в Варшаве, так и в британском обществе²⁹¹.

Польский министр иностранных дел в 1922–1926 гг. (с перерывами в различных правительствах) А. Скшиньский в своей книге «Польша и мир»²⁹², изданной на английском языке²⁹³ в 1923 г., дал подробное и исчерпывающее объяснение своего отношения к Великобритании. Как объяснял Скшиньский, в своей дипломатии на британском направлении он пытался апеллировать к «нации лавочников», продавая идею о том, что дружба Польши чего-то стоит. Он сочетал бурное восхваление британских ценностей и достижений с деликатным утверждением о Польше как державе, с которой нужно считаться в Восточной и Центральной Европе, поскольку она обладала огромными природными богатствами, потенциально емким рынком сбыта и важным положением в балтийском регионе, который, как он ошибочно полагал, Британия рассматривала с растущим интересом. Кроме того, Польша была буфером между Германией и Советским Союзом, но она также могла служить мостом для экономической эксплуатации России.

²⁹⁰ Подробнее см.: Wandycz P.S. *France and Her Eastern Allies, 1919-1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno*. Minneapolis, 1962. P. 135-160.

²⁹¹ См. дебаты в Палате Общин. 27 февраля 1924. [электронный ресурс] // [https://hansard.parliament.uk/Commons/1924-02-27/debates/f07d0ac4-b8c0-4aa2-adcc-3f04e1d6bbf2/ForeignPolicy\(MinistersStatements\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1924-02-27/debates/f07d0ac4-b8c0-4aa2-adcc-3f04e1d6bbf2/ForeignPolicy(MinistersStatements)) (дата обращения 23.04.2022)
Реакция британского общества: «Westminster Gazette». 28.02.1924. [электронный ресурс] // <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0002947/19240228/131/0006> (дата обращения 23.04.2022); *The Scotsman*. 26.02. 1924. [электронный ресурс] // <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000540/19240226/178/0005> (дата обращения 23.04.2022).
Для реакции поляков см.: «Kurjer Poranny». R. 48, 1924, no 63. [электронный ресурс] // <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/124438/display/Default> (дата обращения 23.04.2022).

²⁹² Skrzyński A. *Polska a pokój*. Warszawa, 1924. Польская версия этой работы вышла позднее английской.

²⁹³ Skrzyński A. *Poland and Peace*. London, 1923.

Поэтому Скшиньский считал «почти необходимостью», чтобы Польша принималась во внимание в «мирных и экономических устремлениях Великобритании» в этом регионе. В силу общности интересов министр призывал Великобританию рассматривать Польшу как «своего самого легкодоступного союзника», а не как «априори чуждое ей государство, неспособное играть определенную роль в ее системе европейской политики»²⁹⁴.

Британские дипломаты, однако, не были впечатлены аргументами Скшиньского и весьма скептически относились к нему самому. Ни сам польский министр иностранных дел, ни его идеи не были хорошо приняты в Форин-офис²⁹⁵. В Великобритании воспринимали Польшу в лучшем случае как источник проблем и большого риска: ее границы отнюдь не были безопасными, постоянно поступали сообщения о притеснениях украинского и еврейского населения, и, что самое опасное для Лондона, она была, как полагали англичане, вассалом Франции.

Британские официальные лица трактовали польскую дипломатию с некоторым пренебрежением. У Великобритании была масса более важных проблем как в империи, так и в мировой политике, и Польша явно не входила в их число²⁹⁶. Такое безразличие расстраивало и разочаровывало поляков. Вероятнее всего, такое положение дел может быть объяснено в первую очередь тем, что существенные расхождения британских и французских интересов после войны препятствовали тесным связям между Лондоном и франкофильской, по сути, Варшавой. К тому же Германия была одним из главных торговых партнеров Великобритании, так что отношение Лондона к государству, которое экономически ослабило ее, забрав Верхнюю Силезию, не могло быть позитивным.

²⁹⁴ Ibidem. P. 146-150.

²⁹⁵ Подробнее о британских оценках Скшиньского см.: Duman T.S. Britain, Poland, and the search for security in Europe: Anglo-Polish relations, 1924–1934. P. 26-27. Note 50.

²⁹⁶ Курганский А.А. Польша во внешней политике Великобритании в межвоенный период (опыт контент-анализа парламентских дебатов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2015. № 9. С. 96.

Польский МИД, в свою очередь, не мог спокойно относиться к популярной в Великобритании идее, что Версальский договор несправедливо перекроил карту Европы и что меньшим государствам придется пойти на жертвы, чтобы удовлетворить претензии Германии и Советской России. Польша была озабочена своей безопасностью и в этом заключалась одна из главных причин ее союза с Францией, для которой навязчивой идеей также было противодействие пересмотру территориальных статей Версальского договора. Конечно, в Варшаве понимали необходимость поддержки со стороны Великобритании и, в идеале, британских гарантий ее безопасности. Однако как показало Локарно, гарантии польской безопасности могла дать только Франция, но никак не Великобритания.

Таким образом, краткий анализ польско-британских отношений в 1920-е – начале 1930-х гг. позволяет сделать вывод о том, что Великобритания стала постепенно склоняться к признанию необходимости мирного пересмотра Версальского договора. Эта позиция была результатом убежденности в том, что концепция комплексного решения всех спорных международных проблем, включая польский коридор, имеет большое значение для европейской безопасности в целом. В связи с этим в недрах британского МИД даже был подготовлен секретный план пересмотра статуса вольного города Гданьска и Польского Поморья²⁹⁷. Конечно же, поляки были прекрасно осведомлены о таком положении дел, поэтому точку опоры в сохранении версальского миропорядка можно было искать только во Франции.

• Италия

Несмотря на то, что Италия поддержала Польшу в польско-советской войне (в том числе поставками оружия), отношения между двумя странами в межвоенный период находились на периферии международной политики и лишь несколько раз приобретали особую интенсивность²⁹⁸.

²⁹⁷ Nowak-Kiełbikowa M. British Policy Towards Poland in the 1930s // Acta Poloniae Historica. 1979. T. 40. S. 120.

²⁹⁸ О польско-итальянских отношениях см.: Cytowska-Siegrist E. Z zagadnień polityki włoskiej w Europie Środkowej w początkach lat trzydziestych // Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej. 1972. T. 8. S. 111-126;

Отправной точкой для любых рациональных оценок польско-итальянских отношений в межвоенный период является тот факт, что, как и в случае с Великобританией и Францией, это были отношения между странами, находящимися в близком, но различном положении в договорной стратификации. Сам факт, что итальянские делегаты на Парижской конференции вместе с представителями признанных великих держав решали судьбу возрождающегося польского государства, определил отправную точку двусторонних отношений. Общеизвестно, что принадлежность Италии к числу великих держав вызывала больше всего сомнений, особенно в моменты, дававшие Риму определенные преимущества. Первым камнем преткновения стало получение Италией постоянного места в Совете Лиги наций²⁹⁹. Дискуссии, раз за разом поднимавшиеся на эту тему, особенно по случаю ежегодных выборов в Совет Лиги, имели свой объективный источник в том, что Италию межвоенного периода можно считать государством, замыкающим список великих держав. Польша же также активно претендовала на статус великой державы, в связи с чем видела в лице Италии вполне реального конкурента.

Развитие советско-германских отношений в середине 1920-х гг. вызывало беспокойство в Варшаве. А Италия Б. Муссолини, недовольная результатами Парижской мирной конференции, требовала пересмотра иерархии государств европейского субконтинента и территорий, которые ей были обещаны Лондонским договором 1915 года, так что в Риме продолжали лелеять надежды на получение этих территорий. В Варшаве были прекрасно осведомлены об итальянских устремлениях, поэтому уже в ноябре 1926 г., проведя анализ международной ситуации, Пилсудский пришел к выводу, что итальянцы, не получившие никаких колоний и сталкивающиеся с проблемой перенаселения, могут спровоцировать «землетрясение» в Европе³⁰⁰. Польшу

Sierpowski S. Stosunki polsko-włoskie w latach 1918-1940. Warszawa, 1975; Sikorski T., Wątor A. Stanisław Kozicki o Action Francaise, Mussolinim, faszyzmie i stosunkach polsko-włoskich. Zapiski z rozmowy Michała Gwałberta Pawlikowskiego ze Stanisławem Kozickim [14 VIII 1928 r.] // Polish Biographical Studies. 2018. № 6. S. 197-208.

²⁹⁹ Sierpowski S. Narodziny Ligi Narodów. Powstanie, organizacja i zasady działania. Poznań, 1984.

³⁰⁰ Józef Piłsudski o państwie i armii. T. I. Warszawa, 1984. S. 264.

же на том этапе существующее территориальное устройство вполне удовлетворяло, она не собиралась примыкать к лагерю ревизионистов и раскачивать только что установившийся европейский статус-кво.

Предметом постоянных нападков Рима стал Париж, который он постоянно обвинял во вредительстве итальянским интересам. Отчасти это объяснялось ведущей ролью Франции и Ж. Клемансо в становлении Версальской системы. По замыслу ее творцов, она была призвана подавить Германию, однако очень скоро она перестала удовлетворять и Италию, повсеместно создавая атмосферу *vittoria mutilata**. В подобной ситуации сближение Рима и Берлина было лишь вопросом времени.

Сложившаяся после первой мировой войны система европейских отношений оказывала неблагоприятное воздействие на развитие польско-итальянских отношений – Франция была главной опорой для Польши, а для Италии это был главный враг³⁰¹.

Кратко обозначенное выше положение Польши и Италии в европейской конфигурации объясняет основные трудности в двусторонних отношениях. В то время поддержание отношений на уровне доброжелательного нейтралитета было оптимальным вариантом для обеих стран.

Среди вопросов, существенно портивших польско-итальянские отношения, одно из главных мест занимало объединение судеб Гданьска с Фиуме (Риека). Итальянские дипломаты были против включения Данцига в границы польского государства. Более того, они остались неудовлетворены постановлением Версальского договора о создании вольного города Данцига, опасаясь, что в обсуждаемом мирном договоре с Австрией Фиуме может разделить судьбу Данцига. Тем не менее, уже в начале 1923 г. именно итальянцы стали инициаторами окончательного урегулирования статуса восточной границы Польши. Эта инициатива принадлежала к числу наиболее

* Изуродованная победа (итал. *vittoria mutilata*) – понятие, введенное итальянским поэтом Габриэле Д'Аннунцио в конце Первой мировой войны для описания неудовлетворенности территориальными приобретениями Италии.

³⁰¹ Sierpowski S. Stosunki włosko-polskie na tle międzywojennej Europy // Przegląd Zachodni. 1986. № 5-6. S. 228.

часто упоминаемых в Польше действий Италии, демонстрирующих ее пропольский характер³⁰².

Отдельное место в польско-итальянских отношениях занимают фигуры Муссолини и Пилсудского. Несмотря на то, что многие публицисты проводили параллель между двумя диктаторами и их режимами, в действительности же общих черт у них было мало (если они были вообще, за исключением схожести прихода к власти: майский переворот в Варшаве в 1926 г. был во многом поход на устроенный Муссолини в октябре 1922 г. поход на Рим). «Не думайте, – сказал Пилсудский 26 августа 1926 г. в разговоре с польским дипломатом В. Барановским, – чтобы я в системе управления хотел собезьянничать фашизм Муссолини. Эти заграничные образцы, которые могут впечатлить наших националистов, совсем не соответствуют польской психике и не в моем вкусе»³⁰³. Высказанные взгляды можно считать стабильным элементом политического мировоззрения Пилсудского.

Впрочем, у двух диктаторов была общая черта – критическое отношение к Лиге наций. Даже в период апогея расцвета Лиги ни Муссолини, ни Пилсудский не верили в эффективность ее деятельности. С особенным сомнением они подходили к идее коллективной безопасности, опирающейся на многосторонние договоры. Изменения, происходившие в международной политике в годы Великой депрессии, усилили их стремление укрепить международные позиции Польши и Италии. Тем не менее, пути достижения этой цели были принципиально разные. В 1932 г. Муссолини взял курс на активизацию внешней политики Италии с целью создания империи. Пилсудский, напротив, шел иным путем, намереваясь упрочить международное положение Польши с помощью договоров о ненападении с СССР и Германией.

С течением времени цели, которые перед собой ставила Лига наций, оказались в принципиальном противоречии с устремлениями Италии и

³⁰² Sierpowski S. Stosunki włosko-polskie na tle międzywojennej Europy // Przegląd Zachodni. 1986. № 5-6. S. 230-232.

³⁰³ Nieznane rozmowy Józefa Piłsudskiego. Kraków, 2018. S. 131.

Германии. Ярким выражением этого стала идея пакта четырех, приписываемая некоторыми исследователями итальянцам³⁰⁴. Когда в середине марта 1933 г. на небосводе международных отношений замаячила идея пакта, направленного на формализацию сотрудничества основных европейских государств и, по сути, возвращению к концерту великих держав, реакция остальных стран, особенно опасавшихся ревизионистских тенденций, была резко негативной. Дискуссии о «Пакте четырех» сопровождались небывалым прежде ухудшением польско-итальянских отношений. Подобное положение дел вполне понятно, ибо Польша, находящаяся в рейтинге европейских государств в непосредственной близости от Италии, не могла согласиться с тем, чтобы ее судьбу решали третьи страны. Кроме того, очевидной целью этого соглашения, по крайней мере с точки зрения Германии, было создание себе дополнительных опорных точек для пересмотра Версальской системы. Направление этих тенденций было обозначено еще в 1925 г. в форме Локарнских соглашений.

Итальянская же дипломатия руководствовалась совершенно иными мотивами. Их суть заключалась в том, чтобы в этом квартете Италия стала посредником. По мнению некоторых исследователей, Муссолини придерживался этой идеи вплоть до начала 1940-х гг. и достиг в этом направлении немалых успехов. С итальянской точки зрения, эти действия объяснялись тем, что сохранение за Италией важного места в международной политике, по крайней мере в европейской, прямо зависело от исполнения ею функции посредника в обостряющемся конфликте между Германией, с одной стороны, и государствами, испытывающими с ее стороны угрозу, с другой.

Таким образом, кратко обрисованное развитие польско-итальянских отношений в межвоенный период вполне объясняет причины отсутствия положительной динамики в двусторонних отношениях в общем, а также причины, по которым Польша не могла предпочесть итальянскую ориентацию французской. Основная причина, безусловно, крылась в разнонаправленности целей, которые определяли внешнюю политику двух

³⁰⁴ Sierpowski S. Stosunki włosko-polskie na tle międzywojennej Europy. S. 236.

государств. Итальянцы вышли из Первой мировой войны глубоко убежденными в обмане, который совершили против их жизненно важных интересов другие европейские державы, особенно Франция. На этой волне, последовательно поддерживаемой националистически настроенными фашистскими кругами, обогащалась и конкретизировалась программа исправления несправедливости. По отношению к Версальской системе эти настроения с самого начала носили деструктивный характер. Покидание Италией сообщества государств, считающих версальский миропорядок своим детищем, ослабляло всю конструкцию, главной опорой которой была Франция. Поэтому именно вокруг Франции сосредоточились государства, живо заинтересованные в сохранении территориального статус-кво.

Подводя итог изложению первой главы, важно отметить, что уже в конце 1920-х гг. Лига наций с трудом справлялась с возложенными на нее функциями международного арбитра и медиатора. Этот факт сам по себе не мог не разочаровывать многих ее членов и не приводить к постепенному, но неуклонному охлаждению отношений между ними и Лигой. В их числе была и Польша. Практически с самого начала своего существования Лига наций была не в состоянии выполнять не только свою основную функцию – предотвращать войны, но и воплотить в жизнь идеалистические aspirations своих творцов, стремящихся достигнуть международной справедливости. Фактически Лига наций «уходила с исторической сцены вместе со всей версальской системой, интегральной частью которой она была»³⁰⁵.

В политике и стратегии II Речи Посполитой польско-французский союз, безусловно, занимал первостепенное место. После обретения независимости Польшей Франция была единственной великой державой, которая в новой европейской действительности теснее всего с ней

³⁰⁵ Bendiner E. Czas aniołów: tragicomiczna historia Ligi Narodów. Warszawa, 1981. S. 23.

взаимодействовала, оказывая ей как политическую поддержку, так и разноплановую военную помощь. Результатом их тесного взаимодействия в первые послевоенные годы явилось подписание в феврале 1921 г. политического договора и военной конвенции. Эти два документа стали основой дальнейших отношений и картой взаимных обязательств союзников.

Несомненно, наиболее значимой была военная конвенция, предусматривавшая взаимную помощь в случае немецкого нападения и на одну из договаривающихся сторон, а также материальную помощь в случае войны Польши с Советской Россией. А в мирное время Франция должна была оказывать финансовую и материальную помощь в перевооружении и модернизации польской армии. Однако с самого начала это не был союз равноправных партнеров, а интересы двух государств совпадали не во всех областях европейской политики.

Ближайшие после заключения польско-французского союза годы показали, что международные отношения в Европе развиваются не по тому сценарию, который был положен в его основу. Германский реваншизм в годы Веймарской республики оказался сугубо вербальным и при этом касался только восточных границ, не имевших по убеждению Берлина статуса окончательных. Советское правительство свои главные усилия сосредоточило на достижении международного признания СССР. Таким образом, реальной военной угрозы ни для Франции, ни для Польши в первой половине 1920-х гг. не было.

После локарнского поворота 1925 г. польско-французский военный союз утратил характер альянса прямого действия. Теперь приведение его в действие против Германии ставилось в зависимость от Лиги наций, в эффективности которой Польша на тот момент серьезно сомневалась. Несмотря на частые смены кабинетов во Франции, ее политика в отношении Германии после 1925 г. серьезно не менялась: Франция старалась максимально полно урегулировать свои с ней отношения. А это означало, что Варшаве следовало сделать выбор: или же полностью довериться Парижу, как это сделала Прага, или же создать собственную систему безопасности.

Системный кризис 1929-1932 гг. столкнул интересы мировых держав и породил внешнеполитические тенденции, которые в Варшаве стали вызывать самое серьезное беспокойство. В первую очередь в начале 1930-х гг. ослабли международные позиции Франции как европейского гегемона и наметилась тенденция к возвращению Германии в клуб великих держав в качестве полноправного члена. Вторым важным фактором стало начало активного франко-советского сотрудничества, что девальвировало антисоветскую составляющую в польско-французском договоре. С 1932 г. польское руководство стало полагать невозможным строить безопасность страны только на союзе с Францией.

Так как у Польши *не было* альтернативы Франции, поскольку ни Великобритания, ни Италия интереса к сближению с ней не проявляли, то речи о полном отказе от польско-французского союза никогда не было. Вопрос, стоящий перед руководителями II Речи Посполитой, заключался в том, какую внешнеполитическую тактику ей избрать, чтобы не разрушить союз с Францией, но и получить больше свободы и самостоятельности в обеспечении безопасности Польши в условиях стремительно меняющейся европейской констелляции.

Глава II

Внешняя политика Франции в 1920-е – начале 1930-х гг.

§ 2.1. Политика «*sécurité*»

В начале 1920-х гг. французские руководители связывали задачу национальной безопасности своей страны прежде всего с сохранением достигнутого в ходе войны и в первые послевоенные годы преобладания и доминирования Франции в континентальной Европе³⁰⁶; после подписания Локарнских договоров в 1925 г. они начали делать ставку на коллективную безопасность под эгидой Лиги наций.

В 1919–1920 гг. роль Франции на международной арене была столь значительна, что многим французам стало казаться, что так будет всегда. Подобное убеждение было настолько устойчивым, что французские историки нередко называют первое послевоенное десятилетие временем иллюзий³⁰⁷. Однако планы сохранения гегемонии и оптимистические прогнозы не сбылись, ибо Франция не располагала ни достаточными силами, ни средствами, чтобы заставить другие державы послушно признавать французское преобладание. Осознавая это, французские руководители своей главной внешнеполитической задачей считали сохранение политических и территориальных итогов Первой мировой войны.

Обретенное в результате войны могущество Франции во многом покоилось на слабости Веймарской республики. Из этого не сложно было вывести простую формулу: Франция сильна, пока слаба Германия. Особое значение французы придавали «безопасности», достижение которой они связывали с получением «гарантий безопасности перед угрозой со стороны

³⁰⁶ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. М., 1976. С. 5.

³⁰⁷ См. Chastenet J. Histoire de la Troisième République. T. V. Les années d'illusions. 1918-1931. Paris, 1960; Fohlen Cl. La France de l'entre deux guerres (1917-1939). Paris, 1966. Ch. VIII Les Temps des illusions etc.

Германии»*. Французские политики были одержимы страхом новой войны с Германией. Договоры, заключенные на мирной конференции, эти их страхи не рассеяли, поэтому своей первостепенной задачей они считали обретение дополнительных гарантий безопасности Франции. На первый взгляд, этот страх перед немецкой угрозой в условиях, когда Германия была ослаблена, истощена и относительно покорна, казался нелогичным. Многие британские дипломаты считали эту озабоченность французов «истерической нервозностью», «видом патологической одержимости» и чуть ли не замаскированным желанием завоеваний и реванша³⁰⁸. Однако сами французы были озабочены совсем не ближайшим будущим; они были уверены, что преимущества, полученные Францией после войны, какими бы большими они не были, временные и ненадежные: «Опасные годы – это не нынешние года; это те, которые будут после»³⁰⁹, – сказал в 1924 г. Ж. Поль-Бонкур, член делегации Франции в Лиге наций.

Французы хорошо отдавали себе отчет в том, что Германия объективно была гораздо сильнее Франции – страна с населением в 40 миллионов человек стояла перед лицом проигравшей войну страны с населением в 60 миллионов. К этому добавлялась уверенность французов в имманентно агрессивной и милитаристской природе немецкой нации, которая была виновницей предыдущего конфликта, и которая в будущем попытается обязательно добиться реванша.

Исходя из этих двух посылов, Франция могла чувствовать себя в безопасности только при выполнении двух условий. Во-первых, ей и странам, на чью помощь она могла рассчитывать, следовало постоянно держать Германию в состоянии «искусственной неполноценности». Во-вторых, Франции надлежало обладать существенным военным

* Примечательно, что сборник дипломатических документов, опубликованный французским МИД в 1924 г. и посвященный переговорам по вопросам безопасности от окончания первой мировой войны до 1923 г., называется Documents Diplomatiques. Documents Relatifs Aux Négociations Concernant Les Garanties De Sécurité Contre Une Agression De L'Allemagne (10 Janvier 1919-7 Decembre 1923). Paris, 1924.

³⁰⁸ Wolfers A. Britain and France between two wars: conflicting strategies of peace since Versailles. Norton, 1966. P. 12.

³⁰⁹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés (далее – J.O. Chambre). 23.08.1924 P.3103. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6437880z.item> (дата обращения: 20.11.2017).

превосходством и быть в состоянии сдерживать агрессию Германии до тех пор, пока ей на помощь не придут союзники. По существу, это была программа полного изменения баланса сил на Рейне, т.е. в высшей степени рискованное предприятие. Французы говорили, что желают обеспечить себе превосходство или гегемонию не ради их самих, а лишь для того, чтобы уравнивать естественное преимущество Германии³¹⁰. По сути же то, что Франция действительно хотела уравнивать, было не *действительной* силой Германии, а ее *потенциальной* мощью.

В Версале Франция колебалась между двумя возможными методами осуществления контроля над Германией. Так, например, Клемансо никогда не считал, что Франция сама сможет сдерживать Германию, и поэтому так старался добиться сохранения союза с Великобританией и США³¹¹. С одной стороны, Франции было необходимо превзойти Германию по силе и, таким образом, стать менее зависимой от внешней помощи. С другой стороны, понадеяться на военную помощь других. Стоит отметить, что на всех этапах мирных переговоров Париж никогда не отказывался от своей формулы «солидарности союзников» («la solidarité des alliés»)³¹². Даже стратегическая граница по Рейну была, как полагал маршал Ф. Фош, частью «оборонительных сооружений коалиции»³¹³. Французы, по выражению А. Тардьё, не забыли «межсоюзнический характер победы в войне»³¹⁴. В конечном счете Париж пришел к убеждению, что Германию можно держать под контролем *только с помощью союзников*. «Доминирующая, можно даже сказать навязчивая, идея французского правительства заключалась в поиске союзников против возвращения

³¹⁰ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 13.

³¹¹ См. Soutou G. H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix (1914-1920). Paris, 2015.

³¹² J.O. Chambre. 25.09.1919. P. 4580. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6261806w/f24.item> (дата обращения: 20.06.2018).

³¹³ Меморандум от 10 января 1919 в Documents Diplomatiques. Documents Relatifs Aux Négociations Concernant Les Garanties De Sécurité Contre Une Agression De L'Allemagne (10 Janvier 1919-7 Decembre 1923). Paris, 1924. P. 13.

³¹⁴ J.O. Chambre. 8.11.1929. P. 3065. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63275968/f27.item> (дата обращения: 20.06.2018).

агрессивного господства Германии», – писал французский публицист и основатель газеты «Монд» Юбер Бёв-Мери³¹⁵.

Более того, Франция стремилась к тому, чтобы ее воспринимали не только как «хранительницу Рейна», но и как гаранта «политической стабильности в Европе»³¹⁶, защитника не только своих собственных границ, но «всех границ... всех народов»³¹⁷. На первый взгляд могло показаться, что подобные намерения шли вразрез со здравым смыслом, если учитывать то, что Франция была, как она сама полагала, слабее Германии. Могла ли она возлагать на себя обязательства континентального масштаба? В этой связи некоторые ставили под сомнения искренность страхов французов и были уверены в том, что это все было лишь фасадом, скрывающим желание Парижа наслаждаться превосходством и гегемонией в Европе. Можно также предположить, и это предположение будет подкреплено многочисленными высказываниями французских политиков того времени, что наряду с беспокойством о собственной безопасности Францию искренне волновала судьба недавно появившихся на карте Центральной и Юго-Восточной Европы* славянских государств, которых она как защитница малых стран

³¹⁵ Beuve-Méry H. Vers la plus grande Allemagne. Paris, 1939. P. 67.

³¹⁶ J.O. Chambre. 23.05. 1922. А. Тардьё. P. 1545. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k97572030/f9.image> (дата обращения: 20.06.2018).

³¹⁷ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat. (далее - J.O. Sénat). 27.10.1921. P. 1811. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6463756j/f9.item> (дата обращения: 20.11.2017).

* Важно отметить, что термины «Центральная Европа», «Восточная Европа» и «Юго-Восточная Европа» произвольно используются политиками, государственными деятелями и историками. Однако сложно точно определить территорию Центральной Европы, так как в течение XX века она менялась много раз. Как правило, ее определяли, имея в виду политические соображения. Например, до разделов в XVIII веке Польша определенно принадлежала к Центральной Европе и великие державы включали ее территорию в сферу своих интересов. Австрия, Богемия и Венгрия были включены в Центральную Европу до османской оккупации Венгрии в XVI веке. С этого момента Венгрия стала считаться частью Восточной Европы. После освобождения Венгрии и включения ее в империю Габсбургов она опять стала частью Центральной Европы. Также можно очертить территорию Центральной Европы по географическому принципу. Тогда перевал Бреннер, Шумава (Богемский лес) и река Эльба будут представлять собой естественную границу, отделяющие запад, а Карпатские горы восток. В 1930-е гг. западные политики рассматривали Польшу и Придунайские страны и как Восточную, и как Западную (Центральную) Европу – выбор термина зависел от их целей. Если они хотели включить эти территории в сферу своих интересов, они говорили о Центральной Европе; если же они хотели исключить их, то они считали, что это Восточная Европа. Универсальная энциклопедия Хармсворта, вышедшая в Лондоне в 1921-1922 гг., относила Польшу и Германию к Центральной Европе (см.: Harmsworth's Universal Encyclopedia. Edited by J.A. Hammerton. Vol. 6. London, 1922. P. 3493, Harmsworth's Universal Encyclopedia. Edited by J.A. Hammerton. Vol. 10. London, 1922. P. 6216). В первой Большой Советской Энциклопедии говорится о Германии, Польше и ЧСР как о странах Западной Европы (см.: Большая Советская Энциклопедия. Т. 24. М., 1932. С. 325.) Однако традиционно в межвоенный период политически Германия относилась к Западной Европе; Польша, Чехословакия, Австрия и Венгрия были Центральной Европой; СССР и страны Прибалтики – Восточной Европой; Румыния,

должна была оберегать от немецкой агрессии. И у Франции были веские основания для подобного поведения. С одной стороны, она боялась, что если Германия сумеет расшириться на восток, то она станет настолько мощной, что сможет успешно атаковать Францию. С другой стороны, Париж хотел обеспечить себе поддержку стран, чьей военной мощи было достаточно до тех пор, пока Германия придерживалась предписаний Версальского договора в области вооружений. Предполагалось, что эти страны заменят собой довоенного союзника Франции, Российскую империю.

Французское правительство полагало, что для безопасности страны нельзя допускать малейшего нарушения или изменения Версальского договора в пользу Германии. «Если мы позволим коснуться Версальского договора, – воскликнул Э. Эррио, – однажды упадет первый элемент конструкции, и все здание само рухнет»³¹⁸. Однако в действительности план Дауэса в 1924 г. и последовавшие за ним Локарнские договоры уже были фактическим нарушением Версальского договора.

Таким образом, французская формула «безопасности» описывала такое состояние международных отношений, при котором не только снималась угроза военного вторжения Германии во Францию (безопасность в узком смысле этого слова), но и обеспечивались полное сохранение и защита статус-кво, установленного Версальским договором.

Идея поиска безопасности для французов имела самый широкий контекст, если учитывать весь масштаб угроз, которым, по их мнению, подвергалась страна. Совершенно естественными были опасения пасть жертвой нового вторжения или полем сражений еще одной войны. Доводы Франции в Версале сводились к тому, что немецкие армии пересекали границу Франции четыре раза за сто лет (замолчав тот факт, что три из четырех нападений были направлены против Наполеонов). В этой связи совершенно не удивительно, что Франция всеми силами пыталась

Болгария и Югославия – Юго-Восточной. В настоящей работе для обозначения региона и входящих в него стран избран политический критерий.

³¹⁸ J.O. Sénat. 11.07.1924. P. 1055. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6342883p/f15.item>. (дата обращения 30.06.2021).

избежать повторения того, что стало для нее самой большой катастрофой последней войны, и отвратить угрозу того, что французы называли «прямой агрессией».

Франция не была удовлетворена полученными в Версале гарантиями, справедливо полагая, что они не выдержат натиска Германии, если последняя сумеет получить контроль над Центральной и Юго-Восточной Европой. Таким образом, существовал второй тип угрозы, «непрямая агрессия», состоящий в том, что Германия могла атаковать одного или нескольких из своих восточных и южных соседей³¹⁹. На подобный случай должны были быть предприняты превентивные меры.

Достаточно часто Франция подвергалась критике, особенно во времена Пуанкаре, за излишнюю педантичность в отношении норм международного права, а также за пылкое отстаивание «святости» мирных договоров. В действительности же это отношение стало естественным результатом ее политики безопасности. Поддержание принципов «священности» договоров для Франции прежде всего значило уверенность в том, что ее союзники, такие же члены Лиги наций, будут верны своим подписям. Такую же «легалистскую» позицию Франция заняла в отношении Германии: «вся наша оборона против Германии, – говорил премьер-министр Эррио в 1932 г., – всегда должна находиться в сфере договоров»³²⁰. Естественно, что в мире суверенных держав каждая страна в первую очередь озабочена вопросами собственной безопасности от внешней угрозы. Нет ничего необычного в преследовании цели достижения еще большей безопасности. Однако исключительный характер французской политике придавал тот факт, что великая держава, держава-победительница, так открыто основывала свою внешнюю политику на страхе перед эвентуальной атакой своего

³¹⁹ Более подробно о разнице между «прямой агрессией» и «непрямой агрессией» см. в Documents Diplomatiques. Documents Relatifs Aux Négociations Concernant Les Garanties De Sécurité Contre Une Agression De L'Allemagne (10 Janvier 1919-7 Decembre 1923). Paris, 1924. P.92. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5613862h/f96.image> (дата обращения: 20.02.2018).

³²⁰ J.O. Chambre. 12.12. 1932. Э. Эррио (во время дебатов по вопросу военного долга). P. 3530. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k62881637/f12.image> (дата обращения: 20.02.2018).

побежденного противника и концентрировалась исключительно на гарантиях безопасности.

Параллельно с этим возникает логичный вопрос – основывалась ли французская внешняя политика на идеях и концепциях, отражавших взгляды всего французского общества? Ни в одной другой стране в межвоенный период правительства не менялись так часто, как в Третьей республике, ни в одной другой стране политический маятник не колебался так часто между различными партиями. Французские парламентские дебаты, с их бесконечными страстными столкновениями по вопросам как внутренней, так и внешней политики, наглядно подтверждают картину царившего разногласия. Однако, как бы это ни было удивительно на первый взгляд, после 1924 г. по вопросам внешней политики обнаруживалось поразительное единогласие. По всей видимости, немцы были обескуражены тем, что, несмотря на постоянную чехарду кабинетов, ни один французский политик даже не попытался отказаться от монотонно повторяемого требования еще больших гарантий безопасности и от непоколебимой веры в святость мирных договоров и статус-кво. В 1935 г. Пьер Кот заметил, что с 1919 г., несмотря на то, что Франция управлялась разными людьми, все точно знали основу внешней политики; Пуанкаре, Бриан, Тардьё, Эррио, Поль-Бонкур, Даладьё, Барту, сам Кот, все министры иностранных дел считали, что «Франция должна двигаться к одной цели – организации санкций и коллективной безопасности»³²¹.

Усилия каждого последующего кабинета были направлены на то, чтобы Германия оставалась на предписанном ей в Версале месте, но на способы достижения этой задачи разные политики и партии смотрели совершенно по-разному (уже в 1924 г. фактически пойдя на пересмотр Версаля). Например, правые партии, изначально скептически относившиеся к Лиге наций, со временем несколько изменили свое отношение, рассмотрели потенциальную ценность Лиги как дополнительной линии защиты, в то

³²¹ J.O. Chambre. 13.12. 1935. P. 2482. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6260545n/f20.item> (дата обращения: 21.02.2018).

время как левые поддерживали политику союзов. Но самые жаркие споры разгорались по вопросу средств обеспечения безопасности – где стоило искать сотрудничества, в Риме или Лондоне? Стоило ли искать защиты у Лиги или же действовать в одиночку? Стоило ли прибегать к «методу требований» или же довериться «методу убеждений»³²² и политике «сближения», которую ее противники называли «политикой иллюзий»³²³?

После войны царило всеобщее убеждение, что разрушенной Европе на восстановление потребуются многие годы, возможно, несколько поколений. Но Германия была страной, в которой не было военных разрушений, тогда как наиболее экономически активные регионы Франции лежали в руинах. В скором времени немцы, а за ними многие британцы стали видеть во французских требованиях желание уничтожить Германию, в то время как многие французы опасались, что Германия, избавившись от внутреннего долга с помощью инфляции, в скором времени добьется экономической гегемонии в Европе, если будет избавлена и от тяжести репараций.

Трудно поверить, что Версальский договор, жестко (и вполне справедливо) критикуемый за свою суровость и несправедливость в отношении проигравших войну стран, не сумел дать Франции достаточные гарантии, способные не позволить Германии восстановить мощь и уничтожить французское превосходство. В этой связи часть 14 Версальского договора, содержащая статьи 428-432 об оккупации Рейнской области и статью 433 о выводе германских войск из России и стран Балтии, озаглавленная «гарантии», выглядит достаточно парадоксально*.

³²² Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 30.

³²³ J.O. Chambre. 3.03. 1931. P. 1521. Анри Фраклин-Буйон. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6470348z/f19.image.r=d> (дата обращения: 03.05.2021).

* «В качестве гарантии исполнения Германией настоящего Договора, германские территории, расположенные на запад от Рейна, вместе с предместными укреплениями, будут оккупированы войсками Союзных и Объединившихся держав в течение пятнадцатилетнего периода, считая со дня вступления в силу настоящего Договора», – статья 428 была единственной «гарантией исполнения» Версальского договора. Однако сроки оккупации территорий имели строгие временные ограничения и должны были последовательно сокращаться - по истечении 5 лет должна была быть эвакуирована первая зона, через 10 – вторая зона, а через 15 лет – третья (статья 429). Таким образом, в Версальском договоре не содержалось каких-либо реальных механизмов *постоянного* сдерживания или ограничения Германии. Все содержащиеся в Договоре меры носили *временный* характер и имели силу до выплат репараций (статья 431). Версальский мирный договор. М., 1925. С. 168- 169.

14 декабря 1921 г. германское правительство попросило Репарационную комиссию об отсрочке платежа и пролонгации платежного периода. В марте 1922 г. Германия вновь задержала платеж под предлогом введения нового плана финансовых реформ. 12 июля Берлин попросил еще об одной отсрочке. Париж на эти известия отреагировал резко негативно. В августе 1922 г. на межсоюзнической конференции в Лондоне Пуанкаре заявил: «Никаких отсрочек без обязательств предоставить продукцию»³²⁴. Под обязательствами Пуанкаре подразумевал прямое управление Репарационной комиссией немецкими национальными лесами и шахтами Рура для того, чтобы гарантировать оговоренные поставки леса и угля. Однако это были лишь слова, на практике Германия получила еще несколько месяцев отсрочки.

Просьбы Германии об отсрочке были связаны в первую очередь с ситуацией с ее национальной валютой. Марка, как и валюты всех стран, участвовавших в войне (за исключением США), была откреплена от золота в 1914 г. Золотая марка, стоившая в декабре 1920 г. 17 бумажных марок, в декабре 1921 г. стоила уже 46 бумажных марок, в марте 1922 г. – 65, в июне – 90, 349 в сентябре и 1178 в декабре. Это был классический пример обвала национальной валюты в связи с галопирующей инфляцией. В Германии и некоторых кругах Великобритании главной причиной обвала марки называли репарации. Во Франции же полагали, что немцы сознательно привели к краху свою валюту, чтобы не платить репарации. Научное объяснение ситуации является куда более сложным³²⁵. Вне всякого сомнения, выплаты репараций (относительно небольшого размера) не могли привести в движение явление такого масштаба. То, что произошло, являлось не ограничивавшимся только Германией общим кризисом, связанным с последствиями войны, а также политической и административной слабостью ряда правительств, в том числе немецкого.

³²⁴ Цит. по: Néré J. La Crise de 1929. Paris, 1973. P. 48.

³²⁵ Для анализа см.: Néré J. La Crise de 1929. P. 22-30.

Огромные затраты на восстановление экономики и разрушенных регионов были главной причиной постоянного дефицита французского бюджета. Так, с 1919 по 1921 г. реальные доходы бюджета выросли с 13 до 23 млрд франков, а расходы сократились с 40 до 33 млрд. В 1922 г. доходы выросли до 35 млрд франков, но выросли и расходы до 45 млрд франков, т.е. баланс доходов и расходов не изменился³²⁶. Франк, укрепившийся к 1921 г., начал снова обесцениваться, курс доллара вырос с 10.81 франка в апреле 1922 г. до 14,62 франка в ноябре³²⁷.

14 ноября 1922 г. Германия объявила полную отсрочку по своим платежам на 3 или 4 года, за исключением поставок, предназначенных для восстановления разрушенных районов Франции. Однако даже эти поставки не были своевременными, Германия постоянно задерживала отправку леса и угля. На очередной конференции союзников в Париже (2–4 января 1923 г.) Пуанкаре и Бонар-Лоу представили свои планы выхода из кризиса, однако, союзники так и не сумели прийти к консенсусу. 11 января 1923 г. Пуанкаре отдал приказ французским войскам занять Рурскую область, важный центр германской индустрии и горной промышленности. В оккупации приняла участие и Бельгия. Резкий протест Великобритании³²⁸ не остановил Пуанкаре от ввода войск, как и то, что эту военную авантюру резко осудило французское общественное мнение³²⁹. Ни один из шагов французской дипломатии после войны не имел таких далеко идущих и важных последствий. «Политика Рура» стала не только символом политики французских правых, но и красноречивой демонстрацией того, насколько далеко был готов зайти Париж для преодоления немецкого саботажа.

Естественно, что реакция Германии была молниеносной и решительной. 13 января 1923 г. германское правительство приостановило все платежи французскому и бельгийскому правительствам, запретило

³²⁶ Данные приведены по Sauvy A. Histoire économique de la France entre les deux guerres. Vol. I. Paris, 1959. P. 367.

³²⁷ Ibidem. P. 445.

³²⁸ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 59.

³²⁹ См. напр. речь Э. Эррио, сменившего Пуанкаре на посту президента совета министров в J.O. Chambre. 17.06.1924. P. 2307. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64378584/f3.item> (дата обращения: 27.02.2018).

сотрудникам и должностным лицам немецких железных дорог подчиняться приказам оккупационных войск. В историографии эти и другие действия Германии получили название «пассивное сопротивление»*.

Но сопротивление немцев достаточно быстро исчерпало себя – Германия оказалась не в состоянии его финансировать, так как марка практически обесценилась. 12 августа 1923 г. канцлер В. Куно подал в отставку, и его место занял Г. Штреземан. 26 сентября Штреземан официально отказался от тактики «пассивного сопротивления». Вскоре было достигнуто соглашение между МИКУМ** и промышленниками в оккупированном регионе. Франция одержала победу.

Пожалуй, немногие в то время понимали всю значимость рурского кризиса для франко-немецких отношений. Политика подкрепления Версальского договора силовыми методами с тех пор больше никогда не использовалась, так как первая попытка не дала ожидаемого результата. Начиная с 1924 г. ни одно французское правительство не рискнуло пойти на самостоятельные военные действия. Франция пришла к выводу о необходимости создания наднациональной модели урегулирования общих европейских вопросов. Этот процесс закончился подписанием в 1925 г. Локарнских соглашений, в результате которых Франция отказалась от

* Стоит отметить, что схожие по природе санкции союзники уже применяли против Германии, когда над германскими городами за пределами оккупированной зоны был установлен военный контроль. 8 марта 1921 г. союзники заняли Дюссельдорф, Дуйсбург и Рурорт. Данные действия стали ответной мерой на неспособность Германии дать удовлетворительный ответ на ультиматум, предъявленный ей 3 марта и призывающий принять парижский меморандум от 28 января, в котором содержался ряд требований в отношении немецкого разоружения и выплат репараций. 25 августа 1925 г. союзные войска были выведены из этих городов (спустя меньше месяца после эвакуации Рура французскими войсками).

Теперь разница заключалась в том, что в этот раз Франция хотела преподать Германии урок и заставить ее понять раз и навсегда, что у нее не было шансов противостоять превосходству Франции. В то же самое время Париж хотел продемонстрировать Лондону способность к самостоятельным, не зависящим от него действиям. Если бы шаги Парижа оказались успешными, то Франция обеспечила бы соблюдение Версальского договора, а также сохранила свою позицию гегемона на континенте. «Мы там потому, – сказал Л. Дюбуа, бывший делегат Франции и председатель Репарационной комиссии, – что нет другой меры воздействия на Германию и, позвольте мне добавить, влияния на наших союзников». J.O. Chambre. 18.01. 1924. P. 165. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6219288s/f15.item> (дата обращения: 27.02.2018).

** La Mission interalliée de contrôle des usines et des mines (МИКУМ) - после Первой мировой войны в рамках выплат репараций, которые Германия должна была осуществлять по отношению к Франции, была создана межсоюзническая миссия по контролю над заводами и шахтами. Она занималась надзором над шахтами в Руре для того, чтобы побежденная Веймарская республика добросовестно поставляла все сырье и производственную продукцию победившим союзникам. МИКУМ-соглашения – шесть отдельных договоров, подписанных в 1923–1924 гг. для возобновления работы тяжелой промышленности, остановленной в результате «пассивного сопротивления» населения.

концепции упреждающей военной операции против Германии. По мнению А. Уолферса, негативным опытом 1924 г. частично может быть объяснено поведение Франции в 1933–1934 гг., когда лидеры правых категорически отвергли предложение Польши о превентивной войне против Германии³³⁰.

Этот поворот вовсе не означал, что задача безопасности утратила для Франции свою актуальность. Но теперь руководители Франции начали искать другие пути ее решения. Одним из них стало обращение к имевшей давнюю традицию идее всеобщего отказа от войны как средства решения международных вопросов. С 1921 г. в США стали активно развиваться движения, объявляющие войну «вне закона»³³¹. Их поддерживали как сторонники Лиги наций, так и ее противники. А. Бриан активно следил за их развитием и имел контакты с некоторыми их лидерами. 6 апреля 1927 г. в послании американскому народу, приуроченному к десятой годовщине вступления США в войну, Бриан выразил дружественные чувства Франции к США и сообщил о готовности французского правительства подписать с США «любое взаимное обязательство, чтобы поставить, по американскому выражению, войну вне закона»³³². В свете положительной реакции на слова Бриана 20 июня 1927 г. американскому послу было передано уже официальное предложение. Несмотря на ряд трудностей, связанных, в частности, с привлечением к пакту, как того хотела американская сторона, всех главных держав, 27 августа 1928 г. в Париже был подписан пакт Бриана-Келлога. К концу 1928 г. к пакту присоединились 63 страны, то есть, практически все на тот момент суверенные государства.

Благодаря пакту Бриана-Келлога Париж получил еще одну бумажную гарантию своей безопасности. Понимая это, в сентябре 1929 г. на X сессии Ассамблеи Лиги наций Бриан озвучил проект федерации европейских народов (Пан-Европы). При его предварительном обсуждении с Г. Штреземаном выявились различия в подходе сторон: немцы видели залог успеха проекта в возвращении к довоенным отношениям, а Бриан брал за

³³⁰ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 60.

³³¹ См. Duroselle J.-B. De Wilson à Roosevelt. Paris, 1960. P. 194-201.

³³² История дипломатии. Под ред. В.П. Потёмкина. М., 1945. Т. 3. С. 93.

константу нерушимость Версальской системы. Более того, в проекте, предполагающем объединение европейских стран без СССР и Великобритании, многие увидели попытку Франции закрепить свою гегемонию на континенте и оставить эти страны за рамками европейской политики. В сложившихся обстоятельствах, даже несмотря на создание в мае 1930 г. Лигой наций специальной Европейской комиссии для изучения проекта, в конечном счете было решено отложить его до лучших времен³³³.

Показателем реальности смены Францией своего видения надежного обеспечения собственной безопасности можно считать перемену взгляда на судьбу оккупированной Рейнской области Германии. В 1928 г. Штреземан в ходе пребывания в Париже по случаю подписания пакта Бриана-Келлога в очередной раз завел разговор с Пуанкаре и Брианом об эвакуации Рейнской зоны. Хотя озвученные сторонами позиции были далеки друг от друга по многим пунктам, 16 сентября 1928 г. в Женеве союзники и Германия подписали коммюнике, предусматривавшее начало официальных переговоров об эвакуации войск из Рейнской зоны, создание комитета финансовых экспертов для выработки окончательного и полного соглашения по репарационной проблеме, а также образование «комиссии примирения и констатации» для проведения инспекции в Рейнской области.

Оккупация левого берега Рейна, как это было предусмотрено Версальским договором, должна была закончиться в 1935 г. Однако последние французские солдаты покинули Рейнскую область уже 30 июня 1930 г. Военные круги – маршалы Фош, Жоффри, Петэн – настаивали на продлении оккупации Рейнской зоны до 1935 г., когда завершится строительство «линии Мажино».

³³³ Для более подробного анализа французских планов европейской интеграции и связанных с ними противоречиях см.: Roobol W. Aristide Briand's Plan: The Seed of European Unification // Ideas of Europe since 1914. Palgrave Macmillan, London, 2002. P. 32-46; Navari C. Origins of the Briand plan // Diplomacy and statecraft. Т. 3. 1992. № 1. P. 74-104; Mitrany D. The Case Against Pan-Europa // Current History and Forum. Т. 33. 1930. № 1. P. 65; Murphy F.J. The Briand Memorandum and The Quest for European Unity 1929–1932 // Contemporary French Civilization. Т. 4. 1980. № 3. P. 319-330.

Очищение Рейнской области свидетельствовало, что Франция заменила одну систему безопасности другой, как предполагалось, более долгосрочной. На рубеже 1920–1930-х гг. французский Генштаб пришел к выводу, что в области безопасности с военной точки зрения оборонительная политика эффективнее наступательной. В связи с этим возобладала идея, согласно которой использование современных средств ведения войны сделало невозможными так называемые маневренные боевые действия. На смену им пришла позиционная война. Этой доктрины придерживались Фош, Вейган, Гамелен и Петэн. Кроме того, как с политической, так и с моральной точки зрения оборонительная политика казалось более перспективной, так как, согласно господствующим в то время пацифистским идеям, только такую политику могли проводить люди, любящие и поддерживающие мир³³⁴. А это означало, что Франция будет до последней возможности избегать войны.

§ 2.2. В поисках помощи Великобритании

Солидный корпус исследовательской литературы³³⁵ посвящен рассмотрению как общих, так и отдельных частных вопросов франко-британских отношений в межвоенный период. В рамках настоящей работы интерес представляют сюжеты, оказавшие существенное влияние на формирование французской внешней политики и развитие польско-французских отношений, поэтому в данном разделе будет представлен лишь обзор основных идей и взглядов.

Первые разногласия между Лондоном и Парижем проявились еще в Версале, когда Франции не было позволено передвинуть стратегически

³³⁴ Подробнее см.: Néré J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. London, 1975. P. 93-99.

³³⁵ См. напр.: Boyce R. The great interwar crisis and the collapse of globalization. New York, 2009; Davis R. Anglo-French relations before the Second World War: appeasement and crisis. New York, 2001; Furnia A.H. The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II, 1931-1938. Washington, 1960; Johnson G. Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929 // Diplomacy and Statecraft. T. 17. 2006. № 4. С. 753-769; Jordan W.M. Great Britain, France, and the German Problem, 1918-1939: A Study of Anglo-French Relations in the Making and Maintenance of the Versailles Settlement. Oxford, 1943; Rostow N. Anglo-French Relations 1934-36. New York, 1984; Waites N. H. Troubled Neighbours: Franco-British relations in the twentieth century. London, 1971; Webster A. Strange Allies: Britain, France and the Dilemmas of Disarmament and Security, 1929-1933. New York, 2019; Wolfers A. Britain and France between two wars.

важную для нее границу к Рейну. В сложившихся обстоятельствах Франция была вынуждена заключить с Великобританией и США специальные гарантийные договоры и поставить свою безопасность в зависимость от них. Однако ни один из этих договоров так и не был ратифицирован и, следовательно, не вступил в силу. Франция, уступив по вопросу о левом берегу Рейна, в итоге осталась без каких-либо компенсирующих гарантий на случай эвентуальной агрессии Германии. Таким образом, Версальский договор стал плохой отправной точкой для англо-французской союзнической солидарности.

В начале 1920-х гг. Франция и Великобритания еще были близкими союзниками. Они вместе заседали в межсоюзнической верховной, репарационной, по контролю за разоружением Германии и других комиссиях. Основная задача этих органов заключалась в контроле за исполнением мирных договоров, а в некоторых исключительных случаях в решении проблем, которые договоры оставили открытыми. Как уже говорилось выше, французы полагали, что союзники, вместе сражавшиеся и решавшие проблемы в конце войны, должны остаться союзниками и в будущем, когда снова столкнутся с Германией. По мнению А. Уолферса, уверенность Франции в поддержке Великобритании не была иллюзией, так как английская дипломатия считала Францию стражем своей границы на Рейне (однако французы не отдавали себе отчет в том, что эта поддержка включала в себя постоянный парализующий контроль французской дипломатии со стороны Лондона)³³⁶.

Во Франции господствовало убеждение, что краеугольным камнем французской системы безопасности будет союз с Великобританией. Но столь же распространенным было также понимание того, что одной лишь поддержки Лондона было недостаточно, она должна служить дополнением к целому ряду других мер безопасности. Комплекс этих мер был призван стать *sine qua non* мира в Европе в общем, и французской безопасности, в частности. «Именно их [Франции и Великобритании – А. К.] тесный союз

³³⁶ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 229-241.

обеспечит мир во всем мире», – провозгласил в 1921 г. А. Бриан, тогдашний французский премьер-министр³³⁷.

Парижу был нужен тесный союз с Лондоном, поэтому его внешняя политика после войны характеризовалась не только стремлением контролировать Германию, но и постоянными усилиями заручиться английской поддержкой против Германии. В своем классическом исследовании «Британия и Франция между двумя войнами» Арнольд Уолферс охарактеризовал «британскую поддержку» как обязательное условие французской политики безопасности. Историк утверждал, что только союз с Великобританией позволил бы Франции сдержать попытку Германии пересмотреть Версальский договор силой. По его мнению, всю послевоенную внешнюю политику Франции можно охарактеризовать как «постоянную борьбу за то, чтобы заставить Великобританию заявить о своей поддержке Франции»³³⁸. Данный вывод по праву стал одним из центральных положений историографии международных отношений межвоенного периода. Но при этом мало внимания было уделено анализу точного характера обязательств в области безопасности, которые Франция ожидала получить со стороны Великобритании³³⁹. Франко-британский союз так и не стал *fait accompli* вплоть до 1936 г., когда разорвавшая Локарнский договор Германия вынудила Лондон дать обещание прийти на помощь Франции в случае неспровоцированной агрессии³⁴⁰.

В 1920–1924 гг. наблюдалось постепенное отдаление Франции от Великобритании, и это при том, что с момента версальских переговоров вектор французской внешней политики был направлен на поиски точек

³³⁷ J.O. Chambre. 20.01.1921. P. 51. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k63477686.item> (дата обращения: 27.02.2018).

³³⁸ Wolfers A. Britain and France between two wars: conflicting strategies of peace since Versailles. New York, 1966. P. 76.

³³⁹ Среди важных работ по данному вопросу можно выделить такие, как: Alexander M. S., Philpott W. J. The entente cordiale and the next war: Anglo-French views on future military cooperation, 1928–1939 // Intelligence and National Security. 1998. Т. 13. № 1. P. 53-84; Philpott W., Alexander M. S. The French and the British Field Force: Moral support or material contribution? // The Journal of Military History. 2007. Т. 71. № 3. P. 743-772.

³⁴⁰ Wolfers A. Britain and France between two wars: conflicting strategies of peace since Versailles. New York, 1966. P. 77.

соприкосновения со своим бывшим союзником. Эти две страны не могли прийти к взаимопониманию, так как по-разному смотрели на мир. Одна мыслила категориями пространства, другая времени. Великобритания являлась мировой державой, в поле зрения которой постоянно находился круг неотложных задач, связанных с Индией, Китаем, доминионами, США, дестабилизацией европейской экономики и т.д. Лондон не мог позволить себе рассматривать гипотетические возможности в будущем. Для него решение многих проблем путем примирения или уступок было самым экономичным решением. Поскольку многие склонны верить только в то, что является наиболее для них выгодным, постольку и Лондон был уверен, что в ближайшее время в Европе войны не будет.

Франция, будучи второй по величине колониальной империей в мире, по естественным причинам обладала ограниченным мировоззрением. За исключением Индокитая, все ее важные колонии располагались в Африке, вдалеке от текущих мировых проблем. Даже Дакар, несмотря на свое расположение, не играл роли, сравнимой с ролью Гонконга или Сингапура. С другой стороны, в связи со своим положением в центре Европы, Франция была одержима идеей исторических прецедентов – все ее внешнеполитические действия были продиктованы абсолютной убежденностью в том, что в скором времени Германия восстановит свою мощь и с новой силой начнет подрывать европейский миропорядок. Поэтому невозможно понять и оценить внешнюю политику Франции в межвоенный период, не учитывая французского взгляда на будущее, наполненное видением угроз новых, еще более разрушительных войн. Поэтому в межвоенный период перед французской дипломатией стояла проблема, казавшаяся почти неразрешимой – добиться сотрудничества с Великобританией (так как других альтернатив не было), чьи дипломатические усилия в свою очередь имели совершенно другие устремления.

На франко-британских переговорах в Чекерсе (21–22 июня 1924 г.) и последующей англо-французской конференции в Париже (8–9 июля 1924 г.),

наконец, на конференции в Лондоне (16 июля – 16 августа 1924 г.), на которую была приглашена Германия, в центре внимания находились вопросы экономической изоляции оккупированных немецких территорий и военная оккупация Рура. Французский премьер-министр Э. Эррио озвучил идею, обуславливающую вывод войск из Рурской области активным применением плана Дауэса. В связи с этим он обратился к членам Высшего военного совета, маршалу Ф. Фошу и его представителю, генералу Дестикеру, с вопросом, будет ли эвакуация войск представлять хоть в малейшей степени угрозу безопасности Франции. Дестикер ответил отрицательно. 16 августа 1924 г. Франция объявила об эвакуации своих войск из Рурской области в течение максимум одного года. Тем самым французская дипломатия продемонстрировала Туманному Альбиону полное доверие и желание выступать единым согласованным фронтом.

Эррио компромиссно относился к финансовым вопросам, в которых он, по сути, мало что понимал, однако, как и все французы, был одержим идеей безопасности: «В грудь моей страны направлен кинжал, острие его в сантиметре от сердца. Совместные усилия, жертвы, принесенные во время войны, гибель людей – все окажется бесполезным, если Германия сможет снова прибегнуть к насилию. Поэтому я считаю, что не выполню своего долга перед родиной, если я не поставлю Германию в такое положение, когда она не сможет вредить. Франция не может рассчитывать только на международную конференцию, и, кроме того, Соединенные Штаты очень далеко. Как же вы хотите, чтобы в этих условиях мы добились сокращения срока военной службы и боролись, имея какой-либо шанс на успех, против сторонников увеличения вооружения? Я предпочитаю сказать сейчас же, что лучше, чтобы Франции не заплатили, чем она вынуждена была бы отказаться от своей безопасности. Если произойдет новая война, Франция будет стерта с карты мира»³⁴¹. Эти слова были призваны убедить Р. Макдональда возобновить прерванные в 1922 г. переговоры по вопросу заключения

³⁴¹ Эррио Э. Из прошлого: между двумя войнами. 1914-1936. М., 1958. С. 196.

франко-британского гарантийного пакта. Макдональд ответил на эти предложения категорическим отказом.

Примерно в это же время появилась новая возможность заменить ограниченные гарантии эффективной системой безопасности. Эта возможность была упущена во время составления Версальского договора, однако с тех пор в Лиге наций шла работа в этом направлении. Для достижения одной из главных целей В. Вильсона – всеобщего разоружения – было необходимо выстроить систему безопасности. Были высказаны два противоречащих друг другу предложения, французское и английское. Париж предлагал взять за основу географически ограниченные двусторонние и многосторонние договоры; Лондон же считал необходимым учитывать только общий договор о взаимных гарантиях. Правительство Эррио уступило и согласилось с британскими предложениями. Теперь было необходимо разработать средства оказания помощи. Наибольшую трудность представило определение агрессора. Обязательный арбитраж стал решением этой проблемы. Агрессором должен был стать отказавшийся от применения арбитража или же несогласный с решением и применивший силу. Тогда же Эррио представил знаменитую триаду – арбитраж, безопасность, разоружение. Совет должен был решать вопрос о применении санкций против агрессора двумя-третьими голосов (таким образом убиралось парализующее правило единогласия)³⁴².

Результатом стал Женевский протокол от 2 октября 1924 г., который поддерживали и Франция, и Великобритания. Он был единогласно принят Ассамблеей Лиги наций. Однако Лондон не ратифицировал соглашение, так как в ноябре 1924 г. на смену лейбористам пришли консерваторы во главе с новым премьер-министром Стенли Болдуином.

Помимо проблем безопасности и союзов внимание Парижа было также сконцентрировано на постоянных трудностях, связанных с проведением в жизнь таких постановлений мирных договоров, как разоружение Германии и репарации. По мнению Ж. Нере, эти две проблемы существенно повлияли на

³⁴² Néré J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. London, 1975. P. 67.

ослабление франко-британских связей и усиление франко-германского антагонизма³⁴³.

Во второй половине 1920-х гг. руководители английской политики стали чаще подчеркивать важность англо-французского сотрудничества. Если в 1926 г. свидание Бриана и Штреземана в Туари продемонстрировало «франко-германское взаимопонимание», то в 1927 г. состоялось нечто вроде «англо-французского Туари». Во время визита в Лондон в мае 1927 г. президента Франции Г. Думерга и А. Бриана состоялись переговоры с королем Георгом V и членами британского кабинета. В коммюнике по результатам переговоров, как подметила пресса, подчеркивался уже не «дух Локарно», а солидарность стран «сердечного согласия»³⁴⁴. Действительно, в 1927 г. казалось, что англо-французское сотрудничество стало более тесным. Германский вопрос, по которому между двумя странами были наибольшие расхождения, в этот период отошел на второй план. Основное внимание британской дипломатии в этот период было направлено на СССР (Великобритания пошла на разрыв дипломатических отношений с СССР в 1927 г.)*, на подготовку и проведение конференции по морским вооружениям, на Китай и имперские проблемы. И во всех этих вопросах английские руководители нуждались в поддержке Франции.

В связи с переориентацией внешнеполитического вектора Франции во второй половине 1920-х гг., как уже отмечалось ранее, многие политики и парламентарии Франции стали открыто артикулировать необходимость сближения с Германией. На съезде партии радикалов в октябре 1929 г. один из ее лидеров, Ж. Монтиньи, говорил: «Оставаясь по-прежнему верным дружбе с Англией, в которой мы видим одну из главных основ нашей

³⁴³ Ibidem. P. 31.

³⁴⁴ Le Temps. 19.05.1927. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k246630w> (дата обращения 28.03.2023).

*В историографии эти события получили название «Военная тревога 1927 г.» – последовательность событий, создавших в СССР впечатление неизбежной войны с Великобританией, Польшей и, возможно, всем европейским блоком. Отправной точкой конфликта послужило выступление 23 февраля 1927 года министра иностранных дел О. Чемберлена с требованиями в адрес СССР прекратить антибританскую пропаганду и поддержку гоминьдановского правительства в Китае. Отказ СССР выполнить британский ультиматум, представленный в «ноте Чемберлена», привел к целой серии антисоветских шагов со стороны Великобритании, в том числе разрыву дипломатических отношений. Отношения были восстановлены в 1929 г.

внешней политики, мы хотим работать над проблемой франко-германского сближения»³⁴⁵. Подобное развитие событий шло в фарватере внешнеполитического курса Великобритании, стремившейся, в одной стороны, постепенно вернуть Германию в клуб европейских игроков, и, с другой стороны, иметь в ее лице надежный противовес гегемонии Франции. Поэтому подобные инициативы Парижа были встречены в Лондоне благосклонно.

Однако период потепления во франко-британских отношениях продлился недолго, так как уже на Гаагской конференции, открывшейся 6 августа 1929 г. и в основном посвященной принятию плана Юнга, развернулись ожесточенные дискуссии. Основным конфликт был вызван борьбой между кредиторами Германии по вопросу распределения репараций. Главными противниками стали английский министр финансов Ф. Сноуден и министры финансов других стран во главе с французом А. Шероном. Сноуден требовал пересмотра плана Юнга, сильно сокращавшего долю Великобритании в общей сумме аннуитетов*, в то время как французская делегация не соглашалась на внесение каких-либо изменений в план Юнга. Результатом стало чрезвычайное обострение англо-французских противоречий, так что парижская пресса даже стала писать о конце «сердечного согласия»³⁴⁶. Итогом конференции стало подписание 31 августа протокола, в котором участники приняли план Юнга³⁴⁷.

Британский премьер-министр Макдональд никогда не скрывал, что он сторонник полной отмены репараций. Эррио же был против, считая, что, если Германия потребует аннулирования репараций, то тем самым она не только не будет способствовать разрешению проблемы, но и превратит

³⁴⁵ Цит. по: Эррио Э. Из прошлого. С. 334.

* Аннуитеты - ежегодны взносы по репарационным обязательствам.

³⁴⁶ Echo de Paris. 11. 08. 1929. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k813345w> (дата обращения 28.03.2023).

³⁴⁷ Протокол... см. План Юнга и Гаагская конференция 1929-1930. Документы и материалы. М., 1931. С. 106-113.

экономический вопрос в политический. Франция не согласится на полное аннулирование репараций, твердо заключал Эррио³⁴⁸.

На конференции в Лозанне, открывшейся 16 июня 1932 г. под председательством Р. Макдональда, на присутствующих сильное впечатление произвела резкая и категоричная речь нового канцлера Германии Ф. фон Папена. Папен обрисовал экономическое положение Германии, сделав акцент на том, что оно самое тяжелое по сравнению с другими странами, резервы рейхсбанка исчерпаны и уже с середины 1931 г. страна не в состоянии платить по частным иностранным кредитам. Свою речь он резюмировал заявлением, что «репарации нереальны и вредны»³⁴⁹.

Французская сторона предложила установить сумму репарационной задолженности Германии в форме или капитала (с уплатой процентов), или ежегодных платежей, или выплаты всей установленной суммы наличными. Когда Папен 28 июня вновь стал настаивать на отмене репараций, так как, по его мнению, они все равно не будут выплачены, Эррио с горечью заметил: «Если нас собрали в Лозанне для того, чтобы заявить нам только о том, что нам не будут платить, то это просто уведомление о решении, а не урегулирование вопроса. Нельзя решить проблему, сняв ее». Сам Эррио так обобщил французскую точку зрения: «Или полная выплата всей оставшейся суммы, или экономическая компенсация, или сочетание того и другого»³⁵⁰. Фактически Германия ставила условие – она готова уступить в вопросе репараций, только если будет принято требование ее равенства в вопросе вооружения. Таким образом, получается, что Берлин мог платить, но просто не хотел. Подобным необдуманном шагом германское правительство само себя разоблачило и обнаружило намерение добиться признания равенства прав. Однако европейские дипломаты не заметили, или не захотели заметить, лицемерия немцев.

9 июля 1932 г. был подписан Заключительный пакт Лозаннской конференции. И хотя соглашение с Германией полностью заменяло ее

³⁴⁸ Цит. по: Эррио Э. Из прошлого. С. 389.

³⁴⁹ Цит. по: Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. С. 53.

³⁵⁰ Цит. по: Эррио Э. Из прошлого. С. 425.

предыдущие обязательства по плану Юнга, итогом Лозаннской конференции стало отнюдь не разрешение основных противоречий версальской системы, а, напротив, еще большее их обострение.

Еще 18 июня на завтрак с членом французской делегации А. Лефевром де Лабулэ статс-секретарь МИД Германии Бернгард Вильгельм фон Бюлов недвусмысленно намекнул на возможность «установления определенных контактов между французским и немецким генеральными штабами, которые могли бы дать Франции самые серьезные гарантии в отношении военного положения Германии»³⁵¹, а 1 июля канцлер фон Папен также выразил свое желание достичь сближения между Германией и Францией³⁵². Примечательно, что Ж.-Б. Дюрозель считал немецкое предложение прологом к «Пакту четырех»³⁵³.

Несмотря на сложное положение, так как английская делегация поддерживала отмену репараций, Эррио все же не пошел на франко-немецкое сближение³⁵⁴. Он уведомил британское правительство о германском предложении и сумел достичь временной консолидации франко-британской позиции, что было закреплено в подписанном после окончания конференции в Лозанне так называемом соглашении о доверии «l'accord de confiance»³⁵⁵ (консультативном пакте), предусматривающем обмен мнениями и сотрудничество между Францией и Великобританией «по всем вопросам того же порядка, как и вопрос ... счастливо урегулированный в Лозанне», а также в целях «справедливого разрешения» проблемы разоружения и «тщательной и практической подготовки к мировой экономической конференции»³⁵⁶.

Хотя это и не было дипломатическое соглашение, так как оно не накладывало взаимных обязательств, но сам факт подписания «соглашения о

³⁵¹ DDF. T. I (2). Ann. II. P. 71.

³⁵² DDF. T. I (2). Ann. II. P. 74.

³⁵³ Duroselle J.B. France and the Nazi Threat: The Collapse of French Diplomacy 1932-1939. New York, 2004. P. 10.

³⁵⁴ Демидов С.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII-XX веков. Рязань, 2017. С. 111.

³⁵⁵ DDF. T. I, n 16. Annexe II. Paris, 1964. P. 31.

³⁵⁶ DDF. T. I, n 16. Annexe II. Paris, 1964. P. 31.

доверии» имел большое значение в связи с тем, что британская дипломатия подчеркнула свою солидарность с французской позицией, а не британскими требованиями. Более того, в какой-то мере это соглашение восстанавливало единство франко-британского фронта.

Безусловно, что один из способов избавиться от вынужденной ориентации на Великобританию заключался в поиске замены ей. Однако другой, равной Великобритании по мощи европейской континентальной державы не существовало. Маленькие восточноевропейские союзники, Польша и Чехословакия, были недостаточно сильными, чтобы заменить Лондон*. В данных обстоятельствах Франция была вынуждена постоянно идти на уступки, чтобы удовлетворить Великобританию, в результате чего французские кабинеты проводили намного более слабую и примиренческую политику, чем желали многие французские политики и которую впоследствии многие оценили как губительную³⁵⁷. Наряду с этим кажется парадоксальным тот факт, что французское общественное мнение было категорически против решительных действий против Германии, как это, например, предлагали правые – не только потому, что это могло обрушить на Францию ужасы новой войны, но еще и потому, что это могло быть негативно воспринято в Великобритании³⁵⁸.

§ 2.3. Друзья и союзники в Центральной и Юго-Восточной Европе

В течение практически всего межвоенного периода Великобритания надеялась, что восточная граница Франции будет служить линией защиты для обеих стран. Рейнская политика Франции была направлена не только на защиту французских территорий, но и на постоянное устрашение Германии (вплоть до угрозы вторжения французских войск). «Немцы добровольно не

* В 1934-1935 гг. после переговоров Л. Барту, а затем П. Лавалья с СССР и Италией на какой-то момент показалось, что Париж сможет избавиться от контроля Лондона. Но на тот момент Германия уже стала настолько мощной, что ни один французский кабинет не осмелился бы сориться с Великобританией так, чтобы в случае войны была хотя бы малейшая возможность ее нейтралитета. Именно по этой причине франко-советский договор был сформулирован так, чтобы избежать малейшей необходимости для Франции прийти на помощь СССР, не получив до этого согласия от Лондона.

³⁵⁷ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 82.

³⁵⁸ Ibidem. P. 89.

вступят в авантюру войны ... в которой первое поле битвы будет на немецких территориях...»³⁵⁹, – сказал в палате депутатов А. Мажино во время обсуждения возможности ратификации Локарнских договоров от 16 октября 1925 г.

Но Париж, подчеркивая важность Рейна как естественной границы и роль Рейнской области в качестве зоны безопасности, не упускал из поля зрения также восточные и южные границы Германии. Опасаясь территориальных амбиций Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе и пытаясь укротить их, французы определили Вислу и Дунай как линию своей защиты. Это делалось с целью устранения угрозы Германии более слабым южным и восточным соседям, а также обеспечения возможности прийти им на помощь в случае немецкой агрессии.

Несмотря на то, что творцы версальской системы единодушно признавали право Польши на независимость, Великобритания и Франция придерживались разных точек зрения в вопросе будущего нового государства, и мнения обеих держав не всегда совпадали с мечтами польских политиков. В ходе Парижской мирной конференции эти три диаметрально противоположных взгляда на будущее Польши породили серьезные противоречия³⁶⁰. Лондон рассматривал Варшаву как потенциальное препятствие распространению коммунизма. Но при этом Великобритания не намеревалась удовлетворять требования Польши о восстановлении «исторических границ», которые включали бы большое число немцев на севере и западе³⁶¹ и украинцев и белорусов на востоке³⁶². Великая Польша, восстановленная в исторических границах, по мнению англичан, стала бы очередным очагом беспокойства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Они были за возрождение Польши, но в ее этнических, а не исторических

³⁵⁹ J.O. Chambre. 02.03. 1926. P. 1136. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6395504b/f16.item> (дата обращения 06.03.2018).

³⁶⁰ Wandycz P.S. France and her eastern allies, 1919-1925. P. 29.

³⁶¹ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 256-266.

³⁶² Именно исходя из этого, 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты рекомендовал принять в качестве приемлемой восточной границы Польши демаркационную линию между Польшей и РСФСР, предложенную министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном. См.: Eberhardt P. The Curzon line as the eastern boundary of Poland: The origins and the political background // *Geographia Polonica*. Т. 85. 2012. №. 1. P. 5-21.

границах. По этой причине не подкрепленные этнографическими аргументами территориальные требования поляков, а также поддержка, оказываемая им французами, вызывали беспокойство многих британских политиков.

Франция же рассматривала Польшу как бастион высокой стратегической ценности в борьбе с возможным возрождением немецкого империализма и как центральную часть «санитарного кордона» против советских республик. При помощи договора о взаимопомощи и секретного военного соглашения Париж связал польские и французские интересы уже в феврале 1921 г.³⁶³. Согласно этим соглашениям обе страны брали на себя обязательства действовать совместно против любой попытки возрождения германской угрозы. Договоры также закрепляли обязательства Франции перед Польшей на случай эвентуальной новой польско-советской войны. Благодаря этим соглашениям 1921 г. Польша получила достаточные гарантии своей безопасности в случае конфликта с обоими соседями. Стоит отметить, однако, что данные договоры не содержали механизма автоматического приспособления к меняющимся политическим, экономическим и военным интересам этих двух стран, в связи с чем к началу 1930-х гг. они утратили прежнюю практическую ценность.

Первым заметным изменением на европейской международной арене стал Рапальский договор от 17 апреля 1922 г. между СССР и Германией. Этот договор ознаменовал собой начало периода политического сотрудничества между Берлином и Москвой и, по мнению ряда исследователей, своим острием в первую очередь был направлен против Варшавы³⁶⁴. Однако, как уже отмечалась в предыдущей главе, данное предположение весьма сомнительное. Действительно существенное изменение произвел Локарнский договор, подписанный 1 декабря 1925 г. Великобританией, Францией, Германией, Бельгией, Италией, Чехословакией

³⁶³ Полный текст обоих договоров см.: Wandycz P.S. France and her eastern allies, 1919-1925. P. 394-395.

³⁶⁴ См.: Roos H. A History of Modern Poland. London, 1966. P. 126; Мезга Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель, 2010.

и Польшей. По этому договору польско-германская граница, в отличие от франко-германской, не была гарантирована прямым и безусловным образом, а новый франко-польский гарантийный договор, подписанный за несколько дней до Локарнского договора, не включал в себя гарантии на случай советского вторжения, которые Париж дал в 1921 г.³⁶⁵. К тому же Франция со временем стала выбиваться из графика поставок обещанных Польше вооружений и боеприпасов³⁶⁶.

Желание Франции разместить войска вдоль Рейна или в Рейнской области, в результате чего германский восточный фланг остался бы незащищенным, было продиктовано главным образом необходимостью иметь свободный доступ к восточноевропейским союзникам. До тех пор, пока Германия оставалась беззащитной на случай военных действий французов в Рейнской области, она была парализована также и на других направлениях и лишена своих естественных преимуществ в отношении небольших стран на востоке. Таким образом, как это постулировалось в государственном меморандуме от 25 февраля 1919 г., демилитаризация и дефортификация Рейнской области были «необходимой защитой для новых стран ... на востоке и юге Германии»³⁶⁷.

Рейнская политика Франции и оккупация Рурской области вызывала трудности в отношениях с Великобританией, поэтому Париж прилагал много усилий для убеждения Лондона в том, что Рейн являлся «международной границей», «общим барьером», как назвал его маршал Фош, защищающим западные демократии от возможной немецкой (или даже советской) агрессии³⁶⁸. Французы неустанно цитировали В. Вильсона, назвавшего Рейн

³⁶⁵ Wandycz P.S. France and her eastern allies, 1919-1925. P. 395.

³⁶⁶ Komjathy A. T. The Crises of France's East Central European Diplomacy, 1933-1938. New York, 1976. P. 20.

³⁶⁷ Mémoire Du Gouvernement Français Sur La Fixation au Rhin De La Frontière Occidentale De L'Allemagne Et L'occupation Interalliée des Ponts Du Fleuve. (Меморандум французского правительства о закреплении за Рейном западной границы Германии и оккупации союзниками мостов через реку), 25 февраля 1919 г. // Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne: 10 janvier 1919 – 7 décembre 1923 / Ministère des affaires étrangères. Paris, 1924. P. 15-31. И именно демилитаризация Рейнской области в марте 1936 г. стала одной из точек невозврата, пройденных Гитлером. Правда, в то время безопасность территории собственно Франции, была, как казалось, обеспечена линией Мажино. Поэтому, например, Великобритания так спокойно отреагировала на действия Гитлера.

³⁶⁸ Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne : 10 janvier 1919 – 7 décembre 1923. P. 12.

«границей свободы». Считая своим долгом обеспечение для себя беспрепятственного доступа в Центральную и Юго-Восточную Европу, они хотели сделать эту границу односторонней, то есть, чтобы другие защищали ее в случае агрессии, но не препятствовали их возможному продвижению дальше. Париж яростно противился созданию такой системы западноевропейской безопасности, в которой он должен был оставаться в рамках своих границ и не принимать активного участия в делах Центральной и Юго-Восточной Европы³⁶⁹.

Возросшие противоречия между Францией и Великобританией по вопросу трактовки рейнской границы и оккупации Рура ставили страны Малой Антанты и Польшу в сложное положение, так как свои основные надежды на выполнение обязательств по Версальскому договору они возлагали именно на эти две великие державы и помыслить не могли о том, чтобы принять сторону Франции против Великобритании. В этой ситуации даже Польша проявляла удивительную для себя солидарность со всеми³⁷⁰.

Нужно согласиться с А. Уолферсом, который полагает, что французская внешняя политика оказалась в «порочном кругу» – Франция пыталась ослабить Германию, поэтому помогала Польше и ЧСР получить территории, нарушающие этнические границы Германии, поддерживала их сопротивление настойчивым требованиям немцев урегулировать спорные вопросы, а также использовала их в качестве союзников для выстраивания защиты против Германии. Однако своими действиями Франция лишь усиливала напряжение на восточной границе Германии³⁷¹. Франция, по меткому замечанию Ж. Монтины, взяла на себя роль «жандарма Европы», охраняющего все «наиболее открытые (спорные) границы»³⁷². Однако она не нашла поддержки других великих держав, что было самой бросающейся в глаза слабостью положения Парижа.

³⁶⁹ Подробнее см.: Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 97-98.

³⁷⁰ Wandycz P.S. France and her eastern allies, 1919-1925. P. 272.

³⁷¹ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 99.

³⁷² J.O. Chambre. 23.06. 1936. P. 1535. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64264140/f7.item> (дата обращения 07.03.2018).

Определенная симпатия и ответственность в отношении «молодых наций», особенно поляков и чехов, которые внесли символический по сути, но значимый пропагандистский вклад в дело союзников во время Первой мировой войны, побуждало французов поддерживать политику своего правительства. Однако дорога сотрудничества между Парижем и этими странами была вымощена трудностями, которые лежали в психологической, стратегической, экономической и политической плоскостях. Комплекс этих трудностей и противоречий частично объясняет неудачу политики Франции на востоке. Психологическая проблема заключалась в том, что эти страны сильно зависели от Франции в военных, политических и экономических вопросах, а это не могло не сказываться на их чувстве собственного достоинства. Их элиты тяготились этой зависимостью, но еще больше им не нравилось то, что Франция ожидала от них благодарности за свою столь щедрую поддержку. В конечном счете Францию стали подозревать в поиске «политической клиентелы и узкой эгоистичной заинтересованности»³⁷³.

Но стратегические проблемы были намного более серьезными. До тех пор, пока Германия в одностороннем порядке была разоружена, а Рейнская область демилитаризована, Франция имела свободный доступ по германской территории к своим восточным друзьям и союзникам. Точно так же, пока Германия оставалась в этом состоянии искусственной немощи, опасности, от которых Франция пыталась защитить себя и своих союзников на Висле и Дунае, оставались эфемерными. Никто не мог даже предположить, что Германия с беззащитным западным флангом атакует своих восточных соседей или начнет поход на Дунай. Однако стратегическая расстановка сил изменилась бы коренным образом, если бы Франция не смогла сдерживать немецкое вооружение и обеспечивать возможность военных действий на Рейне³⁷⁴.

³⁷³ J.O. Chambre. 29.12. 1932. P. 3753. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6288167w/f11.item> (дата обращения 07.03.2018).

³⁷⁴ После объявления немецкого перевооружения в 1935 г., Франция не смогла решиться на превентивные меры, к которым была готова Польша уже в 1933 г., и тем самым через год позволила Германии ремилитаризовать Рейнскую область. В итоге французские союзники оказались стратегически так удалены от нее, что возможность эффективной военной помощи свелась практически к нулю. Возведение линии

Начиная с Первой мировой войны, доступ для армий, идущих на помощь новым государствам в Европе, был трудной проблемой и играл важную роль в международных дискуссиях. Французы старались убрать любые юридические препятствия, затрудняющие «*passage des troupes*» по нейтральным территориям. По этой причине проблема прохода войск являлась одной из причин увеличения ценности Лиги наций в глазах французов. Естественно, что было просто невозможно склонить все государства Европы к вступлению в союзы, которые бы обязывали их помогать странам, находящимся в зоне потенциальной опасности. Однако как члены Лиги они были обязаны обеспечить проход войск, при условии согласия на это Лиги (статья 16 Устава Лиги наций). Впрочем, Лига наций показала свою неэффективность еще до наступления момента настоящей проверки. Более того, некоторые члены Лиги с самого начала продемонстрировали свое нежелание следовать ее Уставу, объявив, что они не допустят прохода войск, действующих под эгидой Лиги и исполняющих статью 16 (так, например, Польша и Румыния отрезали СССР от Чехословакии, нейтралитет Бельгии перекрыл доступ французским или франко-британским войскам к северу Германии в случае войны, а Швейцария запретила транзит боеприпасов из Франции в Польшу в 1920 г. во время польско-советской войны).

Наконец, экономические проблемы в отношениях между Францией и государствами Центральной и Юго-Восточной Европы заключались в том, что Франция была не в состоянии, отчасти из-за структуры своей собственной экономики, излечить эти страны от экономических недугов, которыми они страдали в послевоенный период. Кроме Чехословакии, где промышленность и сельское хозяйство находились в равновесии и где

Мажино едва ли можно назвать свидетельством того, что французские вооруженные силы были готовы атаковать Германию. Удивительным являлось и то, что французы окончательно осознали противоречие между военной политикой, сводившейся к строительству укреплений и армий, вооруженных для обороны, и внешней политикой, характеризующейся многочисленными обязательствами и обширной зоной интересов, когда для восточноевропейских друзей было уже слишком поздно искать защиту где-то еще. В 1935 г. министр обороны Франции генерал Луи Морен в палате депутатов задал удивительно актуальный вопрос: как кто-то может ожидать от Франции наступательных действий после того, как она потратила миллиарды на строительство оборонительных сооружений. J.O. Chambre. 15.03. 1935. P. 1045. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6465935p/f37.item> (дата обращения 13.03.2018).

экономические условия были благоприятнее, чем в других европейских странах, государства Центральной и Юго-Восточной Европы, от Балтики до Балкан, страдали не только от финансовой нестабильности и несбалансированного бюджета, но и от преобладания сельскохозяйственного производства в их экономике. Хотя Франция находилось в лучшем положении, чем любая другая страна, и могла финансировать их нужды и огромные расходы на вооружение, но и она была не в состоянии стать рынком сбыта колоссального объема сельскохозяйственной продукции.

Польша была одной из первых стран, с которой Франция практически сразу после Первой мировой войны подписала военный договор (ему предшествовал только договор с Бельгией, подписанный в 1920 г. и направленный против Германии). 25 января 1924 г. Париж заключил договор с Прагой, а в 1925 г. за ним последовали дополнения в виде франко-польского и франко-чехословацкого гарантийных пактов, подписанных в Локарно. Франция стремилась выступать и в роли гаранта австрийской независимости. Именно по инициативе Франции вокруг Германии было образовано кольцо обороны, призванное сдерживать ее в установленных границах на западе, востоке и юго-востоке. Однако Франция так никогда и не сумела сделать эту линию обороны прочной, так как отдельные звенья цепи оставались разобщенными.

Между Польшей и Чехословакией не было договора о взаимопомощи; напротив, их отношения большую часть времени были отмечены холодным недоверием с обеих сторон, кульминацией которого стало участие Польши в разделе Чехословакии в 1938 г. Никогда не было тесного сотрудничества Чехословакии с Австрией. Все попытки Франции уговорить Малую Антанту создать дунайскую конфедерацию разбились о глухую стену непонимания. Вина может быть возложена на Чехословакию, Австрию или на обе страны вместе взятые, но в любом случае дунайский фронт против Германии так никогда и не стал реальностью.

Единственным законным основанием для совместных действий и взаимопомощи, на которое могла рассчитывать Франция, был Совет Лиги

наций. Вся привлекательность Лиги для Франции заключалась именно в возможности интегрировать все эти двусторонние договоры и соглашения в одну целостную систему. Например, если Польша отказывалась гарантировать в двустороннем договоре помощь Чехословакии в случае, если бы последняя стала жертвой агрессии Германии, то Варшава в любом случае была обязана начать действовать согласно Уставу Лиги, который обязывал ее участвовать в санкциях против агрессора*.

Чехословакия в полной мере осознавала важность и преимущества Устава, поэтому она вместе с остальными членами Малой Антанты являлась самым лояльным адептом Лиги наций, точнее, ее санкций. Однако ни они, ни Франция никогда не рассматривали Лигу как достаточную гарантию безопасности. До последнего они пытались укрепить правовые положения для взаимопомощи, поддержать Устав дополнительными многосторонними (так называемыми «региональными») соглашениями**.

Таким образом, временное военное превосходство над Германией позволило Франции выступить в роли стража новых славянских государств и независимости Австрии. Однако это временное преимущество в большей степени основывалось на ее свободном доступе в Германию через незащищенный западный фланг последней. Но как только Франция оказалась слишком слабой, слишком изолированной и слишком любящей мир, чтобы поддерживать это превосходство, все здание ее европейской политики рухнуло как карточный домик.

* Вероятнее всего, именно в этом крылся ключ к последовательному несогласию французов с предложениями Гитлера о заключении двусторонних договоров. Франция подписала больше двусторонних договоров, чем любая другая страна, но они были связаны между собой Уставом Лиги наций; в то время, как «двусторонность» Гитлера объяснялась желанием изолировать соседей Германии друг от друга и избавиться от общего союза, представленного в Уставе.

** Как известно, этого не случилось – Дунайский пакт, обсуждавшийся на конференции в Стресе в 1935 г., и Восточный пакт, обсуждавшийся в то же время, так никогда и не стали реальностью. К 1938 г. авторитет Лиги уже настолько упал, что даже самые большие оптимисты связывали свои надежды со старыми двусторонними военными союзами, которые еще действовали в то время.

§ 2.4. Великие союзники на континенте (СССР, Италия)

По причине своего географического положения Германию всегда преследовал «кошмар коалиций», то есть возможность оказаться в кольце враждебных союзов. Франция, напротив, опасалась соседа потенциально более сильного, чем она, в связи с чем стремилась к заключению союзов. Вильсоновская доктрина, рассматривающая союзы как главную причину войны, шла вразрез с интересами Франции, однако на практике никогда всерьез не противоречила французской системе союзов в Восточной Европе. В сложившейся на европейском континенте после войны расстановке сил Италия и СССР были для нее самыми перспективными партнерами, так что было бы совершенно естественно, если бы жаждущий и настроенный на союзы Париж стал искать точки соприкосновения с этими странами. Но как показало дальнейшее, во многом парадоксальное развитие событий, в отношении обеих стран Франция часто ограничивалась достаточно сухими партнерскими связями, и при этом жила в постоянном страхе перед эвентуальным советско-германском блоком. «Дух Рапалло», как уже отмечалось выше, стал перманентным кошмаром французских политиков, определявших развитие международных отношений в 1930-е гг.

- СССР

С момента подписания Версальского договора и вплоть до начала 1930-х гг. официальное отношение Парижа к Москве было достаточно отстраненным, если даже не сказать враждебным. Время от времени Франция возглавляла фронт противодействия советскому влиянию (так называемый «санитарный кордон», например, был французской идеей). Подобное поведение объяснялось тем, что после окончания войны союз с Советской Россией с точки зрения французов *не был* необходим. Пока Германия оставалась разоруженной, имела открытый западный фланг, была окружена союзными Франции государствами, а Париж обладал очевидным военным превосходством, союз с Москвой был излишним. Более того, тесные связи с

СССР могли пагубно отразиться на отношениях с союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе, испытывающими к Кремлю стойкий антагонизм; со стратегической точки зрения они были важнее для Франции. Поэтому совершенно естественно, что в 1920-е гг. основная цель Франции заключалась в изоляции СССР и стремлении держать его как можно дальше от региона, в котором Париж установил свое доминирование. Однако было и то, с чем Франция была вынуждена считаться: с озвученным Д. Ллойд Джорджем на Генуэзской конференции 1922 г. стойким желанием Великобритании установить экономические связи с Советской Россией и не допустить образования советско-германского союза. Именно противодействие Франции привело к подписанию Рапалльского договора и началу политического и экономического сотрудничества России и Германии. С этого момента тень советско-германского союза всегда маячила на французском небосводе. В этой связи кажется вероятным, что политика франко-германского сближения, проводимая Брианом, апофеозом которой стало подписание Локарнского договора в 1925 г., коренилась в стремлении французов (которое, кстати, разделяли в Лондоне) в интересах безопасности держать Германию подальше от СССР.

Особенно широкий размах антисоветская кампания во Франции приобрела с осени 1929 г. «В своей враждебности к Советскому Союзу и склонности к печатанию всевозможных измышлений и клеветы против Советского Правительства французская пресса побил рекорд капиталистической прессы всех остальных стран»³⁷⁵, – писал М.М. Литвинов полпреду СССР во Франции В.С. Довгалеvскому. В конце 1920-х гг. разрабатывались самые различные варианты антисоветских планов. Почти одновременно с выдвигением бриановского проекта «Пан-Европы» в германской и французской прессе появились статьи об имевших место секретных переговорах между представителями двух стран о заключении военного союза против СССР.

³⁷⁵ ДВП СССР. Т. XIII. С. 691.

Приход к власти А. Тардьё в ноябре 1929 г. существенно ограничил влияние и поле деятельности Бриана. Новый премьер-министр все чаще сам занимался внешнеполитическими вопросами, возглавлял французские делегации на международных конференциях и встречах. Таким образом, Тардьё становился «доминирующей фигурой в области франко-советских отношений»³⁷⁶.

Консервативные круги французского общества поощряли также экономическую войну против СССР, бойкотировали советские товары, мешали налаживанию франко-советской торговли³⁷⁷. Для Франции 1930-е гг. начались достаточно тревожно. Правящие круги не сумели вовремя разглядеть быстрое восстановление сил старого врага – Германии. В своих попытках добиться от немцев выполнения репарационных обязательств французское правительство столкнулось с саботажем не только со стороны немцев, но и своих недавних союзников – Великобритании и США. В этой связи, в попытке выработать свою поведенческую линию в репарационном вопросе, Франция избрала путь постоянных уступок и отступлений. З.С. Белоусова полагает, что «слабость позиции Франции явилась в значительной мере итогом антисоветизма ее правящих кругов»³⁷⁸.

Однако ситуация постепенно начала меняться. Как только Германия стала дрейфовать в сторону от Локарно, и угроза ее возрождения стала более ощутимой, Франция уже больше не могла закрывать глаза на опасность советской агрессии или совместных враждебных действий СССР и Германии против Польши. Лучший способ отвлечь внимание Москвы от Европы, по мнению Парижа, заключался в том, чтобы убедить ее в безопасности своей западной границе. К решению этой задачи Франция приступила в 1932 г., когда в результате парламентских выборов в мае было сформировано правительство Э. Эррио. Эти выборы привели к существенной

³⁷⁶ ДВП СССР. Т. XIII. С. 128.

³⁷⁷ Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. С. 44.

³⁷⁸ Там же. С. 47.

перегруппировке сил в стране³⁷⁹. Правые партии потерпели поражение, большинство мандатов досталось левым партиям. Поняв еще в первой половине 1920-х гг. огромное значение для Франции и сохранения мира в Европе франко-советского сближения и сотрудничества, Эррио оставался верным этой важной политической идее всю свою жизнь. 29 ноября 1932 г. Франция не только сама подписала пакт о ненападении с СССР, но и способствовала заключению схожих договоров Советского Союза с Польшей (25.07.1932), а двумя годами позже – относительной нормализации отношений СССР с Румынией и Чехословакией³⁸⁰.

СССР, встревоженный действиями Японии на Дальнем Востоке, также был заинтересован в перемещении фокуса своей внешней политики из Европы. «Этим пактом, – воскликнул Поль-Бонкур, говоря о договоре 1932 г., – великая Россия вошла в нашу систему соглашений и союзов»³⁸¹. По мнению З.С. Белоусовой, сближением с СССР Франция стремилась укрепить свою систему союзов в Восточной Европе, которую она рассматривала как важный элемент своей безопасности. Более того, франко-советский договор 1932 г. означал пересмотр внешнеполитических концепций Франции, сформулированных после окончания Первой мировой войны. Этот поворот соответствовал интересам обеих стран³⁸². В динамично меняющейся международной ситуации французские военные круги стали приходить к мысли о необходимости активации системы «тыловых союзов» и вовлечении в нее СССР³⁸³.

Но это было лишь начало. Приход Гитлера к власти и уверенность в том, что Германия хочет и будет вооружаться, стали главными факторами, повлиявшими на эти качественные изменения французского

³⁷⁹ Подробнее см.: Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции: борьба классов и партий. От Версаля до Мюнхена. М., 1973.

³⁸⁰ ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 379-381.

³⁸¹ J.O. Chambre. 18.05.1933. P. 2437. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6467313n/f13.item> (дата обращения 23.03.2018).

³⁸² Белоусова З.С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964. С. 11-12.

³⁸³ Подробнее см.: Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022. С. 71-128; Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932-1933 гг.) // Российская история. 2020. №. 3. С. 52-66.

внешнеполитического курса. Франции также сыграла на руку враждебность национал-социалистов к СССР, а также опасения Москвы в отношении германских амбиций на востоке.

Стоит сказать, что Советский Союз отказался от своего презрительного отношения к женеvской идеологии и постепенно стал апологетом и поборником системы коллективной безопасности, которую уже давно поддерживала Франция и ее союзники. Об этом 5 мая 1933 г. публично заявил К. Радек, известный как рупор советского руководства. Он категорически осудил требования Германии пересмотреть мирный трактат 1919 г.: «...эта программа механизма ревизии Версальского договора на путях восстановления ухудшенного брестского мира – эта программа является внешнеполитической программой германского фашизма ... всякая попытка «ревизии» Версальского мира за счет СССР поставила бы под вопрос самое существование тех капиталистических держав, которые попытались бы такую программу реализовать»³⁸⁴. Таким образом, Советский Союз публично продемонстрировал желание вступить в ряды защитников территориального статус-кво. А в ноябре 1933 г., по советской инициативе начались переговоры по вопросу заключения франко-советского договора о взаимопомощи, успешно завершившиеся 2 мая 1935 г.³⁸⁵. Как справедливо отмечал А.З. Манфред, именно отсутствие реальных противоречий между СССР и Францией, а также общность интересов явились важнейшими предпосылками их сближения³⁸⁶.

- **Италия**

Франко-итальянское взаимодействие после 1919 г. коренным образом отличалось от отношений с Советским Союзом. Еще одна континентальная великая держава, еще один союзник периода Первой мировой войны, Италия также вплоть до перевооружения Германии после прихода к власти Гитлера

³⁸⁴ Радек К. Ревизия Версальского договора // Правда. 1933. 05.05.

³⁸⁵ См.: Кузьмичева А.Е. Реакция Варшавы на франко-советское сближение 1934-1935 гг. // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов. Краснодар, 2015. С. 155–164.

³⁸⁶ Манфред А.З. К истории советско-французского пакта о взаимной помощи 1935 г. // Французский ежегодник 1961. М., 1962. С. 464.

оставалась вне сферы интересов французской системы союзов. В очередной раз проявилось яркое противоречие между одержимостью Парижа гарантиями безопасности и равнодушным отношением к возможности укрепления связей с Италией.

Влияние Италии в Женеве и ее интересы в рамках Лиги никогда не были значительными. Она наравне с Великобританией по Локарнскому договору была гарантом франко-германской границы, но диаметрально противоположное восприятие во Франции этих стран, которое становится очевидным хотя бы по материалам дебатов палаты депутатов, сразу бросается в глаза. Франко-итальянские отношения стали напряженными непосредственно после Парижской мирной конференции, когда Италия оказалась разочарованной и обиженной стороной. Такими они и оставались весь предшествующий приходу Гитлера к власти период.

Стоит отметить, что один из важных факторов холодного отношения Франции к Италии заключался в стойком противодействии Парижа сближению Рима с Малой Антантой. Это нельзя объяснить лишь соперничеством между двумя лагерями потенциальных союзников Франции. Амбиции Италии были прямо противоположны жизненным интересам Малой Антанты. Например, Югославия хотела от Франции защиты именно от Италии, а не от Германии. Малой Антанте также внушали страх поддержка Италией венгерского и болгарского ревизионизма, ее намерение превратить Адриатическое море в свое внутреннее, иногда проявляемое желание реставрировать монархию Габсбургов, наконец, ее проникновение в Албанию (через А. Зогу). Но самым значимым препятствием на пути франко-итальянского сотрудничества был тот факт, что, в отличие от Польши и стран Малой Антанты, Италия являлась неудовлетворенной результатами мирной конференции, следовательно, Париж не мог ее вовлечь в свою орбиту одним лишь предоставлением гарантий поддерживать существующий порядок³⁸⁷.

³⁸⁷ Для более детального анализа см. напр.: Macartney M.H.H., Cremona P. *Italy's Foreign and Colonial Policy, 1914-1937*. Oxford, 1938. Глава 10; Currey M.I. *Italian Foreign Policy, 1918-1932*. London, 1932. (главы 10-11); Komjathy A. T. *The crises of France's East Central European diplomacy, 1933-1938*. New York, 1976.

Однако Италия, хотя бы по своему географическому положению и интересам, должна была занять место в европейском концерте. Поэтому Париж не мог игнорировать угрозу того, что такая сильная и энергичная страна, как Италия, могла оказаться во враждебном лагере. Возможность соглашения с Римом, аналогичного с СССР, была меньше, ибо между странами существовало яблоко раздора в виде Австрии. И все же ситуация не была безнадежной, но для этого Франции надо было пойти на уступки Италии, в противном случае она проигрывала ее германскому лагерю. В этой связи кажется естественным, что озабоченная проблемой безопасности Франция была готова придать отношениям с Италией новый, конструктивный импульс, однако не за очень высокую цену. Сама идея сохранения статус-кво шла вразрез с фашистским динамизмом, требующим большего влияния, большей силы и колониальных владений (Италия никогда не скрывала фундаментальных основ своей внешней политики). Но подобный курс неизбежно сказался бы на влиянии Франции как на Дунае, так и на Балканах, на ее военно-морском превосходстве над Италией, на ее традиционной роли на Ближнем Востоке и, наконец, на безопасности (если даже не на размере) ее африканских владений. Более того, он бы неизбежно ослабил союзников Франции. Этот политический курс Италии, являясь по своей природе ревизионистским, противоречил самой идее французской системы безопасности и создавал опасный прецедент, угрожающий всему послевоенному порядку и территориальному статус-кво.

Французская политика в отношении Италии стала меняться коренным образом примерно в тот же период, что и в отношении СССР³⁸⁸. И связано это было с отчаянным поиском французским правительством новых союзников перед лицом возрастающей угрозы со стороны Германии. Но из-за принципиального несовпадения принципиальных целей политики

³⁸⁸ См. подробнее: Guillen P. Franco-Italian relations in flux, 1918–1940 // French Foreign and Defence Policy, 1918–1940. Routledge, 2005. P. 158–172; Mallett R. The Italian Navy and fascist expansionism, 1935–1940. Routledge, 2013; Salerno R.M. Britain, France and the Emerging Italian Threat, 1935–38 // Anglo-French Defence Relations between the Wars. London, 2002. P. 72–91; Young R.J. French Military Intelligence and the Franco-Italian Alliance, 1933–1939 // The Historical Journal. T. 28. 1985. № 1. P. 143–168; Young R.J. Soldiers and diplomats: The French embassy and Franco-Italian relations 1935–6 // The Journal of Strategic Studies. T. 7. 1984. № 1. P. 74–91.

этих государств, франко-итальянский союз во второй половине 1930-х гг. так и не сложился.

§ 2.5. Франция и Лига наций: международные гарантии

С точки зрения Франции, самой важной и ценной чертой, создаваемой в 1919 г. в Париже Лиги наций, было наличие механизмов сдерживания. А вот совещательно-рекомендательная функция, неизбежно приводящая к политике уступок и компромиссов, вызывала у французов раздражение. Им больше импонировала американская точка зрения, основывающаяся на важности гарантий территориальной целостности всех членов Лиги против внешней агрессии (эта идея была отражена в статье 10 Статута Лиги наций).

Французы стали самыми пылкими защитниками идеи сильной, действующей в ультимативном порядке Лиги, и выразили желание сразу же наделить ее международными полицейскими силами. По их плану, сама Лига, а не отдельные ее члены, должна была стать «жандармом»³⁸⁹. Однако стоит отметить, что даже несмотря на предложенную французами схему, превращающую Лигу в самый могущественный в истории орган коллективной безопасности, Париж никогда не демонстрировал намерения отказаться от полученных гарантий безопасности (таких, как вооружение и система союзов) и принять Лигу в качестве замены.

Одним из условий (или же необходимых последствий) Локарно стало вступление Германии в Лигу наций. Однако во Франции отношение к этому было неоднозначным – часть политиков полагала, что, прежде чем это произойдет, Берлин должен продемонстрировать свои мирные намерения и добрую волю, в течение нескольких лет выдержать испытательный срок, а также решить вопросы разоружения и выплаты репараций.

Первые трудности начались после того, как Германия озвучила свое желание получить постоянное место в Совете Лиги наций. Это сразу же вызвало протест Польши, так как наряду с Германией на постоянное место в

³⁸⁹ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 154.

Совете претендовали Бразилия, Испания и, естественно, сама Польша. Германская дипломатия, в свою очередь, выступила резко против реорганизации Лиги путем расширения состава постоянных членов ее Совета и против предоставления постоянного места Варшаве. Франция поддерживала Польшу, но безрезультатно. 8 сентября 1926 г. Германия вошла в Лигу наций как великая держава.

Так как Лига должна была стать лишь дополнительной гарантией французской безопасности и интегральной частью всей системы обороны, до 1925 г. французы воспринимали ее как еще один инструмент сдерживания Германии и подавления эвентуальной германской агрессии (после 1925 г., в рамках курса Бриана, Лига превращается в один из главных инструментов политики коллективной безопасности). Однако это значило, что Франция собиралась направить Лигу против конкретной страны, а не против абстрактного потенциального агрессора. Учитывая это, многие действия Франции в Женеве обретают конкретное значение и мотивы. Особенно явственно это проявлялось, например, когда в Лиге обсуждались карательные меры в отношении любой страны, кроме Германии – в такие моменты рвение Парижа применить санкции резко шло на спад или же отсутствовало в принципе. Подобное поведение французской делегации часто провоцировало конфликты с другими членами Лиги, так как Великобритания и нейтральные страны (Бельгия, Швейцария) не имели ни малейшего желания направить Лигу специально против Германии или какой-то другой страны.

Так как французские левые и правые политики придерживались общих взглядов на вопросы предназначения и направленности действий Лиги наций, их дискуссии ограничивались главным образом выяснением достоинств системы союзов по сравнению с Лигой. Основной спор касался вопроса, какому средству обороны следует отдавать предпочтение в сложной иерархии гарантий, направленных на обеспечение мира. По мнению французских политиков, если Лига и была нужна, то она должна была доказать свою работоспособность в качестве «общего союза». «Почему не

сказать ясно? Лига наций была задумана как обширный союз»³⁹⁰, – восклицал в Сенате Г. Лемери. Даже А. Бриан однажды упомянул Лигу как «соглашение общего союза»³⁹¹.

Но если Лига наций являлась своего рода союзом, точнее, даже наднациональным арбитражным органом предотвращения войны, то надо было понять, насколько этот «союз» был ценным и эффективным и стоило ли Франции формировать свою внешнюю политику в соответствии с требованиями Лиги. Наряду с этим французские политики понимали, что если Лига не справится с возложенными на нее функциями, то тогда она станет для Франции скорее препятствием, чем дополнением к другим средствам защиты. В этой связи перед творцами французской внешней политики стоял очень важный и сложный вопрос: что лучше для Франции, сотрудничать с другими странами в рамках Лиги или остаться в одиночестве?

Однако Парижу не пришлось долго мучиться подобными вопросами – свой первый же серьезный тест Лига наций с треском провалила во время второй итало-абиссинской войны (1935–1936 гг.).

Важно отметить, что Франция, пытаясь модифицировать свою систему безопасности, опирающуюся на систему союзов, была заинтересована в сотрудничестве с Лигой наций. Тем самым она демонстрировала свое согласие с точкой зрения В. Вильсона, заключавшейся в том, что традиционные союзы являлись потенциальной причиной войны³⁹². Вслед за Великобританией часть французского общества опасалась возникновения контрсоюзов, что снова поделит Европу на враждующие блоки. Кроме того, французские политики боялись негативного общественного мнения в европейских странах в отношении политики союзов, а Лига наций являла собой альтернативу политике союзов. Они полагали, что Франция не могла себе позволить потерять моральную поддержку мирового общественного

³⁹⁰ J.O. Sénat. 25.06.1936. P. 615. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6396518p/f7.item> (дата обращения 17.04.2018).

³⁹¹ J.O. Chambre. 21.04. 1925. P. 2235. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6427280m/f23.item> (дата обращения 17.04.2018).

³⁹² Подробное исследование данной проблемы см.: Ambrosius L.E. Woodrow Wilson and American Internationalism. Cambridge, 2017. P. 137-158.

мнения, от которого в значительной степени зависела помощь в случае войны. Начиная с Парижской мирной конференции и вплоть до 1936 г. каждый французский план сохранения мира предусматривал включение в состав Лиги наций международных полицейских сил³⁹³. Но в конечном итоге французы осознали, что даже от своих коллег по Лиге они получают только экономическую и финансовую помощь, ибо все дискуссии в Женеве велись главным образом по экономическим, а не военным санкциям.

Франция, стремившаяся как можно теснее связать свои западную и восточную оборонительные системы, была категорически против предложений Гитлера заключать отдельные двусторонние договоры и, таким образом, локализовать войны. Ее конечная цель заключалась в интеграции всех договоров о взаимопомощи между Францией и ее союзниками в одну обширную и хорошо продуманную систему. По задумке Парижа, Лига наций, наделенная международной полицией, генеральным штабом и административной системой экономических санкций, должна была стать хорошо подготовленной потенциальной военной коалицией, созданной по образцу победоносной коалиции времен Первой мировой войны. Французы не забыли уроки этой войны и постоянно сравнивали коалиции первой мировой и Лигу наций³⁹⁴. В сложившейся ситуации крылатое латинское выражение «*si vis pacem, para bellum*»^{*} могло получить новую интерпретацию – хочешь мира, готовь санкции против вероятного агрессора.

Еще в начале 1920-х гг., пока Франция и ее сторонники занимали доминирующую позицию в Лиге наций, французы сумели убедить Ассамблею Лиги принять резолюцию, поддерживающую тезу Парижа о встраивании договоров о взаимопомощи между ее членами в правовую систему этой организации. В последующие годы эта резолюция служила

³⁹³ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 160.

³⁹⁴ J.O. Chambre. 23.06. 1936. P. 1553. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64264140/f25.item> (дата обращения 17.04.2018).

^{*} Хочешь мира – готовься к войне (лат.)

основанием для интерпретации всех пактов, имеющих важные для Франции черты союзов, как части системы договоров Лиги³⁹⁵.

С самого начала существования Лиги наций ее творцы столкнулись с неразрешимой дилеммой – Париж поддерживал Лигу только до тех пор, пока она являлась инструментом продолжения традиционной политики союзов. В этой связи он интерпретировал Статут Лиги с точки зрения достижения конкретно этой цели. В. Вильсон же, напротив, рассматривал Лигу как радикальный отход от моделей исторических союзов³⁹⁶. Данное фундаментальное противоречие между целями и устремлениями творцов Лиги в очередной раз подтверждает тезис о том, что данная организация с самого начала представляла собой мертворожденный проект.

Важная отличительная черта Лиги от традиционных военных союзов (зачастую являвшаяся ее слабостью) заключалась в том, что она не была направлена против какой-то определенной страны. «Потенциальный агрессор» был совершенно анонимен, так что было неясно направление вектора коллективной самообороны. Для исполнения союзнических обязательств нужно было четкое определение *casus foederis*, и совершенно очевидно, что это было намного проще сделать в двустороннем договоре о взаимопомощи.

Конкретизация агрессора, по мнению французов, была также необходима еще и потому, что военную помощь можно было оказать только «в соответствии с заранее подготовленным планом». В Лиге никто и никогда не собирался заранее заниматься разработкой подобного плана, за исключением возникновения конкретной военной ситуации и

³⁹⁵ Report to the Fourth Assembly of the League on the Work of the Council, on the Work of the Secretariat and on the Measures taken to execute the Decisions of the Assembly. Geneva, 28.06.1923. [электронный ресурс] // <http://digital.library.northwestern.edu/league/le00195a.pdf> (дата обращения 24.04.2018). 14 резолюция Ассамблеи Лиги наций постулировала невозможность в существующих обстоятельствах сократить вооружение многих стран до момента получения ими удовлетворительных гарантий безопасности. Такие гарантии могли быть получены в результате заключения оборонительных соглашений, «открытых для всех стран и обязывающих оказать немедленную и эффективную помощь в соответствии с заранее подготовленным планом» в случае нападения на одну из стран-участниц соглашения. Именно эта резолюция в 1923 г. легла в основу проекта договора о взаимопомощи. Значимость этого шага для Франции становится ясна, если вспомнить о военных союзах, уже заключенных с Бельгией и Польшей. Если теперь их можно было трактовать как «заранее подготовленный план», описанный в резолюции, то не только Лига наций их одобрила бы, но они бы стали частью всей системы по организации мира.

³⁹⁶ Link A.S. Woodrow Wilson and a revolutionary world, 1913-1921. Chapel Hill, 2017. P. 113.

определившегося противника. Париж же полагал, что противника необходимо знать заранее. Подобные планы должны были быть направлены против того, что французы называли «гипотезой определенного конфликта»³⁹⁷. А так как некоторым странам, находившимся под угрозой вторжения, требовались обещания немедленной эффективной военной помощи, специальные соглашения, основанные на заранее подготовленном плане, должны были быть направлены против точно названных стран. Примером такого союза стала Малая Антанта, которая не скрывала своей явной направленности против Венгрии и Болгарии.

В любом случае, Франция была монополистом системы союзов и ревностно охраняла свой статус. В 1931 г. в ходе парламентских дебатов Э. Эррио заявил, что проект австро-германского таможенного союза (1930 г.) нарушит принципы нового порядка, так как знаменует собой возвращение к теории «противоборствующих сил» («*forces antithétiques*»)³⁹⁸. Логика французов была очень проста – союзы являлись привилегией стран, «находящихся под угрозой вторжения», и не были предназначены для потенциальных захватчиков. *Quod licet Jovi, non licet bovi!*

И даже несмотря на то, что французы регулярно артикулировали «открытость» и доступность системы союзов для «добросовестных народов» («*les peuples de bonne foi*»)³⁹⁹, истинная сущность этой «открытости» вызывает много сомнений. К сожалению, на практике ни одна страна так никогда и не попыталась вступить в союз, предположительно направленный против нее, и оценить результат. И даже когда договор не сопровождали никакие военные соглашения, как, например, в случае франко-советского договора в 1935 г., сложно поверить, что он был открыт для всех и что, следовательно, у Берлина не было оснований говорить об «окружении, так как Германии было предложено участвовать»⁴⁰⁰.

³⁹⁷ Цит. по: Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 171.

³⁹⁸ J.O. Chambre. 08.05.1931. P. 2663. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k62369096/f21.item> (дата обращения 29.04.2018).

³⁹⁹ Цит. по: Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 173.

⁴⁰⁰ J.O. Chambre. 11.02.1936. P. 354. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6311780z/f26.item> (дата обращения 29.04.2018).

Не будет преувеличением сказать и то, что у Лиги наций не было права или обязанности влиять на процесс заключения договоров. Страны, «находящиеся под угрозой вторжения», на практике могли самостоятельно решать, какие соглашения им заключать и против кого направлять их острие. Их генеральные штабы могли смело разрабатывать планы на случай вторжения и даже начинать оказывать военную помощь, если полагали, что их союзник стал жертвой агрессии. Таким образом, Лига фактически стала оболочкой, в которую Франция умело заключила свою континентальную систему союзов. Постепенно стало проявляться краеугольное противоречие, заключающееся в том, что Франция пыталась трактовать Лигу как международную гарантию и защиту от Германии, в то время как другие члены никоим образом не были обязаны рассматривать Лигу под этим углом зрения.

Более того, в самом Статуте Лиги наций крылась опасность для Франции – в статье 19 говорилось о том, что «собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»⁴⁰¹. Таким образом, Германия и другие ревизионистские государства могли однажды, не отклоняясь от идеи защиты верховенства закона, потребовать мирного пересмотра границ. Однако Франция и Малая Антанта делали все, чтобы оставить эти положения лишь на бумаге⁴⁰².

⁴⁰¹ Статут Лиги наций. [электронный ресурс] // <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatust.htm> (дата обращения 02.05.2018).

⁴⁰¹В 1934 г. П. Лаваль, в то время министр иностранных дел, недвусмысленно заявил в палате депутатов, что «каждый должен признать необходимость существующих границ». Лаваль полагал, что «любой, кто хочет переместить границы, тревожит мир в Европе». Два года позже ту же мысль емко сформулировал П.-Э. Фланден, заявив, что «любой территориальный пересмотр договоров всегда порождает войну». Однако это заявление запоздало, так как несколькими месяцами ранее Гитлер уже пересмотрел договоры в одностороннем порядке, ремилитаризировав Рейнскую область. В настоящее время многие историки склонны считать, что именно этот эпизод стал поворотным пунктом, после которого Европа неуклонно стала катиться к войне.

И, пожалуй, самым абсурдным эпизодом в истории Лиги наций по праву можно считать ситуацию, возникшую в 1936 г., когда члены Лиги пытались бороться с итальянской агрессией в Эфиопии при помощи экономических санкций, одновременно с этим нуждаясь в поддержке Муссолини для защиты Локарнского договора, когда Гитлер вводил войска в Рейнскую область. Именно тогда многим стала совершенно понятна недееспособная, двойственная, если даже не сказать, лицемерная природа Лиги наций как международной организации по поддержанию и сохранению мира.

§ 2.6. Региональные соглашения и французская система союзов

В межвоенный период в международных отношениях в связи с тенденцией сокращения числа общих договоров все большее значение стали иметь региональные соглашения. Принято считать, что образцом для региональных соглашений стал Локарнский договор (1925 г.) о взаимных гарантиях, ставший первым договором о взаимопомощи нескольких стран одного региона. Однако Локарнский договор так никогда и не вошел в французскую систему безопасности, так как по происхождению был частично английским, частично германским⁴⁰³. Кроме того, Локарнский договор не был универсальным соглашением ни по количеству подписантов, ни по своему масштабу. Великобритания взяла на себя обязательства лишь в отношении определенной области в Восточной Европе, так как договор связал между собой ограниченную группу стран в рамках этого региона. И.В. Сталин назвал Локарнский договор «прокрустовым ложем» для Германии. В докладе на XIV съезде ВКП(б) он отметил, что «...Локарно чревато новой войной в Европе», ибо оно «есть продолжение Версаля» и представляет собой «план расстановки сил для новой войны, а не для мира»⁴⁰⁴. По всей видимости, французы придерживались схожей точки зрения. Однако главная причина, по которой французское правительство было готово подписать договор, заключалась в том, что он во многом упрощал сближение с Великобританией. В то время Великобритания стремилась внести свой вклад во французскую систему безопасности⁴⁰⁵, но одновременно с этим хотела

⁴⁰³ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 257.

⁴⁰⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. М., 1952. С. 274, 276.

⁴⁰⁵ См.: Alexander M.S., Philpott W.J. The entente cordiale and the next war: Anglo-French views on future military cooperation, 1928–1939 //Intelligence and National Security. Т. 13. 1998. № 1. P. 53-84.

оказать поддержку Берлину, хотя было очевидно, что в случае франко-немецкой войны она не встанет на сторону Германии⁴⁰⁶.

Принимая во внимание тот факт, что Локарнский договор в полной мере не смог удовлетворить надежды Франции, вызывает удивление то, что впоследствии Франция выступала за заключение других региональных соглашений, о которых часто говорили как о «новых Локарно». В ходе конференции в Стресе обсуждался Дунайский пакт, предметом длительных дискуссий стал Восточный пакт. Дунайский пакт был призван защитить Австрию от поглощения Германией. В случае Восточного пакта Чехословакия, Прибалтийские государства и в какой-то момент Польша также искали защиты от рейха⁴⁰⁷. Германия в тот момент стала главным общим источником опасности для всех. Во всех случаях цель заключалась в том, чтобы объединить многосторонним соглашением соседние страны, одинаково заинтересованные в защите от определенной страны. Однако так как эти соглашения сводились к установлению контроля над экспансионистскими амбициями Германии на востоке и юго-востоке (чего многие ее соседи стали особенно бояться после 1933 г.), они напоминали Локарнский договор лишь своей ограниченностью определенным географическим регионом. Но им не хватало фундаментальной и уникальной концепции Локарно – региональные пакты не были призваны примирить бывших врагов или установить гарантии мира между ними и незаинтересованными третьими странами⁴⁰⁸. Другими словами, эти региональные соглашения не сильно отличались от остальных «специальных договоров» или союзов, характеризующих французскую систему обороны.

⁴⁰⁶ Когда на заседании палаты депутатов в 1926 г. А. Бриана спросили о вероятности подобного развития событий, он воскликнул: «Просто прочитайте соглашение, чтобы увидеть, что это невозможно! Это же очевидно!» (J.O. Chambre. 27.02.1926. P. 1045. [электронный ресурс] // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64108377/f19.item> (дата обращения 30.04.2018). Бриан утверждал, что Локарнский договор стал запоздалым результатом переговоров по вопросу заключения франко-английского союза. Эти переговоры проводил он и Ллойд Джордж в Каннах в январе 1922 г.

⁴⁰⁷ См.: Кузьмичева А.Е. Почему Польша была против Восточного пакта? // СЕМИНАР / SEMINARIUM. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О.Н. Кена. СПб., 2017. С. 27–38.

⁴⁰⁸ Wolfers A. Britain and France between two wars. P. 180.

1921 г. был ознаменован двумя попытками (одна в марте, другая в октябре) восстановить монархию Карла фон Габсбурга в Венгрии. Договоры от 21 апреля 1921 г. между Румынией и Чехословакией и от 7 июня 1921 г. между Румынией и Югославией стали ответом на эту угрозу. Комбинация трех двусторонних договоров – чехословацко-югославского, чехословацко-румынского и румыно-югославского – составила то, что впоследствии стало называться Малой Антантой. Примерно в это же время Франция отказалась от попыток прийти к согласию с Венгрией. В соответствии с этим политическим курсом генеральный секретарь МИД Франции М. Палеолог был заменен Ф. Бертело, который питал симпатии к чехам. По всей видимости, французские лидеры полагали, что лучшим способом объединения стран Дунайского бассейна были бы усилия по нивелировке споров между государствами, появившимися в результате распада империи Габсбургов.

Достаточно необычным было то, что Малая Антанта изначально появилась как демонстрация независимости от великих держав, особенно Франции. Некоторые французские публицисты, например Жак Бэнвиль, встретили ее образование без энтузиазма. И уже позднее, в 1924–1926 гг., Франция связала себе (опять через отдельные договоры) с тремя странами Малой Антанты⁴⁰⁹. Этот эпизод достаточно явно демонстрирует всю спорность и неоднозначность некоторых современных идей об отношениях между Францией и небольшими странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Обычно эти страны описывают как «клиентов» или «сателлитов» Парижа; в то время как они никогда не колебались во всеуслышание заявлять о своей независимости.

⁴⁰⁹ Néré J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. London, 1975. P. 42.

В историографии деятельности Малой Антанты посвящено значительное количество работ⁴¹⁰. Чехословацко-румынско-югославский союз, получивший свое название благодаря презрительному замечанию о нем в 1921 г. в венгерской газете «Пешти хирлап» как о «малой» Антанте, обладал несколькими интересными особенностями. Для многих современников и позднейших исследователей новообразовавшийся союз выглядел как «творение Франции для сохранения Версальской системы в Юго-Восточной Европе»⁴¹¹. Однако данная интерпретация представляется слишком упрощенной и не учитывающей историю происхождения этого объединения стран и его последующую эволюцию. Многие указывают на то, что Франция не была основной движущей силой Малой Антанты. И хотя Париж впоследствии установил тесное сотрудничество с этим блоком, до сих пор остается спорным, определяла ли Франция политику Малой Антанты в Центральной и Юго-Восточной Европе или же Малая Антанта направляла политику Парижа в Дунайском регионе. Действительно, попытки Франции в 1924 г. расширить сферу влияния Малой Антанты и придать блоку более явную антигерманскую направленность столкнулись с противодействием со стороны Праги и замешательством со стороны других членов блока. В этой связи планам французского МИД по увеличению числа региональных соглашений на континенте и оказанию таким образом давления на Великобританию так и не было суждено сбыться*. Для стран Малой Антанты этот блок представлял интерес, с одной стороны, как средство укрепления экономических связей между Бухарестом, Прагой и Белградом, с другой же стороны, как первый шаг в деле послевоенного восстановления Европы.

⁴¹⁰ См. напр.: Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933-1938. М., 1966; Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике: 1918-1925. М., 1974; Clavert F. La France, la petite Entente et la Pologne: relations économiques et financières de la signature du traité de Versailles à la crise // *Valahian Journal of Historical Studies*. 2004. Т. 2. P. 31-46; Bakic D. Great Britain, the Little Entente and security in Danubian Europe, 1919-1936. Leeds, 2010; Vanku M. Mala Antanta 1920-1938, Titovo Uzice, 1969; Wandycz P. The Little Entente: Sixty Years Later // *The Slavonic and East European Review*. Т. 59. 1981. №. 4. P. 548-564.

⁴¹¹ Цит. по: Wandycz P. The Little Entente. P. 551.

* Солидарность между Францией и странами Малой Антанты резко подчеркивалась только в июне 1934 г., во время визита Л. Барту в Бухарест, однако уже в 1936 г., когда возник вопрос о соглашении между Францией и Малой Антантой, никакого развития он не получил. Wandycz P. The Little Entente. P. 551.

Подобное видение совсем не совпадало с желаниями и надеждами Парижа по сдерживанию Германии.

Общий страх перед венгерским ревизионизмом оказался единственной реальной связью, заставляющей три страны находиться в этом блоке. И хотя в отдельные периоды Малая Антанта могла и действительно действовала солидарно по другим вопросам, противостояние венгерскому ревизионизму – и в меньшей степени реставрации Габсбургов – стало единственным связующим звеном, которое никогда не разрывалось. Но был ли действительно необходим трехсторонний блок для наблюдения за Венгрией, очевидно более слабой, чем любой из трех членов Малой Антанты в отдельности? На этот вопрос достаточно трудно дать однозначный ответ, но можно предположить, что опасность со стороны Венгрии сама по себе была относительно незначительна, однако она могла стать реальной, если бы Будапешту удалось заручиться поддержкой крупной державы. Эта возможность сыграла важную роль на этапе формирования Малой Антанты, и обеспокоенность по поводу британской, итальянской или же германской поддержки венгерского ревизионизма, который отнюдь не был мнимым, оказывала и после этого огромное влияние на политиков в Белграде, Праге и Бухаресте.

Историки справедливо подчеркивают слабость экономической базы Малой Антанты. Очевидно, что Чехословакия не имела возможности полностью удовлетворить потребности своих румынских и югославских партнеров. Их сельскохозяйственные излишки не могли быть поглощены чехословацким рынком, и они, в свою очередь, не могли стать главными импортерами чехословацких промышленных товаров. Великая депрессия усугубила и без того плохую ситуацию, так что Югославия и Румыния постепенно начали входить в орбиту экономики Германии. Практически исчезли изначально очень скромные возможности укрепления политических связей Малой Антанты посредством экономического сотрудничества.

Малая Антанта могла стать значительно сильнее за счет включения Польши и Греции. Сотрудничество с последней, которое представляло

значительный интерес для Румынии и Югославии, в конечном итоге было достигнуто с созданием Балканской Антанты (1934 г.). Его появление, однако, ослабило Малую Антанту, вовлекая двух из трех партнеров в балканские дела. Включение Польши создавало проблемы другого характера: после принятия Польши Малая Антанта утратила бы свой характер дунайской группировки, действующей против Венгрии, и была бы вовлечена в проблемы СССР и Германии. Преобразованная таким образом, Малая Антанта оказалась бы вовлеченной в политику великих держав. Более того, учитывая дружественные отношения между Варшавой и Будапештом, ее антивенгерское острие было бы притуплено. В этой ситуации Э. Бенеш ясно дал понять, что единственной приемлемой формулой сотрудничества могла быть Малая Антанта и Польша, и в своих указаниях чехословацким дипломатам за рубежом распорядился категорически отвергать возможность принятия Польши в качестве полноправного члена⁴¹².

В середине 1920-х гг. жаркие споры разгорались вокруг восточной границы Германии, так как Берлин отказывался ее гарантировать и требовал ревизии польско-германской границы. Великобритания уклонялась от предоставления каких-либо гарантий странам Центральной и Юго-Восточной Европы⁴¹³. Франция, союзник и Польши, и Чехословакии, столкнулась с трудноразрешимой проблемой – если Германия нападет на Польшу (в то время о нападении на Чехословакию едва ли можно было подумать) и Франция придет ей на помощь, атаковав Германию, не нарушит ли она Локарнский договор и не появится ли угроза английского и итальянского вторжения во Францию?

Конечным результатом стало двусмысленное решение, которое А. Бриан и Г. Штреземан трактовали совершенно по-разному – франко-польское и франко-чехословацкое соглашения были добавлены к пакету локарнских договоров; остальные страны получили об этом

⁴¹² Wandycz P. The Little Entente. P. 557.

⁴¹³ Подробнее см.: Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 гг. М., 1945. С. 244-271; Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно (1919-1925). М., 1947. С. 455-457.

уведомление, но никак не принимали участие в этом. Настойчивое желание Бриана придерживаться французских обязательств в отношении Польши и Чехословакии именно в тот момент, когда Париж двигался к соглашению с Берлином, является показательным по двум причинам. Во-первых, оно демонстрирует то, что французская система союзов в Восточной Европе была создана не с целью агрессии против Германии, а с целью консолидации Европы и установления порядка. Во-вторых, показывает, что Бриан в качестве условия обеспечения длительного мира в Европе рассматривал скорее сохранение мирных договоров, нежели их пересмотр.

Важно также отметить, что распавшаяся Австро-Венгерская империя оставила силовой вакуум в дунайском регионе. Если бы Франция хотела иметь действительный противовес Германии, то ей надо было выбрать из двух альтернатив – либо организовать санитарный кордон вдоль восточной границы Германии, сплотив Польшу, Чехословакию и Австрию в прочном антигерманском союзе, или же выбирать союзников и врагов, исходя из идеологических соображений (демократические государства – друзья, недемократические – враги). Был и третий вариант – выбрать в союзники народы, бывшие вместе с французами в годы Первой мировой войны, а врагами считать тех, кто ими был в 1918 г. Постановления Версальского, Сен-Жерменского и Трианонского договоров были, без сомнений, щедры для Чехословакии, Румынии, Югославии и Польши. Так как эта щедрость в первую очередь проистекала из французского влияния, умелая дипломатия могла подтолкнуть эти страны к политическому курсу, отвечающему требованиям безопасности Франции. Более того, побежденные Австрия и Венгрия, из-за своих серьезных внутриэкономических и политических проблем, с большой долей вероятности были бы готовы пойти на уступки и занять отведенное им место во французской системе безопасности.

Успех политики Франции в Европе зависел не только от ее собственной военной мощи, но и от помощи, которую она могла получить от Польши, Чехословакии, Югославии и Румынии.

Многие во Франции, даже ответственные политики и дипломаты, полагали, что они открыли для себя в малых странах новые элементы так называемых «тыловых союзов» – все еще необходимых перед лицом угрозы со стороны Германии, так как Россия, в связи с большевистской революцией, больше ничего не могла гарантировать. Однако эта иллюзия не выдерживает критики. Во-первых, невозможно сравнивать Россию с ее территориальными и людскими (около 160 млн человек) ресурсами со странами весьма скромных размеров: Польша – около 30 млн жителей, Румыния – 16 млн, Чехословакия – 14 млн и Югославия – 12 млн. Более того, население этих стран не было гомогенным. Как в Польше, так и в Румынии были национальные меньшинства, Югославия появилась в результате объединения соседних, но часто соперничающих, народов – сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев. Но хуже всего дело обстояло с Чехословакией, объединяющей в качестве титульных два очень разных народа, чехов и словаков, и включающей в свои границы порядка 3 млн немцев, около миллиона венгров и других меньшинства.

Кроме того, все четыре будущих союзника Франции никогда не были и не собирались быть союзниками друг друга. У Польши был договор с Румынией (1921), но он действовал только против СССР. Малая Антанта нужна была Румынии исключительно против Венгрии, и ни в коем случае для поддержки Чехословакии против германской угрозы. Чехословакия же вплоть до конца своего существования не верила в возможность угрозы со стороны Германии и уделяла внимание исключительно венгерским проблемам⁴¹⁴.

Но самая серьезная проблема для Франции заключалась в том, что два соседа Германии, Польша и Чехословакия, относились друг к другу с

⁴¹⁴ Подписав Трианонский договор, Венгрия формально признала отделение Словакии и Подкарпатской Руси и вхождение этих территорий в состав Чехословакии. Однако, несмотря на признание международного суверенитета Праги над этими территориями, Будапешт не оставлял идею их вернуть, так как около 1 млн венгров оказались на словацкой территории. Таким образом, венгерский ревизионизм в течение межвоенного периода подогревался игнорированием этнического принципа при проведении словацко-венгерской границы. Подробнее см.: Сальков А.П. Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 г. – март 1939 г.) // Российские и славянские исследования. Вып. 7. Минск, 2012. С. 9–28.

нескрываемой враждебностью, имеющей глубокие корни. Для этой враждебности была конкретная причина – Тешинская область. Герцогство Тешин возникло как часть исторической Богемии. Оно включало в себя единственный доступный Чехословакии регион с месторождениями коксующихся углей, а также обеспечивало жизненно необходимое железнодорожное сообщение между Чехией и Словакией. Но относительное большинство населения было польским. Проблема, которую Сен-Жерменский договор оставил нерешенной, была урегулирована в 1920 г. путем раздела области, который поляки считали несправедливым, а Ю. Пилсудский и его сторонники – оскорбительным, поскольку это был единственный приграничный регион, где поляки проиграли в 1918–1921 гг. Цель французской дипломатии заключалась в поиске компромисса между Прагой и Варшавой, однако нельзя сказать, что она добилась существенных успехов на этом поприще. Более того, представители Франции в этих странах постепенно начинали разделять предрассудки в отношении соседей.

В конечном счете, по мнению ряда исследователей, Польша и Малая Антанта являлись не поддержкой Франции перед лицом немецкой угрозы, а, скорее, тяжелым бременем, осложнявшим и так не простые отношения с Россией и Италией⁴¹⁵. Почему же в этой связи Франция настойчиво проводила политику, основанную на восточных союзах, политику, которая еще больше отдаляла ее от Великобритании, которая всегда настороженно относилась к любому участию в делах Восточной Европы

На этот вопрос есть несколько ответов. Во-первых, находившаяся в более выгодном положении Великобритания не проявляла готовности дать Франции дополнительные гарантии безопасности от Германии. Поэтому Парижу приходилось конструировать более сложную систему союзов. Во-вторых, Франция опасалась, что несоблюдение, нарушение или пересмотр хотя бы одного из договоров, на которых базировалось европейское статус-кво, неизбежно возник бы хаос, дающий Германии отличный предлог для постановки под вопрос своих собственных обязательств.

⁴¹⁵ Néré J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. P. 44.

Третья причина заключалась в том, что эти небольшие страны, беспомощные сами по себе, в случае попадания в немецкую орбиту могли снабжать Германию существенным количеством ресурсов. Более того, в Париже были хорошо известны немецкие планы по созданию Средней Европы. В этой связи политика Франции в этом регионе в основном была оборонительной.

И, конечно же, нельзя оставлять за скобками еще один немаловажный психологический фактор, а именно тот факт, что традиционно и исторически поляков и французов связывали тесные узы – первый франко-польский союз был заключен еще в 1524 г., будущий король Франции Генрих III Валуа был избран королем Польши, польские легионы принимали самое активное участие в походах Наполеона (именно тогда появился польский национальный гимн «Мазурка Домбровского»), за что он подарил им Герцогство Варшавское и мечты о воскрешении полноценного польского государства. Данный список можно долго продолжать, и каждый его элемент будет только укреплять традиционное взаимное тяготение поляков и французов.

После Первой мировой войны страны Центральной и Юго-Восточной Европы нуждались в лидере и справедливо полагали, что Франция возьмет на себя эту роль. Но у Франции были несколько иные цели и проблемы, и она неохотно принимала на себя ответственность лидера⁴¹⁶. Ее слабые попытки стать неоспоримым лидером в регионе потерпели неудачу, и в течение последующего десятилетия внешняя политика Франции в этом регионе главным образом определялась интересами государств Малой Антанты, а не самой Франции. В результате этого Австрию и Венгрию постоянно воспринимали как врагов, а их исключение из французской сферы интересов еще больше увеличило вакуум в регионе. Лишь немногие французские

⁴¹⁶ Попытки Франции создать монолитный блок стран в Центральной и Юго-Восточной Европе подробно описаны в: Wandycz P. S. France and her eastern allies, 1919-1925. P. 186-207.

политики понимали всю важность данного региона для французской системы. Попытки создать Дунайский союз, Пан-Европейский союз и добиться заключения Дунайского пакта оказались неудачными. В межвоенный период французская политика в Центральной и Юго-Восточной Европе была основана не на реалистичных соображениях, а на неправильных представлениях, сводящихся к тому, что Малая Антанта сама по себе в полной мере могла удовлетворить требованиям безопасного существования Франции.

К концу 1920-х гг. Франция начала еще активнее стремиться к франко-британскому сотрудничеству и одновременно с этим стала пренебрегать союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе. Однако, развитие отношений между Лондоном и Парижем в 1919–1935 гг. нельзя назвать успешным. Убежденность французов в необходимости поддержки со стороны Великобритании поставила их в положение просителей. Франция постепенно становилась зависимой от туманного Альбиона и его политики, а это не могло не вызывать нарастающего раздражения самых разных слоев населения.

Причиной быстрой сменяемости французских кабинетов в 1930-х гг. были не принципиальные политические различия между партиями, а их способность или неспособность разобраться с кризисом. Бесспорно, частая смена лидеров не укрепляла влияние Франции на международной арене, мешала долговременному сотрудничеству с другими странами и способствовала ослаблению позиций Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Существенно также то, что Франция постепенно утратила свою позицию ведущей экономики Европы, вслед за чем последовала и утрата политического влияния.

Французская система союзов выглядела внушительно лишь на бумаге, а ее реальная возможность напрямую зависела от военного потенциала Франции и желания французского правительства использовать эту мощь. Однако французские военные и политические деятели совершили две основополагающие ошибки. Первая заключалась в неправильной оценке

событий Первой мировой войны и неверных выводах из ее итогов. Руководители страны были убеждены в превосходстве оборонительной тактики и стратегии над наступательной, в результате чего потратили миллионы франков на строительство линии Мажино. Второе бюро Генерального штаба обращало внимание руководства армии на слова министра рейхсвера В. фон Бломберга: «Французы зря расходуют свои деньги на строительство укреплений, мы пройдем поверх них»⁴¹⁷.

Вторая ошибка заключалась в одностороннем разоружении, последовавшем за мирными договорами. Численность армии постепенно снижалась – в 1921–1933 гг. с 857 000 до 560 000 (из них 40% служащих в колониях), в результате чего лишь 224 000 солдат оставалось для защиты самой Франции. Из 52 пехотных дивизий осталось лишь 20⁴¹⁸. Одновременно с этим в указанный период шло постоянное сокращение военного бюджета. Ситуация с сокращением кажется особенно парадоксальной и пугающей в свете постоянных докладов Второго бюро, сообщающих о 21 немецкой боевой дивизии и от 30 до 50 резервных⁴¹⁹.

Строительство линии Мажино, принятие оборонительной стратегии и резкое сокращение военного бюджета убеждали даже самых верных союзников Франции в том, что ее не волновало ничего кроме собственной безопасности. Под влиянием мирового экономического кризиса внутренняя ситуация во Франции оставалась нестабильной. Ее союзники стали партнерами Италии и Германии, ибо их экономические интересы требовали сближения с этими странами даже ценой ухудшения отношений с Францией. Французской дипломатии было жизненно необходимо либо модифицировать свою систему безопасности, либо разработать новую, при этом не действуя с позиции силы. Это была задача не из легких.

Важно также отметить, что французская политика поиска безопасности эволюционировала с течением времени – при Мильеране и Пуанкаре она

⁴¹⁷ Цит. по: Белогловский Е.С. Проблема безопасности Франции и борьба политических группировок в 1934–1935. // Французский ежегодник 1959. М., 1961. С. 334.

⁴¹⁸ Komjathy A. T. The Crises of France's East Central European Diplomacy, 1933–1938. P. 28.

⁴¹⁹ Ibidem.

была направлена на достижение баланса сил Франции и Великобритании против Германии; при Бриане и Эррио – на вовлечении Германии в политический и правовой режим, организованный вокруг тесного франко-британского сотрудничества⁴²⁰. Различие между этими двумя концепциями политики является фундаментальным. Традиционная концепция стремилась изолировать Германию от основных источников французской безопасности, в то время как многосторонняя альтернатива стремилась включить ее в общеевропейскую систему.

Кроме того, Франция частично переложила гарантии Польше и Чехословакии на плечи Лиги наций. Тем самым Париж продемонстрировал Варшаве, что она вряд ли может надеяться на полное и точное исполнение постановлений военной конвенции, подписанной между ними в 1921 г. Очевидно, что Франция, не имея твердой внешней поддержки ее планов в отношении Германии, вряд ли решилась бы помогать Польше в случае ее конфликта с Германией. На постлокарнском этапе главным партнером Парижа по сдерживанию Германии оказалась Великобритания, которая, в свою очередь, не была заинтересована в очень сильной Франции без противовеса в лице Германии.

Приверженность французского МИД юридическому многостороннему подходу заставит его в 1930-е гг. тщетно пытаться расширить рамки Локарно в Центральной и Юго-Восточной Европе, а также в Средиземноморье. Проекты Балканского пакта, Дунайского пакта и Восточного Локарно натолкнулись на немецкую непримиримость и/или нежелание Великобритании брать на себя стратегические обязательства к востоку от Рейна. Жан-Батист Дюрозель подверг эти инициативы справедливой критике, назвав их «иллюзиями пактомании»⁴²¹. Эта критика, безусловно, заслуживает внимания. Тем не менее, важно помнить, что будущее было неизвестно французским политикам, принимающим решения в середине 1920-х гг.

⁴²⁰ Jackson P. French Security and a British 'Continental Commitment' after the First World War: a Reassessment // *The English Historical Review*. Т. 126. 2011. № 519. P. 385.

⁴²¹ Duroselle J. B. The spirit of Locarno: Illusions of pactomania // *Foreign Affairs*. Т. 50. 1972. № 4. P. 752-764.

Невозможно было предвидеть, насколько быстро конструкция безопасности, разработанная в Локарно, начнет рушиться после 1933 г.

Таким образом, в 1920-е – начале 1930-х гг. французская политика в отношении Германии под влиянием как внутренних, так и внешних факторов прошла путь от диктата своей воли и настаивания на неуклонном выполнении всех постановлений Версальского мирного договора до поиска компромиссных решений (Локарно) и даже упреждающих уступок (досрочное очищение Рейнской области). Как отмечал А.З. Манфред, к 1929 г. вынужденные уступки, сделанные Германии, были уже столь велики, что Жорж Клемансо, один из главных творцов версальской системы, подытожил их в лапидарной формуле: «La grandeur et la misère d'une victoire» («Величие и ничтожество одной победы»)⁴²².

⁴²² Манфред А.З. К истории советско-французского пакта о взаимной помощи 1935 г. С. 462.

Глава III

Взаимодействие Польши и Франции в 1933–1935 гг.

§ 3.1. Начало кризисного периода польско-французского союза. 1933 год

В 1933 г. произошли события, которые оказали непосредственное влияние на судьбы как польско-французского союза, так и всей Европы и мира. Это время можно определить, как переломный год, начало периода тревог и перегруппировки сил.

Приход А. Гитлера к власти 30 января 1933 г. оказался поворотным моментом в судьбе версальской Европы; хотя общественность и правительства не сразу сумели должным образом оценить нарастающую опасность. Во Франции как левые, так и правые относились к новому канцлеру и его идеологии с легким пренебрежением, которое с течением времени лишь росло. Левые некоторое время были не в состоянии адекватно оценить, спрогнозировать и проанализировать действия Гитлера; правые же относились к нацистской Германии с подозрением, считая какое-либо сближение с ней ненужным и опасным, но и не планируя жестких действий против Берлина. Такое положение вещей длилось практически весь 1933 г.⁴²³.

Все правительства, начиная с майских выборов 1932 г., возглавляемые представителями левых партий (Эдуард Эррио, Жозеф Поль-Бонкур, Эдуард Даладьё, Камиль Шотан), продолжали политический курс Бриана, а именно – поиск взаимопонимания с Германией. Тенденция к повсеместному пацифизму в их деятельности была выражена достаточно ярко, и в итоге вылилась в идею всеобщего разоружения, подчас приобретающую радикальные формы выражения (разоружение Франции в одностороннем порядке). Важно также отметить, что к концу 1932 г. Франция лишилась почти всех преимуществ, которые, согласно Версальскому договору, имела в

⁴²³ Rémond R. Jean-Baptiste Duroselle, *La décadence* // *Revue historique*. 1980. P. 57-63.

отношении Германии. Следовательно, чтобы чувствовать себя в безопасности, Парижу следовало начинать все сначала⁴²⁴. В докладе о ситуации во Франции в 1933 г., подготовленном военным и морским атташе Польши в Париже полковником Е. Блешинским, отмечалось, что «внутриполитическая ситуация во Франции в 1933 г. была дальнейшим продолжением положения, созданного еще в 1932 г. парламентскими выборами»⁴²⁵.

Как уже неоднократно отмечалось в предыдущих главах, главная задача руководителей Польши с момента ее появления на карте Европы в 1918 г. заключалась в обеспечении условий сохранения и укрепления национальной независимости. С этой точки зрения польские и французские руководители смотрели в одном направлении.

Отношения между Польшей и Францией в начале 1933 г. были отмечены разногласиями, которые начинали спорадически проявляться уже в Женеве на конференции по разоружению (1932–1933 гг.). Главная забота Варшавы заключалась в выработке и принятии такого плана разоружения, который *не наделял* бы Германию каким-либо преимуществом; одновременно с этим поляки пытались не допустить излишней обороноспособности союзников. Особенное негодование польской стороны вызвало обсуждение 11 декабря 1932 г. вопроса о признании равенства Германии в вооружениях, инициированное Францией, Великобританией, Италией, США и Германией без консультации с Польшей. Более того, польское правительство увидело в этом небезопасном для себя действии «пятерки» возможность создания диктата великих держав, которые в будущем могут присвоить себе право принимать решения за другие государства, и при этом, естественно, не будут соблюдаться правила, установленные Лигой наций⁴²⁶. 12 декабря 1932 г. Бек попросил польское посольство в Лондоне в устной форме уведомить британский МИД о том, что «в связи с конференцией пяти держав польское

⁴²⁴ Ibidem. P. 57.

⁴²⁵ AAN. Sztab Główny w Warszawie. Sygn. 616/168. S. 95.

⁴²⁶ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. Warszawa, 2000. S. 10.

правительство не считает ни одно решение, касающееся его интересов, но принятое без его участия, имеющим обязательный характер»⁴²⁷.

С другой же стороны, Франция в данной ситуации действовала в обстановке угрозы создания антифранцузского блока в составе США, Великобритании и Италии и, таким образом, была вынуждена идти на уступки, предоставив Германии «равноправия в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран»⁴²⁸. Польский юрист Войцеховский позднее оценил эту резолюцию как «попытку помирить огонь с водой, согласовать требования германских милитаристов с опасениями Франции и других европейских государств»⁴²⁹.

Еще одним фактором, отрицательно повлиявшим на развитие польско-французских отношений, стал выдвинутый французами в условиях накала международной ситуации и перспективы создания антифранцузского блока новый проект организации мира. Предложенный 14 ноября 1932 г. так называемый «конструктивный»* план Эррио-Бонкура⁴³⁰, в первую очередь отражавший интересы Франции, лишь внешне содержал приемлемые для Германии формулировки. Созданием этого плана французская дипломатия стремилась сохранить незыблемость Версальской системы.

«Конструктивный» план, в сущности, являвшийся усовершенствованной версией плана Тардьё**, нашел поддержку только у некоторых союзников Франции – Чехословакии, Югославии и Бельгии. Один из самых ярых апологетов этого плана министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш на заседании парламентской комиссии по иностранным делам

⁴²⁷ DTJS. T.I. Londyn, 1964. S. 5.

⁴²⁸ Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения:(между первой и второй мировыми войнами). М., 1959. С. 330.

⁴²⁹ Там же.

* «Конструктивный план» прежде всего касался режима вооружений и регламентировал довооружение Германии, а также частичное разоружение Франции. См. Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022. С. 79.

⁴³⁰ Подробнее о действиях Франции на Конференции по разоружению см.: Vaïsse M. Sécurité d'abord: la politique française en matière de désarmement, 9 décembre 1930 – 17 avril 1934. Paris, 1981.

** Вот его оценка Советским Союзом: «В 1931 г. Франция выдвинула свою программу-минимум – "план Тардьё", – предусматривающий таможенную унию между Малой Антантой, Австрией и Венгрией... Во Франции отдают себе отчет в том, что и планы Дунайской федерации, и "план Тардьё" имеют мало шансов на успех, поэтому французская политика все свое внимание сосредоточивает на отрицательной программе - на недопущении аншлюса и предоставляет в этом отношении Италии свободу рук». Известия. 1934. 05.03. С. 2.

заявил, что «чехословацкое правительство с радостью принимает план Эррио–Поль-Бонкура»⁴³¹. Польское же правительство отнеслось к этому плану с большим подозрением. Очередная демонстрация слабости Франции произвела негативное впечатление в Варшаве, а отношения между двумя союзниками заметно охладились⁴³². Поляки отдавали себе отчет в том, что их безопасность напрямую зависела от силы Франции, поэтому уступчивость французской стороны явно беспокоила Варшаву.

Неблагоприятное для Польши развитие дискуссии и переговоров по вопросу разоружения, в которых Бенеш играл крайне негативную для поляков роль, заставило Пилсудского в январе 1933 г. отправить свое доверенное лицо, сенатора Ежи Потоцкого, к Поль-Бонкуру (в то время премьер-министр и министр иностранных дел Франции)⁴³³. Эта миссия в первую очередь была продиктована весьма небезопасным и сложным положением дел. О миссии сенатора Потоцкого промолчали французские новостные агентства. По всей видимости, Бек, написавший в письме послу в Париже А. Хлаповскому, что «с тактической точки зрения я специально позаботился о том, чтобы не использовать обычные дипломатические пути»⁴³⁴, приложил все усилия для сохранения этой миссии в тайне⁴³⁵. Преследуя те же цели, тему разоружения и решения «5-ти» 25 января 1933 г. в Женеве Бек обсуждал с заместителем французского министра иностранных дел Пьером Котом, а польский посол А. Хлаповский – с Поль-Бонкуром⁴³⁶. Для понимания позиции Варшавы в вопросе разоружения важно иметь в

⁴³¹ Le Temps. 1932. 09.11. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k248986c> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴³² Laroche J. Polska lat 1926-1935. Warszawa, 1966. S. 118.

⁴³³ Wandycz P.S. Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku // Zeszyty Historyczne. Paryż. 1970. T. XVIII. S. 81-83.

⁴³⁴ DTJS. T. I. Londyn, 1964. S. 5-6.

⁴³⁵ Стоит отметить, что это удалось не до конца, в газете «Курьер Варшавский» от 12.01.1933 (вечерний выпуск) была опубликована заметка следующего содержания: «Парижские издания во вторник сообщают о факте, о котором промолчали все телеграммы агентств, а именно, что председатель совета министров и министр иностранных дел Поль-Бонкур принял на Кэ Д'Орсэ графа Потоцкого, ...который, по выражению изданий, прибыл в Париж для обсуждения с французским правительством некоторых международных вопросов. В понедельник после полудня Потоцкий был принят по тем же делам Петром [Пьером – А. К.] Котом, заместителем министра в министерстве иностранных дел и делегатом Франции в Лиге наций». Других упоминаний в прессе об этой миссии обнаружено не было. [электронный ресурс] // <https://polona.pl/item/kurjer-warszawski-r-113-nr-12-12-stycznia-1933-wydawczorne,MTkwOTY4MTk/> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴³⁶ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. S. 11.; PDD 1933.S. 44-48.

виду, что польская дипломатия стремилась не допустить растворения вопроса разоружения среди других насущных проблем, опасаясь того, что это может привести к дальнейшим уступкам Германии. Именно поэтому поляки выступали категорически не только против плана Поль-Бонкура, но и против малейших попыток великих держав навязывать свою волю малым странам.

В разведывательных донесениях Второго бюро Генерального штаба французской армии «О состоянии германо-польской политики» от 9 января 1933 г. отмечалось, что по настоянию английского и итальянского правительств статья Локарнского договора, постановляющая, что «договаривающиеся стороны берут на себя обязательства предпринимать активные меры в случае, если одна из них подвергнется нападению третьей стороны», была передана на рассмотрение и уточнение юридической комиссии. После тщательного анализа было установлено, что если Германия нападет на Францию, то другие участники договора должны были прийти ей на помощь, а вот если бы Польша подверглась нападению со стороны Германии, и Франция пришла бы ей на помощь, то участники договора пришли бы на помощь Германии.

Таким образом, по мнению юристов, франко-польский договор *ipso facto* не мог вносить изменения в интерпретацию Локарнского договора. Это вызвало определенную степень обеспокоенности в военных кругах Варшавы. Согласно французским сведениям, «если доверие к Франции слабеет... в польских кругах обнаруживаются самые разные планы, начиная с превентивной войны с Германией ... и заканчивая любовной договоренностью Польши с Германией», а «полубезумие [demi-folie – А. К.] маршала Пилсудского и присутствие во главе министерства иностранных дел такой авантюрной личности, как полковник Бек, открывает дверь самым фантастическим авантюрам»⁴³⁷. Донесение заканчивалось сомнениями

⁴³⁷Информация 2-го бюро Генштаба французской армии "О состоянии германо-польской политики". 09.01.1933. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1296484#v=d&z=2&n=5&i=13519998_doc1.tiff&y=462&x=425 (дата обращения: 20.11.2021).

относительно продления франко-польского договора, срок действия которого истекал в 1933 г.

Нужно признать, что содержание данного документа, видимо полученного агентурным путем, является достаточно уязвимым. Хотя бы потому, что в документе представлен очень односторонний и откровенно пристрастный взгляд на проблему польско-французских отношений, во многом противоречащий реальным действиям французской дипломатии. Более того, на титульном листе донесения содержится приписка о том, что оно было получено из вторых рук и не подтверждено. Его составителем явно был человек, не питавший дружеских чувств к Польше. Тем не менее, на основе имеющихся материалов все-таки можно подтвердить лейтмотив данного документа – французы сильно сомневались в надежности своего польского союзника. Именно поэтому одной из основных задач польской дипломатии в 1933 г. являлось возвращение доверия и повышение ценности польско-французского союза в глазах Парижа. Примечательно, что идея превентивной войны якобы упоминалась еще до прихода Гитлера к власти.

Тем временем во Франции все чаще раздавались голоса в поддержку ревизии польско-германской границы⁴³⁸. В этой связи чрезвычайно примечательной явились две встречи (в Париже 29–30 января 1930 г. и в Люксембурге 29–30 апреля 1932 г.) представителей французских и германских промышленных и финансовых кругов. Среди прочих проблем был поднят вопрос о передаче Германии Поморья, в то время как в виде компенсации Польше отходила бы Клайпеда (Мемель). Подобное предложение было сделано с ведома Франции, хотя до конца так и не известно, какие из идей, озвученных в ходе конференции, дошли до правительства и какие именно получили одобрение. Однако эта информация стала известна и польской стороне, что лишь усугубило недоверие и

⁴³⁸ Подробнее об отношении французов к ревизии польско-немецкой границы см.: Pasztor M. Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924-1939. Warszawa, 2015. S. 43-44; Wojciechowski M. Polska i Niemcy na przełomie lat 1932-1933 //Roczniki Historyczne. 1963. T. 29. S. 105-180.

разочарование⁴³⁹. Нет никаких сомнений в том, что французские политические круги, прикрываясь постановлениями Версальского мирного договора, более или менее открыто поднимали вопрос о пересмотре польско-германской границы. В Варшаве были хорошо осведомлены о царящих в Париже настроениях ревизионизма. Эта осведомленность стала проявляться в неприкрытом неодобрении в отношении Франции, а также в подчеркнутой решительности защищать неприкосновенность границ.

Сообщения об этом стали поступать во Второе бюро Генерального штаба Франции с конца января 1933 г. Собеседники французских информаторов не скрывали скептицизма относительно эвентуальной реакции Франции на германскую агрессию против Польши. Однако наряду с этим предполагалось, что Франция не будет вмешиваться до тех пор, пока сохранится малейшая возможность с помощью подобных действий избежать тотальной войны⁴⁴⁰. Как уже отмечалось выше, начало 1930-х гг. было ознаменовано заметным поворотом французской политики к пацифизму. Это выражалось в возвращении к концепциям Бриана и польско-германскому сближению. По мнению левых политиков, пришедших к власти в 1932 г., такие проблемы как польский коридор и Верхняя Силезия представляли угрозу миру в Европе.

Осознавая это, на конференции по разоружению Польша была готова противиться всяким попыткам сокращения вооруженных сил; даже в том случае, если это и привело бы к конфликту с Парижем. 5 февраля, перед своим отъездом из Женевы, Бек специально пришел к Поль-Бонкуру попрощаться и постараться прояснить все недопонимания, возникшие между Польшей и Францией в связи с французским проектом. Бек отметил, что все члены конференции единодушны в своем мнении о невыполнимости французского плана, и в этих обстоятельствах и он не может его поддерживать. Поль-Бонкур был, мягко говоря, недоволен такой позицией

⁴³⁹ Duroselle J.B. *France and the Nazi Threat: The Collapse of French Diplomacy 1932-1939*. New York, 2004. P. 33-34; Wojciechowski M. *Polska i Niemcy na przełomie lat 1932-1933*. S. 113-114.

⁴⁴⁰ Kuźmiński T. *Polska, Francja, Niemcy, 1933-1935: z dziejów sojuszu polsko-francuskiego*. Warszawa, 1963. S. 73-74.

своего союзника и настаивал на поддержке со стороны Польши, на что Бек заметил, что «не может играть роль Бенеша»⁴⁴¹. Сообразно с этим, 6 февраля 1933 г. представитель Польши на конференции Эдвард Рачинский (в 1932–1934 гг. постоянный делегат Польши при Лиге наций) занял позицию, противоречащую французским планам разоружения и, по сути, во всеуслышание отверг план Поль-Бонкура⁴⁴².

Польский дипломат А. Мюльштейн написал Беку 25 февраля, что позиция Польши в Женеве вызвала бурю негодования во французском обществе и новую волну антагонизма к самой фигуре польского министра иностранных дел, который «не является другом Франции»⁴⁴³. На заседании комиссии по иностранным делам Э. Эррио разочарованно заявил: «Это тяжелое событие, очень тяжелое, Польша нас бросила»⁴⁴⁴. Более того, по сведениям Мюльштейна, в Париже все были уверены в том, что шли польско-германские переговоры: «... из проверенного источника я получил информацию о том, что в военных кругах высокопоставленные люди говорят, что Польша проводит с Германией переговоры на тему передачи им части Поморья в обмен на федерацию со странами Прибалтики»⁴⁴⁵. Естественно, данное известие вызвало немедленную резкую реакцию Поль-Бонкура, который воспринял его как личное оскорбление⁴⁴⁶. В этой ситуации Польша как союзник, выступающий против французских концепций разоружения, становилась все более проблемным партнером.

Однако французская сторона отнюдь не представляла собой монолитный фронт. Совсем напротив. Эмиль Рюкер, начальник пресс-службы польской делегации на конференции по разоружению, писал 25 февраля 1933 г. Э. Рачинскому о постоянных столкновениях Поль-Бонкура с Вторым бюро французского Генштаба. По сведениям Рюкера, которые ему конфиденциально сообщил сотрудник Второго бюро

⁴⁴¹ PDD 1933. S. 55.

⁴⁴² Сокращенный текст выступления Э. Рачинского см. в: DTJS. T. I. S. 10.

⁴⁴³ Ibidem. S. 7-8.

⁴⁴⁴ Ibidem. S. 8.

⁴⁴⁵ Ibidem. S. 9.

⁴⁴⁶ PDD 1933. S. 56-63.

капитан Вотрен, «Поль-Бонкур часто намекает на то, что существует какой-то сговор между Польшей и французским Генштабом, обычно добавляя, что помимо французского штаба против него «замышляет заговор» с поляками прежде всего Эррио»⁴⁴⁷.

Французские военные круги достаточно высоко оценивали польские вооруженные силы, с единственной оговоркой в отношении командования. Генерал Данэн, бывший глава военной миссии в Польше, в кулуарном разговоре в Женеве с французским журналистом Пертинаксом выразил мнение, что польская армия «в качественном отношении лучше французской»⁴⁴⁸. Как полагал генерал, «если дать Польше миллиард на вооружение ее армии, она была бы намного эффективнее, чем вся французская армия»⁴⁴⁹. Более того, на совещании в Высшей военной школе в начале 1933 г. было отмечено, что польская армия может стать существенной поддержкой для французских вооруженных сил на случай борьбы с общим врагом. Оценка военного союза с Польшей как бремени для Франции была отвергнута, победило мнение, что на данный момент в Центральной и Восточной Европе не существует армии, которая могла бы заменить для Франции польскую поддержку. Однако французские генералы, а вместе с ними и их польские коллеги, сомневались в том, что Франция немедленно придет на помощь Польше в случае вторжения Германии в Поморье⁴⁵⁰.

И было это вызвано не только царящими в Париже пацифистскими настроениями, но и общей ситуацией во Франции, что не могло не беспокоить генералитет. Даже несмотря на то, что французская армия в несколько раз превышала 100-тысячный рейхсвер, а строительство линии Мажино, потребовавшее колоссальных финансовых затрат, существенно продвинулось вперед. Однако страна переживала тяжелый экономический кризис, сопровождавшийся безработицей и деморализацией общества. И в это же время, что хорошо знали во Втором бюро, Германия тайно

⁴⁴⁷ AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/201. S. 5.

⁴⁴⁸ AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/201. S. 1.

⁴⁴⁹ AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/201. S. 1.

⁴⁵⁰ Цит. по: Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. S. 13.

наращивала свой военный потенциал⁴⁵¹. Совокупность вышеуказанных факторов также осложняла польско-французские отношения.

Важным событием явилась ратификация 18 мая 1933 г. Национальным собранием Франции франко-советского договора о ненападении от 29 ноября 1932 г. 554 голосами за против 1 (А. Тардьё) и при 41 воздержавшемся (примечательно, что в их числе были Л. Марен, П.-Э. Фланден – активные участники общества «Друзей Польши»)⁴⁵². По мнению генерального секретаря французского МИД А. Леже, этот договор явил собой противовес Раппальскому договору, чем и удовлетворил французскую сторону. Процесс сближения и улучшения отношений между Москвой и Парижем достиг такого уровня, что стало возможным говорить о заключении союза⁴⁵³. С точки зрения польско-французского союза все выглядело достаточно логично и позитивно – теперь у обоих партнеров были договоры с СССР, так что советская угроза хотя бы на время была нейтрализована и можно было направить совместные усилия на сдерживание Германии в рамках Версальского договора.

Но так ли это было на самом деле? Заключенный 25 июля 1932 г. советско-польский договор о ненападении, подписанный в развитие Рижского мира 1921 г., не отменял главного основания варшавской политики, основанной на отчетливом антисоветизме⁴⁵⁴. Прямым подтверждением этого является инструкция, полученная 6 сентября 1932 г., через месяц с небольшим после договора о ненападении, польским военным атташе в союзной Румынии подполковником графом Романом Михаловским от начальника Главного штаба Войска Польского генерала Януша Гонсёровского. Генерал был близким соратником Пилсудского и вероятнее всего в своей инструкции неукоснительно следовал директивам

⁴⁵¹ Castellan G. Tajna remilitaryzacja Niemiec w okresie międzywojennym // *Dzieje Najnowsze*. Т. 3. 1971. № 1–2. S. 72–73; Mysiewicz G. Perspektywa historyka wojskowego a historia polityczno-ustrojowa Rzeszy Niemieckiej okresu międzywojennego // *Europa Orientalis. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2015. № 6. S. 257.

⁴⁵² J.O. Chambre. 18.05.1933. P. 2464. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6467313n> (дата обращения 04.10.2022).

⁴⁵³ Duroselle J.B. *France and the Nazi Threat*. P. 43-46.

⁴⁵⁴ Подробнее см.: Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Польша-бабочка. Дипломатические порхания польских властей вокруг советской угрозы в 1930-е годы // *Родина*. 2021. № 11. С. 118–121.

маршала относительно того, как следует воспринимать новый договор с СССР. Гонсёровский писал: «В беседах на тему пакта о ненападении вы должны строго опираться на инструкции нашего посольства. Если речь идет о комментариях с военной точки зрения, то в этом плане принципиальным аргументом, указывающим на целесообразность нашего шага, является удержание единого антисоветского фронта от севера до юга»⁴⁵⁵. Таким образом, по мнению польских военных, данный договор был призван лишь укрепить антисоветскую коалицию в Восточной Европе.

Более того, в разговорах с румынами Гонсёровский предлагал Михаловскому проявлять настойчивость: «Практическое значение факта удержания единого антисоветского фронта должно быть достаточно понятно и для Румынии. Польша, представляющая собой центральный участок этого фронта, должна обращать внимание на соседние его участки как с севера, так и с юга. Если Румыния не оценивает этот факт должным образом, то потому, что она лично заинтересована лишь польским участком как непосредственно прилегающим к ее фронту и пренебрегает дальнейшими участками балтийских государств и Финляндии, чем Польша пренебрегать не может и не хочет»⁴⁵⁶.

Важность данной инструкции, вскрывающей истинные намерения Варшавы, заключается еще и в том, что именно в это время Польша активно продвигала идею заключения советско-румынского договора о ненападении и вместе с Парижем выступала в роли посредника между Бухарестом и Москвой. Однако так и не подписанный договор, несмотря на целых четыре раунда советско-румынских переговоров в одном только 1932 г., в итоге оказался недостающим звеном в антисоветских планах польской дипломатии. А СССР компенсировал недостаток договора с Румынией советско-французским договором о ненападении, в значительной мере ослабившим польско-румынский союз. Примечательно, что прозорливый Гонсёровский предусмотрел и такое развитие событий, написав, что

⁴⁵⁵ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-39. S. 50.

⁴⁵⁶ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-39. S. 50.

советско-польский договор «в достаточной мере защищает интересы польско-румынского союза даже в том случае, если Румыния, недооценив практическое значение монолитности антисоветского фронта, пакт с Россией не заключила бы»⁴⁵⁷.

Интересным также представляется недавно рассекреченный документ из Архива СВР. Это агентурное сообщение в ИНО ОГПУ при СНК СССР о переговорах канцлера Германии Ф. фон Папена в Париже о формировании западной военной коалиции против СССР. Согласно сообщению, в июне 1932 г. велись франко-немецкие переговоры о заключении военного союза между Францией, Германией и Польшей. Также сообщалось, что поскольку «фон Папен является тайным камергером Римского Папы, то Ватикан старается повлиять на Польшу в смысле уступок Германии. ... За уступки Германии Польшу обещают вознаградить в широкой мере в сторону Советской Украины. ... Англия ... видимо в начале останется доброжелательным наблюдателем по отношению к Франции, в случае Союза Франции, Германии и Польши против советского союза ... в Польшу усиленно отправляется из Франции танки, артиллерия и прочее военное снаряжение»⁴⁵⁸. Из этого документа (достоверность которого другими свидетельствами ни подтвердить, ни опровергнуть не удалось⁴⁵⁹) следует, что как минимум в середине 1932 г. советское руководство было в курсе враждебной СССР дипломатической активности в треугольнике Берлин–Париж–Варшава.

Таким образом, уже на этом этапе можно говорить о том, что декларируемое выстраивание равноудаленности Варшавы от Москвы и Берлина на практике имело уклон в сторону Германии. Как справедливо отмечает Ю.В. Иванов, заключение польско-советского договора стало не отправной точкой для углубления добрососедских отношений между

⁴⁵⁷ ААН. Instytucje wojskowe. 296/III-39. S. 50a.

⁴⁵⁸ Агентурное сообщение в ИНО ОГПУ при СНК СССР о переговорах канцлера Германии Ф. фон Папена в Париже о формировании западной военной коалиции против СССР. 24.06.1932. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1296775#v=d&z=3&n=5&i=13520995_doc1.tiff&y=1594&x=627 (дата обращения: 19.11.2021).

⁴⁵⁹ Польский исследователь К. Рак трактует этот документ как достоверный. Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 603-604.

Москвой и Варшавой, а лишь тактическим ходом польской дипломатии⁴⁶⁰. Это мнение подтверждает и К. Рак, называя действия Пилсудского на советском направлении дипломатической игрой⁴⁶¹.

Приход Гитлера к власти в Варшаве был воспринят спокойно, хотя и с некоторой долей опасения, поскольку каких-то изменений в отношениях между двумя государствами не произошло. Националистические круги Германии продолжали свою антипольскую ревизионистскую кампанию, и Гитлер, в начале своего правления заинтересованный в их поддержке, им в этом не препятствовал. Но сам антипольской риторикой особо не увлекался, его больше интересовали внутренние проблемы. Стоит отметить, что для спокойного отношения польских руководителей к назначению канцлером Германии Гитлера были свои основания. В обширном докладе «Оценка военной ситуации в Германии», подготовленном польским Генштабом в октябре 1933 г. по распоряжению Пилсудского, говорилось, что в настоящее время немцы очень слабы в плане людских ресурсов, материального и финансового обеспечения⁴⁶². Поэтому пока что Германии можно было не опасаться. К тому же, как уже отмечалось выше, Пилсудский еще в 1930 г. пытался установить неофициальные контакты с Гитлером с целью зондирования возможности разрядки отношений с Германией в случае прихода последнего к власти. В своих воспоминаниях Ю. Бек писал, что многие видные зарубежные политики предупреждали польских дипломатов о том, что «Гитлер придаст немецкой политике жесткий антипольский курс». Единственным, кто не разделял данного взгляда, был шведский монарх Густав V, который вызвал к себе польского посла и сказал, что виделся с Гитлером в Берлине и не составил негативного впечатления об отношении канцлера к Польше. По мнению короля, Гитлер в первую очередь был заинтересован во внутренних реформах и не имел никаких «антипольских

⁴⁶⁰ Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914-1945 годы. М., 2014. С. 125-126.

⁴⁶¹ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. S. 981.

⁴⁶² AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-6. Synteza sytuacji wojskowej Niemiec. S. 10.

комплексов»⁴⁶³ и его приход к власти «разрядит польско-германские отношения»⁴⁶⁴. В тот момент Бека поразило то, что схожего со шведским королем мнения придерживался и Пилсудский. Более того, маршал посоветовал Беку в его выступлении в сейме придерживаться умеренной позиции в отношении Германии и не вспоминать негативные эпизоды из прошлого.

15 февраля 1933 г. Бек выступил в сейме с экспозе, которое в кулуарах стали называть «*Jak Kuba Vogu, tak Bóg Kubie*» («что посеешь, то и пожнешь»). Главная его идея была заключена во фразе: «Наше отношение к Германии и ее действиям будет точно таким же, как отношение Германии к Польше»⁴⁶⁵. Примечательно, что посол Германии в Варшаве воспринял выступление Бека как нехватку поддержки со стороны Франции⁴⁶⁶. По канонам дипломатии, теперь Гитлер со своей стороны должен был обозначить тон германско-польских отношений. Однако в Германии в это время в разгаре была предвыборная кампания, и нацисты не могли отказаться от звонкой антипольской риторики. Например, 5 марта по национальному радио Геббельс заявил о «горящих границах»⁴⁶⁷, имея в виду границы с Польшей.

Триумф Гитлера в Германии способствовал оживлению и небывалому росту националистических настроений в Данциге. 16 февраля 1933 г. данцигский сенат проинформировал польское правительство о решении аннулировать договор 1923 г., ликвидировать портовую полицию, подчиняющуюся совместному польско-данцигскому руководству, и заменить ее полицией Данцига, над которой Польша не имела бы контроля. Понимая опасность потери лица Польшей, претендующей на статус великой державы, Пилсудский, как вспоминал Бек, пришел к выводу, что можно «улучшить ситуацию только путем нового энергичного действия. Кроме того, это была психологическая проверка, имеющая превентивный характер в отношении

⁴⁶³ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 2014. S. 36-37.

⁴⁶⁴ Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М., 2019. С. 288.

⁴⁶⁵ DTJS. T. I. Londyn, 1964. S. 41.

⁴⁶⁶ DTJS. T.I. Londyn, 1964. S. 41.

⁴⁶⁷ DTJS. T.I. Londyn, 1964. S. 42.

руководителя Германии»⁴⁶⁸.

Дата для акции (6 марта) – утро следующего дня после выборов в Германии – была выбрана не случайно. Маршал понимал, что на подобные действия Польши во время предвыборной кампании Гитлер скорее всего отреагировал бы резко. Местом действия стал полуостров Вестерплатте в Данцигской бухте, где размещались польские военные склады. На рассвете 6 марта военно-транспортное судно «Вилия» высадило на Вестерплатте подкрепление. Одновременно с этим генеральный комиссар Польши в Данциге К. Папэ уведомил сенат и верховного комиссара Лиги наций в Данциге Ростинга о предпринятых действиях⁴⁶⁹. Поведение польской стороны Бек объяснил следующим образом – было получено сообщение о готовящемся немецкими отрядами нападении на польские военные склады. В связи с этим возникла необходимость срочно предпринять предупредительные действия⁴⁷⁰.

Как Пилсудский и предвидел, немцы были застигнуты врасплох, а радость нацистов от победы заметно омрачена. Реакция Европы на инцидент на Вестерплатте была крайне негативной – Польшу представили как нарушителя мира и подстрекателя к войне. И все же на сессии Лиги наций Бек получил существенную поддержку французской делегации, благодаря ей, а также усилиям французского министра иностранных дел Поль-Бонкура польское правительство избежало унижительной ситуации эвакуации подкрепления в приказном порядке. Был найден компромиссный вариант: Польша отзывает подкрепление, а сенат Данцига гарантирует поддержание мира. Ларош отмечал: «...было очевидно, что инцидент на Вестерплатте представлял собой предупреждение правительству Гитлера и не касался вольного города»⁴⁷¹.

Несомненно, такое незначительное увеличение численности польского гарнизона не имело какого-либо военного значения, а было предпринято для

⁴⁶⁸ Beck J. Ostatni raport. S. 37-38.

⁴⁶⁹ Ibidem. S. 38.

⁴⁷⁰ Ibidem.

⁴⁷¹ Laroche J. Polska lat 1920–1935. Warszawa, 1966. S. 120.

зондирования реакции Гитлера. И Варшава получила ответ: германский канцлер отступил перед польской провокацией, в то время как западные страны устроили антипольский демарш в Лиге наций. 11 марта германский представитель при Лиге наций написал в МИД о беседе с Ростингом по вопросу статуса Вестерплатте и действий Польши, в которой тот заметил, что «французы вряд ли поддержат Польшу, так как они назвали польскую акцию неуклюжим обострением существующих антагонизмов»⁴⁷².

Вопрос об инциденте на Вестерплатте не является столь очевидным и прозрачным, как это кажется на первый взгляд. Во-первых, не до конца понятна изначальная численность воинского контингента Польши, которому разрешалось постоянное пребывание на полуострове для охраны польских военных складов. С одной стороны, в резолюции 37-й сессии Ассамблеи Лиги наций от 9 декабря 1925 г. говорилось о постоянном пребывании на Вестерплатте «двух офицеров, 20 унтер-офицеров и 60 рядовых солдат»⁴⁷³. С другой же стороны, в запросе польского правительства от 7 марта 1933 г. об увеличении численности портовой полиции говорится о постоянном прибывании «2 офицеров, 20 унтер-офицеров и 66 рядовых солдат регулярной армии Польши»⁴⁷⁴.

Более того, неясным остается и вопрос о количестве, прибывших 6 марта 1933 г. Так, Шембек пишет о высадке подкрепления в размере 100 человек⁴⁷⁵, а Ю. Липский, в то время директор западного департамента польского МИД, говорит о 120⁴⁷⁶. С оценкой Липского совпадает и впечатление президента сената Данцига Эрнста Циема, написавшего

⁴⁷² Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). London, 1959. P. 138.

⁴⁷³ League of Nations Secretariat Several Sections, Political and Technical Registry files (1919-1927). Organization. General. Council. Sessions of the Council. Minutes. Stenographic Record of the 37th Session of the Council, Geneva, 7-16 December 1925. [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/compte-rendu-stenographique-de-la-37eme-session-du-conseil-geneve-7-16-decembre-1925> (дата обращения: 06.12.2022)

⁴⁷⁴ League of Nations Secretariat. Administrative Commissions and Minorities Section. Registry files (1933-1946). Administrative Commissions. Danzig Harbour Board Police. Police of the Port of Danzig - Request of the Polish government of 7 March 1933 regarding increase of harbor police force. [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/police-of-the-port-of-danzig-request-of-the-polish-government-of-7-march-1933-regarding-increase-of-harbor-police-force> (дата обращения: 06.12.2022).

⁴⁷⁵ DTJS. T. I. S. 42.

⁴⁷⁶ Цит. по: Gasiorowski Z. J. Did Pilsudski Attempt to Initiate a Preventive War in 1933? // The Journal of Modern History. T. 27. 1955. № 2. P. 143.

6 марта, в день инцидента, верховному комиссару Лиги наций в Данциге Хельмеру Ростингу о том, что «значительное подкрепление отряда охраны Вестерплатте – по нашей информации, значительно больше 100 человек с пулеметами и другим вооружением – действительно прибыло на военном транспортном судне "Вилия", которое, как сообщалось, доставляло военные припасы для Вестерплатте». Цием спрашивал о том, санкционировала ли эти действия Лига, на что получил негативный ответ⁴⁷⁷. В тот же день он написал еще одно письмо Ростингу, в котором просил верховного комиссара повлиять на Польшу и вернуться к количеству польского воинского контингента, установленного решением Совета Лиги наций от 9 декабря 1925 г., то есть, «2 офицера, 20 унтер-офицеров и 66 рядовых солдат». Причем, в данном случае число «66» было написано прописью, так что никакой ошибки с цифрами закрасться не могло⁴⁷⁸.

Косвенно в пользу того, что постоянный воинский контингент Польши на Вестерплатте составлял не 82 человека, как принято считать в литературе⁴⁷⁹, а больше, говорит и приказ контр-адмирала Е. Свирского, в то время начальника военно-морского управления в военном министерстве, от 15 марта 1933 г., согласно которому, «по приказу маршала», «"Вилия" уйдет из Вестерплатте в Гдыню ... в четверг 16-го в 22:30 ... На Вестерплатте останется 88 человек (вместе с офицерами)»⁴⁸⁰. Таким образом, представляется, что численность польских войск вернулась в рамки, предписанные Лигой наций.

14 марта 1933 г. германский министр иностранных дел К. фон Нейрат написал в Берлин со слов итальянского посла об уверенности Муссолини в

⁴⁷⁷ League of Nations Official Documents. Council. Documents de travail. Council Documents, 1933. Free City of Danzig. Guard Detachment for The Polish War Material Depot. Question Of «Direct Action». [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/free-city-of-danzig-guard-detachment-for-the-polish-war-material-depot-question-of-direct-action> (дата обращения: 06.12.2022)

⁴⁷⁸ League of Nations Official Documents. Council. Documents de travail. Council Documents, 1933. Free City of Danzig. Guard Detachment for The Polish War Material Depot. Question Of «Direct Action». [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/free-city-of-danzig-guard-detachment-for-the-polish-war-material-depot-question-of-direct-action> (дата обращения: 06.12.2022).

⁴⁷⁹ См. напр.: Gasiowski Z.J. Did Pilsudski Attempt to Initiate a Preventive War in 1933? P. 142; Jędrzejewicz W. The Polish plan for a «preventive war» against Germany in 1933 // The Polish Review. 1966. P. 82 В. Енджевичне только пишет о 82 людях, но и отмечает, что число было увеличено «до 202 человек», что вообще непонятно, если по данным Шембека подкрепление насчитывало 100 человек.

⁴⁸⁰ PDD. 1933. S. 140.

том, что Франция готовится к превентивной войне как с Германией, так и Италией. «Французский Генштаб придерживался мнения, что Франции придется вести превентивную войну как можно скорее как против Италии, так и против Германии, пока Франция и ее союзники обладают военным превосходством ... Схожие взгляды преобладают в военных кругах Польши». Муссолини уполномочил посла заявить, что поддержит притязания Германии на воссоединение с Восточной Пруссией путем ликвидации коридора, однако полагал, что нужный момент для активной ревизионистской политики еще не настал, так как в настоящее время польская армия несравнимо сильнее⁴⁸¹.

Тем не менее, градус волнения в течение марта в Риме и Берлине не уменьшился, и уже 28 марта германский посол в Италии У. фон Хассель докладывал в свой МИД о беседе с итальянским диктатором: «Муссолини подчеркнул необходимость пережить следующие несколько месяцев без конфликта. К концу 1933 г. итальянское вооружение, особенно на море и в воздухе, станет значительно сильнее, так что потом можно будет спокойно столкнуться с чем угодно. ... Для Германии будет лучше всего, подчеркнул он, укреплять свое вооружение очень осторожно, пока опасный период не закончится... французский Генштаб и другие круги проявляют настойчивость [в вопросе превентивной войны – *А. К.*], а от Малой Антанты и Польши можно ожидать чего угодно. Это было очевидно из отношения Польши к послу здесь [в Италии – *А. К.*], которое возникло по инициативе правительства, а не посла^{482*}. Если Варшава не предоставит удовлетворительные объяснения, то он отзовет посла там и оставит поверенного в делах»⁴⁸³.

Несмотря на декларируемое демонстративно негативное отношение французов к проблеме превентивной войны, в пользу возможных совместных

⁴⁸¹ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). London, 1959. P. 160.

^{481*} Речь идет о ситуации с недавно назначенным послом в Риме графом Е. Потоцким, который в знак протеста против предложения Муссолини по созданию европейской директории без участия Польши по распоряжению Пилсудского подал в отставку.

⁴⁸³ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). London, 1959. P. 228.

военных действий Польши и Франции против Германии свидетельствует также письмо польского посла в Москве Ю. Лукаевича Беку от 4 апреля о беседе с советником посольства Франции в СССР Пайаром. По словам Пайара, «Поль-Бонкур постоянно требует от французского посольства информацию о возможности использовать СССР против Германии ... Особенно интересуется его проблема того, как на практике можно представить участие СССР в эвентуальной войне Польши и Франции с Германией»⁴⁸⁴.

Конечно, можно предположить, что французская дипломатия просто хотела успокоить польского союзника, а реальных намерений и планов войны у Парижа не было. Однако неоспоримым является тот факт, что военная активность Варшавы весной 1933 г. была приоритетной заботой в Париже. Советник польского посольства в Париже А. Мюльштейн 17 апреля 1933 г. писал Ю. Беку: «Мысль об этом [о военных приготовлениях Польши – А. К.] вызывает волнение Даладье. Действия на Вестерплатте кажутся ему чем-то вроде подготовительного инцидента. Ж. Кайо в свою очередь сказал мне: «Не ориентируйте нас на войну. Наша страна на это не пойдет». Мюльштейн сообщал об изменившихся настроениях французов, в частности Поль-Бонкура, и уже более отчетливо звучащих голосах в поддержку ревизии германо-польской границы. Информатор Мюльштейна был очень удивлен этой трансформацией Поль-Бонкура, который раньше называл себя «солдатом Польши», а теперь стал ревизионистом. Предположительно, на изменение его отношения к Польше повлияли события в Женеве⁴⁸⁵. Необходимо также подчеркнуть, что инцидент на Вестерплатте имел своей целью не только предостережение для Гитлера, но и проверку прочности союза с Францией. В течение марта и апреля в отношениях между Польшей, Францией и Германией явно ощущалась

⁴⁸⁴ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/1.1.1/18. S. 6-7.

⁴⁸⁵ DTJS. T. I. S. 12-13.

напряженность⁴⁸⁶, которую в историографии обычно связывают с проблемой «превентивной войны»⁴⁸⁷.

Конечно, Варшава была разочарована реакцией западных стран на ее действия (особенно своего французского союзника), однако был и повод для удовлетворения – польская акция произвела впечатление на Германию. Немецкие газеты в передовых статьях писали о мощи польской армии и призывали население избегать провокаций в отношении поляков. Германский посол в Варшаве Г.А. фон Мольтке написал в Берлин о том, что считает инцидент на Вестерплатте предупреждением сторонникам ревизии договоров в Европе⁴⁸⁸. По сути, действия поляков были еще одним кирпичиком в создании атмосферы «превентивной войны» в широком понимании этого слова; главная цель снова была достигнута – потенциальный враг был напуган.

Еще одним существенным ударом по чувствам поляков стал предложенный Б. Муссолини 18 марта 1933 г. проект т.н. директории в составе четырех стран – Италии, Великобритании, Франции и Германии. Предлагаемый проект прямо содержал признание за Германией права на вооружение в связи с неудачами на конференции по разоружению. Официальную информацию об итальянском проекте польское правительство получило от Франции, а именно – в ноте французского посла Лароша от 25 марта⁴⁸⁹. Стоит отметить, что французский посол направил Беку не

⁴⁸⁶ См.: Tajny raport polityczny posła H. von Moltke do Ministra Spraw Zagranicznych Rzeszy w sprawie wojny przewencyjnej Polski przeciwko Niemcom. 29 kwietnia 1933, Warszawa // Lapter K. Pakt Piłsudski-Hitler. Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962. S. 261-266.

⁴⁸⁷ В польской историографии существует достаточно большое количество работ, в которых прямо или косвенно анализируется проблема превентивной войны между Польшей и Германией в 1933 г. См. напр.: Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. S. 18-31; Bułhak H., Gmurczyk-Wrońska M. Juliusz Łukasiewicz, ambasador RP w Paryżu o «wojnie przewencyjnej» przeciwko Niemcom w 1933 roku // Mazowieckie Studia Humanistyczne. T. 8. 2002. № 2. S. 257-266; Gasiorowski Z.J. Did Piłsudski Attempt to Initiate a Preventive War in 1933? P. 135-151; Jędrzejewicz W. The Polish plan for a «preventive war» against Germany in 1933. P. 62-91; Kuźmiński T. Polska, Francja, Niemcy, 1933-1935: z dziejów sojuszu polsko-francuskiego. S. 40-89; Moczulski L. Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy? Warszawa, 2017; Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988. P. 268-273 и др.

⁴⁸⁸ Lapter K. Pakt Piłsudski-Hitler. S. 265.

⁴⁸⁹ Szembek J. Dziariusz i teki Jana Szembeka, 1935-1945: Wprowadzenie i dokumentacja do lat 1933-1934. Dziariusz Jana Szembeka za rok 1935. T. I. London, 1964. S. 24-26.

полный текст предложения итальянцев, а лишь краткий пересказ его основного содержания.

Для Германии «Пакт четырех» представлялся в высшей степени выгодным проектом. Более того, наряду с обсуждением проекта между французским и немецким правительствами также начались переговоры о заключении пакта взаимного сотрудничества⁴⁹⁰, о чем польское правительство, согласно имеющимся на сегодняшний день в распоряжении исследователей материалам, так и не было проинформировано. По оценке фон Нейрата, в свете того, что Франция уже имела схожие договоры с Польшей, Чехословакией и Югославией, при возникновении конфликтной ситуации между Германией и одной из этих стран «Франция будет вольна выбирать какой из сторон оказать поддержку. В связи с такой дискреционной позицией Франции ценность заключения такого пакта о взаимопомощи кажется мне сомнительной»⁴⁹¹.

Анализируя сложившуюся ситуацию, британский посол в Париже У. Тиррелл писал в марте 1933 г, что «Франция утратила веру в свою систему сателлитов как средство сдерживания Германии»⁴⁹². Кроме того, стремительно теряя роль гегемона на континенте, Франция все больше теряла интерес к проблемам своих восточноевропейских союзников, в результате чего активнее стремилась выстраивать совместный с Великобританией политический курс. Именно поэтому Франция поддержала британскую инициативу по созданию европейской «директории» в составе четырех постоянных членов Лиги наций. Для Парижа и Лондона пакт был нужен в первую очередь для осуществления контроля над Гитлером и Муссолини – они не должны были оставаться аутсайдерами европейской политики, потому что это грозило Европе расколом на два противоборствующих блока.

⁴⁹⁰ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). United States, 1945. P. 349-360.

⁴⁹¹ Ibidem. P. 21.

⁴⁹² Documents of British Foreign Policy 1919—1939. Series 2. Vol. IV. London, 1950. P. 466.

В Польше, как и в ряде других стран, этот проект вызвал бурю эмоций, преимущественно отрицательных⁴⁹³. Польское общественное мнение негативно восприняло идею пакта. Публицист С. Цат-Мацкевич, выражая взгляды консервативных кругов, написал: «Мы были с Францией, а Франция обещала нас Германии»⁴⁹⁴. Видя угрозу польско-французскому союзу, французская сторона внесла ряд поправок в первоначальный итальянский проект пакта (например, ограничение действия пакта в делах, не касающихся четырех держав). Более того, Франция обратила внимание на опасные ревизионистские мотивы, содержащиеся во второй статье пакта. Париж также выразил пожелание, чтобы «Пакт четырех» никоим образом не сказывался на его союзнических отношениях с Польшей. Подобные действия Франции на какое-то время успокоили Варшаву. Тем не менее, комментируя проект пакта, Бек отметил, что прекрасно понимает, как Парижу будет трудно отказаться от его подписания, но в любом случае Варшава не изменит своего негативного к нему отношения⁴⁹⁵.

Для Польши это был вопрос не только престижа, но и безопасности. Варшава была обижена на то, что Италию трактовали как великую державу, а Польшу нет (неприязнь и даже презрение Пилсудского к Муссолини ни для кого не были секретом⁴⁹⁶). 23 марта Бек отправил депешу в Лондон, в которой заявил, что сама по себе идея пакта идет вразрез с интересами Польши, план Муссолини заключается в ревизии границ под надзором четырех великих держав и «стоит опасаться того, что концепция «Пакта четырех» повлияет на Германию в негативном для нас ключе»⁴⁹⁷. На следующий день в ответной депеше польский посол в Великобритании К. Скирмунт с тревогой констатировал, что «элементом, ухудшающим ситуацию, является слабая реакция Парижа»⁴⁹⁸. Пилсудский немедленно продемонстрировал свое недовольство ситуацией. Как упоминалось выше,

⁴⁹³ Beck J. Ostatni raport. S. 39-43, 258-271.

⁴⁹⁴ Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. С. 295.

⁴⁹⁵ Bułhak H. Polska-Francja z dziejów sojuszu 1933-1936. S. 37; Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 285-286.

⁴⁹⁶ Laroche J. Polska lat 1920-1935. Warszawa, 1966. S. 122.

⁴⁹⁷ DTJS. T. I. S. 26-27.

⁴⁹⁸ Ibidem. S. 26-28.

недавно назначенный послом в Риме граф Е. Потоцкий в знак протеста подал в отставку⁴⁹⁹, а Бек отменил свой визит в Париж, намеченный на 29 марта. В Кэ д'Орсэ восприняли эту новость, мягко говоря, с удивлением – Поль-Бонкур и Даладьё сделали все необходимые приготовления для запланированных переговоров и ожидали, что визит пройдет в дружественной атмосфере.

Стоит отметить, что позиция Варшавы не была лишена логики – сама идея «концерта» великих держав противоречила так широко восхваляемому духу Лиги наций. Не участвуя в переговорах, поляки сохраняли за собой свободу действий на будущее, что проявилось в их постепенном дистанцировании от всех и акценте на выстраивании двусторонних отношений. Германии же пакт в тот момент был выгоден со всех сторон – он сулил ей не только международное признание за ней статуса великой державы, но также ревизию границ и равные права в сфере вооружения.

29 мая на предложение Лароша обменяться нотами, аналогичными нотам Франции с Малой Антантой, с изложением позиции польского правительства в отношении «Пакта четырех», Бек ответил отказом. Он мотивировал отказ желанием правительства, помнящего негативный опыт Локарно и декларации от 11 декабря, сохранять свободу рук⁵⁰⁰. А. Мюльштейн в письме директору кабинета министра иностранных дел Р. Дембицкому достаточно емко сформулировал мотивы негативного отношения Варшавы к пакту: это единственный способ сохранить польско-французские отношения на должном уровне и при этом показать Парижу, что с Варшавой нужно считаться, что ее нельзя «так же легко задавить, как Малую Антанту»⁵⁰¹.

Вся ситуация вокруг «Пакта четырех» явила собой пробный шар «нового» польского политического курса в отношениях с Парижем. С этого момента Варшава лишь будет укрепляться в восприятии себя в качестве великой державы, с которой необходимо советоваться и чье мнение

⁴⁹⁹ Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 122; Beck J. Ostatni raport. S. 42.

⁵⁰⁰ DTJS. T. I. S. 31–32.

⁵⁰¹ Ibidem. S. 32.

необходимо учитывать. Уже 16 июня Мюльштейн не без гордости замечал, что «наш авторитет во Франции возрос», однако, наряду с этим констатировал, что «это временная вещь... на негативной политической акции, чем является наше отношение к пакту, трудно построить что-то постоянное»⁵⁰². Именно поэтому Польше необходимо было закрепиться на достигнутых позициях и идти дальше.

Изначально с Польшей была солидарна Малая Антанта, дав негативную оценку «Пакту четырех» в декларации от 25 марта. Предвидя эту реакцию своих союзников, уже 10 апреля Франция представила свой проект пакта, который хотя и маскировал его цели, но все же допускал равноправие Германии в области вооружения и необходимость политического сотрудничества четырех держав. Этот проект вместе с разъяснениями французской стороны 30 мая был одобрен Постоянным советом Малой Антанты, что ознаменовало собой точку невозврата в отношениях Польши с Малой Антантой и повлекло за собой негативные последствия для польско-чехословацких отношений. Более того, посол ЧСР в Париже Ш. Осуский в июле заметил, что «Польша не признает пакт по мотивам престижа и формальным», в то время как сам пакт являлся «очень хорошим договором, гарантией территориального статус-кво в Центральной Европе» и «благодаря Франции границы Чехословакии оказались гарантированы»⁵⁰³.

Оставалось напряженным положение на германском направлении. В германской прессе стали появляться заголовки типа «Польша подстрекает к войне». В ответ на это «Газета польска» напечатала статью пилсудчика, не назвав его имени, предупреждавшего, что Польша готова к любым неожиданностям⁵⁰⁴. 21 апреля 35 тыс. солдат (т.е. почти 10 % численного состава польской армии) приняли участие в военном параде в Вильно. Это было слишком большое количество участников для того, чтобы отпраздновать 14-ю годовщину занятия города польскими войсками, даже если память об этом событии была особенно дорога Пилсудскому.

⁵⁰² Ibidem. S. 34.

⁵⁰³ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/1.1.1/4. S. 21.

⁵⁰⁴ Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 125.

Как отмечал его адъютант М. Лепецкий, «кто знал маршала, понимал, что никаких годовщин, кроме 10-летних и 25-летних, он не признавал»⁵⁰⁵. Поэтому было совершенно очевидно, что Польша недвусмысленно продолжала демонстрировать Германии свою военную мощь. О серьезности намерений Пилсудского свидетельствует и тот факт, что 18 апреля, за несколько дней до парада в Вильно, он лично написал инструкцию, известную как «В случае войны с Германией». В тот же день документ подписал президент И. Мосцицкий⁵⁰⁶. На вопрос Лепецкого, намеревается ли Гитлер напасть на Польшу, маршал ответил: «Даже если мы его атакуем, то это также будет защитой»⁵⁰⁷.

И Пилсудский достиг своей цели – Берлин обеспокоился. Германский посол в СССР Г. Дирксен, описывая свою беседу с Гитлером, судя по контексту в конце весны, отмечает, что канцлер подтвердил намерение поддерживать дружеские отношения с СССР «при условии, что тот не будет вмешиваться во внутренние дела Германии». После этого Гитлер произнес фразу, глубоко потрясшую Дирксена: «Если бы только мы могли договориться с Польшей! Но Пилсудский – единственный человек, с которым это было бы возможно»⁵⁰⁸. 23 апреля Мольтке направил в немецкий МИД обширный аналитический отчет о подготовке Польши к превентивной войне. По мнению Мольтке, поляки «предвидят, что как только цепи ограничения вооружений будут разорваны, вся энергия Германии будет сосредоточена на великой цели – восточных границах, и что тогда Германия не воздержится от применения силы. ... С точки зрения Польши, внешнеполитическая ситуация также благоволит активной политике. Тот, факт, что Франция становится все менее и менее склонной к войне за коридор, вызывает столько же возмущения, сколько и беспокойства.

⁵⁰⁵ Lepecki M. Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1989. S. 160.

⁵⁰⁶ Ibidem. Т. Комарницкий считал *locus communis* наличие у Пилсудского намерения превентивной военной кампании против Германии. В качестве аргумента Комарницкий привел тот факт, что после смерти Пилсудского в железной шкатулке, в которой маршал хранил особо важные документы и ключ от которой всегда носил при себе, среди прочего также был и этот документ, подписанный Мосцицким. DTJS. Т. I. S. 58.

⁵⁰⁷ Цит. по: Jędrzejewicz W. The Polish plan for a «preventive war» against Germany in 1933. P. 83.

⁵⁰⁸ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 169.

Однако несмотря ни на что, по-прежнему считается несомненным, что Франция, столкнувшись с свершившимся фактом, не оставит своего союзника в беде. ... особое значение для поджигателей войны имеет осознание того, что угроза со стороны России утратила свой ужас после пакта о ненападении и особенно после недавнего похолодания в российско-германских отношениях. Политический деятель, близкий к окружению Бека, недавно очень положительно подтвердил, что советское правительство сделало обязывающее заявление о том, что в случае польско-германского конфликта оно останется абсолютно нейтральным. ... В сфере внутренней политики также есть причины, по которым нельзя слишком долго откладывать возможные военные приготовления. Пока жив Пилсудский, у государства есть крепкая организация, которой может не быть после его смерти. ... Постепенно складывается впечатление, что оно [польское правительство – *А. К.*] не было бы недоволено, если бы провокации должны бы были вызвать контракцию со стороны Германии»⁵⁰⁹.

К отчету Мольтке был также приложен «Меморандум о польских приготовлениях к войне»⁵¹⁰, в котором подробно по пунктам описывались все действия польского правительства, связанные с подготовкой к превентивной войне (наращивание военной промышленности почти на 100 процентов, призыв возрастных категорий, еще не достигших призывного возраста, передача военной подготовки молодежи в руки кадровых офицеров и др.). Маловероятно, что Пилсудский намеривался лишь только напугать Гитлера. Из приведенного выше документа явно следует, что в 1933 г. Польша серьезно готовилась к войне. Также важно отметить, что вся совокупность действий поляков, по сути, имела характер зондажа – в течение 1933 г. Пилсудский присматривался и внимательно оценивал, на кого можно полагаться и кто как себя поведет. Франция колебалась, СССР не вмешивался, а Германия выжидала.

⁵⁰⁹ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). London, 1959. P. 328-332.

⁵¹⁰ Ibidem. P. 333.

Примечательно, что поляки преуспели в последовательном формировании атмосферы надвигающейся превентивной войны. Как сказал Г. фон Мольтке в разговоре с советским посланником в Польше В.А. Антоновым-Овсеенко, поляки «стремятся «спровоцировать» провокацию «со стороны Германии». О подобных настроениях сообщали также итальянский и турецкий послы в Варшаве Д. Бастианини и Й.Е Ферит бей. В польской прессе набирала обороты мощная антинемецкая кампания, были организованы бойкот германских товаров и демонстрации у германских консульств. А Союз бывших повстанцев Верхней Силезии призвал своих членов к регистрации с оружием и назначил на 2–3 мая всепольский сбор с целью зажечь костры вдоль германской границы⁵¹¹. Не удивительно, что европейские дипломатические ведомства с беспокойством воспринимали все происходящее в Польше.

Тревожные доклады Мольтке, кроме всего прочего, породили у Гитлера опасение, что польские инициативы будут благоприятно восприняты в Париже. Особенно этим были обеспокоены немецкие дипломатические круги и рейхсвер⁵¹². 22 апреля Мольтке, «заметно озабоченный, даже встревоженный», неожиданно пришел к Ларошу. Мольтке беспокоили воинственные настроения поляков и все чаще повторяющиеся заверения в том, что «Польша готова до конца защищать свои права, даже силой». По его мнению, правительство поощряло подобные настроения. Мольтке хотел выяснить отношение Франции к происходящему. Ларош ответил, что, по его мнению, поляки рассматривают союз с Францией как фундамент своей политики, и союз этот имел сугубо оборонительный характер. Германский посол воспринял эти слова с видимым облегчением⁵¹³. Похожую мысль в беседе с советским полпредом Антоновым-Овсеенко высказывал правый польский публицист С. Стронский, отмечая, что «во Франции большое недоверие к политике Пилсудского. «Пущенный немцами» слух о подготовке Польшей превентивной войны встречен был весьма тревожно во Франции....

⁵¹¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 38.

⁵¹² Gasiorowski Z.J. Did Pilsudski Attempt to Initiate a Preventive War in 1933? P. 146.

⁵¹³ Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 125-126.

В польских военных кругах идея превентивной войны весьма популярна. Но Польша знает, что если она явится агрессором, то ее оборонительный союз с Францией теряет силу»⁵¹⁴.

На этом беспокойном фоне внешнеполитической сцены Европы Пилсудский совершает еще один неожиданный шаг – 1 мая 1933 г. он принимает советского полпреда Антонова-Овсеенко. Эта встреча вызвала чрезвычайный интерес в дипломатической среде, так как до этого маршал не принимал на подобной аудиенции ни одного посла⁵¹⁵. Скорее всего, Пилсудский хотел напомнить Гитлеру о наличии у Польши годом ранее заключенного пакта о ненападении с СССР, дававшего ей свободу действий на германском направлении. Не случайно Антонов-Овсеенко считал, что прием его Пилсудским был приурочен Варшавой к началу первых «особых» переговоров с Германией⁵¹⁶. В Москве также не испытывали иллюзий и лишних восторгов по поводу этой встречи. 19 мая член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков написал Антонову-Овсеенко следующее: «Содержание разговора с Вами Пилсудского подтверждает наши предположения, что, приглашая Вас, Пилсудский имел в виду не дальнейшее развитие польско-советских отношений, а исключительно эффект в других странах, особенно в Германии»⁵¹⁷. В прессе появляется сообщение о том, что Пилсудский беседовал с советским полпредом целых два часа, хотя в действительности, по сообщениям Антонова-Овсеенко, беседа длилась всего час⁵¹⁸. Через несколько дней Антонов-Овсеенко встретил на параде Мольтке, который настоятельно просил передать ему содержание разговора с маршалом и интересовался, когда же будет продолжение этой беседы. На заверения советского полпреда в том, что не было «ничего определенного и серьезного», Мольтке, будто бы успокоившись, проговорил: «Да, много

⁵¹⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 66.

⁵¹⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 56.

⁵¹⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 62.

⁵¹⁷ Советско-польские отношения в 1918-1945 гг. Сборник документов в 4-х томах. Т. 3: 1932-1939 гг. М., 2017. С. 97.

⁵¹⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 48.

благерства»⁵¹⁹.

И мощный прессинг Варшавы на Берлин наконец-то дал результаты. 2 мая 1933 г. Гитлер принял польского посла в Берлине А. Высоцкого. Эта встреча, по общему мнению, разрядила ситуацию и ознаменовала собой поворотный момент в польско-германских отношениях. Встреча, на которой также присутствовал министр иностранных дел К. фон Нейрат, длилась 40 минут. Высоцкий заметил, что Польша и рейх, к сожалению, всегда находятся во вражеских лагерях и что в настоящее время представители двух государств не могут прийти к какому-либо консенсусу. Высоцкий также особо подчеркнул важность для Варшавы всей совокупности вопросов, связанных с доступом к морю и правами, которые она получила в Данциге на основании Версальского договора. Польский посол заявил, что доступ к Балтийскому морю входит в круг жизненно важных интересов Польши, которые она готова защищать «до последнего вздоха». Германский канцлер поспешил успокоить Высоцкого и отметил, что совершенно не понимает природы беспокойства Варшавы, так как немецкое правительство не имеет намерений нарушать существующие договоренности. В конце беседы было согласовано совместное польско-немецкое коммюнике, в котором говорилось, что в ходе встречи были затронуты актуальные вопросы польско-немецких отношений, а канцлер подчеркнул намерение немецкого правительства держаться в рамках Версальского договора⁵²⁰.

Заслуживающим внимания представляется донесение советской разведки из Берлина, в котором говорилось, что «канцлер Гитлер вручил польскому правительству 3 мая* через аккредитованного здесь его представителя [Высоцкого – А. К.] проект соглашения между обоими

⁵¹⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 50.

⁵²⁰ DTJS. Т. I. S. 53-58. Д.В. Офицеров, не подкрепляя свою точку зрения каким-либо документальным материалом, утверждает, что основная задача польского посла, поставленная якобы самим Пилсудским, заключалась в ухудшении польско-германских отношений. Офицеров Д.В. Польско-германское сближение в 1933 году и вопрос превентивной войны // Вестник Пермского университета. 2003. № 4. С. 43. Однако из имеющихся в настоящее время источников едва ли можно сделать такой вывод.

* Здесь явная ошибка, так как встреча Гитлер-Высоцкий состоялась 2 мая.

нациями, направленный совершенно против СССР»⁵²¹. По сведениям советских агентов, Гитлер, всегда произносивший речи без бумаг, к встрече с Высоцким подготовился «с прилежным усердием». Германский канцлер выразил сомнения в способности Польши мирно существовать со своим советским соседом. Польша, подобно Германии, стоит перед угрозой коммунистического движения; угрозу эту можно устранить уничтожением СССР. Гитлер якобы также сказал Высоцкому, что французское правительство как минимум займет позицию нейтралитета (чего будет вполне достаточно), а вот «Малая Антанта несомненно поддержит план». Гитлер попросил Высоцкого лично передать его предложение в Варшаву.

17 мая фон Нейрату был вручен вежливый, но определенно отрицательный ответ. В нем говорилось, что в настоящее время Польша не в состоянии вступать в какие-либо связывающие соглашения, подвергающие угрозе само существование польской нации. При этом польское правительство подчеркнуло, что его отказ вызван лишь нынешним положением дел, что в более благоприятной обстановке в дальнейшем не отменяется возможность совместной работы в указанном направлении⁵²². При анализе данного агентурного материала важно подчеркнуть, что до сих пор не было обнаружено дополнительных документов, подтверждающих предложение Гитлером в мае 1933 г. Польше совместного нападения на СССР. В схожих по содержанию отчетах о беседе, Высоцкий и Нейрат ограничились общими фразами и подчеркиванием сугубо пацифистского настроения канцлера⁵²³.

А 4 мая успокоительные заверения относительно возможности

⁵²¹ Документальный агентурный материал 4-го Управления Штаба РККА о германо-польских отношениях, "пакте четырех" и германских предложениях Польше заключить соглашение на антисоветской основе. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1296468#v=d&z=3&n=5&i=13524895_doc1.tiff&y=-176&x=564 (дата обращения: 22.11.2021).

⁵²² Документальный агентурный материал 4-го Управления Штаба РККА о германо-польских отношениях, "пакте четырех" и германских предложениях Польше заключить соглашение на антисоветской основе. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1296468#v=d&z=3&n=5&i=13524895_doc1.tiff&y=-176&x=564 (дата обращения: 22.11.2021).

⁵²³ Ср. Рапорт Высоцкого о беседе с Гитлером: DTJS. T. I. S. 53-58. и меморандум фон Нейрата: Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937) The Third Reich: First Phase, Volume II: October 15, 1933-June 13, 1934. London, 1959. P. 365-367.

превентивной войны, аналогичные тем, которые Гитлер за два дня до этого высказал Высоцкому, выслушал от Бека Мольтке⁵²⁴. В тот же день Бек встретился с Ларошем и подробно изложил ему содержание встречи Гитлера с Высоцким. «Мне неважно, – добавил Бек, – какую интерпретацию этой встрече придаст германское правительство. Роль играет только результат, которым должно стать пресечение тенденциозных и вредных как для Польши, так и для мира слухов. Не менее важно, чтобы французское правительство было должным образом проинформировано о мотивах, которые склонили нас к этому шагу. Те, кто обвиняет польское правительство в желании развязать превентивную войну, что никогда не было его намерением⁵²⁵, также смогут обвинить его в том, что оно бросается в объятия Германии»⁵²⁶. Бек также подчеркнул, что за кулисами этого вопроса ничего не скрыто и единственное желание Польши – поддерживать с Германией нормальные отношения. Через два дня, 6 мая, перед своей поездкой в Париж Ларош имел подробный разговор с начальником восточного отдела польского МИД Ю. Липским. По всей видимости, Ларош уехал в Париж удовлетворенным, оценив развитие событий на польско-германском направлении как «позитивный шаг, пресекающий алармистские слухи и вносящий в польско-германские отношения упокоение»⁵²⁷.

Конечно, скорее всего Гитлер решился на свое заявление 2 мая не под влиянием алармистских слухов о подготовке Польшей нападения на Германию, а исходя из существующей внешнеполитической обстановки, чтобы еще раз продемонстрировать миролюбивые намерения Германии. Действия канцлера продолжали линию его предшественников на этом посту – вопрос о ревизии границ несвоевременен, пока Германия не добьется

⁵²⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 62.

⁵²⁵ И все же Бек был не совсем искренен с Ларошем. По свидетельству хорошо информированной французской журналистки Ж. Табуи, 18 января 1933 г. у подъезда Кэ д'Орсэ она встретила Бека, который «только что вручил Поль-Бонкуру личное письмо маршала с настойчивой просьбой сообщить мнение Франции относительно своевременности превентивной войны против Германии». По ее словам, Пилсудский писал о пяти армейских корпусах, которые могли бы вступить в Восточную Пруссию, в то время как Франция должна была оккупировать часть Рура. Подробнее см.: Кузьмичева А.Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933-1934) // Вестник Московского университета. Серия 8. 2018. № 1. С. 32-49.

⁵²⁶ Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 127-128.

⁵²⁷ DTJS. T. I. S. 61.

военного равноправия. Кроме того, этим маневром облегчались действия Германии на конференции по разоружению. Как считал Антонов-Овсеенко, слова Гитлера были на руку Муссолини и Макдональду в их непростой дипломатической игре с Францией, нацеленной на создание «европейской директории»⁵²⁸. В течение весны–лета 1933 г. Париж дистанцировался от Варшавы, находясь как бы над схваткой и наблюдая за развитием событий.

Одновременно с демонстративными жестами в польско-германских отношениях, продолжались франко-польские консультации о «Пакте четырех». Париж пытался убедить Варшаву в его необходимости для предотвращения сближения Рима с Берлином. Франция обещала убрать из пакта опасные ревизионистские пункты, подчеркивала свою союзническую заботу и внимание к интересам Польши, апеллировала к взаимному доверию. Эти темы составляли основное содержание бесед Бека с Ларошем 22, 26 и 29 мая 1933 г.⁵²⁹. Однако позиция Варшавы оставалась непоколебимой. Естественно, что подобная точка зрения поляков вызвала недовольство и раздражение в Париже. С одной стороны, Франция делала акцент на угрозу изоляции Варшавы и ее исключения из сферы интересов Малой Антанты, а также эвентуальное ухудшение отношений с Парижем. С другой же стороны, французы демонстрировали уважение и даже восхищение той твердостью и категоричностью, с которой Варшава отстаивала фундаментальные основы своей внешней политики.

«Пакт четырех» был парафирован 7 июня 1933 г., а на следующий день глава французского МИД Поль-Бонкур направил польскому правительству ноту «успокоения»⁵³⁰. Ее путаная фразеология должна была скрыть возможность постепенной ревизии границ в Европе. В свою очередь премьер-министр Э. Даладьё на заседании палаты депутатов 9 июня выразил уверенность в том, что поляки одобряют пакт, ничем не оскорбляющий их достоинства как великого европейского народа. В тот же день в «Газете

⁵²⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 63.

⁵²⁹ DDF. I serie. T. III. Doc. 310. P. 552-553; Doc. 320. P. 575-577; Doc. 323. P. 584-585; Doc. 334. P. 600-601.

⁵³⁰ DDF. I serie. T. III. Doc. 373. P. 671-672. Текст пакта содержится в письме Поль-Бонкура в представительства в Варшаве, Праге, Бухаресте и Белграде. Ibid. P. 672-674.

Польской» было опубликовано сообщение, отражающее официальную позицию Варшавы⁵³¹. В нем констатировалось, что подписание пакта на практике положило начало кризису Лиги наций, и если со временем это приведет к каким-либо отклонениям в работе Совета Лиги, то Варшава оставляет за собой право на свободу дальнейших действий.

В этой связи надежды Даладье оказались тщетными, а сам пакт, подписанный 16 июля, вскоре принес французам лишь разочарование. Факт же того, что французская сторона, не прислушавшись к мнению поляков, подписала пакт, внес серьезный раскол в их союзнические отношения. Этот раскол в Варшаве запомнили надолго и при всяком удобном случае припоминали его Франции.

В тексте пакта⁵³² уже не было прямого указания на равноправие Германии. Страны Малой Антанты достаточно спокойно отреагировали на разосланный им текст пакта. А позиция Польши так до конца и оставалась негативной, что видно из заявления Бека для прессы от 8 июня: «... ни одно постановление, принятое в рамках этого пакта, прямо или косвенно касающееся Польши, не будет иметь для польского правительства ни в каком случае обязательной силы. Польское правительство не приняло на себя никаких обязательств в отношении какого-либо сотрудничества с блоком четырех как с международным органом. ... Принятие «Пакта четырех» ознаменовало собой практический кризис Лиги наций. ... В случае каких-либо сбоев в работе Совета Лиги польское правительство будет вынуждено оставить за собой полное право на свободу рук»⁵³³.

У Варшавы были основания для беспокойства. Хотя в тексте пакта прямо не говорилось о возможности ревизии границ, этот вопрос не был снят с повестки дня и косвенно затрагивался в статье 3, отсылающей к статье

⁵³¹ Oświadczenie ministra spraw zagranicznych RP J. Becka prezentujące stanowisko Polski wobec Paktu Czterech. 1933 czerwiec 9, Warszawa. [электронный ресурс]. [электронный ресурс] // <http://www.ibidem.com.pl/zrodla/1918-1939/polityka/miedzynarodowa/1933-06-09-oswiadczenie-pakt4ch.html> (дата обращения: 10.11.2021).

⁵³² Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). United States, 1945. P. 533-536.

⁵³³ Szembek J. Dziennik i teki Jana Szembeka, 1935-1945. T. I. London, 1964. S. 23.

19 Устава Лиги наций⁵³⁴. Германский посол в Париже Роланд Кестер, докладывая о своей беседе с Поль-Бонкуром 15 июня, сообщал, что «правительство Франции... было готово обмениваться идеями с целью придания статье 19 более эластичного характера. ... В этом случае можно было бы добиться девальвации [dévalorisation] политических границ в более широком или более узком смысле; это, в свою очередь, могло бы привести к тому, что страна, которую попросили принести жертву в отношении территориальных вопросов, осознала бы необходимость и полезность пересмотра границ и согласилась на новый порядок»⁵³⁵.

«Пакту четырех» так и не было суждено вступить в силу. Но он сыграл важную роль в развитии польско-французских отношений, став для Варшавы своего рода лакмусовой бумажкой прочности ее союза с Парижем.

В конце лета – начале осени 1933 г. наконец дошло дело до официальных контактов между Варшавой и Парижем на высоком дипломатическом уровне. По всей видимости, обе стороны почувствовали необходимость улучшения отношений после периода взаимных претензий и обид, связанных с разногласиями по вопросу «Пакта четырех». По дороге в Женеву Бек 20–21 сентября посетил с официальным визитом столицу Франции. В польских политических кругах тогда говорили, что решение об этом визите было принято самим Пилсудским, который старался уравновесить процесс сближения с СССР и продемонстрировать Парижу поддержку Варшавы в следующей фазе переговоров о разоружении⁵³⁶. Примечательно, что незадолго до визита Бека Германия предложила Франции (27 августа и 15 сентября) заключить соглашение⁵³⁷.

⁵³⁴ Статья гласила: «Ассамблея может время от времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». Устав Лиги наций. 10 января 1920 года. [электронный ресурс] // <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 06. 12. 2022)

⁵³⁵ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). United States, 1945. P. 569.

⁵³⁶ PDD 1933. S. 553-556; Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921–1939. Warszawa, 1970. S. 190; Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933-1938. Poznań, 1980. S. 66.

⁵³⁷ Michowicz W. Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932-1937) a dyplomacja polska. Łódź, 1989. S. 329. Так, например, 15 сентября на встрече с Поль-Бонкуром Гитлер сказал, что «его правительство, давно находящееся у власти в Германии и освобожденное от колебаний парламентской жизни в прошлом, более чем любое другое способно заключить с Францией соглашение, которое германский народ с радостью приветствовал бы». DDF. I serie. T. IV. P. 366.

Визит Бека начался с «упущения» французской стороны – на вокзале польского министра иностранных дел встречали второстепенные сотрудники Кэ д'Орсэ. Как уже было отмечено ранее, на польско-французские отношения в целом лежала печать личных трудных взаимоотношений Бека с Парижем, поэтому у болезненно чувствительного к протокольным вопросам польского министра иностранных дел это не могло не оставить неприятного осадка⁵³⁸. Однако остальная часть визита прошла очень хорошо, общение протекало в дружественной атмосфере. Бек встретился с Даладье, Поль-Бонкуром и президентом Франции А. Лебреном. Более того, его наградили орденом Почетного легиона. Французская пресса позитивно оценила визит польского министра⁵³⁹.

В ходе переговоров Бек узнал много важного: во-первых, о невозможности осуществления плана Тардьё в отношении дунайских государств (Поль-Бонкур был обязан проинформировать об этом польскую сторону); во-вторых, о необходимости выработать совместную польско-французскую позицию по вопросу о контроле над вооружением и разоружении (однако без соглашения об организации единой армии); в-третьих, о готовности Поля-Бонкура содействовать улучшению отношений между дипломатическими представительствами обоих союзников в Москве⁵⁴⁰. Сентябрьский визит Бека не стал переломным для польско-французских отношений, однако он мог в полной мере удовлетворить министра, так как атмосфера отношений между союзниками, несомненно, улучшилась, а уровень доверия повысился.

Новый план разоружения, по настоянию Франции предложенный Великобританией 9 октября 1933 г., откладывал на четыре года уничтожение французского тяжелого вооружения. Вследствие этого возможное уравнение прав рейха с европейскими державами в сфере вооружений также было

⁵³⁸ Подробнее см.: Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179-196; Кузьмичева А.Е. "Нон грата" в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17-19.

⁵³⁹ PDD 1933. S. 553-556.

⁵⁴⁰ Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933-1936. S. 43.

отложено на четыре года. 14 октября германская делегация покинула конференцию по разоружению. Берлин объяснил этот шаг отказом других держав разоружиться в соответствии с Версальским договором, а также тем, что Германии не обеспечен паритет. 19 октября Германия вышла из Лиги наций. Этот шаг Германии сильно обеспокоил Польшу, так как до этого ряд спорных вопросов (например, о Верхней Силезии) Варшава и Берлин разрешали в рамках Лиги наций. Кроме того, были поставлены под вопрос Локарнские договоры, связанные юридически с Лигой и участием в ней Германии, а также польско-германское арбитражное соглашение.

В новых условиях Варшаве было жизненно необходимо вновь искать модус-вивенди с Берлином. Полпред Антонов-Овсеенко 27 ноября 1933 г. писал в Москву: «...поскольку [Польша] не могла мыслить о превентивной войне с Германией, [она] была вынуждена искать смягчения своих трений с нею (выигрывая время)»⁵⁴¹. Временное потепление отношений между Варшавой и Берлином могло иметь два следствия: во-первых, повышение ценности польско-французского союза в глазах Парижа и, во-вторых, невозможность непосредственного соглашения между Францией и Германией без участия Польши.

В октябре 1933 г., после ухода Германии с конференции по разоружению и из Лиги наций, Пилсудский обратил свой взор к Франции. Считая, что новая расстановка сил ослабляет безопасность Польши⁵⁴², он хотел выяснить, сколь далеко Германия продвинулась в своем перевооружении. 21 октября он созвал совещание военных с участием Бека, Шембека и начальника Генерального штаба Я. Гонсёровского, в ходе которого приказал в течение пяти дней (до 26 октября) составить доклад о состоянии германских вооруженных сил по отдельным родам войск: сухопутным, бронетанковым, авиации и т.д. Он также решил запросить аналогичную информацию у французской стороны и отдельно обратил внимание на то, что все должно быть сохранено в строжайшем секрете от

⁵⁴¹АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 185.

⁵⁴²Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 141.

прессы, так как «мы не являемся государством для журналистов»⁵⁴³.

Информация, полученная от французских военных, в целом соответствовала данным польской разведки⁵⁴⁴. В подготовленном по приказу Пилсудского докладе отмечалось, что прогресс германского перевооружения имеет место, но на тот момент он не настолько велик, чтобы беспокоить Варшаву⁵⁴⁵. Автор доклада заключал, что «осознание своей военной слабости (при основном стремлении возврата утраченных территорий) вынудило Германию действовать скрытно, и тем самым ограниченно увеличивать кадры и модернизацию, а затем и покинуть Лигу наций ... Совершенно очевидно, что первая фаза реализации плана перестройки будет закончена до 1938 года ... Тем самым необходимо считаться с тем, что военный потенциал Германии ... постепенно и неуклонно будет расти...»⁵⁴⁶. Стоит отметить, что рост военного потенциала Германии можно было хотя бы частично сдерживать искусственно с помощью репараций, однако великие державы спокойно восприняли тот факт, что гитлеровская Германия перестала выплачивать долги по репарациям*. Тот факт, что европейские державы (в том числе Франция и Польша, подписавшие Лозаннский договор) не попытались использовать имеющийся у них мощный финансовый рычаг давления на Германию, с помощью которого можно было хотя бы на время притормозить военные приготовления Гитлера, вызывает недоумение. Другими словами, великие державы, по сути, сами предоставили Гитлеру финансовую возможность для осуществления перевооружения, при этом, как показывает вышеупомянутый отчет о военной ситуации в Германии в 1933 г.,

⁵⁴³ DTJS. T. I. S. 81.

⁵⁴⁴ Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 136-137.

⁵⁴⁵ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-6. Synteza sytuacji wojskowej Niemiec. S. 2-11. Тем не менее в разговоре с французским военным атташе маршал подчеркнул, что в новых условиях Польша должна быть более бдительной. Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 141

⁵⁴⁶ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-6. Synteza sytuacji wojskowej Niemiec. S. 10.

* Начавшаяся в 1929 г. Великая депрессия привела к срыву репарационного плана Юнга, и в связи с тяжелой финансовой ситуацией в начале 1930-х гг. германское правительство все настойчивее требовало полной отмены репараций, и в 1931 г. американский президент Г. Гувер наложил мораторий на выплату репараций. Для окончательного решения этого вопроса в 1932 г. была созвана конференция в Лозанне, в результате которой было подписано соглашение, согласно которому Германия выкупала свои репарационные обязательства за три миллиона золотых марок и обязывалась погасить выкупные облигации за 15 лет. Лозаннский договор заменил предыдущий план Юнга. После прихода Гитлера к власти какие-либо выплаты Германии по репарационным обязательствам были прекращены.

они были прекрасно осведомлены о бешеных темпах военных приготовлений.

В связи с совместной работой польского и французского генеральных штабов в повестке дня появился насущный для Варшавы вопрос: объявит ли Франция мобилизацию всех вооруженных сил в случае атаки Германии на каком-либо участке польско-германской границы и выдвинет ли их к границе с Германией? Мнение французского правительства по этим вопросам явилось сплошным разочарованием для Польши – в соответствии с военной конвенцией 1921 г. французская сторона была готова оказать только материальную и консультативную помощь⁵⁴⁷. Не вызывает сомнений, что маршал Пилсудский предпринимал все эти шаги с мыслью о войне. Не ясно только, о какой именно – оборонительной или превентивной?

Одна из целей Гитлера заключалась в усилении пацифистских настроений во Франции и ослаблении связей Парижа с его союзниками. Для достижения этих целей были разработаны, в частности, договоры о ненападении с Польшей и Чехословакией. По словам чехословацкого посланника в Берлине В. Мастного, к нему обратился представитель германского истеблишмента⁵⁴⁸ с вопросом о возможности заключения чехословацко-германского договора о ненападении. Мастный ответил, что в существующих обстоятельствах (Малая Антанта, польско-чехословацкие отношения) это может стать возможным лишь при условии урегулирования франко-германских отношений⁵⁴⁹.

Таким образом, чехословацкое правительство с самого начала обозначило условие *sine qua non* чешско-немецкого договора о ненападении – нормализация на направлении Париж–Берлин. Для Праги это был

⁵⁴⁷ Статья III секретной польско-французской военной конвенции от 21 февраля 1921 г. гласила: «...прямая помощь, которую Франция обязуется оказать Польше, может состоять в отправке военного снаряжения и железнодорожного транспорта, а также технического персонала, но не в отправке французских войск, сражающихся в качестве подкрепления польской армии. Франция также обязуется в пределах своих возможностей обеспечить безопасность путей сообщения между ней и Польшей, в том числе и морских». Текст договора см.: Wandycz P.S. France and her eastern allies, 1919-1925. P. 394-395.

⁵⁴⁸ Это был Сергиус Виганд фон Гоген-Эстен. Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937) The Third Reich: First Phase, Volume II: October 15, 1933-June 13, 1934. London, 1959. P. 22.

⁵⁴⁹ Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937) The Third Reich: First Phase, Volume II: October 15, 1933-June 13, 1934. London, 1959. P. 27-128.

принципиальный вопрос, ибо она являлась членом Малой Антанты, имела особые отношения с Францией и была обязана считаться с Польшей, поэтому, по мнению чехов, система договоров о ненападении должна была охватывать все три страны. Вероятнее всего, это был пробный шар немецкой дипломатии, зондирующей почву, и выявляющей реакцию в Париже и Варшаве на развитие ситуации. Но чехословацкая дипломатия, в отличие от польской, сразу продемонстрировала неготовность ставить под угрозу свои отношения с Парижем в угоду химерическим перспективам, которые сулил предполагаемый договор.

15 ноября 1933 г. новоназначенный послом в Берлин Ю. Липский встретился с Гитлером и поставил вопрос о последствиях решения Германии об уходе с Конференции по разоружению и из Лиги наций для отношений с Польшей. Канцлер заверил польского посла в том, что польско-германская война исключена, и он готов дать тому договорную гарантию, а также подчеркнул, что «между немецким рейхом и Польшей нет вопросов, которые могли бы оправдать кровопролитие»⁵⁵⁰. Важно отметить, что один из страхов руководителей Польши был инспирирован эвентуальным проходом Красной армии через польские территории. Как считал французский консул в Варшаве А. Ронфлар, хорошо знавший настроения польских правящих кругов в вопросах внешней политики, главным в этих настроениях была «боязнь пребывания советских войск на территории Польши. Они предпочитают немецкие войска, так как враждебность польского населения в отношении немцев им гарантирует изолированность германских войск, в то время как Красная армия немедленно получила бы контакт с населением и революционные элементы в стране, опираясь на Красную армию, подняли бы внутри страны революцию»⁵⁵¹.

И Гитлер умело манипулировал этим страхом. Во время упомянутой выше встречи с Липским Гитлер заявил: «Любая война принесет в Европу коммунизм. Коммунизм, который является ужасной опасностью и против

⁵⁵⁰ Lipski J. *Diplomat in Berlin 1933-1939*. New York, 1968. P. 101.

⁵⁵¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 70.

которого немецкий канцлер никогда не перестанет бороться. Польша является форпостом (Vorposten) против Азии. Разрушение Польши будет несчастьем для стран, которые в результате этого станут соседями Азии. Другие страны должны понять роль Польши как форпоста»⁵⁵².

Французский посол в Польше Ж. Ларош считал, что в тот момент Гитлер был заинтересован в создании «буферного государства между Германией и Россией» и хотел обеспечить сотрудничество поляков для реализации своего замысла⁵⁵³. Результатом встречи стало совместное польско-германское коммюнике, в котором правительства Польши и Германии выразили готовность решать все касающиеся их вопросы путем прямых переговоров, а также «ради сохранения мира в Европе отказаться от применения какого-либо насилия»⁵⁵⁴.

В Париже переговоры Гитлер–Липский вызвали сильное беспокойство, независимые шаги Варшавы крайне осложняли действия французской дипломатии. Французское общественное мнение было единогласно в негативной оценке поведения поляков⁵⁵⁵. Примечательно, что особую активность в выпадах в адрес Польши проявил Даладье (предложив даже разорвать союзнические отношения), одновременно с тем ратуя за сближение с Германией⁵⁵⁶. Другие же французские политики смотрели на проблему более прагматично и под несколько иным углом зрения. Так, например, А. Беренже, председатель комиссии по иностранным делам, в разговоре с польским послом А. Хлаповским констатировал, что «Пакт четырех» был огромной ошибкой, и что французское правительство недостаточно консультировалось с Польшей»⁵⁵⁷, а бывший премьер-министр А. Сарро патетически заявил, что «Польша – больше, чем союзница; она друг на вечные времена, и это ставит ее на первое место!»⁵⁵⁸

⁵⁵² Official Documents concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933–1939. Ministry for Foreign Affairs (The Polish White Book). New York, 1940. P. 17.

⁵⁵³ Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 140, 142–143.

⁵⁵⁴ DTJS. T. I. S. 88.

⁵⁵⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 190.

⁵⁵⁶ Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 314-313.

⁵⁵⁷ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/1.1.1/5. S. 10.

⁵⁵⁸ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/1.1.1/5. S. 9.

Стоит отметить, что польское общественное мнение очень неоднозначно отнеслось к коммюнике о встрече Гитлера с Липским. Правые указывали, что тактика Германии заключалась в изолировании Польши от Франции. Тревогу била и социалистическая пресса⁵⁵⁹. Следуя инструкциям Бека, польские дипломаты должны были интерпретировать результаты встречи как «заделывание с помощью прямых действий бреши, образовавшейся вследствие выхода Германии из Лиги наций», и отрицать возможность ведения дальнейших переговоров⁵⁶⁰.

Ранним утром 16 ноября 1933 г. руководитель канцелярии Бека связался с Ларошем и сообщил ему, что министр хочет проинформировать его о подробностях беседы Липского с Гитлером. В личной беседе Бек сообщил французскому послу, что намерен довести до сведения Парижа подробности, которые не попали в прессу. Он объяснил, что поляки не встали бы на путь прямых переговоров с Германией, если бы Гитлер не заверил Варшаву в своих мирных намерениях в отношении Парижа. Более того, Бек заверил Лароша в том, что, кроме коммюнике не существует никаких итоговых документов и секретных приложений и что заключение какого-либо пакта с Германией было бы очень трудным делом, особенно в свете разрыва Берлина с Лигой наций. В заключение польский министр попросил Лароша проинформировать французский МИД, что развитие польско-немецких отношений ни в коей мере не затрагивает польско-французский союз, и доверительно прибавил, что «Гитлер заявил о своем горячем желании установить мирные отношения также с Францией»⁵⁶¹. По всей видимости, Варшава стремилась подчеркнуть свою способность вести переговоры без ведома и участия Парижа (как аналогичным образом это сделал Париж весной 1933 г., приняв участие в «Пакте четырех» без консультаций с Варшавой). Не вызывает сомнений, что Польша хотела нормализовать отношения с Германией, но никак не в ущерб польско-французскому союзу.

⁵⁵⁹ Wandycz P. S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936*. P. 309.

⁵⁶⁰ DTJS. T. I. S. 93—94.

⁵⁶¹ Laroche J. *Polska lat 1920—1935*. S. 138—139.

23 ноября 1933 г. В. Антонов-Овсеенко из беседы с близкими Пилсудскому Б. Медзинским и И. Матушевским узнал, что у Варшавы с Берлином не было никаких предварительных переговоров и что на случай безрезультатной встречи Липского с Гитлером у Пилсудского «был заготовлен приказ по войскам о прикрытии западных границ». По словам Медзинского, до 15 ноября об этом решении знали лишь трое — Бек, Липский и сам маршал. Францию Пилсудский не извещал умышленно, до этого она часто поступала подобным образом со своим польским союзником⁵⁶². Сам Медзинский узнал о возможном демарше за несколько часов до берлинской встречи от Бека. Матушевский на условиях конфиденциальности рассказал, что вопрос Липского носил ультимативный характер. Он также заметил, что после Вестерплатте немцы стали серьезно оценивать Польшу, однако у многих западных держав, в том числе Франции, создалось впечатление, что «Польша пришла просительницей в Берлин»⁵⁶³.

В тот же день Бек принял у себя на квартире советского полпреда Антонова-Овсеенко и с присущим ему пафосом заявил: «Когда мы выступаем одни, говорят — “малая страна”, когда вы выступаете одни — “отдаленная страна”, но если мы выступаем совместно, то этот термин сразу отпадает»⁵⁶⁴. Естественно, не имея гарантий Берлина, Варшава не собиралась идти на ухудшение отношений с Москвой. Поэтому польский министр предлагал установить постоянный тесный контакт между Варшавой и Москвой по вопросам разоружения с взаимным предварительным информированием и наибольшей согласованностью выступлений. На вопрос полпреда о том, как надолго обеспечена безопасность западных границ, Бек ответил: «На год, может быть, несколько больше»⁵⁶⁵. Представляется фантастическим, что за считанные дни до появления проекта польско-германского договора Бек, правая рука маршала Пилсудского в вопросах внешней политики, ничего о нем не знал.

⁵⁶² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 173-174.

⁵⁶³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 175.

⁵⁶⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 192.

⁵⁶⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 192.

27 ноября 1933 г. посол Мольтке представил Пилсудскому черновик соглашения о ненападении (примечательно, что документ был озаглавлен «Erklärung», то есть «декларация»); по всей видимости, Гитлер старался подчеркнуть сугубо словесный и личный характер документа, при этом не связывая себя обязательствами). Нейрат попытался объяснить Липскому, что это было сделано с целью избежать употребление такого многозначного термина, как «пакт». Однако Липский счел данное объяснение не выдерживающим критики и сделал вывод, что авторы документа, по всей видимости, старались дать максимально нейтральное и не указывающее на обязательства название*. Греческий посланник Политис заметил, что «юридически в данном документе нет даже обязательства вообще не прибегать к вооруженной силе, а лишь в отношении вопросов, доступных непосредственным переговорам»⁵⁶⁶.

По мнению Антонова-Овсеенко, «берлинская декларация» производила впечатление не силы, а слабости Польши. Советский полпред сообщал в Москву, что «Франция официально отнеслась к польскому шагу “спокойно”, но Ларош отмечает чрезвычайное возбуждение против Польши не только в “общественном мнении” Франции, но и у франц[узского] пра[вительства]»⁵⁶⁷. Однако от глаз проницательного наблюдателя, каким, безусловно, являлся Антонов-Овсеенко, не укрылся тот факт, что Польша очень дорожила союзом с Францией, и, вероятнее всего, подобные действия польской дипломатии были обусловлены желанием найти новые приемлемые для Варшавы формы международного общения, учитывающие ее возрастающую важность как державы. Более того, как писал полпред, в Варшаве всегда

* В комментарии к проекту, найденному в секретных актах германского МИД, точка зрения Германии была представлена достаточно ясно: «Для рассматриваемого соглашения с Польшей в прилагаемом проекте вместо обычной формы договора была выбрана несколько необычная форма исчерпывающей декларации. Эта форма предлагает множество преимуществ. Во-первых, она позволяет вольную трактовку, которая, не ослабляя юридических обязательств в отношении отказа от насилия, выделяется из принятых положений пактов о ненападении и обозначает политическую конечную цель более эффективно. Кроме того, при такой более свободной редакции поляки были бы вынуждены включить в текст пункт о соблюдении уже заключенных ими договоров (союзного договора с Францией). Наконец, версия декларации не только позволяет предположить признание сегодняшней немецкой восточной границы, но напротив, приводит к впечатлению, что с декларацией будет создана основа для решения всех проблем, в том числе также территориальных». DTJS. T. I. S. 107.

⁵⁶⁶ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 188.

⁵⁶⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 190.

были уверены в невозможности формирования совместного антинемецкого фронта, поэтому поляки опасались, во-первых, остаться в изоляции и, во-вторых, в случае возникновения каких-либо новых соглашений остаться вне их. Как метко описал это Матушевский, «вы-то будете позваны [имеется в виду СССР – *А. К.*], а мы должны завоевать себе место. Мы должны показать, что без нас нельзя решать серьезных вопросов»⁵⁶⁸. По сути, именно этим всю вторую половину 1933 г. занималась Варшава – показывала Парижу способность к независимым действиям.

Обобщая французское общественное мнение о польско-германских переговорах, А. Мюльштейн 25 ноября 1933 г. писал, что сближение Варшавы и Берлина всеми было воспринято негативно и с беспокойством. Французам казалось непостижимым, что Варшава без участия или хотя бы одобрения Парижа самовольно вступила в переговоры с Берлином. Так, главный редактор авторитетной французской газеты «Пёти Паризье» обвинил поляков в дезорганизации формирующегося оборонительного фронта против Германии и заключил, что своими действиями они «льют воду на мельницу тех элементов, которые хотят договориться с Гитлером, даже ценой самых больших уступок». Ярким противником польско-германских переговоров также был премьер Даладьё, обвинивший поляков в проведении «двуличной политики». Мюльштейн резюмировал, что Польша готова согласовывать свою дальнейшую политику с Францией, однако для этого Париж должен учитывать мнение Варшавы. «Период “клиентелы” закончился раз и навсегда»⁵⁶⁹.

Однако Пилсудский не спешил подписывать это соглашение. С немецкой декларацией в руках он опять повернулся к Франции. В эти ноябрьские дни 1933 г. маршала волновал один вопрос: чего на самом деле хочет Париж? Именно поэтому следующим шагом Пилсудского стала беседа с французским военным атташе д'Арбоно, с которым он поделился

⁵⁶⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 93. Д. 49. Л. 174.

⁵⁶⁹ PDD. 1933. S. 766-768.

своими размышлениями⁵⁷⁰, однако не получил никаких заверений о готовности Франции к решительным действиям*. Теперь ответ на волновавший его вопрос, как гарантировать безопасность страны, должны были дать дальнейшие переговоры с Германией. Тем не менее, можно считать бесосновательной точку зрения Д.В. Офицерова о том, что Пилсудский стремился заключить соглашение с Германией, «чтобы ослабить позиции Франции в регионе»⁵⁷¹. Конец 1933 г. отмечен проведением целого ряда мероприятий, которые были направлены на создание благоприятной атмосферы для последующего заключения крупных политических актов, знаменующих сближение между Польшей и Германией⁵⁷².

⁵⁷⁰ Laroche J. *Polska lat 1920–1935*. Warszawa, 1966. S. 141.

* Британский историк Л. Нэмир, авторитетный знаток межвоенной дипломатии, утверждал, что «дважды в 1933 г. (в марте и ноябре) Польша предлагала Франции вооруженную превентивную войну с Германией, и оба раза она столкнулась с отказами, в результате которых заключила договор с Гитлером». Namier L. *Diplomatic Prelude 1938-1939*. London, 1948. P. 15, 97 (note 3). Оригинальное мнение высказал Ю. Липский, в то время директор восточного департамента МИД. Он не исключал, что маршал все же обращался к Франции с подобным предложением, но для этого использовались скорее военные, чем дипломатические каналы, так как Пилсудский такого рода дела обычно поручал надежным людям из числа военных. Lipski J. *Diplomat in Berlin 1933-1939*. New York, 1968. P. 11. К сожалению, Липский не знал или не хотел называть имя офицера, которому маршал доверил столь ответственное задание; но, скорее всего, это не был французский военный атташе. В любом случае, из воспоминаний Бека и Лароша прямо следует, что Варшава никогда не делала подобных предложений Парижу; в этой связи к свидетельству Липского нужно относиться с осторожностью. Существенный аргумент против подобной миссии представил в своей работе П. Вандыч, написавший по данному вопросу письмо бывшему премьер-министру Франции. Ж. Поль-Бонкур ответил ему, что ни с одним посланником Пилсудского не разговаривал и не помнит, чтобы польская сторона обращалась к нему с «такими существенными предложениями». См.: Wandycz P. *Trzy dokumenty: przyczynki do zagadnienia wojny przewencyjnej // Zeszyty Historyczne (Paryż)*. 1963. Т. 3. S. 7-14.

Из последних работ, прямо посвященных проблеме превентивной войны, можно выделить книгу польского исследователя Л. Мочульского «Превентивная война, планировал ли Пилсудский нападение на Германию?», в которой автор также утверждает, что Франция отвергла предложения маршала. См.: Moczulski L. *Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy?* Warszawa, 2017. S. 89-94. Более того, Р. Шереметев, подтверждая наличие у Пилсудского планов превентивной войны, также отмечает, что маловероятной представляется гипотеза о том, что польские предложения были лишь элементом политической игры с Францией с целью получения «алиби» для дальнейшего сближения с Германией. Как полагает Шереметев, никто не мог с уверенностью утверждать, что Франция откажется от инициативы Варшавы. См.: Szeremietiew R. *Czy mogliśmy przetrwać. Polska a Niemcy w latach 1918-1939*. Warszawa, 1994. S. 134-139.

Тем не менее, учитывая отсутствие каких-либо источников, прямо и достоверно свидетельствующих о наличии у Варшавы подобных намерений, в настоящее время вопрос о превентивной войне следует считать все еще дискуссионным. В поисках ответа на него следует принимать во внимание, что единоличный творец польской внешней политики Пилсудский во внешней политике часто использовал, как это уже было неоднократно показано выше, не только обычные дипломатические каналы, но и личных посланцев: в каждом конкретном случае выбирал доверенное лицо и направлял его с определенной миссией. Делалось это в абсолютном секрете даже от самого ближайшего окружения. В этой связи можно предположить, что в ситуации 1932-1933 гг. Пилсудский вполне мог рассматривать возможность превентивной войны с Германией с целью обеспечения мира в Европе и безопасности Польши.

⁵⁷¹ Офицеров Д. В. Польско-германское сближение в 1933 году и вопрос превентивной войны // *Вестник Пермского университета*. 2003. № 4. С. 43.

⁵⁷² См. Кузьмичева А. Е. «Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии». Что скрывалось за пактом Гитлера – Пилсудского? // *СЕМІНАР / SEMINARIUM*. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О.Н. Кена. СПб., 2018. С. 57–71.

В сложившихся обстоятельствах Польше становилось все труднее маневрировать на французском направлении. На начальном этапе польско-немецкие переговоры проходили в атмосфере строжайшей секретности, так как в любом случае Польша оставалась союзницей Франции и острие этого союза было направлено против Германии. Само по себе согласие Пилсудского на проведение тайных переговоров было равносильно союзнической неверности и ставило под угрозу будущее польско-французского союза. Напомним, что в дополнение к польско-французскому союзному договору от 1921 г. в 1922 г. было подписано секретное соглашение, в котором предусматривалась взаимная помощь в случае нападения Германии на одно из этих государств. Ситуацию осложняло и поведение самой Франции – помимо уже неоднократно упомянутого одиозного «Пакта четырех», 28 декабря 1933 г. СССР ознакомил Францию с проектом создания в рамках Лиги наций регионального пакта о взаимопомощи с участием Польши, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Бельгии, Финляндии и СССР⁵⁷³. Основная цель данного соглашения заключалась во взаимной защите от эвентуальной агрессии со стороны Германии.

Германия активно старалась ухудшить и без того напряженные польско-французские отношения, делая всевозможные авансы в адрес Варшавы. С отчетливой озабоченностью об этом писал Липский, спрашивая об инструкциях и линии своего поведения в отношении все возрастающей «внимательности» немцев: «Каждое мое действие, даже такое второстепенное, как обмен ратификационными документами по местному приграничному движению, дает почву для политических высказываний прессы на тему сближения... Также тут отчетливо намечается тенденция к отделению Польши от Франции и таким образом к уничтожению так называемой французской гегемонии в Европе»⁵⁷⁴. В тот же день Липский получил ответ от польского МИД: «...министр желает, чтобы Вы принимали

⁵⁷³ ДВП СССР. Т. XVI. С. 876. Прим. 321.

⁵⁷⁴ PDD. 1933. S. 779-783.

их (авансы. — *А. К.*) с верой в их искренность и с достоинством»⁵⁷⁵. Скорее всего, Бек понимал, что потепление отношения нового руководства рейха вызвано не внезапно проснувшимися добрососедскими чувствами, а сложной международной ситуацией, в которой оказалась Германия.

Декабрь 1933 г. прошел в Берлине и Варшаве под знаком интенсивной работы над текстом предполагаемой польско-германской декларации. 4 декабря Липского вызвали в Варшаву для работы над проектом декларации; при этом послу дали указание оповестить германский МИД о цели его поездки⁵⁷⁶. По возвращении в Берлин Липский встретился с Нейратом 16 декабря и изложил ему замечания польской стороны к немецкому проекту⁵⁷⁷. В основном они касались формальной стороны документа и его формулировок, однако обе договаривающиеся стороны ни разу не упоминали отсутствие в германском предложении клаузулы, которая содержалась во всех до сих пор заключенных договорах о ненападении, а именно — параграфа, позволяющего в случае агрессивных действий одной из сторон аннулировать пакт без ее уведомления⁵⁷⁸. По всей видимости, Гитлер стремился получить свободу рук на австрийском направлении. При этом Польша, закрывая глаза на отсутствие данной клаузулы, давала молчаливое согласие на будущие действия канцлера Германии.

В Париже пристально и с напряжением следили за развитием ситуации. В частности, Мюльштейн сообщал, что на набережной Орсе внимательно отслеживают всю польскую прессу, даже второстепенные издания. В этой связи Мюльштейн настоятельно рекомендовал ввести в польско-французские отношения немного разрядки, хотя бы в форме заявлений для прессы⁵⁷⁹. Интересно, что польско-немецкие переговоры французы воспринимали не только как непосредственно личную обиду, но и как удар по всей системе Лиги наций. Так, Р. Массильи отметил явно недружественный тон польской

⁵⁷⁵ Цит. по: Lapter K. Pakt Piłsudski–Hitler. S. 141.

⁵⁷⁶ PDD. 1933. S. 783.

⁵⁷⁷ DTJS. T. I. S. 118-121.

⁵⁷⁸ Например, в польско-советском договоре о ненападении 1932 г. в статье 2 говорилось: «Если одна из договаривающихся сторон предпримет агрессию против третьего государства, то другая сторона будет вправе, без предупреждения, денонсировать настоящий Договор». ДВП СССР. Т. XV. М., 1969. С. 436—439.

⁵⁷⁹ DTJS. T. I. S. 94-95.

прессе в адрес Лиги⁵⁸⁰. В беседах с французами о польско-германской декларации поляки старались придерживаться генеральной линии, заключающейся в том, что все нынешние действия польской дипломатии лежали в русле общей политики Франции, начавшейся еще в Локарно и заключающейся главным образом в выстраивании с Германией отношений на правовой базе (то есть, подкрепленных договорами). Как выразился в разговоре с Массильи Мюльштейн, «польско-французские отношения такие странные, что поляки вообще перестали понимать, что происходит с Францией»⁵⁸¹. Годами поляки слышали от французов упреки в том, что напряжение в польско-германских отношениях влияет непосредственно на положение Франции в Европе, так что с этой точки зрения положение Польши является самым «щекотливым» пунктом внешней политики Франции. Теперь же, когда Варшава собственными силами добилась разрядки на этом направлении, она слышит от Парижа постоянную критику. В этом подходе определенно было и рациональное зерно. Более того, Варшава регулярно давала Парижу заверения в том, что в ходе польско-германских переговоров затрагиваются вопросы, касающиеся исключительно интересов двух этих стран, в то время как общие вопросы, такие, как разоружение, не затрагиваются.

Рассматривая вопрос превентивной войны сквозь призму польско-французского союза, важно подчеркнуть, что, по всей видимости, уже к 1933 г. Пилсудский пришел к выводу о бесперспективности участия Польши в коллективных проектах безопасности и о предпочтительности прямых двусторонних договоров. При этом, как уже было показано выше, польско-советский договор 1932 г. не отменил антисоветских мотивов во внешней политике Польши, а лишь на время приглушил их. Кроме того, Варшава не отказывалась разыгрывать советскую карту в своих отношениях как с Берлином, так и с Парижем. Так, любое существенное потепление во франко-советских отношениях неизменно сопровождалось заметным

⁵⁸⁰ Ibidem. S. 96.

⁵⁸¹ Ibidem. S. 97.

ухудшением франко-польских отношений, и наоборот – Варшава позитивно воспринимала прогресс в отношениях на франко-немецком направлении. Уже в следующем году, когда на горизонте появится проект Восточного пакта и франко-советского сближения, эта поведенческая модель Варшавы проявится особенно отчетливо.

Какой же была политика Пилсудского в отношении Франции в течение 1933 г.? В начале 1980-х годов М. Захариас поставил вопрос, чем была политика Пилсудского, «следствием ранее сформулированного плана, результатом отношения Франции или развития политической ситуации в Западной Европе?»⁵⁸². Очевидно одно: в течение 1933 г. Варшава, пытаясь улучшить отношения с Германией, поставила их в зависимость от реакции Парижа на политику Гитлера. Франция же тем временем не спешила с какими-либо серьезными предложениями Польше; более того, на свои зондажные действия Пилсудский часто получал отрицательный ответ и упреки со стороны французского союзника. В большей степени подобные действия Франции были следствием ее политической слабости. Можно полагать, что самостоятельные попытки сближения Варшавы с Берлином ослабили позицию Франции в отношениях с Германией; точно также как француско-немецкое сближение уменьшило вес Варшавы в Берлине.

Конечно, поляков нельзя осуждать за поиски альтернатив, так как в Париже в это время, как это уже неоднократно отмечалось выше, склонялись к договору с Берлином (при этом заручившись чьим-то еще участием, в идеале – Великобританией), при заключении которого Польша могла стать разменной монетой. Именно поэтому Варшаве было необходимо показать способность к независимым действиям, чтобы в конечном счете стать полноправным субъектом, а не объектом европейской политики. В любом случае, союз с Парижем оставался краеугольным камнем внешней политики Польши; единственная цель Польши заключалась в приобретении

⁵⁸² Zacharias M.J. Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932-1936. Wrocław-Warszawa etc. S. 97.

определенной свободы действий, сообразной статусу великой державы. Пилсудский считал, что безопасность Польши базировалась на двух основах – прямых отношениях с великими державами и Лиге наций (как поддержке). Выход Германии из Лиги наций лишил Варшаву второго элемента.

1933 г. был трудным годом для французской дипломатии в общем, и для польско-французских отношений, в частности. С одной стороны, впервые со времени окончания Первой мировой войны гегемонии Франции на европейском континенте был брошен вызов со стороны Германии. С другой стороны, первые независимые действия Варшавы, до этого выступавшей скорее в роли клиента Парижа, внесли существенный диссонанс во французскую систему союзов. Забегая вперед, можно сделать вывод о том, что это было начало системного кризиса французской дипломатии в отношениях с ее союзниками. Готова ли была французская дипломатия к этим вызовам? По всей видимости, не очень. Как любой генерал ориентируется на опыт прошлых войн, так Франция полагала, что созданная ею система будет успешно функционировать без существенных вложений и модификаций⁵⁸³. Более того, французские политики близоручо оценивали стремительно меняющиеся европейские конstellляции.

Ситуация в Польше развивалась совершенно по другому сценарию. Значительно укрепив свою власть после майского переворота, Пилсудский приступил к выстраиванию активной внешней политики Польши в роли европейской державы. Варшава больше не хотела довольствоваться ролью скромного просителя на пороге великих держав – именно об этом явственно свидетельствуют все действия польской дипломатии в 1933 г. Подчеркнем еще раз, Варшава ни при каких условиях не была готова отказываться от союза с Парижем. Однако существенные изменения политического вектора Германии (приход Гитлера к власти и последующий разрыв с конференцией

⁵⁸³ Однако активизация Франции в этот период на советском направлении прямо свидетельствует о том, что в Париже стали постепенно склоняться к мысли о необходимости корректировки внешнеполитического курса в общем, и модификации системы коллективной безопасности, в частности. Подробнее см.: Вершинин А. А. В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935) // Российская история (Старое название: Отечественная история; История СССР). 2022. № 5. С. 177–195.

по разоружению и Лигой наций) вынудили Пилсудского модифицировать внешнюю политику Польши и проводить политику балансирования между Берлином и Парижем, но уже в статусе самостоятельного игрока, а не сателлита. Советское направление, после подписания и ратификации польско-советского договора о ненападении в 1932 г., заботило маршала уже не так сильно. Он признает это открыто уже в следующем году во время встречи с Л. Барту, отметив, что «раньше он два раза в год специально изучал российские дела. В последнее время отношения эти уже не изучает...»⁵⁸⁴.

§ 3.2. Поворот внешней политики Польши и дипломатия Луи Барту. 1934 год

С самого начала января 1934 г. польская сторона стала выражать желание поскорее подписать договор. Глава отдела договоров польского МИД профессор Ю. Маковский и Ю. Липский подготовили контрпроект польско-германского договора, представляющий собой незначительно измененный германский проект. Если детально сравнивать оба проекта, то становится очевидна идентичность первого, второго, шестого и восьмого параграфов, а в четвертом параграфе заметны незначительные стилистические изменения. Существенные правки польская сторона внесла лишь в третий и пятый параграфы. В третьем параграфе поляки вместо отсылки к арбитражному договору между Германией и Польшей от 1925 г. вписали следующую фразу: «...ни одно из постановлений настоящей декларации не может ограничивать или изменять формы международного права, а также обязательств, следующих для каждой из договаривающихся сторон из уже заключенных соглашений, равно так же не может касаться вопросов, которые международное право исключает из компетенции государств»⁵⁸⁵. Этим изменением Польша обеспечивала соблюдение своих обязанностей в отношении других стран, в том числе союзнического договора с Францией, а также Лиги наций. Из пятого параграфа были убраны

⁵⁸⁴ DTJS. T. I. S. 157.

⁵⁸⁵ PDD. 1933. S. 854.

определения «существующие или могущие возникнуть в будущем» к слову «проблемы».

Теперь требовалось одобрение маршала Пилсудского. 7 января 1934 г. Липского опять вызвали в Варшаву, где Бек в присутствии Дембицкого и Маковского сообщил ему о том, что маршал в общем виде принял польский контрпроект и лишь попросил добавить в третий параграф (в отношении арбитража или примирения) фразу «на основании соглашения между сторонами в каждом конкретном случае»⁵⁸⁶.

13 января по пути в Женеву Бек специально остановился в Берлине для беседы с Липским. Он ясно указал польскому послу на необходимость подписать договор «сразу после женевской сессии»⁵⁸⁷. Пилсудский самым внимательным образом следил за ходом польско-немецких переговоров. В телефонном разговоре с Липским Шембек сообщил, что встречался 15 и 16 января с маршалом и тот «настаивает на спешном подписании пакта»⁵⁸⁸. Через несколько дней Липский был вызван в Варшаву и принят лично Пилсудским. Маршал прямо поставил вопрос, «а не саботирует ли немецкая сторона переговоры о декларации?»⁵⁸⁹. Его тревожило затягивание переговоров и их пробуксовка. Слишком многое поставила Варшава на карту, чтобы сейчас, на финишной прямой, оказаться в итоге не только без договора с Берлином, но и в состоянии существенного охлаждения отношений с Парижем. Переговоры было необходимо срочно заканчивать. Ради этого Пилсудский даже был готов пойти на некоторые уступки. Например, если Германия подтвердит актуальность польско-германского арбитражного соглашения от 1925 г., Польша была готова отказаться от фразы «на основании соглашения между сторонами в каждом конкретном случае»⁵⁹⁰.

Наконец все спорные моменты были согласованы и переговоры вошли в заключительную стадию. 25 января 1934 г. в 11 часов утра посол Польши в

⁵⁸⁶ PDD. 1934. S. 27.

⁵⁸⁷ Ibidem. S. 32.

⁵⁸⁸ Ibidem. S. 33.

⁵⁸⁹ Ibidem. S. 46.

⁵⁹⁰ Ibidem. S. 45–46.

Берлине Липский встретился с Гитлером и министром иностранных дел Германии Нейратом. Германский канцлер лучше других западных руководителей понял великодержавные стремления Варшавы и в своей польской политике использовал этот козырь. В ходе беседы он указал на важность улучшения отношений между Варшавой и Берлином и подчеркнул роль Польши на Западе. Одновременно Гитлер отметил, что у него нет иллюзий в отношении Москвы. Он упомянул советско-японский конфликт и выразил опасение, что в связи с напряженной ситуацией на Дальнем Востоке, СССР, вполне вероятно, переключит внимание на Запад, а это приведет к немедленному возрастанию роли Польши, сделает ее «последним бастионом цивилизации на Западе», как это уже не раз бывало в истории⁵⁹¹. В связи с этим канцлер припомнил битвы под Легницей (1241), Веной (1683) и Варшавой (1920). Эти рассуждения окончательно уверили Варшаву в правильности выбранного ею курса на сближение с Берлином. На следующий день была подписана польско-германская декларация о ненападении.

Декларация от 26 января 1934 г. была выгодна как Берлину, так и Варшаве. Германия, получив гарантию нейтралитета Польши в случае вооруженного конфликта с другими странами (за исключением агрессии против Франции), тем самым устранила для себя опасность войны на два фронта. Подписав декларацию, Берлин сумел преодолеть международную изоляцию, в которой он оказался после выхода из Лиги наций. Наконец, декларация бесспорно ослабила польско-французский союз. По мнению У. Черчилля, «польско-германская декларация позволила национал-социалистам направить свои усилия на Австрию, потом на Чехословакию ... также ослабила польско-французские отношения и встала на пути солидарности интересов европейских стран»⁵⁹². Но все же главным достижением германской дипломатии стала гарантия того, что Варшава не будет принимать участия в советских проектах коллективной безопасности и

⁵⁹¹ Ibidem. S. 54–56.

⁵⁹² Цит. по: Lapter K. Pakt Piłsudski–Hitler. S. 200–201.

тем более не пойдет на сближение с Москвой, так как это могло сильно навредить планам рейха.

Фактически, Германия использовала польско-германскую декларацию в целях пропаганды – при каждом удобном случае германские политики и деятели культуры ссылались на эту декларацию как на живое подтверждение мирных намерений рейха. Так, например, во время визита в Лондон в марте 1934 года делегации «молодежи новой Германии» на собрании в Чатем-Хаус один из участников собрания выразил сомнения в мирных намерениях Германии, при этом процитировав пассаж из «Майн кампф» о необходимости уничтожения Франции. На это члены германской делегации в один голос стали обращаться к польско-германскому договору как вескому аргументу против подобных инсинуаций⁵⁹³. К тому же, Германия убивала одним выстрелом двух зайцев – теперь европейское сообщество должно было воспринимать Германию, вышедшую из изоляции, как ярого поборника мира, в то время как Франция, так и не оценившая всей важности и ценности польско-французского союза, стала проигрывать в глазах защитников мира и терять политические очки.

Польша же благодаря декларации была на десять лет формально защищена от претензий немцев к ее западной и северной границам. Немецкое меньшинство II Речи Посполитой прекратило засыпать международный трибунал в Гааге жалобами на Польшу (однако стало активно готовиться к роли «пятой колонны»). И, что было важным (если не самым важным) для польских руководителей, Варшава существенно повысила свой престиж в глазах Парижа, с которым ее объединяла германская угроза. Однако, как показало время, эти преимущества оказались иллюзорными, так как декларация оставалась в силе лишь пять лет – столько, сколько потребовалось немцам на перевооружение. Более того, Варшава постепенно входила в орбиту влияния Берлина и начинала все больше зависеть от Германии.

⁵⁹³ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.3/795. S. 86-88.

Тем не менее, было бы большим заблуждением считать, что, получив эти два договора о ненападении со своими соседями, СССР и Германией, маршал Пилсудский считал безопасность Польши полностью обеспеченной и гарантированной. Конечно, он сумел создать полную иллюзию равноудаленности, однако, при более пристальном рассмотрении в глаза сразу бросалась маленькая, но принципиально важная деталь – в польско-германском договоре упоминанию взаимного признания границ не было посвящено ни строчки. Отсутствия данной клаузулы *ipso facto* открывало для Гитлера соблазнительные перспективы для будущих маневров. В договоре также отсутствовала традиционная для подобного рода договоров клаузула о праве на аннулирование без предварительного уведомления. Желание Пилсудского как можно скорее подписать декларацию может быть объяснено опасением, что в быстро меняющейся ситуации на европейской политической сцене Германия может найти для себя иной выход из политической изоляции, нежели соглашение с Польшей.

Просчет Пилсудского заключался в том, что, как он полагал, Гитлеру понадобится как минимум четыре года для нормализации внутренней ситуации в Германии, и только после этого он приступит к активной внешней политике. Именно столько потребовалось самому Пилсудскому после майского переворота 1926 г. для упрочения режима санации. Своими мыслями на эту тему маршал поделился с ближайшими сторонниками 7 марта 1934 г. в ходе совещания в Бельведере. Пилсудский сказал, что «старые союзы необходимо поддерживать для противовеса, но сейчас для поддержания этих союзов Польша не должна платить жертвами». Что же касается соседних государств, то маршал предостерег от ошибочного суждения относительно длительности мирного существования, якобы обеспеченного двумя договорами. Он считал, что «хорошие отношения между Польшей и Германией могут продлиться еще четыре года», не больше⁵⁹⁴.

⁵⁹⁴ Świtalski K. *Diariusz, 1919-1935*. Warszawa, 1992. S. 660-661.

28 января 1934 г. озадаченный Липский сообщал в Варшаву, что «французское и румынское посольства поражены тем, что Польша не проинформировала их заранее»⁵⁹⁵ о подписании польско-германской декларации. В этой связи Липский просил поставить его в известность, как же в действительности проинформировала Варшава двух своих союзников. За день до подписания декларации, 25 января, Бек встречался в Женеве с Поль-Бонкуром, и единственное, о чем польский министр иностранных дел спросил парижского коллегу, была дата возвращения Лароша в Варшаву (в это время французский посол на несколько дней уехал в Париж для решения рабочих вопросов), так как у Бека «было важное сообщение, касающееся переговоров с Германией»⁵⁹⁶. Ларош недоумевал, почему же Бек сразу не передал это «важное сообщение» непосредственно Поль-Бонкуру. Не вызывает сомнений, что польский министр знал о готовящемся на следующий день подписании польско-германской декларации. Более того, 26 января, в день подписания, до Парижа дошли слухи о том, что эта декларация стала *fait accompli*, а Ларошу пришла депеша из посольства, что 29 января его примет лично Пилсудский. Подобное не куртуазное обращение Варшавы со своим союзником немедленно вызвало большое волнение во французском общественном мнении⁵⁹⁷.

Французская пресса неоднозначно восприняла польско-германскую декларацию. Некоторые издания полагали, что «главным результатом договора будет частичное разрушение общего фронта французских союзов»⁵⁹⁸. Ж. Табуи, напротив, в «Пёти Марсейе» подчеркивала, что «неустойчивость и отсутствие принципиальной линии в политике Франции привели к подписанию польско-германского договора»⁵⁹⁹. А Пертинакс (Андре Жеро) в «Эклерер дё Нис» справедливо замечал, что «польско-германскому договору не стоит придавать ценности, так как территориальные проблемы все еще остаются нерешенными». Как считал

⁵⁹⁵ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.3/795. S. 9.

⁵⁹⁶ Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 146.

⁵⁹⁷ Ibidem. S. 147.

⁵⁹⁸ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 5.

⁵⁹⁹ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 5-6.

хорошо осведомленный Пертинакс, к подписанию этого договора привели слабость французской политики в Локарно и в отношении «Пакта четырех», однако польско-французский союз и Малая Антанта остаются единственной гарантией против пангерманизма⁶⁰⁰. Интересную точку зрения высказал Р. Жоннет в «Депеш Алжирьен» в статье «Союз Германии и Польши не является гарантией мира»: насколько польско-германско-французский союз обеспечил бы в Европе длительный мир, настолько одностороннее польско-германское сближение, имеющее тенденцию к развитию, представляет угрозу для России, с которой Франция намеревается заключить соглашение⁶⁰¹.

А вот английское правительство восприняло польско-германскую декларацию несколько иначе. 29 января польского посла в Лондоне К. Скирмунта вызвал английский министр иностранных дел сэръ Джон Саймон и от своего имени, и от имени британского правительства поздравил с подписанием договора. Саймон высоко оценил выгоды, которые декларация приносит не только Польше и Германии, но и всему международному сообществу. Он также поручил английскому послу в Берлине выразить канцлеру рейха поздравления от британского правительства⁶⁰². Естественно, что английское правительство, с тревогой смотревшее на усилившуюся в 1920-е гг. гегемонию Франции на континенте, приветствовало возникновение противовеса этому господству в лице польско-немецкого сотрудничества. Спустя несколько дней Скирмунт также написал Беку, что один из выдающихся британских публицистов Джеймс Луи Гарвин назвал польско-немецкую декларацию «дипломатическим чудом»⁶⁰³. Скирмунт сообщал о надежде англичан, что благодаря договору прекратится ревизионистская пропаганда. Кроме того, Лондон видел в этом договоре значительный плюс для себя, считая его, по сути, Восточным Локарно, но без английских гарантий. Тот же Гарвин в «Обсервер» советовал

⁶⁰⁰ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 6.

⁶⁰¹ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 24.

⁶⁰² AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 1-4.

⁶⁰³ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/795. S. 53.

Франции изменить свои обязательства перед Польшей по той же модели⁶⁰⁴. Англичане видели в польско-германской декларации ответ Пилсудского на «Пакт четырех», и тесно связывали ее с недовольством Польши французской политикой за последний год. «Манчестер Гардиан» полагала, что этим договором немцы планировали пробить брешь в польско-французском союзе, однако сомневалась в этой возможности, хотя и предвидела некоторое отдаление Варшавы от Парижа. Большая часть английских изданий сходилась во мнении, что «договор разрывает стальное кольцо, которым Франция окружила Германию, и выводит ее из полной изоляции», а «Дейли Телеграф» заметил, что «Франция на 10 лет оказалась освобождена от битвы за польский коридор»⁶⁰⁵.

Поверенный в делах в Вене Я. Гавроньский сообщал, что польско-германская декларация вызвала самую оживленную дискуссию и в Австрии. «Венер Тагблатт» отметил, что «Германия помогла Польше подняться в иерархии держав»⁶⁰⁶, а в статье, опубликованной в «Альпенландиш Моргенцайтунг», автор констатировал, что «польско-германская декларация совершенно выбивается из существующих дипломатических традиций, ибо в ней нет никаких неоднозначностей, скрытых клаузул и сложностей. Она так ясно сформулирована, что ее может понять каждый»⁶⁰⁷. Лейтмотив австрийского общественного мнения сводился к следующему: польско-германская декларация совершенно меняла существующие европейские конstellации, а ее самая выдающаяся черта заключалась в том, что Польша и Германия для урегулирования своих отношений окончательно отказываются от сотрудничества с Женевой.

Британский историк Х. Сетон-Уотсон полагал, что именно польско-германская декларация нанесла первый существенный удар по французской системе союзов, ознаменовав собой период тесного польско-германского сотрудничества, благодаря которому Гитлер сумел

⁶⁰⁴ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/795. S. 54.

⁶⁰⁵ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/795. S. 55.

⁶⁰⁶ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/795. S. 42-47.

⁶⁰⁷ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/795. S. 47.

реализовать свои планы перевооружения, изоляции Австрии, и, наконец, расчленения Чехословакии. Бек же, «несмотря на его намерения, ... стал инструментом германского империализма»⁶⁰⁸. А. Ченчяла, напротив, утверждала, что польско- германская декларация *per se* не могла быть нарушением французской системы союзов, потому что эта структура не представляла собой «систему», так как основные союзники Франции, Польша и Чехословакия, были слишком глубоко разделены территориальным спором. Ченчяла считала, что корни польской политики, приведшей к германо-польскому соглашению 1934 года и дальнейшему сотрудничеству, восходят к Локарнскому договору, когда Франция поставила помощь своим союзникам в прямую зависимость от механизмов Лиги наций. Кроме того, Ченчяла была совершенно уверена, что никакого секретного протокола к польско-германскому соглашению не существовало⁶⁰⁹.

В день подписания польско-германской декларации Бек разослал польским дипломатическим миссиям циркулярное письмо, в котором подчеркивалось, «что договор касается исключительно дел, непосредственно затрагивающих две страны, и что союзники, Франция и Румыния, получили уведомления о ведущихся переговорах с целью заключения договора; нарком М.М. Литвинов также заранее получил эту информацию. Сам текст декларации будет опубликован утром следующего дня»⁶¹⁰. Таким образом, в планы Варшавы явно не входило сообщить французам и румынам о факте подписания договора непосредственно в день этого события. Напротив, они должны были об этом узнать вместе со всем остальным миром. В этом вроде бы безобидном жесте Варшавы просматривается затаенная обида на Париж – французы не советовались с поляками, подписывая «Пакт четырех», сейчас же Варшава поступала аналогичным образом, не учитывая те исключительные союзные отношения, которые связывали ее с Парижем.

⁶⁰⁸ Seton-Watson H. *Eastern Europe Between the Wars 1918-1941*. New York, 1967. P. 388-389.

⁶⁰⁹ Cienciala A.M. *The Foreign Policy of Józef Piłsudski and Józef Beck, 1926-1939: Misconceptions and Interpretations // The Polish Review*. Vol. 56. 2011. № 1/2. P. 119.

⁶¹⁰ DTJS. T. I. S. 134. Примечательно, что текст данного циркуляра, напечатанный в «Польской Белой книге», имеет отличия. См.: *The Polish White Book*. Republic of Poland. Ministry for Foreign Affairs. New York, 1940. P. 21.

29 января Ларош в присутствии Бека имел двухчасовой разговор с Пилсудским. Маршал сообщил, что хотел сам лично объяснить не только характер декларации, но и причины, побудившие Польшу подписать ее. В своих воспоминаниях Ларош выражает удивление по поводу присутствия Бека на этой встрече, так как раньше Пилсудский принимал его «без свидетелей, и так было всегда, пока министром был Август Залеский»⁶¹¹. Ларош объясняет этот факт желанием маршала придать встрече особую важность в глазах французов. В своих доводах Пилсудский перечислил уже известные Парижу факты, касающиеся желания Варшавы нормализовать отношения с Германией и сохранить в неприкосновенности польско-французский союз. Пилсудский и Бек многократно подчеркивали, что Польша сохранила полную свободу рук и не отказалась от всех ранее взятых на себя обязательств. Маршал сообщил французскому послу, что на такие поспешные действия его вынудили франко-немецкие переговоры, так как в случае принятия немцами французских предложений, «Франция вышла бы открыто за рамки мирных договоров»⁶¹². Пилсудский недвусмысленно давал понять Ларошу о своих сомнениях относительно устойчивости французского внешнеполитического курса, и о том, что не исключал возможности отказа Парижа от обязательств перед Варшавой. В конце беседы Пилсудский еще раз подчеркнул, что всегда выступал против вооружения Германии, и, если Франция будет это решительно поддерживать, он точно не будет ей мешать. После Лароша Пилсудский принял посла союзной Румынии и имел с ним аналогичную беседу.

Ларош также поделился своими личными впечатлениями о встрече с маршалом – Пилсудский сильно постарел и выглядел усталым, а его способ выражения мыслей «стал еще более трудным для понимания». Французский посол задался вопросом, а не предоставляет ли Пилсудский Беку бóльшую свободу действий, нежели он давал раньше⁶¹³? Здесь будет важно заметить, что Пилсудский уже второй год боролся с онкологическим заболеванием.

⁶¹¹ Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 147.

⁶¹² Ibidem. S. 148.

⁶¹³ Ibidem. S. 149.

Еще малозаметный для непосвященных недуг давал о себе знать периодической слабостью, повышенной температурой и частыми простудными заболеваниями. Люди из близкого окружения маршала отмечали, что он быстро уставал и все меньше времени занимался делами, в том числе внешней политикой. Прогрессирующая болезнь также серьезно сказалась на характере маршала – он стал груб, несдержан, подозрителен, страдал от бессонницы и часто впадал в глубокую депрессию. Пока что люди из близкого круга пытались объяснять и оправдывать такое поведение маршала его переживаниями о судьбе Польши, грядущих испытаниях и о том, что он еще не все успел сделать. Однако даже самым близким маршалу людям становилось все тяжелее общаться с ним. Так, например, Э. Рыдз-Смиглы в частных разговорах признавался, что Пилсудский «ненормальный человек»⁶¹⁴. Эти обстоятельства нельзя не учитывать при анализе внешней политики Пилсудского в последние годы его жизни.

Не прошло и десяти дней с момента подписания польско-германской декларации о ненападении, как внутривосточный кризис во Франции достиг своего апогея. 6 февраля 1934 г. на площади Согласия происходило настоящее сражение – тысячи людей были ранены, страна оказалась на волоске от гражданской войны. Впечатление, которое эти события произвели в Варшаве, стало сильным ударом по французскому престижу. Сами же французы все громче требовали коренных перемен. Но был ли кабинет Гастона Думерга, образованный 9 февраля, символом этих перемен или же лишь очередной полумерой?

Новое правительство, в которое вошли шесть бывших премьеров и пять бывших министров иностранных дел (от Тардьё до Эррио), выглядело впечатляюще. Луи Барту возглавил Кэ д' Орсэ, Анри Филипп Петен стал военным министром. Семидесятидвухлетний Барту был, пожалуй, последней выдающейся политической фигурой поколения Пуанкаре и Клемансо. Некогда близкий к Пуанкаре, он был в высшей степени искусным дипломатом. Еще одной отличительной чертой было критическое отношение

⁶¹⁴ Матвеев Г. Пилсудский. М., 2008. С. 425.

Барту к курсу Бриана на поиск взаимопонимания с Германией. Правда, разногласия во взглядах не мешали им поддерживать хорошие личные отношения. Как достаточно опытный и прозорливый политик, Барту видел много общего между ситуацией 1914 г. и современным ему положением на международной сцене – переговоры о разоружении зашли в тупик. В то время французы верили, как изложил это Барту, что «только франко-британское соглашение в существующих условиях могло спасти свободу»⁶¹⁵.

Уже на следующий день после формирования нового кабинета, 10 февраля вечером, в МИД Франции состоялось первое заседание Совета министров. Барту представил текст французского ответа Великобритании, в котором подтверждалась позиция предыдущего правительства по вопросу поэтапного контролируемого сокращения вооружений, но только при обязательном условии обеспечения безопасности⁶¹⁶. Большая часть последующих заседаний и совещаний во французском МИД в начале февраля была посвящена выработке позиции по британскому меморандуму от 29 января, предлагавшему заключить конвенцию, «предусматривающую отказ наиболее сильных в военном отношении держав от некоторых видов вооружения»⁶¹⁷ (это прямым образом касалось Франции). Думерг, поддерживаемый Тардьё и Эррио, был против любой политики, в результате которой Германия смогла бы законным образом произвести перевооружение. При этом все политики отдавали себе отчет в том, что только Польша была способна в случае агрессии оказать Германии немедленный отпор; остальные же союзники ждали бы помощи Великобритании или Малой Антанты. В этой связи Максим Вейган, заместитель председателя Высшего военного совета, полагал, что наступил самый подходящий момент для перенастройки внешней политики Франции⁶¹⁸. Недавно сформированное французское правительство отчаянно пыталось нащупать новую траекторию движения и найти новый модус-вивенди в условиях выхода Германии из Лиги наций.

⁶¹⁵ DDF. I série. T. V. P. 742.

⁶¹⁶ Эррио Э. Из прошлого. С. 465.

⁶¹⁷ Там же. С. 469.

⁶¹⁸ Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 337.

Однако, как справедливо замечал Эррио, «с момента заключения “Пакта четырех” правильный курс был потерян»⁶¹⁹.

Эту растерянность видели и в Варшаве, пристально и напряженно следящей за всеми шагами французской дипломатии. В отличие от французских политиков, журналистка Ж. Табуи более вдумчиво анализировала польскую политику и правильно трактовала действия Варшавы. Так, она полагала, что «...маршал не верит в пакт, он не хочет конвенции, сочтя ее невозможной. Он вряд ли верит, что обладает силой, и, возможно, все еще поверит в ту, которую представляет собой действующий польско-французский союз ... все остальное кажется ему дымом, и когда он видит, что Франция требует от него принести в жертву сильную Польшу между Германией и Россией ... он улыбается ... и это все»⁶²⁰. Консул Польши в Марселе В. Обрембский, давая характеристику текстам Табуи в «Пёти Марсейе», отмечал, что ее статьи являются очень популярными среди читателей и в значительной мере «формируют общественное мнение в вопросах внешней политики»⁶²¹.

Одновременно с этим на горизонте вновь появился проект Восточного Локарно и попытки разработать систему союзов, включающую СССР и Италию. Еще в 1933 г. СССР, крайне заинтересованный в стабильности в Европе, прежде всего в связи с агрессией Японии в Маньчжурии, сделал ставку на установление тесных отношений с Францией. Во время визита в Париж 7 июня 1933 г. М.М. Литвинов отметил, что «ни наши политические, ни наши экономические интересы не сталкиваются с интересами Франции ни в одном пункте Земного шара, и нет поэтому, на наш взгляд, никаких препятствий к дальнейшему сближению как политическому, так и экономическому»⁶²².

У такого поведения советской дипломатии были и другие, более прагматические причины. Внутренний кризис ослабил позиции СССР

⁶¹⁹ Эррио Э. Из прошлого. С. 470.

⁶²⁰ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 21.

⁶²¹ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 29.

⁶²² Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 53.

именно в момент заметного обострения международной напряженности. В разгар голода в СССР к власти в Германии пришел Гитлер, так что прежняя политика, базирующаяся на сближении с Веймарской Германией, утратила актуальность. В этой связи Сталину были жизненно необходимы новые союзники из числа западных демократий, однако для этого требовалось продемонстрировать договороспособность, умеренность советского режима, и, самое главное, его принципиальное отличие от оголтелого фашизма и национал-социализма.

19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление о согласии СССР «на известных условиях вступить в Лигу наций»⁶²³. «Известным условием» было заключение в рамках Лиги регионального соглашения о взаимной защите от эвентуальной немецкой агрессии с обязательным участием в нем Франции и Польши. Уже в конце декабря 1933 г. полпред В.С. Довгалевский ознакомил Поль-Бонкура с проектом создания в рамках Лиги наций пакта о взаимопомощи с участием Польши, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии, Бельгии, Финляндии и СССР. Помимо уже упомянутой защиты от агрессии со стороны Германии, в советском предложении содержалась также идея определения понятия нападающей стороны⁶²⁴. Для СССР участие Польши в региональном пакте имело принципиальное значение. Во-первых, Варшава, не раз активно участвовавшая в антисоветских демаршах, встала бы на путь сотрудничества с Москвой. Во-вторых, в связи с отсутствием у СССР общей границы с Германией, он мог участвовать в войне только в тесном взаимодействии с Польшей, чтобы иметь возможность переброски войск к германским границам. Наконец, Кремль был заинтересован в сохранении суверенной Польши, чтобы у Германии не было доступа к советской границе. В то же время СССР приходилось учитывать возможность нападения на него не только Германии, но и Польши или одновременно обеих стран. В этом случае для него были важны французские гарантии. Как писал Литвинов, они имели

⁶²³ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923–1939. М., 2001. С. 305-306.

⁶²⁴ ДВП СССР. Т. XVI. С. 772-774.

бы для СССР существенное значение «против Германии и эвентуально против Польши или комбинации этих двух стран»⁶²⁵.

В это время ситуация на Балканах и в Центральной и Юго-Восточной Европе была нестабильной, поэтому часть внешнеполитических усилий Парижа была направлена в этот регион. 9 февраля 1934 г. под патронажем Франции Югославия, Румыния, Греция и Турция создали Балканскую Антанту. С одной стороны, она укрепляла антиревизионистские силы. С другой же стороны, вошедшие в нее страны концентрировались только на своих «балканских» делах, не проявляя большого интереса к глобальной политике, так что в их лице Франция поддержки практически не имела.

Барту тормозил процесс резкого сближения с Москвой в первую очередь из-за Польши. Как писал в своих воспоминаниях Эррио, «отношения с Россией с каждым днем становятся все более сердечными ... Отношения с Польшей, это необходимо признать, весьма плохие»⁶²⁶. Барту это признавал и прекрасно понимал, что польско-французский союз находился в плачевном состоянии. Именно поэтому французский министр попытался перевести отношения с Варшавой на рельсы личной дипломатии. 19 февраля 1934 г. он изложил польскому послу А. Хлаповскому свои соображения о целях внешней политики Франции с учетом разоружения, Лиги наций и Австрии, а также выразил опасения относительно прогерманского курса Польши. Посол напомнил Барту о тех эпизодах, когда Париж действовал, не посоветовавшись с Варшавой, и на вопрос министра о том, что могло бы улучшить отношения между союзниками, упомянул визит в Варшаву⁶²⁷. Примечательно, что многие политики того времени (как польские, так и французские) считали Барту гарантом тесного сотрудничества Франции и Польши, так как тот был одним из творцов польско-французского союза.

6 марта Бек официально пригласил Барту посетить Польшу, а через несколько дней министр иностранных дел, посоветовавшись с Ларошем, попросил его официально объявить польскому МИД, что поездка состоится в

⁶²⁵ ДВП СССР. Т. XVII. С. 411.

⁶²⁶ Эррио Э. Из прошлого. С. 480.

⁶²⁷ Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 341.

апреле⁶²⁸. Конец марта – начало апреля были посвящены активным приготовлениям с обеих сторон. Барту надеялся ликвидировать тень непонимания, нависшую над польско-французским союзом, и хотел получить подтверждение того, что Варшава сохранит верность союзническим обязательствам.

17 марта А. Мюльштейн отправил в Варшаву рапорт о результатах своей встречи с Барту 13 марта. Французский министр иностранных дел подчеркнул, что придает этому визиту большую важность и ожидает от него полного улучшения польско-французских отношений. «Не стоит скрывать, – сказал Барту, – что между Польшей и Францией сложилось определенное непонимание (*un malaise*). Я бы хотел во время своего пребывания в Варшаве так основательно обсудить все вопросы, чтобы всякий след недопонимания был ликвидирован»⁶²⁹. Барту планировал лично спросить Пилсудского о природе договора о ненападении с Германией – не сопутствуют ли ему какие-то «тайные клаузулы», поднять вопрос о военной конвенции и поговорить об экономических проблемах. Барту сравнил нынешнее состояние польско-французских отношений с двумя старыми друзьями, имеющими друг к другу претензии, и считал, что необходимо выложить на стол все обиды и решить все недоразумения⁶³⁰. Примечательно, что и тон французского министра, и манера выражения своих мыслей, и отсылки к знакомству с Пилсудским в Париже прямо указывали на дружественный и позитивный характер визита, будто бы Барту направлялся в Варшаву помириться со старыми друзьями. Именно такой была искусная дипломатическая игра министра, стремившегося найти индивидуальный подход к каждому союзнику Франции. Польша хотела статус великой державы? Ради спасения польско-французского союза Барту был готов проявить уважение к этому желанию. В определенном смысле эта поездка должна была стать хождением в Каноссу – таким образом Париж признавал новый статус Варшавы.

⁶²⁸ Laroche J. *Polska lat 1926-1935*. S. 148.

⁶²⁹ DTJS. T. I. S. 148.

⁶³⁰ *Ibidem*. S. 148-149.

Накануне, 16 марта, Мюльштейн встречался с английским послом лордом У. Тирреллом и обсуждал с ним польско-французские и польско-германские отношения. По наблюдениям Тиррелла, ситуация Польши во Франции изменилась до неузнаваемости: первый раз за все время его пребывания в Париже (с 1928 г.) он увидел не только рост интереса к Польше, но и осознание того факта, что она является государством, к которому надо серьезно относиться. До этого английский посол слышал о Польше и о союзе лишь как об обузе для Франции. Более того, восприятие Польши как великой державы появилось и в Англии, Тиррелл получил письмо от одного известного английского политика (лорд не назвал Мюльштейну его имя), в котором говорилось следующее: «Мы должны учиться у маршала Пилсудского, как следует вести переговоры с Францией»⁶³¹.

Важно подчеркнуть, что Париж видел союз с Польшей не как *casus foederis*, а, напротив, как постоянный союз, который подразумевал совместные дипломатические усилия⁶³². Перед визитом Ларош написал Барту, что Польша «хотела проводить политику, подобающую великой державе и, наряду с провозглашением верности союзу, демонстрировать свободу действий сообразно своему достоинству»⁶³³. Вопрос заключался лишь в том, насколько далеко зайдут поляки в стремлении подчеркнуть свою важность. В этой связи французский посол рекомендовал Барту занять жесткую позицию.

19 марта Барту еще раз встретился с советником Хлаповского Мюльштейном и в очередной раз подтвердил, что французское правительство выступает против вооружения Германии, нарушающего Версальский договор, и не собирается идти ни на какие дальнейшие уступки. Наряду с этим Барту затронул острую тему отношений между Прагой и Варшавой⁶³⁴, однако, увидев нежелание собеседника развивать эту тему, не

⁶³¹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/795. S. 69.

⁶³² Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 151.

⁶³³ DDF. I série. T. V. P. 922, 937-939. T. VI. P. 13-16.

⁶³⁴ DTJS. T. I. S. 150-151.

стал настаивать⁶³⁵. Как уже неоднократно отмечалось, польско-чехословацкие отношения в межвоенный период варьировались от крайне напряженных до подчеркнуто холодных. Барту отдавал себе отчет, что такое положение дел делало уязвимой французскую систему союзов, так как для ее полноценного и эффективного функционирования требовался монолитный союзный фронт. Поэтому французского министра очень заботило состояние польско-чехословацких отношений, он постоянно выслушивал от Бенеша жалобы на то, что Варшава игнорирует все предпринимаемые Прагой попытки сближения, что ставило под угрозу само существование Малой Антанты. Подобное поведение Варшавы не только ослабляло польско-французский союз, но и делало уязвимым весь регион.

Чтобы немного приободрить чехословаков, Барту после визита в Варшаву (22–25 апреля) должен был посетить Прагу (26–28 апреля). Французский МИД считал, что Барту необходимо заострить внимание поляков на том, что Варшава, выступая против друзей Франции в регионе, в конечном счете действовала в духе, противоречащем польско-французскому союзу. Таким образом, еще одна важная задача, которую Барту было необходимо решить в ходе поездки – стать посредником между Прагой и Варшавой⁶³⁶. В австрийской прессе, например, повсеместно высказывались предположения, что главная цель поездки Барту как раз и заключалась в примирении чехословаков и поляков⁶³⁷.

Некоторые комментаторы, например, французский журналист дю Морье, вину за разжигание польско-чехословацкого конфликта до европейского масштаба и создания ложного впечатления у международной общественности, возлагали на германскую прессу. Журналист отмечал, что аналогичный договор о ненападении был отвергнут чехословацким правительством и воспринят решительно враждебно⁶³⁸.

⁶³⁵ DDF. I série. T. VI. P. 53-59.

⁶³⁶ Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 343.

⁶³⁷ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 18-19.

⁶³⁸ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 12.

Посол Польши в Чехословакии В. Гжибовский также сообщал в Варшаву об общем негативном впечатлении, произведенном польско-германской декларацией, а также выдвигаемых в адрес Польши обвинениях в нарушении монолитного антигерманского фронта и помощи Берлину в выходе из изоляции. Гжибовский отмечал, что чешские военные круги находятся под сильным влиянием Франции и проявляют особенное недовольство развитием событий на польско-германском направлении⁶³⁹.

Примечательно, что трудности в отношениях между Прагой и Варшавой многие связывали с личным антагонизмом между Бенешем и польскими лидерами. Так, например, постоянный представитель Румынии в Лиге наций Н. Титулеску сообщил, что «у Бенеша сложилось впечатление, что польское правительство хочет лично его притеснить и унижить»⁶⁴⁰. Вот такой Гордиев узел польско-чехословацких противоречий предстояло разрубить Барту.

В свете предстоящего визита Барту в Варшаву тон европейской прессы в отношении Польши претерпел изменения. Многие политические комментаторы констатировали, что «Франция отказалась в отношении Польши от своего перевеса в области престижа и признает великодержавные амбиции Польши ... Парижские банки перед отъездом Барту подтвердили свою твердую позицию в отношении дальнейшего выделения Польше кредитов и приняли пакет казначейских бон на сумму 20 миллионов золотых»⁶⁴¹. Другое издание отмечало, что «в Париже уже воспринимают Польшу не как “новое государство”, требующее защиты, но как историческую державу, совершенно равноправную. Пилсудский не допустил бы никакого подчинения Польши интересам других стран, даже самых дружественных»⁶⁴². Подчеркивалась также общность польско-французских интересов и невозможность ее ослабить даже далеко идущим польско-немецким сближением.

⁶³⁹ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/2.1/71. S. 1-2.

⁶⁴⁰ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/2.1/71. S. 24.

⁶⁴¹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 20-22.

⁶⁴² AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 34.

Во французской прессе поездке Барту, как всегда, уделялось значительное внимание. Многие издания печатали на своих страницах аналитические статьи о текущем состоянии польско-французского союза, признавали ошибки как с польской, так и с французской стороны, и возлагали большие надежды на Барту, в задачи которого входили «искренние объяснения для обновления дружбы, необходимой для покоя Европы»⁶⁴³. Публицисты прямо заявляли, что польско-германская декларация стала прямым последствием «Пакта четырех», и что именно немецкая политика вынуждает Париж укреплять свою систему союзов. Примечательно, что на страницах французской прессы варшавскому визиту Барту уделялось намного больше внимания, чем пражскому⁶⁴⁴. По мнению многих комментаторов, эти две поездки знаменовали собой возвращение Франции к своей традиционной политике, а Барту являлся продолжателем политической традиции А. Бриана, который всегда выступал за сближение с Польшей⁶⁴⁵.

Кэ д'Орсэ настоятельно рекомендовал Барту в ходе варшавских переговоров скорее касаться каких-либо вопросов, нежели ставить перед поляками конкретные проблемы. Для этих целей был разработан следующий специальный перечень вопросов, а именно: остается ли в силе германо-польский договор об арбитраже? Есть ли необходимость обновления военной конвенции? Каким образом можно преодолеть трудности, с которыми столкнулись французские предприятия? Будут ли для Польши, которая сожалела об отсутствии Восточного Локарно, полезны договоры о взаимном сотрудничестве с Чехословакией и СССР? Какую политику умиротворения можно проводить в отношении государств Прибалтики? Как Польша намеревается продемонстрировать свою приверженность международному сотрудничеству и Лиге наций? Готова ли была Польша занять ту же позицию, что и Франция по вопросу о Дунайском экономическом сотрудничестве? Наконец, поддержит ли Польша вступление СССР в Лигу наций?

⁶⁴³ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 20.

⁶⁴⁴ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 22.

⁶⁴⁵ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 27.

13 марта 1934 г. меморандум с этими вопросами, разделенными на три тематических блока (общие политические вопросы, прямо касающиеся обеих сторон; вопросы, касающиеся их косвенно; особые вопросы) был представлен Хлаповскому⁶⁴⁶. Сразу бросается в глаза отсутствие в этом списке чехословацкого вопроса. По всей видимости, это объяснялось желанием Парижа избежать в ходе переговоров острых дискуссионных проблем. Учитывая всю совокупность целей, которые преследовал визит Барту, это было более чем благоразумно со стороны Парижа. На эту поездку возлагалось много надежд со стороны как поляков, так и французов. Но можно ли было так быстро (если не вообще) засыпать ту пропасть, которая пролегла между парижским и варшавским видением международной ситуации?

Почему для визитов к союзникам Барту избрал именно апрель 1934 г.? Ответ на этот вопрос достаточно прост – Парижу требовалось как можно скорее проверить прочность своей системы союзов. Не секрет, что Гитлер рассматривал возможность возвращения Германии в Лигу наций, однако ставил конкретное условие: Великобритания и Франция должны дать рейху возможность увеличить армию со 100 до 300 тысяч человек. Для франко-английской дипломатии это был цугцванг. С разрешением на перевооружение в руках Гитлер немедленно сбросил бы оковы Версальского договора и приступил к законному вооружению. С другой стороны, в случае отказа канцлер обвинил бы Францию в противодействии его мирным устремлениям. Будучи опытным политиком, Барту это все прекрасно понимал и пытался вести диалог с Гитлером, ожидая от фюрера следующих, разоблачающих его истинные намерения, шагов.

16 апреля Барту составил ноту, выдержанную в примирительном тоне, ожидая, что в скором времени Гитлер выдаст свои настоящие стремления, что позволит французскому правительству действовать более решительно; по мнению французского министра иностранных дел, резкие действия Парижа в тот момент лишь облегчили бы задачу Гитлера, позволив ему объявить

⁶⁴⁶ DTJS. T. I. S. 152-153.

немцам, что Франция не хочет вести с ними переговоров. Однако кабинет Думерга смотрел на данный вопрос иначе и требовал немедленно дать немецкому канцлеру жесткий отпор. Нота Думерга, которую Барту зачитал на заседании кабинета министров, выдавая за свою, была сформулирована в категорическом тоне, не оставлявшем никакой возможности для отступления. Более того, нота прямо констатировала, что «отныне бесполезно вести переговоры с германским правительством, поскольку с настоящего времени оно действует по собственному произволу»⁶⁴⁷. Это была еще одна точка невозврата европейской политики. На следующий день Барту сказал, что это был самый трагический день в его жизни; мнение пожилого политика не нашло поддержки, он остался в полном одиночестве. Известие о том, что Франция против довооружения Германии, произвело сенсацию в мире. Именно такая резкая бескомпромиссная политика вынудила Париж укреплять старые связи и искать новых союзников.

Французская пресса в оценке значимости предстоящей поездки в Варшаву проявляла удивительную солидарность – большинство изданий подчеркивали важность польско-французского союза как для Франции, так и для Польши, а за проблемы союза большая часть газет возлагала вину исключительно на Францию⁶⁴⁸. Пертинакс в «Эко дё Пари» от 16 апреля писал, что «поездка Барту должна стать моментом окончательного определения внешнеполитической линии Франции»⁶⁴⁹. Примечательно, что и тон в отношении Польши и ее значения в европейской политике изменился коренным образом. Так, например, газета «Журналь» описывала Польшу как «пятую великую державу Западной Европы»⁶⁵⁰.

22 апреля 1934 г., в воскресенье, Барту прибыл на варшавский Главный вокзал. Бек в точности повторил протокол встречи, которую ему оказали в сентябре 1933 г. в Париже, демонстративно не приехав встречать французского коллегу. Австрийская пресса сразу же расценила это именно

⁶⁴⁷ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 213-214.

⁶⁴⁸ AAN. Ambasad RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 64-72.

⁶⁴⁹ AAN. Ambasad RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 71.

⁶⁵⁰ AAN. Ambasad RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 47-63.

так, как того, по всей видимости, и добивалась Варшава. «Таким образом польское правительство подчеркнуло равенство Польши с европейскими державами», – написала «Нойе Фрайе Прессе»⁶⁵¹. Однако большая часть представителей прессы и дипломатов расценили его грубую выходку по отношению к пожилому министру как проявление крайней степени неучтивости.

Сам же семидесятидвухлетний Луи Барту сохранял совершенное хладнокровие. В своем желании отомстить Бек пошел даже дальше. Для того, чтобы толпа не смогла радушно приветствовать французского министра, был изменен официальный маршрут следования кортежа. Несмотря на это, новость о приезде Барту молниеносно распространилась, толпа оттеснила жидкое полицейское оцепление на вокзале и чуть ли не на руках, скандируя «Да здравствует Франция!», проводила высокого гостя до машины. Табуи, сопровождавшая Барту во время его визита в Варшаву, вспоминает, что в этот момент министр восхищенно заметил Ларошу: «Политика Пилсудского еще не изменила чувств, питаемых по отношению к нам польской нацией, которая, как кажется, всегда рассматривала нас в качестве своего традиционного союзника»⁶⁵².

Неприятный осадок от прохладного официального приема быстро рассеялся, когда Бек в своей приветственной речи заявил о том, что франко-польский союз является одним из самых «прочных, жизненно необходимых и долговременных факторов международной политики; общая цель [союза] – организация и укрепление мира». А самого же Барту Бек назвал не просто министром иностранных дел дружественной страны, а государственным «мужем, который с первой минуты столкновения с проблемами польско-французского союза занял ясную позицию и всегда был преданным сторонником [союза – А. К.]; и своим сегодняшним визитом он дал этому решительное подтверждение»⁶⁵³.

⁶⁵¹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 40.

⁶⁵² Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. С. 223.

⁶⁵³ Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady. Warszawa, 1938. S. 110-111.

На следующий день, 23 апреля, имела место полуторачасовая беседа Барту и Пилсудского в присутствии Бека, Шембека и Лароша. Бек признался потом Ларошу, что никогда не видел такого дружественного настроения со стороны маршала к иностранному министру⁶⁵⁴. Пилсудский начал беседу с воспоминаний о своей поездке во Францию в 1921 г., посещении Вердена и о тех обстоятельствах, в которых был подписан польско-французский союзный договор. Барту заметил на это, что гордится тем, что был одним из тех, кто подписывал польско-французский договор, и он воспринимает это событие как «одно из главных политических действий своей жизни и остается навсегда верным этому союзу»⁶⁵⁵. На вопрос Барту об основных задачах внешней политики Польши Пилсудский перечислил ее следующие направления: отношения с двумя великими соседями; союзы с Францией и Румынией, которые, по его замечанию, «nous donnent beaucoup d'embarras»*, отношения Польши с «небольшими соседями, которых у нас много» (в связи с этим маршал отметил, что у Варшавы и Парижа тут имеются расхождения, так как у Франции, по сути, только два соседа, а «Испания не берется в расчет»), и, наконец, отношения Польши с Лигой наций. Тут маршал заметил, что «если методы работы Лиги не поменяются, она погибнет от анемии». По мнению Пилсудского, сфера интересов Лиги должна быть более ограниченной – «обсуждение на одной сессии Либерии, Боливии, Гданьска, Маньчжурии, торговли живым товаром, опиумом и т.д. приводит к абсурду»⁶⁵⁶.

Барту с осторожностью затронул советский вопрос и перспективы вступления СССР в Лигу наций. Как уже упоминалось выше, Пилсудский сказал, что если раньше он имел обыкновение два раза в год специально изучать советский вопрос, то теперь этим не занимается, однако, скептически оценил прочность внутреннего положения СССР и стабильность режима. Маршал ставил под сомнение возможность присоединения Советского

⁶⁵⁴ DDF. I série. T. VI. P. 333.

⁶⁵⁵ DTJS. T. I. S. 157.

* Создают нам много трудностей (фр.)

⁶⁵⁶ DTJS. T. I. S. 157.

Союза к Лиге наций, более того, он подчеркнул ухудшение советско-германских отношений, которое он давно предвидел. По его словам, это мнение разделял такой знаток Советского Союза как бывший посол Польши в СССР С. Патек, неоднократно пророчивший длительные осложнения между Москвой и Берлином⁶⁵⁷.

Пилсудский не хотел быть втянутым в спор о проблемах, связанных с польско-французским союзом. Поэтому, когда Барту задал маршалу вопрос о том, есть ли что-то, за что поляки могли бы упрекнуть французов, заметив при этом, что он прекрасно понимает все трудности, которые вызвала французская политика в свете «Пакта четырех», Пилсудский перенаправил его вопрос Беку. На вопрос о том, рассматривает ли маршал возможность приспособления военной конвенции к текущим нуждам, тот осторожно ответил, что рассматривает, однако не хочет брать на себя инициативу. Барту, предлагая переговоры на уровне штабов, специально использовал выражение «разговор технической природы», чтобы заранее дать понять, что политические аспекты будут исключены. Пилсудский дал свое согласие на миссию маршала Петена для дальнейших переговоров⁶⁵⁸.

Сердечная атмосфера, в которой проходили переговоры Пилсудского и Барту, а также последующие усилия Бека оказать максимально теплый прием французскому коллеге, их совместная поездка в Краков (девушка из толпы, вручившая ему букет цветов, особенно тронула сердце французского министра), позволили перевести дальнейшие переговоры в более доверительное русло. Барту, умудренный опытом дипломат, тактично не затрагивал темы, которые могли прийти не по нраву полякам (такие, как мертворожденный советско-польский гарантийный пакт для балтийских государств, отношения Москвы и Варшавы). Однако вполне можно предположить, что на тот момент у него самого не было четкого видения ситуации и плана дальнейших действий. Более того, животрепещущий

⁶⁵⁷ Ibidem. S. 157-159.

⁶⁵⁸ Ibidem. S. 157-159.

вопрос о трудностях польско-французского экономического сотрудничества практически не нашел отклика в ходе переговоров.

Визит, начавшийся с неприятного инцидента, в итоге обернулся личным триумфом Барту. В совместном польско-французском коммюнике говорилось о том, что в ходе обсуждений были затронуты не только вопросы, непосредственно касающиеся польско-французского союза, но и другие проблемы, представляющие взаимный интерес. Главным достижением визита французского министра стало подтверждение того, что «основная база союза между Польшей и Францией остается неизменно стабильной, и что этот союз является весьма конструктивным фактором развития европейской политики»⁶⁵⁹.

И все же визит Барту в Польшу явил собой скорее его личный успех, нежели успех французской внешней политики. Большая часть насущных вопросов, которые должны были быть разрешены в ходе визита (например, отношения между Прагой и Варшавой), даже не были затронуты. По мнению Лароша, поездка произвела огромное впечатление на французское общественное мнение, однако с политической точки зрения она не принесла ничего нового, «только вызвала разрядку, которая позволила надеяться, что на какое-то время Пилсудский притормозит изменение им же недавно назначенного курса»⁶⁶⁰.

По возвращении в Париж в разговоре с Хлаповским Барту заметил, что изначально Бек отнесся к нему с определенной сдержанностью, однако вскоре общение министров иностранных дел стало вполне дружелюбным (например, во время поездки в Краков Бек угощал Барту токайским вином из своих домашних запасов). Из беседы с Пилсудским Барту сделал следующие выводы – польско-французский союз остается нерушимым и действующим, маршал с недоверием относится к СССР, Польша стремится выстраивать нормальные отношения как с Москвой, так и с Берлином, за

⁶⁵⁹ Wspólny komunikat polsko-francuski wydany z okazji wizyty w Warszawie ministra spraw zagranicznych Republiki Francuskiej Louisa Barthou. 1934 kwiecień, 25, Warszawa. Zbiór dokumentów nr. 5. Warszawa, 1934. S. 151-152.

⁶⁶⁰ Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 160.

польско-германским договором не стоит никаких тайных соглашений. Важно отметить, что Барту прекрасно почувствовал недоверие маршала к нынешней политике Франции, и, как опытный политик, понимал, что Парижу необходимо вернуть свой авторитет. Он отметил, что «положение Польши как державы является для него фактом, с которым он будет считаться»⁶⁶¹. Также по свидетельству Эррио, Барту поразило национальное величие и сила Польши⁶⁶². Тем не менее, несмотря на видимый успех поездки, Барту все же не был спокоен, и это волнение заметил Хлаповский, который из своих источников получил информацию, согласно которой глава МИД Франции был разочарован тем, что по ряду ключевых вопросов международной политики он не привез из Варшавы четкой программы польско-французского сотрудничества⁶⁶³. Поэтому, как полагал Хлаповский, в Женеве Барту будет искать встреч с Бекком для выработки совместной программы действий.

Несмотря на очевидное достижение поездки Барту – подтверждение им державного статуса Варшавы и сотрудничества с Парижем на правах равноправного партнерства, а также отказа от «Пакта четырех», так нервировавшего Варшаву⁶⁶⁴, – Пилсудский и Бек были несколько разочарованы тем, что Барту так и не сумел предложить схему оживления политических, экономических и военных составляющих польско-французского союза. Вероятнее всего, польские руководители питали надежду на возможность возвращения польско-французского союза в состояние до 1924 г., однако Барту, польстив самолюбию поляков, не предложил ничего, кроме пересмотра военной конвенции⁶⁶⁵. Есть все основания полагать, что одна из целей визита Барту заключалась не только в достижении разрядки в польско-французских отношениях, но и в желании прозондировать почву и понять, с кем же из возможных партнеров – с

⁶⁶¹ DTJS. T. I. S. 159-163.

⁶⁶² Эррио Э. Из прошлого. С. 513.

⁶⁶³ DTJS. T. I. S. 163.

⁶⁶⁴ В разговоре с советским полпредом Я.Х. Давтяном 24 апреля 1934 г. Бек сказал ему буквально следующее: «Слава богу, пакт этот мертв и похоронен, как сказал Барту». ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 294.

⁶⁶⁵ DDF. I serie. T. IX. P. 343-347. Подробнее о военной конвенции: Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy: 1921-1939.

Москвой или Варшавой – будет проще выстраивать взаимовыгодные конструктивные отношения⁶⁶⁶. И с этой точки зрения Варшава выглядела далеко не в самом выгодном свете.

Стоит отметить, что для сдерживания Германии Пилсудский считал необходимым военное превосходство и выступал за более тесное франко-польское военное сотрудничество, в то время как Барту искал решения в политической плоскости, при этом заверяя маршала, что Франция не собирается идти на уступки Гитлеру. На это Пилсудский иронично замечал: «Вы уступите, господа, вы уступите. Вы бы не были теми, кем вы есть, если бы не уступили»⁶⁶⁷.

Хлаповский сообщал из Парижа, что «поездка Барту в Польшу произвела глубокое впечатление на французскую политическую общественность» и что «в течение многих лет во Франции не обсуждался так серьезно польский вопрос, как он обсуждается сейчас»⁶⁶⁸. Действительно, на страницах французских изданий выражалось критическое отношение к ошибкам Франции в ее польской политике, а также подчеркивалась важность поездки Барту и ее результатов, которые включали полное устранение непонимания между Парижем и Варшавой⁶⁶⁹. Несколько изданий пошли даже дальше и обрушались с критикой на Поль-Бонкура из-за того, что он лично не встретил Бека на вокзале в Париже, в результате чего Польша отреагировала идентичным образом⁶⁷⁰. В своей статье от 22 апреля Пертинакс оценил польско-германское сближение как «блеф», в чем, по его мнению, «Польша отлично отдает себе отчет»⁶⁷¹.

Предметом чрезвычайного внимания французской прессы стал тот факт, что сам Пилсудский подчеркнул важность и прочность польско-французского союза. «Пари суар» даже вспомнила ситуацию, когда Пилсудский намеренно уехал из Варшавы во время пребывания там

⁶⁶⁶ Подробнее см.: Кузьмичева А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 126–135.

⁶⁶⁷ Цит. по: Karski J. The Great Powers and Poland, 1919-1945: From Versailles to Yalta. Maryland, 2014. P. 144.

⁶⁶⁸ DTJS. T. I. S. 163.

⁶⁶⁹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 84-100.

⁶⁷⁰ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 84-100.

⁶⁷¹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 84-100.

итальянского министра иностранных дел Дино Гранди⁶⁷². Еженедельник «Жё Суи Парту» выразил оригинальное мнение о том, что не верит в уверенность Польши в длительной разрядке польско-немецких отношений⁶⁷³.

Ситуацию, в которой оказалась Польша к 1934 г., Пилсудский оценивал вполне трезво и реалистично. Еще с осени 1933 г. маршал требовал от Генштаба и МИД аналитических оценок уровня опасности со стороны Берлина и Москвы. 7 марта и 12 апреля Пилсудский провел два совещания⁶⁷⁴ с наиболее доверенными военачальниками, а по их итогам распорядился в течение месяца подготовить письменный опрос среди высшего военного руководства страны. 19 военачальников (Соснковский, Рыдз-Смиглы, Осинский, Бербецкий, Конажевский, Норвид-Нейгебауэр, Роммель, Пискор, Донб-Бернацкий, Орлич-Дрешер, Фабрици, Бурхард-Букацкий, Каспшицкий, Крушевский, Гонсёровский, Варта, Фургальский, Стшелецкий, Богуш-Шишко), а также Ю. Бек и его заместитель Я. Шембек должны были в атмосфере строгой секретности ответить на один вопрос – «Россия или Германия?».

К 12 мая подполковник К. Глябиш подготовил сводную таблицу ответов⁶⁷⁵. 13 военных высказались в пользу угрозы со стороны Германии, только два участника опроса – Гонсёровский и Рыдз-Смиглы – выразили определенное мнение о вероятности угрозы со стороны СССР. Остальные 5 участников опроса полагали, что угрозу следует ожидать с обеих сторон. Так, по мнению Бека и Шембека, «в течение 3–4 лет Россия может быть первой опасностью. Весьма вероятно, что потом положение вещей может перевернуться», а вот генерал Тадеуш Каспшицкий пророчески полагал, что «удар по Польше может быть нанесен сначала Германией»⁶⁷⁶.

После проведения опроса Глябиш подготовил анализ ответов участников, в котором отмечал, что в настоящее время оба государства не готовы к войне, но, в любом случае, бóльшую опасность представляет

⁶⁷² AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 47-63.

⁶⁷³ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S. 95.

⁶⁷⁴ Beck J. Ostatni raport. S. 76-77; DTJS. T. I. S. 153-156.

⁶⁷⁵ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? Zestawienie odpowiedzi z V 1934 r. S. 1-2.

⁶⁷⁶ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? Zestawienie odpowiedzi z V 1934 r. S. 1-2.

Россия⁶⁷⁷. Он полагал, что Москва и Берлин будут стремиться к изоляции Польши, но подобное развитие событий маловероятно. Подводя итог, Глябиш высказал мнение, что Германия сможет представлять угрозу не ранее, чем через 15–20 лет, и «при благоприятных условиях спровоцирует войну с Польшей», а вот советская угроза возможна через 10–13 лет, при этом «возникновение одинаковой угрозы на обоих фронтах возможно только в случае полной смены режима и в Германии, и в России, что маловероятно»⁶⁷⁸. Вот такую совершенно далекую от реального положения дел резолюцию давал подполковник Генерального штаба Глябиш.

Генерал К. Соснковский придерживался схожего мнения, полагая, что «из двух соседних государств Россия может раньше стать небезопасной для Польши»⁶⁷⁹. В подробной аналитической записке, датированной 12 мая 1934 г., Соснковский последовательно проанализировал политические факторы двух соседей, а также возможные рациональные и иррациональные элементы их развития. Вероятность советской угрозы Соснковский объяснял достаточно логично: «Менталитет советской молодежи... развивается в условиях “головокружения от успехов” ... Россия имеет революцию за собой, ее внутренние задачи подходят к концу. Она вооружилась с головы до ног ... в этой связи в Советах достаточно скоро могут появиться ферменты наступательной экспансии ... в небезопасной форме “спасения народов” ... то есть, возвращение к революционным лозунгам»⁶⁸⁰. Не называя причины, генерал уверенно утверждал, что «германский ревизионизм не кроет в себе опасности для Польши». При этом он допускал вероятность войны с Германией, однако «только если ее вооруженные силы будут хотя бы [подчеркнуто в оригинале – А. К.] равны совместным силам Польши и Франции»⁶⁸¹. Следовательно, для Соснковского было *locus communis* помощь Франции в случае, если бы Польша подверглась агрессии со стороны Германии. Это еще раз подтверждает, что польская элита рассматривала

⁶⁷⁷ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? S. 3-4.

⁶⁷⁸ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? S. 3-4.

⁶⁷⁹ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? S. 5-6.

⁶⁸⁰ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? S. 5.

⁶⁸¹ AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? S. 5.

польско-французский союз как краеугольный камень внешней политики Польши, и ни при каких условиях не собиралась отказываться от поддержки Парижа. В целом же Соснковский пришел к схожим с Глябишем выводам – он не видел возможности угрозы со стороны Германии в течение ближайших 20 лет, опасность могла возникнуть только в случае маловероятной полной политической изоляции Польши. Но при этом допускал, что «война с Германией в далекой перспективе неизбежна ... но, возможно, ... для Польши станет ... выгодно сотрудничать с Германией на основе раздела сфер влияния на востоке»⁶⁸².

По всей видимости, Пилсудский смотрел на проблему совершенно иначе. Он решил не ограничиваться опросом своих соратников, и приказал создать строго засекреченное бюро стратегических исследований под названием «Лаборатория»⁶⁸³. Его возглавил генерал К. Фабрици, а заместителем был назначен Глябиш⁶⁸⁴. Примечательно, что основные усилия сотрудников «Лаборатории» были направлены на изучение немецкой угрозы, в то время как на советском направлении работал лишь один сотрудник – майор С. Пстроконьский⁶⁸⁵.

Как уже неоднократно отмечалось выше, Пилсудский обладал в высшей степени подозрительным характером, и эта подозрительность с годами и в свете прогрессирующей болезни только усиливалась. Так что совершенно очевидно, что маршал не питал иллюзий в отношении внезапно возникнувшей польско-германской дружбы. «Я практически никому не доверяю, а тем более Германии. Но я должен играть, потому что Запад сейчас паршивенький»⁶⁸⁶, – сказал он во время уже упомянутой встречи 12 апреля своему близкому сотруднику Глябишу. Пилсудский добавил, что необходимо внимательно изучать «неустойчивое внутреннее положение Франции».

⁶⁸² AAN. Instytucje wojskowe. 296/III-21. Rosja czy Niemcy? S. 6.

⁶⁸³ Подробнее о деятельности «Лаборатории» см.: Kołakowski P. «Laboratorium» – komórka analityczna marszałka Józefa Piłsudskiego // Słupskie Studia Historyczne. T. 16. 2010. S. 117-130.

⁶⁸⁴ См.: Fabrycy K. Komórka specjalna // Niepodległość. T. V. 1955; Głabisz K. «Laboratorium» // Niepodległość. T. VI. 1958.

⁶⁸⁵ Подробнее см.: Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Польша-бабочка. Дипломатические порхания польских властей вокруг советской угрозы в 1930-е годы // Родина. 2021. № 11. С. 118–121.

⁶⁸⁶ DTJS. T. I. S. 156.

Как отмечает Шембек, к концу года Пилсудский все же стал склоняться к мнению о первоначальности угрозы со стороны СССР; но при этом он прекрасно отдавал себе отчет в том, что «в случае войны с Германией скорее всего мы не будем одиноки, а вот в войне с Россией мы очень вероятно будем предоставлены сами себе»⁶⁸⁷. Действительно, в свете интенсивных франко-советских контактов⁶⁸⁸, начавшихся еще в 1932 г. с подписания франко-советского пакта о ненападении и завершившихся в 1935 г. заключением пакта о взаимопомощи, Варшаве едва ли приходилось рассчитывать на помощь Парижа перед лицом возможной советской угрозы.

Выше уже неоднократно отмечалось, что Пилсудский со временем все больше сомневался в надежности строго профранцузской ориентации и задумывался о корректировке внешнеполитического курса Польши. Как представляется, декларация о ненападении с Германией от 26 января 1934 г. была подписана именно в рамках «нового курса» Варшавы. Еще в марте-апреле на совещаниях в Бельведере маршал не только изложил новые принципы внешней политики Польши (их четыре: реализм в определении целей; абсолютная самостоятельность; концентрация только на восточном направлении, где можно добиться серьезного влияния, неучастие в отношениях между западными странами), но и, характеризуя сложившуюся ситуацию, сказал: «Имея эти два пакта (с Германией и Россией) мы сидим на двух стульях – это не может долго продолжаться. Мы должны знать, с которого упадем раньше и когда»⁶⁸⁹.

Здесь будет уместным отдельно остановиться на этой фразе Пилсудского, которую большинство историков трактует как начало польской политики равноудаленности и балансирования между СССР и Германией. Однако исследователи почему-то не обращают внимание на две странности в этой цитате. Во-первых, почему слова «Германия и Россия» взяты в скобки? Скорее всего, Пилсудский эти две страны не назвал. В пользу этого

⁶⁸⁷ Ibidem. S. 156.

⁶⁸⁸ Подробнее о франко-советском сближении см.: Vershinin A. 'My task is to get into the French army': Soviet strategy and the origins of Soviet-French military cooperation in the 1930s // Journal of Strategic Studies. Vol. 44. 2021 №. 5. P. 685–714.

⁶⁸⁹ DTJS. T. I. S. 155.

предположения говорит помета в тексте: «*реляция* Фабрици». Следовательно, мы имеем дело не с подлинными словами Пилсудского, а с фиксацией того, как их понял генерал Фабрици. Если бы Пилсудский их произнес, то Фабрици не нужно было бы использовать скобки. Во-вторых, Пилсудский не сказал конкретно, какие страны он имел в виду, говоря о двух стульях. Более того, эти слова маршала известны нам только по дневнику заместителя министра иностранных дел Я. Шембека, ни в каких других источниках они не встречаются. Если цитата не поддается однозначной интерпретации, то мы имеем полное право интерпретировать ее иначе, чем это принято в литературе.

На момент подписания декларации с Германией у Польши были союзные договоры только с Францией и Румынией, а также пакт о ненападении с СССР. Румыния не могла быть одним из тех стульев, о которых говорил Пилсудский. Действительно, союз с ней заключался в 1921 г. Польшей для того, чтобы усилить свою безопасность. Но ситуация 1934 г. была совершенно иной хотя бы потому, что Варшава имела с Москвой мирный договор и пакт о ненападении. Не случайно то, что Варшава согласилась в сентябре 1932 г. ратифицировать пакт о ненападении с СССР, не дожидаясь согласования проекта аналогичного пакта между Москвой и Бухарестом. Следовательно, Румыния не могла быть одним из этих стульев.

Был ли таким стулом СССР? Все исследователи считают, что был. Но этому противоречит, например, оценка Б.С. Стомоняковым советско-польских отношений в письме советскому полпреду в Польше Я.Х. Давтяну от 5 мая 1934 г.: «Продление пакта (о ненападении сроком на 10 лет – *А. К.*), при всей значимости этого акта, все же не может изменить того положения, что советско-польское сближение на данном этапе можно считать в основном законченным. Все говорит за то, что Пилсудский не желает идти на дальнейшее сближение с СССР...»⁶⁹⁰. Если учесть, что в 1932 г. советско-польский пакт о ненападении заключался Польшей с целью не

⁶⁹⁰ Советско-польские отношения в 1918-1945 гг. Т. 3. С. 244.

углубления взаимодействия двух стран, а нейтрализации возможной угрозы со стороны СССР, а также под давлением Франции, то его продление ничего в этой мотивировке не меняло. СССР не мог быть одним из стульев, чтобы им стать, нужна была более или менее активная политическая деятельность на советском направлении, как это было на германском направлении после января 1934 г. Но на практике ничего подобного не наблюдалось, исключением был только культурный обмен, который никого из партнеров ни к чему серьезному не обязывал и не мог быть конвертируем в политические дивиденды.

Можно ли считать таким стулом Германию? Полагаем, что да. Достаточно сказать, что во время визита в Москву в феврале 1934 г. Бек однозначно отказался от налаживания сотрудничества в вопросах укрепления независимости Прибалтики, из чего Стомоняков сделал вывод, что «Бек, несомненно, опасался, что обсуждение конкретных действий в области разоружения, – так же, как и обсуждение конкретных шагов по укреплению независимости Прибалтики, – может привести или, по крайней мере, поставить ребром вопрос о сотрудничестве с нами против Германии. Таким образом, от выдвинутой раньше польским правительством программы расширения и углубления политических отношений с нами ничего не осталось и никаких иных предложений не было сделано»⁶⁹¹.

Казалось бы, Бек стремился к балансу отношений, но на самом деле блокировал усилия СССР по укреплению безопасности в Восточной Европе, оставляя Германии возможность усиливать свои позиции в Прибалтике, даже вопреки интересам собственным и Франции. Были и другие признаки того, что Польша после января 1934 г. двигалась в направлении более тесного взаимодействия с Германией⁶⁹² и ничего подобного не делала на советском направлении. В этой связи представляется интересным замечание К. Рака о том, что после польско-германской декларации Сталин осознал тщетность

⁶⁹¹ Там же. С. 210.

⁶⁹² См., например, мнение К. Рака: Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. S. 980-983; Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Между кем собирался балансировать и балансировал ли вообще Ю. Пилсудский в 1926-1935 годах // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 179-180.

попыток подчинить Польшу, а также раскусил дипломатическую игру Пилсудского, который, благодаря балансированию, в конечном счете стал бы «самым большим бенефициаром нарастающего конфликта между СССР и Германией»⁶⁹³. Поэтому после визита Бека в Москву в феврале 1934 г. глава Советского государства покончил с политикой сближения с Польшей и отдал приказ Литвинову постепенно сворачивать диалог с Варшавой. Однако это было решено осуществить не в резкой форме, а облечь в традиционную советскую формулу культурных контактов, служивших важной маскировкой для пропаганды. Следовательно, у Варшавы было меньше месяца на проведение политики балансирования между Москвой и Берлином – именно столько прошло с январской декларации до московского визита Бека.

Таким образом, одним из стульев в 1934 г. Пилсудский скорее всего считал Германию, с которой Польша подписала декларацию о неприменении силы, а 7 марта 1934 г. завершила длившуюся с 1925 г. таможенную войну.

А роль второго стула, как бы это не звучало неожиданно, остается за Францией. То есть Польше нужно было выравнивать отношения не с Германией и СССР, а с Германией и Францией. Учитывая, что Франция к этому времени вот уже 13 лет была ближайшей союзницей Польши, то такого выравнивания можно было достичь как с помощью охлаждения отношений между Варшавой и Парижем, которые на тот момент и так уже не были сердечными, так и ослабления позиций Франции в Восточной Европе. Учитывая, что второй опорной страной в системе французских восточноевропейских союзов была Чехословакия, то Польше, логически рассуждая, следовало заняться ее ослаблением.

О верности этого предположения свидетельствует такой важный факт, что за две недели до подписания польско-немецкой декларации от 26 января 1934 г., польский МИД инициировал развертывание античехословацкой информационной кампании. Формальным основанием для этого можно было считать 15-ю годовщину польско-чехословацкого конфликта из-за Тешинской Силезии. Но если учесть, что именно в это время

⁶⁹³ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. S. 930.

шло согласование текста польско-германской декларации, крайне необычной для стандартного пакта о ненападении (отсутствие фиксации нерушимости взаимной границы и положения о нейтралитете в случае конфликта одного из подписантов с третьей стороной), эту кампанию вполне можно рассматривать как сигнал поляков немцам, что они готовы к негласному взаимодействию против Чехословакии и к изменению общей границы в Тешинской Силезии.

В пользу такого предположения свидетельствует продолжительность и интенсивность обвинений в адрес Чехословакии по поводу притеснения, угнетения и ассимиляции ею польского меньшинства. Тон кампании был задан 4 января популярнейшей газетой «Илюстрованы курьер цодзенны», выразившей мысли санационного лагеря. В статье о ситуации в Тешине без обиняков подчеркивался экзистенциальный характер польско-чешского конфликта, что «чешско-польская проблема существует уже десятилетия и не будет решена до тех пор, пока оба народа обречены на сожительство»⁶⁹⁴. 8 января издание опубликовало информацию о том, что чехословацкий таможенник застрелил 16-летнего польского подростка, который нес из Польши домой «4 килограмма мяса, так как там мясо значительно дешевле». Кроме того, подросток был сыном вдовы, у которой было еще несколько детей, а в доме царилла нужда. Испуганный парень не остановился на призыв, однако, и не побежал. Таможенник же, не повторив своего требования, как был обязан поступить, выстрелил с расстояния в несколько шагов, и подросток упал замертво⁶⁹⁵. Подобного же тона придерживалась газета «Курьер поранны», опубликовавшая заметку «Жалобы поляков в Моравской-Острове», рассказавшую о «тяжелой доле польского шахтера и рабочего» и тех невыносимых условиях, в которых польское население живет в Чехословакии. Газета со ссылкой на издание «Право люду», орган Стронництва людового, утверждала, что «экономический террор ...

⁶⁹⁴ Ilustrowany Kuryer Codzienny. 1934. № 4 (41). [электронный ресурс] // <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=67271&from=publication> (дата обращения 31.01.2023).

⁶⁹⁵ Ilustrowany Kuryer Codzienny. 1934. № 8 (81). [электронный ресурс] // <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=67275&from=publication> (дата обращения 31.01.2023).

направленный против польского народа не имеет себе равного в истории Силезии». Более того, «общеизвестно ... что на некоторых шахтах чешские националистические профсоюзы существуют исключительно за счет терроризирования польских работников»⁶⁹⁶.

Газета «Польска Збройна», военный орган пилсудчиков, разметила статью «Грустная годовщина», в которой говорилось, что «23 января 1919 года, нарушая временный договор с Польшей, чехи потребовали от польского руководства в Тешине покинуть территорию Силезии до реки Бяла, дав два часа на ответ. До истечения этого срока чешские отряды пересекли демаркационную линию, тем самым положив начало короткому, длившемуся несколько дней польско-чешскому военному столкновению». Газета отмечает, что Польша держалась в рамках установленных договоров, в то время как от действий Чехословакии до сих пор «падает глубокая тень» на польско-чехословацкие отношения. В заключении газета призывала «не забывать, что по другой стороне ... границы ... осталось более ста тысяч поляков, оторванных от Отчизны»⁶⁹⁷.

Это же издание с 24 по 27 января публиковало статьи дипломированного майора А. Пшибыльского «Битва за Тешинскую Силезию», посвященную пятнадцатой годовщине событий. В них автор подробно описывал ход январских событий и подчеркивал, что Чехословакия предъявляла свое «исключительное и безапелляционное право» на эту территорию, не обращая внимания на ее польскую этнографическую составляющую».

«Газета польска» также не обошла вниманием эту дату, опубликовав 23 января сразу две статьи – «Годовщина чешского вторжения» и «Трагические дни Тешинской Силезии» – прямо затрагивающие проблему притеснения и угнетения польского населения⁶⁹⁸. «Иллюстрированы курьер

⁶⁹⁶ Kurjer Poranny. 1934. № 10. [электронный ресурс] // <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/120201/> (дата обращения 28.01.2023).

⁶⁹⁷ Polska Zbrojna. 1934. 24.01. [электронный ресурс] // <https://polona.pl/item/polska-zbrojna-pismo-codzienne-g-13-i-e-14-nr-22-24-stycznia-1934,MjE1ODkxOTk/> (дата обращения 31.01.2023).

⁶⁹⁸ Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения, 1933-1939. Что скрывалось за политикой "равноудаленности" министра Ю. Бека. М., 2004. С. 132.

подзенны» в этот же день напоминал своим читателям о «героической борьбе», которую вели простые польские рабочие 15 лет назад, обороняя свою землю от чешского нападения. Газета приводила отдельные эпизоды героизма поляков. Так, например, она упомянула 17-летнего Рыклинского, которого чехи повесили⁶⁹⁹. С этого момента античешская кампания в польской прессе лишь набирала обороты и, как полагал М. Пулаский, она «положила начало самой острой фазе двусторонних отношений двух государств в предмюнхенский период»⁷⁰⁰.

Естественно, что подобное поведение Польши было сразу же замечено в Чехословакии. Так, уже 3 февраля 1934 г. советник чешского посольства в Варшаве Я. Смутный отмечал существенное ухудшение польско-чехословацких отношений в последнее время, напрямую связывая это с действиями польской прессы, «развивающей с определенного времени отчетливую античешскую линию, проводя ее систематически и преднамеренно»⁷⁰¹. Если исходить из голосов прессы, то создается отчетливое впечатление, что чехи – это самые большие враги поляков. Смутный также отмечал, что информационная кампания приняла настолько ярко выраженные формы и масштабы, что на нее обращает внимание весь дипломатический корпус в Варшаве, и что некоторые дипломаты даже выразили удивление в посольстве Чехословакии⁷⁰².

Примечательно, что кампания в прессе не ограничивалась лишь представлением ужасов, которым подвергаются поляки Заолзья. Варшава также использовала существующие противоречия между чехами и словаками, делая ставку на последних. В этой связи МИД тщательно следил, чтобы в польской прессе не выходило никаких негативных статей о словаках, так как, по словам поверенного в делах в Праге М. Ходацкого, «любая подобная статья может перечеркнуть значительную часть работы, особенно в

⁶⁹⁹ Ilustrowany Kuryer Codzienny. 1934. № 23 (231). [электронный ресурс] // <http://mbc.malopolska.pl/dlibra/docmetadata?id=67290&from=publication> (дата обращения 01.02.2023).

⁷⁰⁰ Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie od roku 1933 do wiosny 1938. Poznań, 1967. S. 83.

⁷⁰¹ PDD 1934. S. 99.

⁷⁰² Ibidem. S. 100.

области противопоставления полонофилии словаков полонофобии чехов в нынешних польско-чехословацких отношениях»⁷⁰³.

В межвоенный период Чехословакия была самым лояльным союзником Франции, до событий 1938 г. Бенеш неотступно следовал в фарватере французской политики, так что любое действие против нее вело к ослаблению позиций Франции в Восточной Европе. Естественно, что кампания в прессе не могла возникнуть спонтанно, она была частью начинаемого Польшей нового курса в своей политике безопасности. Именно в это время к подрывной деятельности против Чехословакии были подключены польские спецслужбы⁷⁰⁴. Исчерпывающее представление о деятельности на этом направлении польских спецслужб можно найти в отчете майора Э. Харашкевича и капитана В. Липиньского, руководивших этой тайной операцией⁷⁰⁵. Так, согласно их отчету, «в январе 1934 года, за две недели до подписания польско-германской декларации о неприменении силы ... началась античешская кампания, инспирированная МИД. В Польше она проявлялась в форме акций в прессе, приписывающих чехам угнетение польского меньшинства, а на территории Тешинской Силезии в деятельности консула в Моравской-Остраве Мальхомме, который, опираясь на межпартийный комитет польских партий, проводил среди поляков Заользя напряженную националистическую агитацию, пропагандируя лозунги польской державности»⁷⁰⁶. В достоверности и однозначности этого свидетельства сомневаться не приходится, учитывая, что отчет был написан после проведения спецоперации в Тешинской Силезии в сентябре-октябре 1938 г.

Для нас очень важно, что отчет однозначно указывает на инспирирующую роль МИД Польши в античехословацкой кампании. Ставка

⁷⁰³ AAN. Poselstwo RP w Pradze. 2/456/0/1.1.1/79. S. 7.

⁷⁰⁴ О связи Декларации от 26 января 1934 г. и подключении к операции по дестабилизации Чехословакии II отдела Главного штаба Войска Польского прямо писали руководители этой операции. См. Матвеев Г.Ф. Как Польша участвовала в расчленении Чехословакии в 1938 г. // Новая и новейшая история. 2018. № 4; Матвеев Г.Ф. Как Польша участвовала в расчленении Чехословакии в 1938 г. // Мюнхен 1938. Падение в бездну Второй мировой войны. М., 2018. С. 233-250.

⁷⁰⁵ Badziak K., Matwiejew G., Samuś P. "Powstanie na Zaolziu" w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1997. S. 49-54.

⁷⁰⁶ Ibidem. S. 50.

в ней была сделана на польское национальное меньшинство в Чехословакии. Польские меньшинства за рубежом находились под двойным патронажем. Во-первых, они были опорной силой II отдела Главного штаба Войска Польского (II ОГШВП, «двуйка»), занимавшегося разведкой и контрразведкой, а также организацией диверсий за границей. Более того, в самой структуре II ОГШВП существовало отдельное подразделение, так называемая 2-я экспозитура (Э2), занимавшаяся исключительно диверсионной деятельностью. Начальник этого подразделения в 1929–1939 гг. майор Э. Харашкевич отчитывался о проделанной работе непосредственно перед руководителями II ОГШВП.

Личный состав Э2 насчитывал около 11 офицеров, занимавшихся диверсионной деятельностью в отношении немцев во время плебисцита в Верхней Силезии в 1919-1921 гг. В 1934–1936 гг. в состав Э2 входило около 6 отделов, а также зарубежные представительства в Париже, Стамбуле, Харбине и, вероятно, в Братиславе и Данциге. Капитан В. Липиньский руководил подотделом «AN» (Чехословакия) в отделе «А» (Запад)⁷⁰⁷. Что касается МИД Польши, то он осуществлял политический патронаж меньшинств, в случае ЧСР через консульство в Моравской-Острове.

Из вышеприведенного отчета следует: «Поскольку руководство всей полнотой дел польских меньшинств за рубежом сосредоточено в руках МИД, то во избежание пагубной двойственности возникла необходимость в точном регулировании сотрудничества Экспозитуры 2 с МИД. Это стало необходимым, особенно в конце 1933/34 [г.], когда МИД активизировал свою работу на территории польских меньшинств за рубежом»⁷⁰⁸. В апреле 1934 г. в ходе ряда совещаний под руководством дипломированного подполковника Е. Энглихта и директора консульского департамента МИД В.Т. Дриммера (руководителя акции среди польских меньшинств) сотрудничество было урегулировано. Результатом стало принятие решения о том, что политические директивы по любым социально-политическим вопросам

⁷⁰⁷ Ibidem. S. 14.

⁷⁰⁸ Ibidem. S. 49.

польских меньшинств за рубежом относятся к компетенции МИД. Как отмечал Харашкевич, «такое разграничение действий создавало полную возможность организации Э2 сплоченных ячеек для мобилизационно-диверсионных целей, однако обязывало Э2 участвовать в незаконных социально-политических акциях за рубежом, инициированных МИД»⁷⁰⁹.

Начальник II ОГШВП дипломированный полковник Т. Фургальский провел частичную реорганизацию Э2, частично сократив бюджет, так как ее финансирование взял на себя МИД, и Э2 приступила к реализации непосредственного сотрудничества с МИД в Заользье. Так, уже в октябре 1934 г., то есть, через восемь месяцев после начала пропагандистской акции МИД, директор консульского департамента Дриммер обратился к Э2 с предложением о сотрудничестве на территории Тешинской Силезии, так как «ситуация на этой территории требует направления работ среди польского населения в подполье»⁷¹⁰. В частности, Дриммер поставил задачу подготовить почву для противодействия чешским элементам, отличавшимся антипольской деятельностью.

В вышеупомянутом отчете майора Э. Харашкевича подробно описываются механизмы проникновения Э2 на территорию Заользья и организация работы (в том числе, способы вербовки и создания боевых центров). Боевые отряды основывали свою деятельность на принципах строжайшей конспирации, отдельные группы ничего не знали друг о друге и действовали независимо. Свою активную деятельность боевые группы начали уже в январе 1935 г., однако, как констатировалось в отчете, «отдельные акты не полностью соответствовали изданным инструкциями. Причиной этого был слишком большой энтузиазм и желание отдельных руководителей продемонстрировать свою активность»⁷¹¹. К подобным проявлениям энтузиазма относились, например, повреждение памятника в Тршинеце (30. 01. 1935); погром в чешской школе в Карпентне (10.01.1935) и нанесение на памятник президента Т.Г. Масарика надписи «Да здравствует

⁷⁰⁹ Ibidem.

⁷¹⁰ Ibidem. S. 50.

⁷¹¹ Ibidem. S. 51.

Юзеф Пилсудский» (19.03.1935). По всей видимости, как начальник II ОГШВП, так и руководители МИД понимали, что движение необходимо держать в руках, чтобы оно не трансформировалось в неконтролируемую силу, так что в 1935 г. был издан «строгий запрет на проведение отдельными группами каких-либо действий без приказа, за исключением актов личного террора с тем, что последние не могут привести к смерти или инвалидности»⁷¹².

В течение 1934–1935 гг. Э2 и МИД осуществляли совместную работу в Тешинской Силезии на самых разных направлениях – 17 марта 1935 г. была создана глубоко законспирированная диверсионная организация «Готовность молодых поляков за границей»; в мае 1935 г. Э2 по просьбе МИД занималась изготовлением и распространением античешской брошюры, в связи с выборами в парламент; в сентябре 1935 г. была проведена показательная акция, приуроченная к началу учебного года и направленная против насильственной чехизации польских детей (в школах и квартирах учителей выбивали стекла, уничтожали школьные пособия и чешские государственные символы); в ноябре 1935 г. начала работу нелегальная радиовещательная станция, изготовление которой оплатил МИД. Таким образом, как констатировалась в уже упомянутом отчете, «сотрудничество с консульским отделом МИД развивается самым лучшим образом»⁷¹³ и «имеющиеся у Э2 силы и средства на территории Тешинской Силезии позволяют в любой момент приступить к началу соответствующих военно-диверсионных работ»⁷¹⁴.

Мы не знаем точных причин прекращения в конце 1935 г. подрывной операции МИД и II ОГШВП на тешинском направлении. Но можно предположить, что это было связано с развернувшейся после смерти Ю. Пилсудского борьба за власть в санационном лагере или же со стремлением генерального инспектора Войска Польского генерала

⁷¹² Ibidem. S. 52.

⁷¹³ Ibidem. S. 50.

⁷¹⁴ Sprawozdanie Edmunda Charaszkiewicza i Wojciecha Lipińskiego z przebiegu akcji przeciwczeskiej na Śląsku Zaolzańskim prowadzonej przez Ekspozyturę 2 Oddziału II Sztabu Głównego. 31 października 1935. Warszawa // Ibidem. S. 54.

Э. Рыдз-Смиглы нормализовать отношения с Францией и получить от нее кредит на модернизацию армии, что он и сделал в 1936 г. В подобных обстоятельствах агрессивные действия Польши против Чехословакии, главного союзника Франции в Восточной Европе, могли помешать осуществлению этого намерения. В пользу этого предположения может свидетельствовать следующее место из отчета руководителя боевой организации в Тешинской Силезии М. Шипровского о ситуации в Заользье в конце августа 1938 г.: «Наглость чешских шовинистов не поубавилась. И в повседневной жизни, и в прессе она приобретает неслыханно агрессивный тон в адрес Польши и министров, не щадя верховного главнокомандующего, которых обвиняют в забвении обязательств, взятых на себя в Париже, благодаря которым Польша получила кредит»⁷¹⁵.

Следовательно, мы можем с полной уверенностью говорить о повороте внешней политики Польши в сторону охлаждения отношений с Францией при одновременном улучшении отношений с Германией. В этом и заключалась суть балансирования между этими равнозначными партнерами. Имеющиеся документы позволяют датировать этот поворот рубежом 1933–1934 гг., когда началась античешская информационная кампания в СМИ и тесное сотрудничество МИД Польши с Э2, специализированной структурой для ведения спецопераций II ОГШВП, на чехословацком направлении. Что же касается Советского Союза, то он после 1932 г. практически не фигурировал во внешнеполитических концепциях Варшавы, а отношения между двумя странами были фактически заморожены (единственной точкой соприкосновения было обсуждение так называемой Балтийской декларации, которую в конечном итоге в феврале 1934 г. Варшава отказалась подписывать).

Несмотря на то, что польские правительственные круги отрицали связь античехословацкой кампании в прессе с польско-германской декларацией от 26 января, некоторые иностранные дипломаты все же ее заметили, хотя

⁷¹⁵ Sprawozdanie Maksymiliana Szyrowskiego na temat aktualnej sytuacji na Zaolziu. 23 sierpnia 1938. [Bielsko] // Ibidem. S. 64.

только вершущую, поскольку подрывная работа спецслужб дала о себе знать лишь в 1938 г. Например, англичане язвительно отметили, что наконец-то Польша могла «позволить себе роскошь ссоры со своим менее могущественным и ненавистным соседом»⁷¹⁶. Вне всякого сомнения, эта фраза свидетельствует о понимании ее автором нового качества польской внешней политики, о ее большей свободе от вчерашнего патрона, т.е. Франции.

В условиях этих изменившихся отношений в треугольнике Варшава–Берлин–Париж происходила подготовка визита Л. Барту в Варшаву и Прагу. Незадолго до своей поездки к союзникам французский министр иностранных дел встретился с временным поверенным в делах СССР во Франции М.И. Розенбергом⁷¹⁷. Несмотря на то, что обе стороны договорились о необходимости сохранять переговоры в строгой секретности, слухи о них дошли до Варшавы. М.М. Литвинов, как и Э. Бенеш, предупреждал Париж о ненадежности Польши. Возможно, она просто заранее пыталась оказать противодействие предполагаемой негативной реакции Варшавы на Восточный пакт?⁷¹⁸ А возможно, если В.Т. Дриммер действительно сотрудничал с советской внешней разведкой, как об этом говорят некоторые польские и отечественные исследователи⁷¹⁹, в Москве знали, что Польша уже ведет подрывную операцию против ЧСР, т.е. объективно действует в ущерб французским интересам.

С точки зрения военной стратегии, Восточный пакт был жизненно необходим Парижу, так как он укреплял Францию, перекладывая часть бремени по сдерживанию Германии на СССР без каких-либо дополнительных расходов французского бюджета. Барту сообщил кабинету министров, что поддерживает вхождение СССР в Лигу наций, однако подчеркнул, что советские лидеры еще не сформировали единого мнения по этому вопросу. Парламентская поддержка упрочила успех Барту в

⁷¹⁶ Цит. по: Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936*. P. 332.

⁷¹⁷ См.: ДВП СССР. Т. XVII. С. 220-221, 279-280.

⁷¹⁸ ДВП СССР. Т. XVII. Москва, 1971. С. 295-301; DDF. I serie. Т. VI. P. 340-342.

⁷¹⁹ Борисёнок Ю.А. Звонок товарища Сталина на полмиллиона // Родина. 2016. № 9. С. 122–125.

переговорах с Советским Союзом, и 4 июня 1934 г. был достигнут консенсус относительно Восточного пакта.

Предполагаемый пакт должен был состоять из регионального договора о взаимной помощи (из которого было исключено условие помощи только со стороны соседнего государства), франко-советского гарантийного договора и общего договора, который должны были подписать все участники. В подобной схеме Франция должна была выступить гарантом регионального пакта, в то время как СССР, являясь стороной, не подписавшей Локарнский договор, брал на себя обязательства в отношении Франции⁷²⁰.

5 июня французский кабинет утвердил этот план. Министр колоний П. Лаваль, выступавший за союз с Германией, был его единственным противником. Однако пока что Барту не торопился с заключением полномасштабного франко-советского союза⁷²¹. По всей видимости, главный сдерживающий фактор заключался в возможной негативной реакции Варшавы и Берлина. Зная о критическом отношении к пакту поляков, Барту поручил Ларошу проинформировать Бека о содержании переговоров с Литвиновым, проходивших в середине мая⁷²² (вероятнее всего, французы пытались учиться на прошлых ошибках, связанных с «Пактом четырех», и старались в этот раз быть максимально откровенными со своими союзниками).

На новости о франко-советских переговорах Бек отреагировал достаточно сдержанно (как полагал Ларош, следуя директивам маршала). Бек сразу же сделал два замечания – как может работать пакт, тесно связанный с Лигой наций, если ни Германия, ни СССР не являлись членами Лиги, и не стоит ли включить также Румынию, что имело бы значение для ее отношений с СССР?⁷²³ 4 июня Бек, встретившись с Барту в Женеве, также выразил неприкрытый скептицизм относительно участия Литвы в пакте (французы полагали, что это было личное мнение Пилсудского) и

⁷²⁰ DDF. I série. T. VI. P. 602-604, 655-656.

⁷²¹ Эррио Э. Из прошлого. С. 529.

⁷²² Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 162.

⁷²³ Ibidem. S. 162.

относительно шансов проекта на успех в целом⁷²⁴. В тот же день Литвинов телеграфировал из Женевы, что Бек выступает против «предлагаемых нами пактов». 27 июня он констатировал, что «Польша является главным затруднением в осуществлении регионального пакта»⁷²⁵. Действительно, для Польши подобный проект был невыгоден во всех отношениях – например, участие Чехословакии вовлекало бы Варшаву в дунайские проблемы; дипломатических отношений с Литвой вообще не было. Кроме того, Варшава явно опасалась, что СССР заменит Польшу и станет главным союзником Франции⁷²⁶. И тогда ее политике балансирования придет конец, ибо Париж потеряет интерес к Варшаве как своему основному союзнику в Восточной Европе

Разнонаправленность французских и советских целей и интересов не вызывает сомнений. Участие в Лиге наций было интересно для Кремля прежде всего как способ сближения с Парижем. В связи с участвовавшими советско-японскими конфликтами Москва стала осознавать уровень опасности, исходивший от Токио. Именно поэтому для Советского Союза было жизненно необходимо обезопасить свой европейский фланг в случае столкновения с Японией.

Варшава, испытывавшая сильное давление Парижа, до определенного момента избегала откровенно формулировать свои возражения, хотя с самого начала, по мнению британского дипломата в Варшаве, было очевидно, что «Восточный пакт противоречил внешнеполитическим и военным целям Польши под любым углом зрения»⁷²⁷. Более того, некоторые политические круги (в том числе французские) расценивали Восточный пакт как попытку вернуться к довоенной политике союзов⁷²⁸ (в данном случае – франко-советскому против Германии) и концерту великих держав. Естественно, что при таком развитии событий Польша вскоре потеряла бы

⁷²⁴ PDD. 1934. S. 390–394; Beck J. Ostatni raport. S. 78–83; Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 163.

⁷²⁵ ДВП СССР. Т. XVII. С. 371, 412.

⁷²⁶ Подробнее см.: Кузьмичева А.Е. Почему Польша была против Восточного пакта? С. 27–38.

⁷²⁷ Цит. по: Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936. P. 362.

⁷²⁸ Durosell J.-B. France and the Nazi threat: The Collapse of French Diplomacy, 1932–1939. New York, 2004. P. 77.

недавно заработанные политические очки и значение в глазах Парижа. Нет ничего удивительного в том, что на совещании 2 июля 1934 г. Бек настаивал, что сама идея пакта не отвечает интересам Варшавы и нацелена на умаление значения Польши. «Вся комбинация не удастся без нас, – заявил Бек, – так как Россия, не соседствующая с Германией, только при нашем сотрудничестве может давать какие-то гарантии французским границам»⁷²⁹.

Понимая важность польского элемента в советской схеме, Варшава решила получить от этого как можно больше политических дивидендов и использовать этот момент с максимальной пользой для себя. В этой связи интересная точка зрения была высказана в венской газете «Христлих Штандестат». Так, автор полагал, что «польский флирт с Германией – это усиленный натиск на Францию ... Польша не хочет допустить франко-российского сближения и вообще хочет препятствовать, чтобы какое-либо государство вступило с Францией в более тесный союз». Автор заключал, что все действия Польши направлены на то, чтобы показать Парижу, что ценность польско-французского союза намного выше, чем любого другого; а для Германии польско-немецкая декларация более выгодна, так как благодаря ей она получила выход из изоляции, рынок сбыта и многие другие выгоды⁷³⁰.

Польская дипломатия стала изыскивать различные предлоги для того, чтобы торпедировать переговоры о Восточном пакте. Розенберг писал Литвинову из Парижа, что «поляки развивают здесь (во Франции. — А. К.) бешеную энергию, дабы доказать неприемлемость заключения пакта», в связи с чем «положение с переговорами о пакте настолько сложное, что трудно предсказать дальнейшую позицию Франции»⁷³¹. По словам советского дипломата, поляки опасались «разбавления» союзных обязательств Франции в общем пакте, а французы избегали резких действий, чтобы окончательно не толкнуть Польшу в объятия Германии.

⁷²⁹ Świtalski K. *Diariusz 1919–1935*. Warszawa, 1992. S. 663–664.

⁷³⁰ AAN. *Ambasada RP w Berlinie*. 2/474/0/2.3/795. S. 220–223.

⁷³¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 101. Д. 98. Л. 101.

Это замечание заслуживает внимания как свидетельство того, что во Франции существовало понимание сути проводимой в последнее время Варшавой политики балансирования на французском и германском направлениях. Как аргументы против пакта польская сторона выдвигала, среди прочих, тот факт, что Советский Союз под каким-либо предлогом может спровоцировать конфликт с Германией и тогда Польша превратится в поле сражения⁷³², а также невозможность подписания какого-либо договора с Литвой, с которой у нее нет дипломатических отношений⁷³³. То есть, эвентуальные риски в случае присоединения Польши к Восточному пакту были для Пилсудского и Бека важнее, нежели реальная опасность со стороны Германии, взявшей курс на освобождение от налагаемых на нее Версальским договором ограничений в военной области. Объяснить такую политическую линию можно, скорее всего тем, что польские руководители были уверены в правильности своего прогноза по Германии, позволявшего им проводить свою политику балансирования между Францией и Германией.

13 июня 1934 г. немецкий министр иностранных дел К. фон Нейрат заявил Литвинову о неприемлемости схемы пакта для Германии⁷³⁴. Германские аргументы против пакта звучали схожим образом – по словам директора восточного отдела МИД Майера, «Германия хочет оградиться от вторжения чужих войск и превращения в проходной двор для французской, польской, чешской и русских армий». Германия не видела для себя смысла в этом пакте, когда ее западные границы были защищены Локарнским договором и гарантированы итальянцами и англичанами, а восточная граница защищена 10-летним договором с Польшей. Кроме того, немцы не понимали, кто будет определять, какая из сторон, вступающих в конфликт, является нападающей, а какая защищающей. В связи с этим в Берлине считали, что Восточный пакт представлял собой «новый способ подтверждения французской гегемонии в Европе при помощи русских штыков, ибо именно Франция и Советский Союз, как наиболее мощные в

⁷³² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 101. Д. 98. Л. 101.

⁷³³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 101. Д. 98. Л. 105.

⁷³⁴ ДВП СССР. Т. XVII. С. 387.

военном отношении державы, участвующие в восточном пакте, будут, конечно, сами по произволу решать, какая из сторон является нападающей стороной»⁷³⁵. Таким образом, по мнению Майера, при ближайшем рассмотрении весь Восточный пакт выглядел как зародыш француско-советского военного союза, направленного своим реальным острием против Германии.

Поведение польской дипломатии вызвало живую реакцию во французском общественном мнении. Так, журналист Р. Майар с раздражением писал в «Пети Марсейе» о польской позиции выжидания. Автор выражал мнение, что Польша все с бóльшим недоверием смотрит на возрастающую роль советской дипломатии, которая начинает «конкурировать с престижем Польши»⁷³⁶. В другой публикации говорилось о том, что Восточный пакт давал несравнимо бóльшие гарантии мира, чем польско-германский договор⁷³⁷. В статье «Из Варшавы в Берлин через Будапешт» Майар констатировал, что «Малая Антанта проводит согласованную с Францией политику, а Польша настаивает на проведении собственной независимой политики»⁷³⁸. Обобщение всех высказываемых во французской прессе мнений по вопросу Восточного пакта дает основание для вывода о том, что французское экспертное сообщество отдавало себе отчет в том, что Польша ведет в общем-то недружественную Франции политику.

Восточный пакт до определенной степени был средством коренного изменения французской политики, которое хотел осуществить Барту. Безусловно, основная цель Парижа заключалась в упрочении своего доминирования в Европе, но при этом он был готов поделиться гегемонией на востоке субконтинента с Советским Союзом, так как на практике, и это явственно продемонстрировал визит Барту в Варшаву, оказалось, что с ним договориться намного проще, чем с Польшей. Кроме того, эти

⁷³⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 101. Д. 98. Л. 110.

⁷³⁶ ААН. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 26.

⁷³⁷ ААН. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 26.

⁷³⁸ ААН. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 28. Польское консульство в Марселе собрало информацию о Р. Майаре и выяснило, что он член парижской редакции «Матэн» и директор «Пресс-агентства Юго-Восток». Материалы для статей он брал, якобы, во французском МИД, с которым находится в постоянном контакте.

договоренности представлялись намного более прочными и долговечными, чем те химерические перспективы, которые сулил ветшающий союз с Польшей. Как полагал Майяр, «Маршал Пилсудский твердо решил продавать свое сотрудничество за более высокую цену и не сильно беспокоится, будет ли это Париж или Берлин ... Он отчасти поощряет мечты о Польше, превратившейся в политического товарища Гитлера или адмирала Окада»⁷³⁹. Естественно, что Барту такое положение дел не устраивало, ему были нужны гарантии, а их ему мог дать СССР. Поэтому, жребий был брошен, и Луи Барту решил разыгрывать советскую карту.

Важно отметить, что Пилсудский проводил принципиальные различия между польско-французским двусторонним союзом, который он считал жизненно важным для Польши, и французской системой союзов в Восточной Европе, ориентированной на Прагу, которой он совершенно не доверял⁷⁴⁰. Идея Восточного пакта шла вразрез с попытками Варшавы создать собственную региональную систему союзов от Балтийского моря до Балкан⁷⁴¹. Бек поднял вопрос об участии в пакте Румынии и исключении из числа его участников Чехословакии и Литвы не только для того, чтобы усложнить ход переговоров. Варшава осознала, что если подпишет Восточный пакт, то будет вынуждена денонсировать свои проекты по безопасности и, в конечном итоге, утонет в море франко-советской гегемонии. Поэтому она умышленно затягивала время.

Встреча 16 июля 1934 г. Лароша и Шембека прояснила позицию Польши. На вопрос французского посла о возможных действиях Польши, если Германия вдруг потребует разрешения на проход германских войск по ее территории, граф Шембек ответил, что рейх получит отказ. На вопрос же Лароша, что будет, если Германия нарушит свои обязательства в отношении Польши, последовал ответ: «У Польши есть французские гарантии благодаря заключенному союзу; ей не нужны никакие гарантии от Советского Союза,

⁷³⁹ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 30.

⁷⁴⁰ Beck J. Ostatni raport. S. 34.

⁷⁴¹ Подробнее об этих проектах см.: Чарковски Р. «Интермариум»: польские интеграционные проекты и попытки их реализации в 1935-1938 годах. М., 2010.

территория которого не граничит с Германией»⁷⁴². Таким образом, поляки были категорически против эвентуального пропуска через свою территорию как советских, так и германских войск, надеясь в случае конфликта с Германией или СССР на поддержку Франции. Именно поэтому Варшава с беспокойством смотрела на франко-советское сближение, видя в нем снижение уровня своей безопасности на восточном направлении.

10 сентября 1934 г. Германия официально заявила о своей негативной позиции в отношении Восточного пакта. Семнадцать дней спустя в польском меморандуме было недвусмысленно заявлено, что в данных обстоятельствах Варшава не может участвовать в пакте⁷⁴³. Польская делегация всячески демонстрировала свое недовольство принятием СССР в Лигу наций, а Бек 18 сентября, во время речи Литвинова в зале Ассамблеи Лиги наций, во всеуслышание бросил саркастическую фразу: «В конечном счете, это всего лишь II Интернационал, который принимает III Интернационал»⁷⁴⁴. В свою очередь для Парижа вступление СССР в Лигу наций имело первостепенное значение, так как вся его система союзных договоров была связана с Уставом этой организации, поэтому демонстрация поляков не смогла омрачить триумф Барту. 19 сентября он сказал своим сотрудникам: «Моя главная задача достигнута. Правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой»⁷⁴⁵.

Антипольские настроения французской прессы, до этого проявлявшиеся спорадически, по свидетельству польского консула в Марселе В. Обрембского, в начале сентября 1934 г. приобрели колоссальные масштабы. По мнению консула, они были в первую очередь вызваны выступлением Бека в Женеве и имели отнюдь не спонтанный, а систематический характер, «спровоцированный работой пропаганды»⁷⁴⁶. В статье от 4 сентября 1934 г. «Решающая сессия должна открыться в

⁷⁴² Laroche J. Polska lat 1920–1935. S. 167–168.

⁷⁴³ PDD. 1934. S. 567–568; DTJS. T. I. S. 178–181.

⁷⁴⁴ Цит. по: Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. С. 247. Намек на то, что председателем Ассамблеи был швед Р. Сандлер, влиятельный член II Интернационала, который в лице большевика М.М. Литвинова принимал в сообщество наций III Интернационал.

⁷⁴⁵ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. С. 249.

⁷⁴⁶ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 29.

Женева» о вступлении СССР в Лигу наций Ж. Табуи достаточно критически оценила колеблющуюся политику польского правительства по вопросу присоединения к Восточному пакту и отметила, что «...каждый понимает огромную опасность для всех, если Россия, не дожидаясь форм политического сотрудничества с Европой, о которых она просила в течение года, в конечном итоге вернется на пути Рапалльского договора... эта политика будет единственной, которая обеспечит России возможность избежать нападения на двух фронтах сразу в случае японско-русской войны, опасность которой, по их мнению, более неотвратима, чем нападение Германии»⁷⁴⁷. Однако, как считали французы, в Варшаве категорически не хотели это понимать и с этим считаться. Табуи констатировала, что польско-французский союз, бесспорно, являлся основной внешней политики Польши, но предрекала трудности с Францией, которые неизбежно начнутся после денонсации правительством Польши договора о нацменьшинствах⁷⁴⁸ и дискуссий вокруг постоянного места СССР в

⁷⁴⁷ L'Oeuvre. 1934. 04.09. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k46194651/f3.item> (дата обращения 12.07. 2021).

⁷⁴⁸ Версальская система защиты прав национальных меньшинств основывалась на международных соглашениях, навязанных победившими державами Антанты бывшим центральным государствам (кроме Германии) и государствам, созданным и расширившим свои территории после Первой мировой войны. Соблюдение положений договоров о меньшинствах обеспечивалось гарантиями политического и судебного характера со стороны Лиги Наций. Первой обязательства в отношении национальных меньшинств приняла на себя Польская Республика. 28 июня 1919 г., перед подписанием мирного договора с Германией, ее делегаты поставили свои автографы под договором с державами Антанты, в текст которого были включены соответствующие статьи. Так называемый малый Версальский договор обязывал польское государство ввести принцип равенства прав всех граждан независимо от национальности, обеспечить свободу отправления религиозных культов и предоставить меньшинствам определенные языковые права в образовании и судебной системе. Договорные обязательства для всех меньшинств получили статус основных и были закреплены в Мартовской конституции 1921 г. Так как польское государство проводило национальную политику, неблагоприятную для меньшинств, многочисленные нарушения договора были предметом их петиций, направляемых в Совет Лиги наций. Разработанная Лигой наций процедура подачи петиций позволяла представителям меньшинств подавать их Совету этой организации. В случае невыполнения постановлений Совета по петициям, дела передавались в Международный суд в Гааге, постановления которого были строго обязательны для всех государств, обремененных обязательствами в области охраны прав нацменьшинств. Тот факт, что институт защиты прав национальных меньшинств не имел всеобщего характера, вызывал недовольство польского руководства. 13 сентября 1934 г. Польша заявила о приостановке применения договорных обязательств до момента придания им всеобщего характера. Но в силу оставались постановления польско-германского соглашения по Верхней Силезии об охране прав немецкого меньшинства на бывших территориях Германской империи. Выход Польши из договора о защите прав нацменьшинств, который должен был еще раз подтвердить ее претензии на статус великой державы, конечно же, способствовал ослаблению Лиги наций. Подробнее см.: Матвеев Г.Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. № 5 (49); Chałupczak H. et al. Polityka neutralizacji przez Polskę niemieckich petycji mniejszościowych do rady ligi narodów w okresie międzywojennym // Polityka i Społeczeństwo. 2012. №. 09. С. 7-26; Łysko M. Ochrona praw mniejszości w II Rzeczypospolitej Polskiej w świetle postanowień tzw. małego traktatu wersalskiego z 1919 r // Miscellanea

Совете Лиги. Майяр, чьи антипольские настроения консул неоднократно отмечал в рапортах, в своих статьях подчеркивал недопустимость польских инициатив по ведению самостоятельной политики и неприкосновенность договоров, а всю внешнюю политику Польши он охарактеризовал как «авантюристскую»⁷⁴⁹.

Кампания в прессе Франции продолжала набирать обороты. Газета «Солей дё Марсей» разместила антипольскую статью «Неблагодарная отчизна», автор которой подчеркивал, что независимое существование Польши – это результат доброй воли Франции. Но Варшава отказалась от оборонительного союза с Парижем, чтобы сотрудничать с Берлином, и «сейчас польский МИД – это филиал Вильгельмштрассе»⁷⁵⁰. Комментируя польско-германский договор, автор утверждал, что он полностью аннулировал польско-французский союз. И «если Франция подвергнется вторжению еще раз, Польша не сдвинется с места. Раз уж она все получила от нас, чего ей еще ждать? Да здравствует неблагодарность!», - заканчивал автор.

Бек предполагал, что Барту, достигнув своей цели, – вступления СССР в Лигу наций – будет работать для дальнейшего сближения с Советским Союзом. С середины сентября 1934 г. Барту начал разрабатывать модели итало-французского взаимодействия в рамках дунайской организации. Министр выступал в роли посредника между Муссолини и югославским королем Александром, пытаясь выработать модус-вивенди для Италии и Югославии. Однако ему не удалось реализовать свой план, 9 октября 1934 г. Луи Барту вместе с югославским монархом стал жертвой покушения в Марселе. Эта трагедия имела последствия и для Франции, и для всей Европы, так как Барту сумел задать французской дипломатии определенный вектор и скорость, а также существенно поднять ее престиж. Естественно, его усилия не были однозначно успешными. Проект Восточного пакта привел к

Historico-Iuridica. 2019. Т. 18. №. 1. С. 109-132; Michowicz W. Walka dyplomacji polskiej przeciwko traktatowi mniejszościowemu w Lidze Narodów w 1934 roku. Łódź, 1963.

⁷⁴⁹ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 29.

⁷⁵⁰ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 40.

столкновению интересов Варшавы и Парижа. Даже личная дипломатия Барту не смогла преодолеть это противоречие. Для оценки недовольства Польши достаточно напомнить, что Варшава не выразила соболезнования Франции в связи со смертью министра⁷⁵¹, в то время как Чехословакия ответила на известие о трагедии трехдневным трауром.

Трагическая кончина Барту поставила крест на многих его начинаниях. Трудно сказать, как бы сам французский министр развил свои планы в долгосрочной перспективе, но его преемники, безусловно, имели много вариантов для маневров. Как справедливо отмечал Ж.-Б. Дюрюзель, смерть Барту ознаменовала собой смерть подлинной политики союзов, следование которой, возможно, помогло бы Польше и Франции избежать многих разочарований⁷⁵².

Сменивший Барту Пьер Лаваль имел диаметрально противоположный взгляд на проблему немецкого ревизионизма. Кроме того, он никогда не был апологетом франко-советского сближения. Поэтому неудивительно, что переговоры по Восточному пакту начали пробуксовывать.

Оценивая влияние личности Барту на развитие польско-французских отношений, польский посол Хлаповский в секретном рапорте от 26 октября 1934 г. констатировал, что благодаря ему французская дипломатия находилась в состоянии полной эволюции. Барту прилагал все усилия для коренного изменения французской политики по формированию антигерманского фронта. Ликвидировав комиссию по разоружению, Барту стремился усилить прежние союзы Франции и найти новую поддержку (в том числе, в лице СССР и Италии). Но ценой этой новой поддержки стало напряжение в отношениях с союзными Польшей и Югославией. Хлаповский сомневался в том, что Лаваль, несмотря на его заверения, будет продолжать политику Барту. Он также отметил, что с приходом Лавали затих

⁷⁵¹ Однако соболезнования были выражены дипломатической миссии Югославии. Поверенный в делах Франции с горечью заметил, что Барту был не только среди тех, кто подписывал договор 1921 года, но и был награжден орденом Белого Орла. Некоторые исследователи полагают, что этот инцидент был вызван состоянием рассудка маршала Пилсудского. Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936*. P. 370.

⁷⁵² Дюрюзель Ж.-Б. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 году // Французский ежегодник 1961. М., 1962. С. 452.

антипольский тон и враждебность французской прессы. По мнению посла, Лаваль понимал, что нападки прессы на Польшу шли вразрез с государственными интересами Франции⁷⁵³. Свой рапорт Беку Хлаповский заканчивал следующим предложением: «Франко-русское сближение отдаляло Францию от Польши ... я считаю настоящий момент [вступление Лавалья в должность министра иностранных дел Франции – А. К.] очень важным и полагаю, что его надо использовать, пока вопрос франко-советского сближения приостановлен, и до того, когда появится эвентуальная возможность разрядки в политике Франции по отношению к Германии»⁷⁵⁴.

8 декабря 1934 г. Хлаповский написал Беку, что на состоявшемся накануне заседании сенатской комиссии по международным отношениям имела место широкая дискуссия по вопросу польско-французских отношений. Все собравшиеся выразили беспокойство и удивление по поводу их нынешнего плачевого состояния. В результате комиссия поручила сенатору Л. Сенту подготовить в кратчайшие сроки подробный доклад об эволюции отношений⁷⁵⁵. По всей видимости, Лаваль, прекрасно понимая, что наметившаяся положительная динамика в польско-французских отношениях во многом была завязана на личности самого Барту, пытался найти способ хотя бы сохранить расположение Варшавы. Однако Хлаповский заблуждался, полагая, что так тревоживший Варшаву вопрос франко-советского сближения приостановлен. Как показал следующий, 1935 г., отношения между Москвой и Парижем перешли на качественно новый уровень.

§ 3.3. Конец эпохи Пилсудского и начало катастрофы. 1935 год

Пьер Лаваль, занявший пост министра иностранных дел в правительстве Пьера-Этьена Фландена после падения кабинета Думерга в ноябре 1934 года, являлся полным антиподом рафинированного

⁷⁵³ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S.124-131.

⁷⁵⁴ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S.130.

⁷⁵⁵ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/732. S.149.

интеллигента Барту – его внешний вид и определенная вульгарность манер дали возможность современникам сравнивать его с левантийским торговцем. Для британской дипломатии он олицетворял нечистоплотного и коррумпированного французского политика. Как писал в своих мемуарах английский дипломат Р.Д. Ванситтарт (в 1930–1938 гг. постоянный заместитель министра иностранных дел), «когда впервые было решено, что деньги не пахнут, никто не предвидел месье Лаваля»⁷⁵⁶. Однако, отдавая дань достоинствам Лаваля, важно заметить, что он был прагматиком, возможно даже оппортунистом⁷⁵⁷ (в пользу этого предположения говорит дальнейшее развитие французской истории). Лаваль активно продвигал себя по карьерной лестнице, пользовался полной поддержкой всех крупных парижских газет. Кроме того, что немаловажно, отношения между Лавалем и Фланденом были основаны не только на личных связях; оба политика являлись представителями правых бизнес-кругов, и, по мнению Ж.-Б. Дюрозеля, «руководствовались скорее давлением интересов, чем идеями»⁷⁵⁸.

Политическую и экономическую ситуацию, которую унаследовал Лаваль, можно охарактеризовать как в высшей степени напряженную. Бесплодные усилия Думерга по укреплению исполнительной ветви власти привели к падению его кабинета. Радикалы, сыгравшие не последнюю роль в отставке Думерга, вновь вошли в правительство, состав которого не отличался существенно от предыдущего кабинета.

Дипломатия Лаваля пыталась сочетать в себе подход Бриана в отношениях с Германией и внешние признаки более жесткой политики, которая ассоциировалась с Барту. Даже если диалог с Берлином не был возможен, по крайней мере, можно было питать надежды на определенную разрядку в отношениях. Конечная цель Лаваля заключалась в вовлечении великих держав и малых союзников в сеть договоров, пактов и блоков,

⁷⁵⁶ Vansittart R. G. *Lessons of my life*. London, 1943. P. 43.

⁷⁵⁷ Генеральный секретарь Лиги наций француз Ж. Авеноль в своем пространном докладе в январе 1935 г. охарактеризовал новую команду Фландена как «неооппортунистов». Duroselle J.B. *France and the Nazi Threat*. P. 86.

⁷⁵⁸ *Ibidem*. P. 86.

конституирующих комплексную систему безопасности, которая снимала прямую угрозу нападения на Францию. Здесь будет уместно еще раз процитировать Дюрозеля, а именно ту меткую характеристику, которую он дал французскому министру иностранных дел: «Лаваль был очень умен, но в то же время он был скорее хитер, чем компетентен. Он не был человеком четких решений, а скорее “всеобщим другом”. Одному “старому доброму союзу”, как хотел Барту, он предпочел полдюжины почти-но-не-совсем союзов. Он предпочитал неточности»⁷⁵⁹. Таким образом, личности двух французских министров иностранных дел были непохожи, как огонь и вода. Дальнейшее развитие событий только подтвердило эту точку зрения.

Ларош, а вместе с ним многие французские политики и бóльшая часть общественного мнения, связывал растущее отдаление Варшавы от Парижа с назначением в 1932 г. министром иностранных дел Бека, приходом Гитлера к власти и «Пактом четырех». Тем не менее, французский посол придерживался мнения, что улучшение польско-французских отношений возможно даже с Беком во главе польского МИД. По всей видимости, маршал Пилсудский, становясь все более деспотичным, давал директивы, которые никто не осмеливался изменять. Ларош рекомендовал проявлять решительность, но предостерегал от сомнений в отношении целесообразности польско-французского союза, так как это лишь сблизило бы поляков с немцами⁷⁶⁰. Этот союз много значил для обеих сторон и должен был быть перенастроен под текущие условия. Чем сильнее Франция, тем меньше у Польши искушений искать дополнительные гарантии своей безопасности на стороне.

Почетная обязанность начать диалог с Францией выпала на долю генерала Романа Гурецкого, пилсудчика, имевшего репутацию франкофила. Являясь президентом польского отделения Межсоюзнической федерации бывших участников войны (*Fédération Interalliée des anciens combattants – FIDAC*) 2 ноября 1934 г. он обратился с открытым письмом к бывшим

⁷⁵⁹ Ibidem. P. 86.

⁷⁶⁰ DDF. I série. T. VII. P. 868-871, 916; T. VIII. P. 81-82, 370-372.

французским товарищам по оружию. Письмо, как представляется, было отредактировано или даже написано в министерстве иностранных дел. Скорее всего, к этому был причастен сам Бек. Гурецкий заверял в своей непоколебимой вере в польско-французский союз и призывал ветеранов сломать существующую между союзниками стену недопонимания. Он также перечислил претензии, которые Польша предъявляла Франции. Лейтмотивом послания была простая идея – Варшава хочет сотрудничать, но не будет играть роль сателлита или клиента⁷⁶¹.

Ответ председателя федерации французских ветеранов, который был составлен совместно с Кэ д'Орсэ и обществом французских промышленников в Польше, появился 10 января 1935 г. в «Лёвр»⁷⁶². В нем признавалось за Варшавой право гордиться своими достижениями и отмечалось с восхищением, что Польша оказалась первой страной, разрушившей миф о «сезонном государстве». Однако авторы письма выражали недоумение по поводу чрезмерной обидчивости Варшавы. Более того, в ответном послании утверждалось, что Польша не всегда вовремя информирует Францию о своих действиях. Отвечая на упреки поляков в отношении «Пакта четырех», авторы письма утверждали, что уже с конца марта 1933 г. польское правительство регулярно информировалось о франко-английских переговорах, так что любые обвинения в отсутствии консультаций с Варшавой, по сути, беспочвенны. Было отдельно отмечено, что Варшава может себе позволить любые политические маневры, так как «Польшу можно сравнить с архитектором, который строит на пустом месте», а Франция – это «архитектор, который должен строить, но с учетом

⁷⁶¹ «Газета Польска» в номере от 16 декабря 1934 г. поместила полный текст 32-страничного письма Гурецкого. Выдержки из него напечатаны: DTJS. T. I. S. 182-186. Французский журнал «Revue hebdomadaire» посвятил целый номер от 22 декабря 1934 г. польско-французским отношениям и разместил полный текст письма Гурецкого. Во вступлении к письму говорилось, что «во всей нынешней политической ситуации в Европе нет ничего более прискорбного, чем аспект франко-польских отношений». Однако, как заключал автор статьи, «мы с нетерпением ждем момента, когда французское общественное мнение, окончательно просветленное, вернет нашему верному союзнику ту “страстную симпатию”, которая, по словам президента Мильерана, должна оставаться сокровенным чувством каждого доброго француза к великой сестре нашей Республики». [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57340171> (дата обращения: 22.01.2021).

⁷⁶² L'Oeuvre. 1935. 10.01. [электронный ресурс] // <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4619683n.r=L%27C5%92uvre%29?rk=214593;2> (дата обращения: 21.01.2021).

множества сервитутов и значительного количества памятников», то есть Париж стеснен различными сдерживающими факторами. Но при этом подчеркивалось, что «архитектор-Франция считает памятник франко-польского союза неприкосновенным и особенно ценным во всей общей политике мира». Таким образом, письмо Гурецкого, апеллировавшее к французскому общественному мнению, не достигло предполагаемого успеха, а ответное письмо французских ветеранов содержало лишь общие фразы и патетические обороты.

Франко-итальянское соглашение являлось второй частью грандиозного замысла Барту. Итальянцы полагали, что Лаваль будет энергично продолжать эту линию, поэтому радостно приветствовали его назначение на пост министра иностранных дел. Париж прекрасно осознавал, однако, что югославская проблема оставалась острой, и малейшая неосторожность могла привести к тому, что Малая Антанта вышла бы из французской орбиты, как это сделала Польша. Франция сумела справиться с тем, чтобы марсельская трагедия не поставила крест на франко-итальянском сближении, тем не менее напряженные переговоры были еще впереди. Предполагалось, что Дунайский пакт должны были подписать Австрия и ее соседи (включая Италию и Германию), в то время как Польша, Франция и Румыния могли примкнуть к пакту по их желанию. Муссолини поставил условие, что даст согласие на принятие Румынии только в случае участия в пакте Польши; нежелание Лавалья принять это условие красноречиво говорило о недоверии Парижа к Варшаве⁷⁶³.

3 февраля 1935 г. в разговоре с Шембеком Мюльштейн отметил, что, с одной стороны, неприсоединение к Римскому договору усложнило бы отношения с Францией, однако, с другой стороны, подписав этот договор, Варшава, по мнению Парижа, сразу стала бы участницей польско-итало-венгерского блока, своим острием направленного против Малой Антанты. Кроме того, польский поверенный в делах неоднократно констатировал, что актуальные польско-французские отношения были

⁷⁶³ См. DDF. I série. T. VIII. P. 519-520. О приглашении Польши: P. 464-465, 494-495, 544-545, 553.

настолько напряженными, что нельзя было исключать возможность одностороннего разрыва союзнических отношений французской стороной. В этих обстоятельствах, по мнению Мюльштейна, если в Варшаве рассматривался сценарий неприсоединения к договору, это надо было озвучивать как можно быстрее, чтобы в Париже не сложилось впечатление, что «Польша слепо следует указаниям из Берлина»⁷⁶⁴. Итальянский посол Бастианини прямо сказал, что пригласить Польшу к участию в договоре – это была сугубо итальянская инициатива; Франция неохотно согласилась на это, и это нежелание Парижа коренилось в активной антипольской деятельности СССР⁷⁶⁵.

4 января 1935 г. Лаваль отправился в Рим, где три дня спустя подписал несколько соглашений и протоколов, включая противоречивый «эфиопский план»⁷⁶⁶. Подобное сотрудничество в тот момент было выгодно обеим сторонам. Муссолини встал на сторону Франции в первую очередь для того, чтобы у него были развязаны руки в Африке; для Лавалья сближение с Италией являлось способом укрепить свои позиции в последующих переговорах с Германией. Очевидно, что Дунайский пакт должен был стать для Германии препятствием на юге, а Восточный пакт сдерживал бы ее на востоке. Польша склонялась скорее к Дунайскому пакту, нежели к Восточному по очень простым причинам: Варшава уже давно приветствовала сближение Парижа и Рима. Более того, подписание Дунайского пакта, скорее всего, не привело бы к напряженности в отношениях между Варшавой и Берлином. По словам самого Бека, «Лаваль, из всех знакомых [мне] министров иностранных дел, относился к Германии наиболее примирительно»⁷⁶⁷.

Однако в своем экспозе, представленном на заседании комиссии по иностранным делам сейма 1 февраля, Бек достаточно сухо высказался в адрес своего французского союзника. Он ограничился лишь формальным

⁷⁶⁴ DTJS. T. I. S. 198.

⁷⁶⁵ Ibidem. S. 201.

⁷⁶⁶ DDF. I série. T VIII. P. 603-610.

⁷⁶⁷ Цит. по: Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 384.

замечанием о том, что сотрудничество с французским правительством, прервавшееся после трагической смерти «нашего проверенного друга» Барту, было возобновлено в том же дружеском духе с Лавалем и что «новые договоры никогда не нарушат предыдущих обязательств»⁷⁶⁸. Тем не менее, утверждение Бека о том, что основные направления польской внешней политики остались неизменными, было встречено с большой долей скептицизма⁷⁶⁹. А вот первой годовщине подписания польско-германской декларации Бек решил посвятить намного больше внимания и эмоций⁷⁷⁰. Такое поведение польского министра иностранных дел, наряду с восторженным интервью, которое Бек за несколько дней до этого, в день годовщины подписания декларации 26 января, дал германской правительственной газете «Фёлькишер беобахтер»⁷⁷¹, произвели в Париже тягостное впечатление, которое лишь усугубилось после визита в Польшу Г. Геринга в конце января.

Схожее впечатление экспозе Бека произвело и на СССР. Так, в своем письме замнаркома Б.С. Стомонякову советский полпред Я.Х. Давтян обращал внимание на то, что Бек «ограничился» лишь историей польско-советских отношений за прошедший год, «ровно ничего не сказал ни о настоящем положении, ни о будущих перспективах». А фрагмент выступления об отношениях с Германией был выдержан в теплых, дружеских тонах. Давтян также заметил, что «ни одного теплого слова Бек не нашел для своих союзников, особенно для Франции», что вызвало сильное раздражение французов и чехов⁷⁷². Резюмируя вышесказанное, Давтян отмечал, что в экспозе Бека содержалось очень много скрытых выпадов против Франции.

Г. Геринг посетил Польшу 27–31 января 1935 г., по всей видимости, поездка была приурочена к первой годовщине польско-германского договора о ненападении. Прусский премьер и второй человек в рейхе после Гитлера

⁷⁶⁸ Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady. Warszawa, 1938. S. 145-146.

⁷⁶⁹ Ibidem. S. 141, 150-152.

⁷⁷⁰ Ibidem. S. 144-145.

⁷⁷¹ Ibidem. S. 141.

⁷⁷² АВП РФ. Ф.05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 25.

приехал якобы на охоту, однако атмосфера секретности, которой была окружена поездка, очень беспокоила французов⁷⁷³. 27 января после торжественного завтрака в честь приезда Геринга, Бек сообщил Шембеку, что Геринг категорически заявил о немыслимости того, чтобы Германия пошла на договор с СССР и о том, что она не собирается подписывать Восточный пакт, и лишь только желание Пилсудского может подвигнуть немцев на этот шаг⁷⁷⁴.

В разговоре с одним из своих партнеров по охоте, генералом К. Соснковским, Геринг фактически предложил антисоветский союз и совместный поход на СССР, при этом намекая, что Украина стала бы польской зоной влияния, а северо-западная Россия – германской⁷⁷⁵.

31 января Геринг встретился с Пилсудским. Учитывая подобные настроения прусского премьера, Липский опасался, что он может продолжить развивать эти темы и в присутствии маршала, поэтому посоветовал фон Мольтке соблюдать определенную сдержанность. Однако Геринг, не вняв предупреждениям Липского, решительно подчеркнул антагонизм Германии по отношению к СССР и предложил совместный польско-германский поход против России, описывая те выгоды, которые от этого могла бы получить Польша (например, на Украине)⁷⁷⁶. На это Пилсудский, по воспоминаниям Геринга, «онемел»^{*} и заметил, что разрядка в отношениях с Германией позволила ему больше внимания уделять советскому направлению⁷⁷⁷. Интересное освещение этой встречи содержится

⁷⁷³ DDF. I série. T. IX. P. 240, 254-255.

⁷⁷⁴ DTJS. T. I. S. 218.

⁷⁷⁵ Ibidem S. 230.

⁷⁷⁶ PDD 1935. S. 112-113; DTJS. T. I. S. 230-231. В польской «Белой книге» приводится несколько иной перевод этого документа: The Polish White Book. Republic of Poland. Ministry for Foreign Affairs. New York, 1940. P. 26.

^{*} В оригинале использовано немецкое выражение «hat gestutzt». М. Войчеховский, а за ним К. Рак перевели его как «прервать обсуждение» (przeciąć sprawę), однако в своей следующей работе Рак справедливо пришел к выводу, что это выражение лучше проводить как «потерять дар речи», «онеметь» или даже «опешить». См.: Wojciechowski M. Stosunki polsko—niemieckie 1933–1938. Poznań, 1980. S. 244; Rak K. Polska - niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019. S. 212; Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 974.

⁷⁷⁷ DTJS. T. I. S. 230-231.

в агентурном донесении советской разведки⁷⁷⁸. Заслуживающий доверия агент (вероятнее всего Рудольф Гернштадт⁷⁷⁹) сообщал, что Геринг прибыл в Польшу по поручению Гитлера для того, чтобы предложить Пилсудскому заключить военный союз против СССР. Маршал отклонил это предложение, «мотивируя это географическим и политическим положением Польши, не позволяющим идти на такие риски». Однако Геринг из этого разговора вынес уверенность, что дальнейшее развитие событий и напор Германии смогут убедить Варшаву встать на сторону Берлина в предстоящей войне с Советским Союзом⁷⁸⁰.

В тот же день прусский премьер присутствовал на приеме в его честь в германском посольстве. Во время оживленной дружеской беседы с премьером Л. Козловским, Беком, фон Мольтке и Шембеком Геринг заверил всех присутствующих, что и он, и Гитлер горячие сторонники польско-германской дружбы, что сильная Польша для Германии является важным стратегическим элементом ее концепции безопасности, связующим звеном между Черным и Балтийским морями, могучим барьером на пути эвентуальной советской агрессии⁷⁸¹.

Попытки Лароша указать на обеспокоенность Парижа этим визитом встретили слабый отклик в Варшаве – поляки полагали, что французы неправильно понимают природу внешней политики Варшавы. Ларош сообщал в Париж 5 февраля, что не обладает достаточной информацией о подробностях и истинных целях визита Геринга, однако совершенно очевидно, что сам выбор даты делает этот визит значимым событием. Анализируя на основе имеющихся у него сведений встречу Пилсудского с

⁷⁷⁸ Агентурный материал РУ РККА о политических беседах министра-президента Пруссии Г. Геринга во время его визита в Польшу с сопроводительным письмом заместителя начальника РУ РККА А.Х. Артузова наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову от 5 марта 1935 г. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1297266#v=d&z=3&n=5&i=13522087_doc1.tiff&y=483&x=592 (дата обращения: 14.03.2022).

⁷⁷⁹ Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. S. 975.

⁷⁸⁰ Агентурный материал РУ РККА о политических беседах министра-президента Пруссии Г. Геринга во время его визита в Польшу, с сопроводительным письмом заместителя начальника РУ РККА А.Х. Артузова наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову от 5 марта 1935 г. [электронный ресурс] // https://www.prlib.ru/item/1297266#v=d&z=3&n=5&i=13522087_doc1.tiff&y=483&x=592 (дата обращения: 14.03.2022).

⁷⁸¹ DTJS. T. I. S. 223-225.

Герингом, Ларош отметил, что она длилась три четверти часа, «что было бы совсем немного, учитывая привычки маршала, который вплетает так много анекдотов ... что один час – минимум для беседы, представляющей какой-либо интерес» и что во время встречи Пилсудский якобы заявил, что разговор будет проходить на французском языке, потому что «я слишком плохо говорю по-немецки, и всегда с магдебургским акцентом»⁷⁸².

В частных беседах Шембек предупреждал Бека, что Франция может даже денонсировать союз с Польшей, в связи с чем обсуждал с ним возможность поездки в Париж для успокоения французов⁷⁸³. Бек полностью исключал такую возможность, так как это стало бы «самоубийством Франции». Анализируя такое поведение польского министра иностранных дел, становится ясно, что из-за своей гипертрофированной самоуверенности Бек не чувствовал ситуации, не понимал, что достигнутое Польшей в последние два года положение, почти позволившее ей войти в клуб великих держав, не вечно. Как писал редактор виленской консервативной газеты «Слово» Станислав Цат-Мацкевич, «Беку казалось, что ситуация 1934-го года будет вечной, что Германия будет вечно угрожать Европе переменами и что Франция будет вечно находиться в ситуации поиска гарантий от этой угрозы и что он, Бек, вечно будет разговаривать с немецкими дипломатами как со стороной, которая Польшу просит, а не грозит Польше, а в отношении французской дипломатии он будет вечно проводить политику булавочных уколов, которой он так без всякой пользы наслаждался»⁷⁸⁴.

Французское общественное мнение неоднозначно восприняло поездку Геринга. Орган радикалов «Лион Републикен» в передовице «Польско-немецкая Антанта» прямо писал, что за франко-советским сближением сразу последовало «франко-польское охлаждение» и что реальные причины ухудшения отношений коренятся в «мегаломании ... и германофильстве некоторых из польских лидеров». Статья завершалась утверждением, что в вечном споре между Россией и Германией Польша встала на сторону немцев

⁷⁸² DDF, I série, T. IX, P. 254-256.

⁷⁸³ DTJS, T. I, S. 223.

⁷⁸⁴ Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М., 2019. С. 350.

и придерживается их курса⁷⁸⁵. По всей видимости, у французской стороны начали закрадываться сомнения относительно реальности декларируемой Польшей политики равноудаленности. Во французской прессе Польша все чаще представлялась как государство, сотрудничающее с Германией и мешающее мирным инициативам Франции и СССР⁷⁸⁶. Французский журналист Майар регулярно писал об уже сформировавшемся польско-немецком блоке как о *communis locus* и о его очевидной направленности против Литвы и СССР⁷⁸⁷. Майар утверждал, что Польша ни при каких условиях не подпишет коллективных гарантий. Во французской печати активно циркулировала идея о том, что Геринг должен был подготовить встречу Гитлера и Пилсудского, однако не сумел это сделать, как и не смог склонить маршала к еще более тесному польско-германскому сотрудничеству. Французская пресса называла польско-германский союз «исторической аномалией», и красной нитью проводила мысль о том, что он всего лишь «следствие политической игры», в то время как польско-французский союз «существует и всегда будет прочным»⁷⁸⁸. По крайней мере, во Франции очень хотели в это верить.

1–3 февраля 1935 г. в Лондоне состоялось франко-британское совещание с участием Фландена, Лавалля, Макдональда, Болдуина, Идена и Саймона⁷⁸⁹. По его итогам 3 февраля было опубликовано официальное коммюнике, известное как Лондонская декларация⁷⁹⁰. Ее основные мысли можно свести к следующему – самым эффективным способом организации безопасности являются прямые переговоры с Германией, а для этого необходимо, чтобы она «вновь заняла свое место в Лиге наций»⁷⁹¹. 7 февраля Ларош по поручению своего правительства вручил Беку текст

⁷⁸⁵ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 67-68.

⁷⁸⁶ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 86.

⁷⁸⁷ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 46.

⁷⁸⁸ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 49.

⁷⁸⁹ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 12. European Affairs August 5, 1934- April 18, 1935. London, 1972. P. 458.

⁷⁹⁰ Ibidem. P. 482-484.

⁷⁹¹ Ibidem. P. 483.

Лондонской декларации⁷⁹². Французский посол отметил, что в связи «с несомненным фактом вооружения Германии, она [декларация – *А. К.*] нацелена на возвращение Германии в Женеву и закрепление ее вооружения в рамках общей конвенции вооружений». В этот момент Бек уточнил, является ли факт возвращения Германии в Лигу условием признания за ней права на вооружение. Ларош ничего конкретного не ответил, лишь заметив, что все эти вопросы «будут решаться параллельно» (*marchent parallèlement*).

Бек не мог не поинтересоваться мнением французского правительства по вопросу легализации вооружения Германии. Он полагал, что существовало 3 инстанции, в которых этот вопрос мог решаться. Во-первых, в Лиге наций, во-вторых, на конференции по разоружению, и, наконец, в коллективе тех, кто подписал Версальский договор. При этом Бек также напомнил, что он уже неоднократно обращал внимание французского и английского правительств на тот факт, что «постановления договора Польша будет настолько уважать, насколько [это будут делать – *А. К.*] великие державы», и что до настоящего момента он так и не получил ответа на этот вопрос. Безусловно, что уважительное отношение к Версальскому договору являлось одной из основополагающих формул внешней политики Польши. Однако регулярно наблюдая, как великие державы попирали версальские принципы, Варшава совершенно справедливо не считала нужным уважать договор в одностороннем порядке. Кроме того, Бек попросил уведомить Лавалья о том, что польское правительство вынуждено констатировать, что Франция предложила Германии, т.е. государству, против которого направлен польско-французский союз (*visé par notre alliance*) военное авиационное соглашение, о чем уведомляет Варшаву лишь постфактум. В этой связи польская сторона недоумевала, почему французы постоянно обвиняют ее в отношениях с Германией. Тем не менее, Бек поспешил заметить, что это всего лишь его наблюдения, и польское правительство не планирует в дальнейшем развивать эту тему. Поляков также совершенно не удивляли уступки Франции в отношении вооружения Германии, так как «еще в

⁷⁹² AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/733. S. 17.

разговоре с Барту Пилсудский выразил предположение, что Франция уступит». В завершение разговора Бек формально попросил передать Лавалю поздравления с тем, что Франция получила английскую поддержку и тем самым упрочила свои позиции⁷⁹³.

Бек был не из тех политиков, кто делал что-либо просто так. Скорее всего, этот упрек в адрес союзника был сделан с ведома (если не по указанию) Пилсудского. Варшава катастрофически боялась потерять тот политический капитал, который она с таким трудом заработала за последние годы. Естественно, что желание Франции и Великобритании встать на путь прямых переговоров с Германией вселяло ужас в польских политиков, так как это могло грозить тем, что Польша не получит место за будущим столом переговоров и в конечном итоге окажется за рамками новых европейских констелляций. Именно поэтому в Варшаве новость о лондонских переговорах была воспринята явно без энтузиазма.

Как уже отмечалось выше, в 1935 г. идея Восточного пакта продолжала терять свою актуальность. Лаваль и Фланден направляли внешнюю политику Франции в иное русло: Восточный пакт, который раньше был жизненно необходим Франции в качестве интегральной части ее собственной безопасности, теперь стал всего лишь составной частью нового курса на примирение с Германией. Политика умиротворения Берлина стала расцениваться как более плодотворная, нежели политика сдерживания⁷⁹⁴. 8 февраля 1935 г. посол в Париже Хлаповский сообщил о разговоре директора Политического департамента МИД Франции Поля Баржетона с советником польского посольства Франковским. Баржетон выразил недоумение, почему польское правительство выступает резко негативно по отношению к Восточному пакту и дал понять, что считает возможным объяснением тому наличие у Варшавы скрытых мотивов⁷⁹⁵.

⁷⁹³ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/733. S. 17-19.

⁷⁹⁴ Radice L. The Eastern Pact, 1933–1935: A Last Attempt at European Co-operation // The Slavonic and East European Review. T. 55. 1977. № 1. P. 56.

⁷⁹⁵ PDD 1935. S. 103.

Франковский ответил, что польское правительство еще не дало отрицательного ответа, вопрос обсуждается, а также подчеркнул, что этот договор без участия Германии будет иметь совершенно иное дипломатическое значение. Кроме того, он сообщил о присутствии в польском общественном мнении страха перед тем, что Восточный пакт может привести к размыванию польско-французского союза. Логика поляков в изложении Франковского была достаточно ясной и понятной: «Значение Восточного пакта в значительной мере опирается на гарантии французской помощи для Советской России. В этой связи надо определить, против кого Россия желает помощи, а Франция может оказать. У России есть только два соседа, которые могли бы эвентуально (по ее мнению) ей угрожать – Япония на Востоке и Польша на Западе. Таким образом, опасения германского нападения на Россию являются совершенной фикцией, когда без согласия Польши у Германии и России не было бы даже поля битвы.

Польша является достаточно сильной, чтобы обеспечить свою нейтральность или нейтральность Прибалтийских стран, так что трудно представить, где и каким образом могло наступить немецко-российское столкновение? Таким образом, из этого следует, что Советская Россия хотела бы получить помощь от Франции скорее против Польши, которая является союзницей Франции»⁷⁹⁶. В своем донесении Хлаповский также отметил, что «в отношении польской политики царит большое раздражение и постоянно возникают подозрения, что между польским правительством и Гитлером существует договоренность, идущая дальше договора от 26 января 1934 года». В этой ситуации нежелание польского правительства давать конкретные ответы на четко поставленные вопросы, связанные с Восточным пактом, лишь подливало масла в огонь. «Союз с Польшей до определенной степени становится черным пятном на “лиговом счету” Франции, – заключал Хлаповский, – когда еще в Локарно Франция пыталась интерпретировать

⁷⁹⁶ Ibidem. S. 104-105.

союз с Польшей по-своему и поставить его в прямую зависимость от решений Лиги наций»⁷⁹⁷.

Схожую точку зрения в своем рапорте от 8 марта изложил польский поверенный в делах А. Мюльштейн⁷⁹⁸. В приватном разговоре с помощником директора службы политических и торговых вопросов Рене Массильи, касающемся интерпретации польско-французского союзнического договора в свете Восточного пакта, Массильи, стараясь сгладить острые углы, озвучил уже не новую для поляков идею – Париж совершенно не понимает и не принимает аргументации Варшавы против пакта; польско-французский союз, по мнению французов, не мог быть автоматически реализован без участия Лиги наций, которая, в случае немецкой агрессии, должна будет собраться и принять какое-то решение. В этой связи любое вмешательство Франции должно будет опираться на статью 15, пункт 7 Устава Лиги наций*. Естественным, что польская сторона была категорически против размывания союзных обязательств Франции в Лиге наций и в Восточном пакте.

Пытаясь охарактеризовать польский внешнеполитический курс по отношению к Франции, Ларош описывал дипломатию Бека как «изворотливую», но предостерегал от отношения к Пилсудскому как к германофилу или германофобу. Ожидания маршала относительно укрепления польско-французского союза были обмануты Барту. Чаша на весах политики «равноудаленности» может склониться в сторону Германии, но неприятие маршалом Восточного пакта будет незыблемым. В случае агрессии со стороны рейха Пилсудский может прибегнуть к союзу с СССР, но заранее он этого делать не будет⁷⁹⁹.

⁷⁹⁷ Ibidem. S. 106.

⁷⁹⁸ AAN. Ambassade RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/733. S. 25-26.

* В статье 15 Устава Лиги наций описывалась процедура решения споров, возникающих между ее членами. В 7-м пункте говорилось: «В том случае, когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его членами, кроме Представителей участвующих в споре Сторон, Члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим для сохранения права и правосудия». Однако не все сотрудники французского МИД были согласны с обращением именно к этой статье. Так, например, директор Политического департамента МИД Поль Баржетон полагал, что необходимо апеллировать к 16 статье Устава, гласившей, что «Если Член Лиги прибегает к войне... то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения ...». PDD 1935. S. 103-106.

⁷⁹⁹ DDF. I série. T. IX. P. 70-72, 266-268, 325-329, 343-347.

27 февраля 1935 г. Кэ д'Орсэ выработал проект Восточного пакта, ограничивавшегося договорами о ненападении и консультациями (взаимная помощь была факультативной)⁸⁰⁰. Однако Бек видел в пакте только рычаг для укрепления советского влияния в Восточной Европе. Германия же после победы в саарском плебисците 13 января стала еще более бескомпромиссной. Об этом прямо свидетельствовало объявление Гитлером 16 марта восстановления воинской повинности и создания армии численностью 600 000 человек. Подобное неприкрытое нарушение пятой части Версальского договора стало сильным ударом по тем политикам, которые пытались найти уловки для легализации германского перевооружения. Единственное, что могла сделать Франция в возникшей ситуации, это безрезультатно обращаться к Лиге наций и апеллировать к статье 11 Устава.

И, конечно же, Парижу было необходимо выяснить реакцию Польши на действия Германии. Варшава понимала всю серьезность положения и ждала от Парижа конкретных предложений. Однако Ларошу было нечего предложить, вследствие чего Польша заняла уклончивую позицию (примечательно, что отсутствие конкретных предложений со стороны Франции Бек расценил как желание Парижа сотрудничать с Москвой, а не с Варшавой)⁸⁰¹. А когда Польша окончательно убедилась, что Париж не пойдет дальше обращений в Лигу наций, Липский в Берлине получил инструкцию от польского МИД ограничиться выражением озабоченности Варшавы относительно последствий действий Гитлера.

Бек был совершенно уверен, что Германия не отступится от своей цели, поэтому не подкрепленные конкретными действиями протесты имели мало смысла⁸⁰². Фактически же Польша начала пожинать первые плоды своей, если так можно выразиться, политики балансирования с немецким акцентом. Этими шагами Гитлер обеспечивал себе военное преобладание над Польшей и создавал базу для форсированной подготовки резервистов. Конечно, теоретически у Варшавы была реальная возможность поправить свое

⁸⁰⁰ Ibidem. P. 447- 451.

⁸⁰¹ Ibidem. P. 597, 617-618; DTJS. T. I. S. 246-247.

⁸⁰² DDF. I série. T. X. P. 2-3, 6, 26-27; DTJS. T. I. S. 243-246, 248-249.

положение с помощью Восточного пакта, но для этого следовало отказаться от политики балансирования между Францией и Германией. Но к этому шагу Пилсудский не был готов, потому что Польше в этом случае вновь пришлось бы отказаться от своих великодержавных амбиций.

Еще в феврале 1935 г. французские политики стали приходить к выводу, что для привлечения Германии и Польши к Восточному пакту им будет необходима поддержка и активные действия со стороны Великобритании. После упомянутой Лондонской декларации германское правительство уведомило английское о желании вести с ним переговоры один на один⁸⁰³. В этом шаге берлинской дипломатии прослеживалась уже ставшая традиционной тактика нацистов – разъединять своих противников (в данном случае – Францию и Великобританию) с целью последующего ослабления их позиций. В тот момент это вполне совпадало с намерениями Англии, стремившейся к прямым англо-германским переговорам, однако она считала нужным оказать на Германию некоторое давление, чтобы сделать ее более сговорчивой. Этим тактическим маневром стало включение в предполагаемый маршрут Энтони Идена не только Берлина, но и Москвы, Варшавы и Праги.

В ходе встречи британского лорда – хранителя малой печати Идена с Гитлером 25–26 марта 1935 г. канцлер дал ясно понять, что не пойдет ни на какие уступки в вопросе об увеличении армии. В данной ситуации было жизненно необходимо уговорить Варшаву принять Восточный пакт. В Париже все надежды по оказанию давления на Польшу возлагались на Великобританию, однако сами англичане считали нелепой идею французам о том, что британское правительство «должно прибегать к неприкрытому шантажу ради столь ограниченной цели»⁸⁰⁴, и рассматривали поездку Идена скорее как зондажную. Кроме того, как в своих мемуарах написал Бек, Иден был осведомлен о позиции Варшавы по пакту (она была изложена в ноте для Барту), и прекрасно понимал, что не может рассчитывать на ее изменение.

⁸⁰³ Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1976. С. 96.

⁸⁰⁴ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 12. P. 585.

Более того, по мнению Бека, Иден ехал в Варшаву для налаживания польско-английского диалога и улучшения отношений между странами, а не для пророссийской пропаганды⁸⁰⁵. Визиту Идена Бек придавал особое значение в связи с наметившимся качественным изменением польско-английских отношений. До настоящего момента эти отношения ограничивались только женевскими спорами о Данциге и меньшинствах. Великобритания, как считал Бек, воспринимала Польшу лишь как клиента или сателлита Франции, поэтому английское правительство не прикладывало никаких усилий для прямого обмена мнениями с Варшавой. Теперь же с инициативой визита Идена в Варшаву выступил сам Лондон, что не могло не щекотать великодержавные амбиции польского руководства.

2–3 апреля 1935 г. Иден находился с официальным визитом в Варшаве. Утром 2 апреля на торжественном завтраке, устроенном в Королевском замке президентом И. Мосцицким в честь британского министра иностранных дел, в разговоре с Ю. Бекком, польским послом в Лондоне Э. Рачинским и Р. Дембицким Э. Иден сообщил о результатах своих визитов в Берлин и Москву⁸⁰⁶. Он отметил, что берлинская поездка не принесла никаких позитивных результатов. Немцы остались при своем мнении – они не собираются снижать количество своих воинских формирований, и утверждают, что германская авиация должна быть равной французской. Что касается Восточного пакта, то берлинская дипломатия выступила с предложением вместо него заключить общий договор о ненападении, основанный на принципах консультаций. Кроме того, как выяснили англичане, в настоящее время Германия считала более вероятной угрозу со стороны СССР, чем Франции. Иден отметил, что из визита в Берлин английские дипломаты вынесли сильное негативное впечатление.

Говоря о московской поездке, Иден сообщил, что в Кремле опасаются агрессии со стороны Японии и Германии, последней в бóльшей степени. Британский политик полагал, что нынешний Советский Союз представляет

⁸⁰⁵ Beck J. Ostatni raport. S. 101.

⁸⁰⁶ DTJS. T. I. S. 253-255.

собой очень слабое государство и «в течение минимум 50 лет не стоит с его стороны опасаться какого-либо агрессивного действия»⁸⁰⁷. Примечательно, что Иден, понимая скептическое отношение Польши к проекту Восточного пакта, выступил с предложением нового пакта, тесно связанного с Лигой наций. Рачинский полагал, что этим шагом гость из Лондона стремился получить от польской стороны согласие на новый договор, и тем самым привлечь к этому новому проекту Германию⁸⁰⁸.

После разговора с польскими дипломатами Иден поделился своими впечатлениями в телеграмме в Форин-офис, в которой отметил, что пока в Польше сохраняется нынешний режим, нет никакой вероятности какого-либо существенного изменения позиции Польши по Восточному пакту⁸⁰⁹. По сути, от Бека Иден услышал ровно то же, что Варшава уже неоднократно повторяла – польская политика основывалась на хороших отношениях с двумя ее великими соседями, и поэтому она не стала бы вступать в какие-либо соглашения, которые могли бы поставить под угрозу эти отношения с одним из них. В Берлине отношение к пакту было открыто негативным, в Варшаве об этом прекрасно знали, поэтому не собирались ставить под угрозу хорошие, как полагали польские политики, отношения с Германией.

В полдень 2 апреля Иден был в Бельведере на аудиенции у Пилсудского. Кроме самого маршала на встрече присутствовали Бек и Шембек, а с британской стороны советник правительства У. Странг и секретарь посольства А. Эвелинг. Стоит подробно остановиться на общении британского политика с маршалом, так как, по замечанию самого Идена, «разговор шел нелегко, потому что большая часть замечаний маршала, все из которых были произнесены по-французски, были непонятны ни мне, ни двум присутствовавшим польским министрам»⁸¹⁰. Маршал обратился к Идену со словами «итак, Вы приехали из Берлина и Москвы», сразу дав понять своему

⁸⁰⁷ Ibidem. S. 254.

⁸⁰⁸ Ibidem. S. 255.

⁸⁰⁹ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 12. P. 800.

⁸¹⁰ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 12. P. 799.

английскому гостю, что Бек уже проинформировал его о ходе и содержании утренних разговоров⁸¹¹. Далее он отметил, что совершенно согласен с тем, что Иден сказал утром, но подчеркнул, что дальнейшие разговоры на эту тему ему лучше продолжать также с Беком.

Видимо, Пилсудский хотел дать понять, что встреча имеет протокольный характер, и он не собирается обсуждать серьезных вопросов, полностью вверяя это в руки своего министра иностранных дел. Многократные попытки Идена втянуть маршала в обсуждение актуальных политических вопросов не увенчались успехом. Основная идея Пилсудского, как ее понял британский гость, заключалась в том, что у Польши теперь были договоры с Германией и СССР, что политику России всегда было трудно понять и другие страны часто неправильно ее понимали. Как яркий пример такого ошибочного понимания маршал привел Ллойд Джорджа, поддерживавшего Деникина. Как полагал Иден, таким образом Пилсудский намекал, что Великобритании лучше заняться своими колониями и не следовать «дурному примеру Ллойд Джорджа».

Британец, по воспоминаниям Бека, охарактеризовал свою поездку как тактическую необходимость и продемонстрировал отчетливую антипатию к Советам⁸¹². Когда Иден сообщил, что во время пребывания в Москве познакомился со Сталиным, Пилсудский иронично заметил: «Поздравляю вас. Когда я вижу его портрет, мне кажется, что я вижу разбойника»^{813*}. Кроме того, Иден поделился впечатлениями о состоянии маршала – «человек сейчас очень слабый физически, который, несмотря на свои случайные вспышки ... жил полностью в прошлом»⁸¹⁴. Как уже было сказано выше, Пилсудский боролся с онкологическим заболеванием, и в это время уже практически полностью проиграл эту битву, ему оставалось жить чуть больше месяца. Как вспоминал позднее Бек, «у меня лично впервые возникло

⁸¹¹ DTJS. T. I. S. 255.

⁸¹² Beck J. Ostatni raport. S. 102.

⁸¹³ DTJS. T. I. S. 256.

* Бек приводит это высказывание несколько иначе; здесь следует учесть тот факт, что Пилсудский был впечатлен информацией об убийстве С.М. Кирова.

⁸¹⁴ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 12. P. 799.

уже явное впечатление, что это, наверное, последний контакт маршала с иностранным политиком, – впервые я почувствовал, что столь дисциплинированный организм уже отказывается подчиняться железной воле маршала»⁸¹⁵.

Видимо, понимая это, британский политик в итоге решил не обсуждать с Пилсудским текущую международную политику, так как маршал представлял Польшу как страну, «которая цепляется за свои договоры с каждым из своих великих соседей и решительно отказывается менять свою позицию или сталкиваться с любыми событиями, которые могли бы заставить ее пересмотреть позицию, которую она заняла»⁸¹⁶. В тот день у Пилсудского была высокая температура, поэтому при первых признаках усталости маршала беседа была закончена. Как позднее объяснял это в своих воспоминаниях Бек, плохое самочувствие маршала вызвало трудности в изложении им своих мыслей на французском, вследствие чего позднее Иден просил объяснить ему ряд фрагментов, которые он не понял⁸¹⁷.

Адъютант Пилсудского А. Хрынкевич в своем дневнике также поделился впечатлениями об этой последней встрече маршала с зарубежным политиком. Как вспоминал Хрынкевич, 2 апреля 1935 г. «в 17.52 комендант приехал в Бельведер с капитаном Лепецким. Он вышел из машины очень тяжело, словно с трудом. Войдя в холл, он задел плечами край двери и дверного проема, и, медленным шагом, шаркая подошвами своих ботинок по полу, прошел дальше в комнаты. ... Он был очень бледен, цвет лица землистого цвета, очевидно, больной. За последние несколько дней своего пребывания в Генеральном инспекторате Вооруженных Сил он заметно похудел, что сразу бросилось в глаза, так как свободное пространство воротника в окружности увеличилось. Комендант был одет менее аккуратно, чем обычно, во время таких официальных выступлений, [что] демонстрировало отрешенность. Брюки, спущенные очень низко, несколько раз заламывались в области стопы, левая штанина, подвернутая,

⁸¹⁵ Beck J. Ostatni raport. S. 102.

⁸¹⁶ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 12. P. 799.

⁸¹⁷ Beck J. Ostatni raport. S. 103.

поддерживаемая краем недошнурованного ботинка, торчала наружу. Воротник расстегнут»⁸¹⁸. Очевидно, что это протокольное мероприятие далось Пилсудскому с большим трудом, однако железная воля заставляла его до последнего держать руку на пульсе важнейших направлений внешней политики.

Польский поверенный в делах в Лондоне Леон Орловский сообщал, что английская пресса проявила огромный интерес к визиту Идена в Варшаву, и все газеты напечатали передовицы, посвященные этому событию. Основной вопрос, волновавший английскую общественность, заключался в выяснении позиции Польши по Восточному пакту⁸¹⁹. Иден стал первым ведущим британским политиком, посетившим возрожденную Польшу, в том числе поэтому данный визит привлек столько внимания.

Многие издания отмечали, что во время встречи Идена на вокзале все польские дипломаты были в цилиндрах, и только Бек – в котелке; этому факту английская пресса придавала особое символическое значение. В большинстве своем английское общественное мнение с пониманием относилось к мотивам Польши не принимать Восточный пакт в том виде, который предлагали Франция и СССР, поэтому, как отмечалось, главная цель визита британского министра иностранных дел заключалась в выработке новой, приемлемой для Варшавы формулы пакта. По мнению ряда изданий, из нового варианта пакта следовало бы убрать так беспокоившую Варшаву клаузулу о взаимной помощи⁸²⁰. Все писавшие о поездке Идена журналисты единогласно подчеркивали гостеприимство и учтивость польской стороны, а также добросердечную атмосферу, в которой проходил визит.

Германская пресса с торжеством отмечала, что Иден пытался уговорить Польшу присоединиться к Восточному пакту, однако его усилия не увенчались успехом⁸²¹. Во французской прессе звучали пессимистические голоса. Например, автор статьи «Политика Польши вымощена благими

⁸¹⁸ Hryniewicz A. Dziennik adiutanta Marszałka Józefa Piłsudskiego // Zeszyty Historyczne (Paryż). 1988. T. 85. S. 104.

⁸¹⁹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/733. S. 39-47.

⁸²⁰ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/733. S. 47.

⁸²¹ AAN. Ambasada RP w Berlinie. 2/474/0/2.2/733. S. 48.

намерениями» в газете «Лион Републикен» констатировал, что, несмотря на очередное формальное подтверждение поляками отсутствия секретного договора с Германией и готовности присоединиться к модифицированной версии Восточного пакта, резкая оппозиция Варшавы в отношении клаузулы о взаимопомощи вызывала большие сомнения⁸²². Другой автор полагал, что союз с Польшей стал для Франции «тяжелым сервитутом», так как французам говорят защищать границы, которые не только далеки, но и сомнительны»⁸²³ (discutable). Однако большая часть изданий приходила к выводу, что без участия Польши Восточный пакт лишен всякого смысла.

Данная напряженная ситуация нуждалась в срочной разрядке, так что П. Лаваль принял решение снова поехать в Польшу. В начале апреля 1935 г. Ларош сообщил американскому послу Джону Кудахи, что объявление Гитлером призыва крайне обеспокоило Варшаву. По его мнению, Варшава осознала, что приписываемая ей прогерманская ориентация начинает быть стеснительной, поэтому она хотела бы двигаться в направлении более тесного сближения с Францией. По мысли Лароша, поляки ждали от Франции дружеского шага навстречу Варшаве. Французский посол полагал, что развитие событий в течение следующих нескольких недель могло привести даже к тому, что Польша, начав тяготиться польско-немецким договором от 26 января 1934 г., попытается заставить Германию выступить в качестве стороны, нарушающей декларацию в случае, если Польша заключит какое-либо международное соглашение, противоречащее ей. Для иллюстрации своей точки зрения об изменении позиции польского МИД Ларош привел поступившее от германских журналистов сообщение, якобы польское правительство сообщило Ларошу, что Лаваль не будет приглашен в Варшаву. Данное сообщение было решительно опровергнуто польским МИД, и это опровержение было широко распространено⁸²⁴. Многое должна была прояснить предстоящая конференция в Стресе. Ожидалось, что Франция займет жесткую позицию в отношении поведения Германии, и, возможно,

⁸²² AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 100.

⁸²³ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/240. S. 108.

⁸²⁴ Foreign Relations of The United States. Diplomatic Papers. 1935. Vol. I. Washington, 1953. P. 219.

вдохнет новую жизнь в польско-французский союз.

В небольшом итальянском городе Стреза на озере Лаго-Маджоре в апреле 1935 г. состоялась встреча британского премьер-министра Макдональда, Лавалья и Муссолини. Основным вопросом на повестке дня было нарушение Германией условий Версальского договора. Результатом встречи стало подписание 14 апреля 1935 г. соглашения, призванного подтвердить Локарнские договоры, а также провозгласить, что европейский мир покоится на независимости Австрии. Стороны, подписавшие договор, согласились совместно противостоять любым попыткам Германии нарушить Версальский договор. В историю это соглашение вошло как Фронт Стрезы. Однако Фронт Стрезы был внушительным скорее на бумаге, чем на практике. Великобритания не захотела давать Парижу обязательства на случай нарушения Германией договора, особенно относительно Австрии и Рейнской области. Лондон воспринимал сотрудничество с Италией и Францией как временную меру до того момента, пока не станет возможным оценить намерения Берлина. Одновременно ни Италия, ни Франция не хотели, чтобы Фронт Стрезы выглядел однозначно антигерманским. По всей видимости, надежды на сближение с Берлином удерживали Лавалья от союза с Римом.

Бек, возмущенный тем, что Польшу не пригласили участвовать в конференции, рассматривал Фронт Стрезы как попытку вернуться к диктату великих держав. Он выразил скептицизм в отношении якобы имевшей место солидарности трех стран, так как «каждая из держав думает только о том, как бы подписать с Германией сепаратное соглашение»⁸²⁵. Ближайшее будущее показало, что в этот раз Бек сумел дать точный прогноз.

Румынский посол в Польше Виктор Кэдере в разговоре со своим американским коллегой Кудахи отмечал, что по причине очевидно больших амбиций польского МИД и стремления выглядеть великой державой Варшава «считает себя ущемленной и проигнорированной», так как ее не пригласили в Стрезу⁸²⁶. На вопрос американского посла о возможности

⁸²⁵ Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936*. P. 395; DDF. I série. T. X. P. 274.

⁸²⁶ *Foreign Relations of The United States. Diplomatic Papers. 1935. Vol. I. P. 217.*

заклучения в ближайшем будущем оборонительного договора между Россией и Польшей или между Россией, Малой Антантой и Польшей, Кэдере назвал такой договор «фантастическим» и сказал, что «глубокая вражда и недоверие между Польшей и Россией слишком укоренились, чтобы допускать возможность рассмотрения любого подобного предприятия» и что «в Польше существует более глубокое недоверие к России, чем к Германии»⁸²⁷. По словам румына, Бек жаловался на то, что западноевропейские страны не понимают важности стратегического положения Польши между Россией и Германией и в этой связи значения ее восточной границы.

Под давлением СССР Лаваль был вынужден пообещать Москве и Малой Антанте подписать до 1 мая военную конвенцию с Советским Союзом (безотносительно судьбы Фронта Стрезы). В разговоре с американским послом У. Буллитом М.М. Литвинов сказал, что несмотря на то, что Бек презрительно-скептически относится к идее франко-советского соглашения, за последнее время отношения Польши с Германией значительно ухудшились, в связи с чем у него есть некоторая надежда, что визит Лавалья в Варшаву может вывести Польшу на франко-советскую орбиту. Нарком иностранных дел добавил, что польское правительство теперь официально заявило, что оно готово присоединиться к предлагаемому Дунайскому пакту при условии, что Венгрия присоединится к пакту. Однако никаких аналогичных оговорок в отношении присоединения Германии сделано не было⁸²⁸.

При этом французский Генеральный штаб, прекрасно понимая, что советская помощь Франции и Чехословакии целиком зависела от позиции Варшавы, рассматривал три возможных варианта развития событий: Варшава в союзе с Парижем, нейтральная Варшава или Варшава в союзе с Берлином. В первых двух случаях было сомнительно, что Варшава позволит Красной армии действовать на польской территории; в лучшем случае она бы только

⁸²⁷ Ibidem. P. 218.

⁸²⁸ Foreign Relations of The United States. Diplomatic Papers. 1935. Vol. I. P. 271.

приняла материальную помощь от СССР. При третьем варианте Красная армия, скорее всего, вошла бы в Польшу силой⁸²⁹. В данной ситуации от Парижа требовались решительные действия для привлечения Польши к предполагаемым франко-советским проектам.

Ларош говорил о «двойной помощи» – стратегическая позиция и превосходная армия – которую Варшава может предоставить Парижу⁸³⁰. Для того чтобы Польша не стала инструментом в руках Германии, Франции было необходимо развеять страхи поляков относительно того, что они могут быть вовлечены в советско-германский конфликт. Для этого было необходимо позволить Варшаве самой определить тип советской помощи, применить принцип взаимного сотрудничества, а также прояснить возможные действия Варшавы в случае, если Германия нападет на Францию. Более того, Париж должен был снабжать Варшаву военными кредитами и оборудованием. И самое важное – надо было убедить Польшу, что франко-советский договор никоим образом не скажется на польско-французском союзе. Совершенно очевидно, что Франция пыталась вернуть доверие поляков. Кэ д'Орсэ держал Польшу в курсе переговоров с СССР и время от времени консультировался с Варшавой.

Еще в конце марта Лаваль сообщил Беку, что он не придаст франко-советскому союзу очертаний определенности до тех пор, пока сам польский министр иностранных дел не изучит ситуацию. Бек с напускным безразличием ответил, что если Франция хочет союза с СССР, то это ее личное дело, и в интересах Парижа следить за тем, чтобы этот союз был совместим с польско-французским союзом. На самом же деле Бек был очень обеспокоен⁸³¹. После утверждения 30 апреля 1935 г. финальной версии текста Хлаповскому показали документ и опять заверили, что это не повлияет на союз с Польшей. В случае нападения СССР на Польшу Франция брала на себя обязательства, оговоренные в договоре от 1921 г.⁸³².

⁸²⁹ DDF. I série. T. X. P. 227-229.

⁸³⁰ Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936. P. 396.

⁸³¹ DDF. I serie. T. X. P. 56-57, 73-75, 99-100.

⁸³² DTJS. T. I. S. 256.

Накануне подписания франко-советского договора, 20 апреля 1935 г., на первых полосах газет «Правда» и «Известия» появилась идентичная публикация, в которой сообщалось, что «депутат и бывший министр Ламуре опубликовал в провинциальной газете “Бурбоннэ републикен” текст секретного договора, заключенного между Германией и Польшей 25 февраля 1934 г.». Далее в газетах приводился точный текст этого договора, но его оригинала никто никогда не видел. По всей видимости, это была так называемая серая пропаганда в интересах СССР. Упоминания об этом документе в историографии очень спорадические. Например, авторитетный польский историк М. Войчеховский, автор фундаментальной работы «Польско-немецкие отношения, 1933–1938»⁸³³, обходил эту публикацию молчанием — уж слишком невелика вероятность того, что такой опытный политик, как Ю. Пилсудский, стал бы намеренно и демонстративно дестабилизировать отношения с Парижем и Москвой.

Подписанный 2 мая 1935 г. франко-советский договор не был полноценным союзом. Помощь Франции зависела от Лиги наций и Локарнского договора; в случае, если Великобритания или Италия посчитают, что агрессия Германии против СССР была спровоцирована, Франция не будет вынуждена действовать. Объясняя Хлаповскому цели и направленность франко-советского договора, Лаваль и секретарь французского МИД Леже несколько раз подчеркнули, что договор с СССР ни в коей мере не меняет ситуацию в отношении польско-французского союза. Лаваль также стремился убедить, что данный договор в первую очередь направлен для устранения угрозы нападения со стороны Германии, и никаких других целей не имеет. Леже добавил, что в случае советской агрессии на Польшу для Франции польско-французский договор 1921 г. является обязательным для исполнения⁸³⁴.

Однако Варшава явно была не только встревожена, но и обижена. В циркулярном письме польского МИД Бек дал распоряжение всем

⁸³³ Wojciechowski M. Stosunki polsko—niemieckie 1933–1938.

⁸³⁴ PDD. 1935. S. 356.

дипломатам в разговорах о франко-советском договоре описывать позицию польского правительства как «незаинтересованную» (*désintéressement*), при этом «мягко добавляя, что ... заключение двустороннего соглашения между Парижем и Москвой уменьшило шансы проектируемых договоров в Восточной Европе»⁸³⁵. Действительно, ранее, когда Варшава неоднократно заявляла о своей заинтересованности только в двусторонних переговорах⁸³⁶, Париж воспринимал это достаточно скептически; теперь же он сам подписал прямое соглашение с Москвой. В данной ситуации речи не могло быть о присоединении Польши к Восточному пакту. Однако к тому моменту идея Восточного пакта уже практически утратила свою актуальность⁸³⁷.

В Варшаве отношение к договору было неоднозначным. Хлаповский считал, что данный договор граничил с «дипломатическим жонглированием», по его мнению, прежняя французская система безопасности уже не могла удовлетворить текущие потребности, в связи с чем Париж был вынужден пробовать различные варианты: поддержание союза с Польшей, объединенное с процессом нейтрализации Советского Союза; политика сближения с Германией; умеренная дружба с СССР, сопровождавшаяся укреплением связей с Варшавой. Хлаповский считал, что Лаваль предпочитал вариант сближения с Германией⁸³⁸. Мюльштейн же смотрел на франко-советский договор более оптимистично и полагал, что он имеет только политическую ценность, так как устраняет угрозу как советско-германского, так и франко-германского сговора. Одновременно с этим он увеличивает значимость Польши в Берлине и Париже, где теперь поляки могут выступать с претензиями против запугивания «контактами» с СССР, в то время как в действительности эти «контакты» приносят Варшаве политические дивиденды.

10–11 мая 1935 г. по пути в Москву Лаваль посетил Варшаву. Этот визит был расценен как указание на то важное место, какое Варшава

⁸³⁵ PDD. 1935. S. 357.

⁸³⁶ DTJS. T. I. S. 330.

⁸³⁷ Подробнее см.: Кузьмичева А.Е. Почему Польша была против Восточного пакта? С. 27–38.

⁸³⁸ Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936*. P. 401.

занимала в восточной политике Франции. Примечательно, что Мюльштейн рекомендовал оказать Лавалю самый «сердечный и братский прием», так как, по его мнению, предстоящий визит Лавалья в Варшаву являл собой хорошую возможность устранения непонимания, возникшего между Варшавой и Парижем⁸³⁹. На этот раз Бек несколько изменил обычный дипломатический протокол – он лично встретил Лавалья на вокзале и отвез в отель. Рано утром Бек попросил Шембека присутствовать на встрече Лавалья, так как он «намного “чувствительнее к нюансам” (nuancé), чем Поль-Бонкур и Барту»⁸⁴⁰.

По дороге с вокзала в машине Бек прямо сообщил Лавалю, что дни Пилсудского сочтены, и Лаваль должен понимать, что это значит для поляков. Варшава знала, что французская дипломатия была обеспокоена тем, что возможность встречи Лавалья с Пилсудским была названа «сомнительной». Как считал Бек, французский министр оценил эту искренность и в течение своего пребывания в Варшаве старался выразить понимание ситуации. Сообщение о смерти Пилсудского Лаваль получил по приезду на вокзал в Москве. Бек же последний раз встретился с маршалом вечером 10 мая, когда поздно вечером по просьбе самого Пилсудского приехал к нему в Бельведерский дворец⁸⁴¹.

В целом тон разговоров между польскими и французскими дипломатами можно охарактеризовать как дружеский, Лаваль даже стал говорить о «новом климате». Основной темой для разговора стали франко-советский договор, Восточный и Дунайский пакты, а также польско-чехословацкие отношения. Лаваль сразу заметил, что он никогда не возьмет на себя роль «посланника Бенеша». Бек скептически воспринял заверения Лавалья в том, что франко-советский договор ни в коей мере не вредит польско-французскому союзу, и у французского министра

⁸³⁹ DTJS. T. I. S. 280-281.

⁸⁴⁰ Ibidem. S. 283.

⁸⁴¹ Beck J. Ostatni raport. S. 103. Эта последняя встреча достаточно подробно описана в воспоминаниях адъютанта Пилсудского майора М. Лепецкого. Lepecki M. Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1989. S. 336-338.

иностранных дел сложилось впечатление, что Варшава не заинтересована в улучшении отношений с Прагой⁸⁴².

Вечером Бек устроил прием в честь Лавая, на котором, по свидетельству Лароша, присутствовала «вся Варшава», конечно, кроме «откровенно оппозиционных личностей»⁸⁴³. Примечательно, что Бек не только не согласился с предложением Мюльштейна отказать в визе ряду французских журналистов, негативно настроенных к Польше (речь шла о Пертинаксе и Табуи), но и даже по просьбе Лароша пригласил их к себе на раут^{844*}. Тем не менее, полковник Бек сохранил верность себе и в этот раз – французы остались разочарованы бесцветной речью польского министра по радио⁸⁴⁵, а финальное коммюнике изобиловало банальными фразами, заменившими выражение общности взглядов на франко-советский союз (был выбран французский вариант текста)⁸⁴⁶.

Последней в жизни маршала Пилсудского политической заботой стали московские поездки Идена и Лавая. Несмотря на уже критическое состояние здоровья, маршал до последнего намеревался лично принять Лавая. Бек вспоминал, что в своих «последних проблесках сознания, просыпаясь ночью, маршал повторял доктору и окружающим: «Зачем этот сумасшедший едет в Москву, это для Франции должно плохо закончиться»⁸⁴⁷. Адъютант маршала М. Лепецкий, описывая последние тяжелые дни жизни Пилсудского, рассказывал о том, как маршал в бреду бесконечно повторял: «Лаваль, я должен, Россия»⁸⁴⁸. Вероятнее всего, умирающего Пилсудского

⁸⁴² DDF. I série. T. X. P. 538; Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. 13. Naval Policy and Defence Requirements July 20, 1934 - March 25, 1936. London, 1973. P. 280; DTJS. T. I. S. 284-286.

⁸⁴³ Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 211.

⁸⁴⁴ DTJS. T. I. S. 284.

* Ларош писал в своих воспоминаниях, что напомнил Беку о поведении Людовика XII, который забыл обо всех претензиях времен, когда он только был герцогом Орлеанским (по всей видимости, таким образом французский посол намекал на неудачный опыт Бека в Париже в роли военного атташе) и дал ему понять, что согласно правилам, господствующим в среде журналистов, есть понятие солидарности, так что Бек рискует, что на его прием не придет ни один французский журналист. Laroche J. Polska lat 1926-1935. S. 211. Однако упомянутая выше журналистка Ж. Табуи в своих воспоминаниях «Двадцать лет дипломатической борьбы», описывая поездку Лавая в Москву, в этот раз обошла молчанием остановку в Варшаве и гостеприимство полковника Бека.

⁸⁴⁵ Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady. S. 161.

⁸⁴⁶ DTJS. T. I. S. 290.

⁸⁴⁷ Beck J. Ostatni raport. S. 103.

⁸⁴⁸ Lepecki M. Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. S. 336-338.

тяготило, что он так и не смог встретиться с Лавалем и воплотить в жизнь только ему понятные дипломатические комбинации. Схожие впечатления о последнем дне маршала описывал и другой адъютант, Хрынкевич, отметивший, что «Комендант поначалу сохранял спокойствие, через некоторое время начал кричать и ругаться, почти не переставая, на французов, как будто недавнее кровотечение не имело никакого значения. Даже в такую минуту все мысли как бы кружили вокруг столпа вопросов польско-французской политики»⁸⁴⁹. Известно, что Пилсудский в кругу своих сторонников неоднократно высказывал идею, суть которой сводилась к тому, что без него независимая Польша перестанет существовать. Идея была пророческой, и с ней, по всей видимости, он и умирал.

12 мая 1935 г. на 68-м году скончался Первый маршал Польши Юзеф Клеменс Пилсудский, оставив, как написал в передовице «Фигаро» Владимир Д'Ормессон, «психологическую пустоту» в Польше⁸⁵⁰. Мировые информационные агентства моментально распространили эту новость, посвящая первые полосы биографии Пилсудского и его роли в становлении независимого польского государства. Даже советская печать, несмотря на очевидно неоднозначное отношение к личности маршала, в течение нескольких дней регулярно публиковала материалы, посвященные Пилсудскому. Среди этих материалов отдельного упоминания заслуживает отредактированная лично Сталиным статья К. Радека «Маршал Иосиф Пилсудский» в «Известиях», в которой Радек характеризовал Пилсудского как «горячего патриота»⁸⁵¹.

Из Москвы Пьер Лаваль приехал в Варшаву на похороны Пилсудского, которые проходили 17-18 мая. Там он встретил Петена, который возглавлял французскую делегацию. Помимо Франции внушительные делегации на траурную церемонию прислали Германия (ее возглавлял Геринг как представитель фюрера), Италия, Румыния, Чехословакия, Великобритания и

⁸⁴⁹ Hryniewicz A. Dziennik adiutanta Marszałka Józefa Piłsudskiego. S. 127-128.

⁸⁵⁰ Le Figaro. 1935. 14.05. [электронный ресурс] // <http://visualiseur.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k298059w> (дата обращения: 14.02.2021).

⁸⁵¹ Кузьмичева А.Е. Он был польским националистом, и это было его существом. Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 167–168.

другие страны. Присутствие же СССР было достаточно скромным, что, по всей видимости, вызвало некоторое недоумение советского полпреда Я.Х. Давтяна. А вот Германия проявила максимум внимания к ситуации – в Берлине были вывешены траурные флаги, Гитлер лично посетил панихиду в германской столице⁸⁵².

Вскоре после смерти маршала Бек подтвердил, что будет проводить во внешней политике существующий курс. Однако французы надеялись на влияние президента Мосцицкого и генерала (вскоре маршала) Эдварда Рыдз-Смиглы, имевшего репутацию франкофила. Тем не менее, внешнеполитические прерогативы всецело достались Беку – предыдущие два с половиной года он являлся техническим исполнителем директив Пилсудского и одним из самых близких маршалу людей. Бек платил ему почти что собачьей преданностью. Как вспоминал сотрудник польского МИД Ян Мейштович, отношение Бека к Пилсудскому было «смесью квазисыновьей любви и абсолютно некритического культа. “Когда я стою, – говорил он, – перед трудным решением, я прежде всего задаюсь вопросом, как бы поступил в этой ситуации Маршал”. В кабинете министра Бека на первом этаже дворца Брюля золотая стрелка на потолке указывала час смерти Пилсудского»⁸⁵³.

В санационном лагере Бек считался наиболее подготовленным для проведения в жизнь принципиальных установок Пилсудского. Еще в 1932 г. бывший адъютант Пилсудского капитан Свирский, проницательный наблюдатель политической жизни, в разговоре с заместителем министра по делам религий и народного образования Б. Жонгловичем заметил, что в Польше на самом деле три правительства – «Пилсудский, видимое правительство с премьером и закулисная партия – М. Выжел-Сцежинский, К. Свигальский, Ю. Бек и Б. Медзинский. ... Последнее “правительство” – люди без идей, без идеалов, хитрые искатели должностей и денег, чтобы жить,

⁸⁵²Подробнее см. Кузьмичева А. Е. Он был польским националистом, и это было его существом. Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 165–170.

⁸⁵³ Meyszutowicz J. Czas przeszły dokonany. Wspomnienia ze służby w MSZ w latach 1932–1939. Kraków, 1984. S. 94.

кутить, наслаждаться. Они никому не служат, кроме себя. Они всех продадут, они всегда останутся на плаву. Секрет того, что они ближе к Маршалу, чаще видятся с ним, заключается в том, что они налету ловят даже не мысль, а кивок Пилсудского, который не любит долго говорить, объяснять. Бек в 1926 году не умел этого делать, и Пилсудский назвал его дураком, идиотом при первом контакте, но Бек быстро сориентировался»⁸⁵⁴.

Бек остался единственным «полковником» в кабинете М. Зындрам-Косцялковского и осенью 1935 г. даже думал об отставке, однако, властные амбиции вкупе с убежденностью в том, что лишь он сможет правильно выполнить заветы Пилсудского⁸⁵⁵, побудили его остаться на посту министра иностранных дел до рокового сентября 1939 г. По всей видимости, именно эта почти фанатическая преданность своему кумиру побуждала Бека последовательно, настойчиво и неукоснительно следовать внешнеполитическим директивам Пилсудского 1934 г., постепенно терявшим свою актуальность⁸⁵⁶.

В ночь с 12 на 13 мая 1935 г. польское посольство в Берлине получило телефонограмму, в которой говорилось следующее: «Уже долгое время маршал Пилсудский не занимался вопросами польской внешней политики. Ею самостоятельно руководил, опираясь на основополагающие принципы министерства иностранных дел, Юзеф Бек. Принципиальная линия, на которую указал маршал своему ближайшему сотруднику, в дальнейшем будет продолжена»⁸⁵⁷. Эта телефонограмма не только наделяла Бека статусом правопреемника и наследника маршала в сфере дипломатии, но и прямо говорила о том, что последние годы Бек самостоятельно проводил внешнеполитический курс. Таким образом Бек утверждал свое положение в санационном лагере в качестве исполнителя «завещания маршала».

В своих мемуарах Бек также писал о том, что с конца 1934 г. он докладывал Пилсудскому только о самых важных проблемах внешней

⁸⁵⁴ Цит. по: Garlicki A. Piękne lata trzydzieste. Warszawa, 2008. S. 3.

⁸⁵⁵ Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918-1939. Warszawa, 1998. S. 186-187.

⁸⁵⁶ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 234-235.

⁸⁵⁷ Цит. по: Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933-1938. S. 194 (przyp. 29).

политики, стараясь «свести тяготы к минимуму» и «обращаясь к Бельведеру только в особо важные моменты или по желанию самого маршала»⁸⁵⁸. Однако целый ряд источников позволяют сделать вывод, что Бек все же переоценивал степень своей самостоятельности⁸⁵⁹. Вероятно, по собственным ощущениям Бек еще не до конца утвердил свой новый статус в санационном лагере и пока не имел такого желанного положения первого претендента на должность. Именно поэтому ему надо было ссылаться на волю покойного маршала Пилсудского.

Несмотря на формальные заверения в продолжении курса Пилсудского, мало кто верил словам Бека – за время службы на посту министра иностранных дел он снискал репутацию франкофоба и германофила. Во время пребывания на посту военного атташе во Франции в 1922–1924 гг. 28-летний Бек оказался в центре шпионского скандала⁸⁶⁰ – «Французский штаб получил совершенно достоверную информацию, что сведения о французских вооруженных силах, сообщавшиеся Беку, как представителю союзной польской армии, стали известны штабу рейхсвера. По данным французского штаба не подлежало сомнению, что эти сведения «позаимствованы» немцами от Бека. Бека попросили срочно убраться из Парижа. При его отъезде не были даже соблюдены обычные формы международной вежливости»⁸⁶¹. С тех пор отношения Бека с Францией можно охарактеризовать как достаточно напряженные.

Тем не менее, Пилсудский всегда считал союз с Францией краеугольным камнем польской внешней политики. В своей беседе с Беком 10 мая 1935 г., известной нам, к сожалению, только по воспоминаниям министра иностранных дел, маршал дал ряд рекомендаций, имевших характер «политического завещания». «Любой ценой вы должны сохранять

⁸⁵⁸ Beck J. Ostatni raport. S. 96.

⁸⁵⁹ Kornat M., Wołos M. Józef Beck: biografia. Kraków, 2020. S. 357.

⁸⁶⁰ Подробнее см.: Wołos M. Józef Beck: espion allemand? Histoire d'une rumeur // Revue historique des armées. 2010. № 260. P. 45-53; Борисёнок Ю. А., Кузьмичева А. Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179-196; Кузьмичёва А.Е. «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17-19.

⁸⁶¹ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Л. 83.

союз с Францией и стараться втянуть в него Англию, – советовал маршал. – Это кажется сегодня невозможным, но к этому надо постоянно стремиться»⁸⁶². Эта мысль проходила красной нитью в беседах Пилсудского с его окружением. Так, в декабре 1934 г. в разговоре с Шембеком маршал отмечал, что даже несмотря на видимость того, что союз с Францией теряет значение, нельзя допустить, чтобы он прекратил свое существование⁸⁶³. Вторым важным аспектом, по мнению Пилсудского, была необходимость сохранения отношений с Германией «насколько долго это возможно». Примечательно, что Пилсудский ни словом не упомянул тогда Советский Союз.

Принимая Бека в последний раз, Пилсудский спросил его: «Дитя, Вы не боитесь?», на что последовал немедленный ответ – «Комендант, люди, которых Вы одарили честью своего доверия, не боятся»⁸⁶⁴. Характерно, что Пилсудский не оставил никаких директив на случай сближения Москвы и Берлина, которое полностью перечеркнуло основы внешней политики Польши.

Смерть Пилсудского ознаменовала собой новый этап в истории II Речи Посполитой. Как уже неоднократно отмечалось выше, Бек был идеальным помощником маршала: «Способный и трудолюбивый, молчаливый, сдержанный и одновременно исполнительный, преторианец в полном смысле этого слова»⁸⁶⁵. Уже в 1930 г. после назначения Бека заместителем министра иностранных дел, польская оппозиция открыто выражала свою тревогу по поводу этого выдвижения, указывая на ненависть Бека к Франции и на его германофильство. Тогда пресса вспоминала о его зловключениях на посту военного атташе в Париже.

Опасения польской печати оправдались вскоре после смерти Пилсудского. В июле 1935 г. Бек поехал в Берлин для встречи с Гитлером. Это был первый его официальный визит после смерти маршала, первое

⁸⁶² Цит. по: Kornat M., Wołos M. Józef Beck: biografia. S. 359.

⁸⁶³ DTJS. T. I. S. 438-439.

⁸⁶⁴ Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926-1939. Warszawa – Kraków, 2015. S. 132.

⁸⁶⁵ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Л. 84.

самостоятельное действие Юзефа Бека. Французская пресса внимательно следила за развитием событий и с тревогой реагировала на тот факт, что на пресс-конференцию не пустили журналистов из других стран, особенно из Франции. Это сразу породило подозрения в том, что участники берлинских переговоров желают что-то скрыть от других стран⁸⁶⁶. Во французской прессе это активно обсуждалось и выдвигались самые фантастические предположения, вплоть до заключения секретного польско-германского соглашения, направленного против Чехословакии. И слухи эти были небезосновательными, как это явственно следует из отчета отделения № 2 II отдела Главного штаба Войска Польского⁸⁶⁷. Одна из газет в Бейруте разместила фотографию Бека, снабдив ее подписью «Друг Гитлера»⁸⁶⁸. Примечательно, что эта встреча состоялась уже после смерти Пилсудского, который, как известно, так никогда и не виделся с Гитлером лично, несмотря на все старания Геринга устроить эту встречу. Бек полагал, что «приведение к разрядке в отношениях между Польшей и Германией становится самым большим и самым ценным достижением нашей внешней политики». Выступление Гитлера 22 мая в рейхстаге открыло еще больше перспектив для польско-германского сотрудничества и дальнейшего сближения⁸⁶⁹.

Итак, преторианец теперь стал императором польской внешней политики. К сожалению, Бек не был ни креативным политиком, ни прагматиком; он был исполнителем, который волею судьбы стал демиургом внешней политики Польши. Не имея реальной силы, Бек фантазировал, играл во внешнюю политику так, будто бы этой мощью обладал. Как гласит старинная французская поговорка, «хорошо играет тот, кто играет без противника». А противники у Юзефа Бека, увы, были, причем крайне решительно настроенные. В том числе, в отношении Польши.

⁸⁶⁶ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 52.

⁸⁶⁷ Матвеев Г.Ф. Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 137–156.

⁸⁶⁸ AAN. Ambasada RP w Paryżu. 2/463/0/-/241. S. 54.

⁸⁶⁹ DTJS. T. I. S. 232.

Заключение

После Первой мировой войны, когда спустя 123 года после разделов I Речи Посполитой Польша вновь появилась на карте Европы, начальник государства Ю. Пилсудский отчетливо осознавал необходимость поиска союзников. Он хотел построить союз с партнером, который был бы дружелюбным, динамичным, смелым и рациональным в своей внешней политике, и, что самое важное, который рассматривал бы Польшу как равноправного члена этого союза. Кроме того, он считал необходимым вступить в союз с державой, которая стремилась бы сдерживать Германию. Из всех великих держав Франция теснее всего взаимодействовала с Польшей, оказывая ей как политическую, так и военную поддержку, граничила с Германией и, таким образом, лучше всего подходила на эту роль. В этом видении жизненной важности для Польши союза с Францией с ним была согласна и самая влиятельная в то время партия национальной демократии, по многим другим вопросам с Пилсудским не соглашавшаяся.

Признанием Парижем и Варшавой взаимной заинтересованности друг в друге стали подписанные 19 и 21 февраля 1921 г. политический договор и военная конвенция, которые как минимум до середины 1920-х гг. отвечали заложенному в них функционалу – защите от германской угрозы и в некоторой степени от советской⁸⁷⁰. И хотя интересы двух стран с самого начала совпадали далеко не во всех областях, их сотрудничество было взаимовыгодным, и о разрыве союза не было речи даже в моменты возникавшей между ними напряженности. Таким образом,

⁸⁷⁰ Французские исследователи Ж. Суту и Ф. Дессберг справедливо подчеркивали приверженность Пилсудского включению Советского Союза в военную конвенцию в качестве возможного агрессора. Дессберг полагает, что во Франции считали, что для Пилсудского польско-французский союз заключался в распределении задач – Париж должен был обеспечить безопасность со стороны Германии, в то время как Польша должна была служить бастионом против опасности со стороны СССР. Soutou G.-H. «L'alliance franco-polonaise (1925–1933) ou comment s'en débarrasser?» // *Revue d'Histoire diplomatique*. Paris, 1981. P. 317–318; Dessberg F. *Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, 2009. P. 164.

польско-французский союз имел решающее значение для внешней политики Польши с 1921 г. как минимум до 1935 г.

Пилсудский всегда изучал позицию Франции, зондировал царящие в ней настроения и соответствующим образом инструктировал своих дипломатов в рамках официальных или неофициальных миссий ради сохранения и развития союза с Парижем. Анализ основных направлений польской внешней политики свидетельствует, что ее руководители не видели возможности заменить союз с Францией какой-либо другой комбинацией.

После локарнского поворота 1925 г. польско-французский военный союз утратил характер альянса прямого действия. Теперь приведение его в действие против Германии ставилось в зависимость от Лиги наций, в эффективности которой Польша уже на тот момент серьезно сомневалась. В это же время существенно выросла зависимость Парижа от Лондона. В связи с тем, что Лондон начал отдавать предпочтение политике умиротворения Берлина и отказывался гарантировать обязательства Парижа на востоке, Форин-офис препятствовал и даже торпедировал французские инициативы.

Немаловажным фактором, влиявшим на развитие польско-французских отношений, была политическая нестабильность Третьей Республики. С ноября 1925 года по май 1935 г. сменилось 23 кабинета министров, большинство из которых формировались не на основании общности взглядов, а являлись результатом комбинаций, призванных удовлетворить самые разные политические и личные интересы. Естественно, что такие разные кабинеты были просто не в состоянии проводить единый внешнеполитический курс. Более того, каждый из семи министров иностранных дел (Бриан, Лаваль, Тардьё, Эррио, Поль-Бонкур, Даладьё и Барту) пытался привнести свой собственный вклад во внешнеполитический курс Франции, но, кроме Бриана и феномена «брианизма», никто не занимал министерский пост достаточно долго, чтобы преуспеть в этом. Примечательно, что за исключением Барту и Поль-Бонкура, мало кто из министров пытался разобраться в польской проблеме. Ситуацию усугублял

существенный поворот Франции в сторону пацифизма в начале 1930-х гг., что заставило Польшу усомниться в способности Франции поддержать ее в случае угрозы со стороны Германии.

Начало 1930-х гг. ознаменовало собой новый этап развития международных отношений. Экономический кризис 1929–1933 гг. усугубил ситуацию в Германии и способствовал нарастанию негативных тенденций в политической жизни – все громче стали слышны голоса в поддержку ревизионизма, укреплялись позиции праворадикальных группировок, настаивавших в отмене всех наложенных на страну ограничений и репараций. Одновременно с этим Франция теряла позицию гегемона на континенте, все больше прислушиваясь к мнению Великобритании и вставая на дорогу переговоров с Германией. В декабре 1932 г., после признания равенства Германии в вооружениях, проявился отчетливый кризис польско-французского союза.

В сложившихся условиях, когда Франция оказалась не в состоянии дать решительный отпор Германии, Пилсудский понял необходимость существенной корректировки внешней политики Польши и приспособления ее к новым европейским конstellациям. В этой связи в 1933 г. после прихода Гитлера к власти Пилсудский счел важным для безопасности Польши проверить надежность французского союзника, поставив вопрос о превентивной войне и спровоцировав инцидент на Вестерплатте. Однако, убедившись в том, что Франция не готова к решительным действиям, маршал увидел выход в прямых переговорах с Германией. В рамках «нового курса» Польши 26 января 1934 г. Варшава и Берлин подписали декларацию о неприменении силы. Таким образом, Польша, уже в статусе объекта, а не субъекта международных отношений, самостоятельно стала взаимодействовать с Германией и Францией, балансируя между этими двумя странами. Как известно, для балансирования нужны равнозначные партнеры, поэтому Варшаве, у которой на тот момент был союзный договор с Францией, требовалось повысить уровень отношений с Берлином. При этом Советский Союз после 1932 г. практически никак не фигурировал во

внешнеполитических концепциях Варшавы, а отношения между двумя странами были фактически заморожены — после визита Бека в Москву в феврале 1934 г. единственной сферой сотрудничества двух стран осталась только культура. Таким образом, принятая в польской историографии трактовка политики «равноудаленности» как балансирования между Германией и СССР, в действительности, была отчетливым равноудалением от Берлина и Парижа.

В пользу достоверности подобного вывода свидетельствует еще один поворот во внешней политике Польши на рубеже 1933–1934 гг., на этот раз в отношении соседней Чехословакии. Его публичным проявлением стала античехословацкая пропагандистская кампания в польской прессе, начатая до подписания декларации о неприменении силы с Германией. Это позволяет трактовать ее как сигнал Германии, что Польша не является послушным младшим партнером Франции и не отказывается от расчленения ЧСР, к чему стремился и Гитлер. А скрытым проявлением стала начавшаяся после декларации от 26 января 1934 г. подготовка польскими спецслужбами по инициативе МИД Польши тайной операции по дестабилизации положения в чехословацкой части Тешинской Силезии с целью ее последующего присоединения к Польше. Совершенно очевидно, что Пилсудский, совершая этот внешнеполитический поворот, понимал, что Прага является центральным звеном во французской системе восточноевропейских союзов, так что любые действия против нее автоматически направлены против Парижа. Это охлаждение отношений с Францией и было той самой ценой, которую Польша готова была заплатить за проведение в жизнь политики «равноудаленности».

Стоит отметить, что во Франции существовало понимание того, что польско-французский союз уже не только по прочности, но и по своей сути стал иным, теперь Варшава меньше зависит от Парижа, когда дело касается Берлина, но при этом не порывает с ним и по-прежнему, в рамках политики балансирования, считает его своим основным партнером, но уже не патроном. Не случайно, что Пилсудский до конца своей жизни не

пренебрегал союзом с Францией, даже в его ослабленной форме, и определял его как основу «национальной политики» Польши⁸⁷¹. Однако 12 мая 1935 г. Первый маршал Польши скончался, не оставив своим преемникам политического завещания⁸⁷². Начался период т.н. декомпозиции лагеря санации, когда его прежние первые лица были устранены от власти и только Ю. Бек сохранил в своих руках руль внешней политики Варшавы. Трагедией для Польши стало то, что, лишившись жесткого контроля за своей деятельностью со стороны Пилсудского, глава МИД Польши придал своей внешней политике отчетливый прогерманский курс⁸⁷³, достигший своего максимума во время мюнхенского кризиса 1938 г. и обернувшийся осенью 1939 г. крушением межвоенной польской государственности.

⁸⁷¹ Gmurczyk-Wrońska M. Józef Piłsudski and the Polish-French Alliance (1926–1935) // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. T. 54. 2019. № 3. P. 77.

⁸⁷² Подробнее см.: Кузьмичева А.Е. К вопросу о мифах в истории: было ли у Ю. Пилсудского завещание? // *Casus belli в международных отношениях XIX-XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления*. М., 2023. С. 362-371.

⁸⁷³ Rak K. *Piłsudski między Stalinem a Hitlerem*. Warszawa, 2021. S. 982.

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные архивные материалы:

Archiwum Akt Nowych (AAN), Warszawa

1. Akta instytucji wojskowych (2/1401/0)
2. Ambasada RP w Berlinie (2/474/0)
3. Ambasada RP w Paryżu (2/463/0)
4. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie (2/513/0)
5. Poselstwo RP w Pradze (2/456/0)
6. Sztab Główny w Warszawie (2/1190/0)

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Москва

7. Фонд М. Литвинова (05)
8. Фонд «Посольство СССР во Франции» (136)
9. Фонд «Референтура по Польше» (122)
10. Фонд «Референтура по Франции» (197)

Опубликованные источники:

Сборники документов:

11. Версальский мирный договор. М., 1925.
12. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР), т. I–XVII. М., 1959-1971.
13. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III, VI. М., 1965-1969.
14. Морозов С. В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки

- Российской Федерации, II отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933-1939 гг.). М., 2017.
15. План Юнга и Гаагская конференция 1929-1930. Документы и материалы. М., 1931.
 16. Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923-1939. Москва, 2001.
 17. Польско-советская война. 1919-1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч.2. М., 1994.
 18. Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами до 1-го января 1941 г. / Сост. Ф.Р. Горбов; под ред. проф. Д.Д. Мишустина. Москва, 1941.
 19. Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению. Признание Маньчжоу-Го и др. / Наркомат по иностранным делам СССР; Ред. К.В. Антонов. М., 1933.
 20. Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. V. Экономические конференции и соглашения. М., 1933.
 21. Секреты польской политики. Сборник документов (1935-1945) / Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009.
 22. Советско-польские отношения в 1918-1945 гг. Сборник документов в 4-х томах. Т. 3: 1932–1939 гг. / Сост. С.А. Складов; под общ. ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. М., 2017.
 23. Badziak K., Matwiejew G., Samuś P. “Powstanie na Zaolziu” w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa, 1997.
 24. Berber F.J. ed. Locarno: A Collection of Documents. Hamburg, 1936.
 25. Documents Diplomatiques Français (DDF). I série (1932-1939). T. I–X. Paris, 1964-1972.

26. Documents Diplomatiques. Documents Relatifs Aux Négociations Concernant Les Garanties De Sécurité Contre Une Agression De L'Allemagne (10 Janvier 1919 – 7 Decembre 1923). Paris, 1924.
27. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 1st Series. Vol. 27. Central Europe, the Balkans, and Germany January-October, 1925. The Conference of Locarno, October, 1925. London, 1986.
28. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 2nd Series. Vol. IV, XII, XIII. London, 1950–1973.
29. Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich; First Phase. Vol. I (January 30 – October 14, 1933). London, 1959.
30. Documents on German Foreign Policy, 1918-1945: series C (1933-1937). The Third Reich: First Phase, Vol. II (October 15, 1933 – June 13, 1934). London, 1959.
31. Foreign Relations of The United States. Diplomatic Papers. 1935. Vol. I. Washington, 1953.
32. Łaptos J. Dyplomaci II RP w świetle raportów Quai d'Orsay. Warszawa, 1993.
33. Official Documents concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations 1933–1939. Ministry for Foreign Affairs (The Polish White Book). New York, 1940.
34. Polskie Dokumenty Dyplomatyczne (PDD). 1933–1935. Warszawa, 2015–2017.
35. Wells H G. Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand. London, 1922.
36. Zbiór dokumentów nr. 5. Warszawa, 1934.

Правительственные и парламентские документы

37. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés (1919–1935). Выборочно.
38. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat (1919–1935). Выборочно.

Периодическая печать*Пресса Польши:*

39. Czas (1922–1935). Выборочно.
40. Express Poranny (1922–1935). Выборочно.
41. Gazeta Polska (1929–1935). Выборочно.
42. Gazeta Warszawska (1922–1935). Выборочно.
43. Głos Lubelski (22. 05. 1935)
44. Ilustrowany Kurjer Codzienny (1922–1935). Выборочно.
45. Kurier Poranny (1922–1935). Выборочно.
46. Kurjer Warszawski (1922–1935). Выборочно.
47. Polska Zbrojna (1922–1935). Выборочно.
48. Robotnik (1922–1935). Выборочно.
49. Słowo (1922–1935). Выборочно.

Пресса Франции:

50. L'Humanité (1919–1935). Выборочно.
51. L'Écho de Paris (1919–1935). Выборочно.
52. L'Oeuvre (1919–1935). Выборочно.
53. Le Figaro (1919–1935). Выборочно.
54. Le Journal (1919–1935). Выборочно.
55. Le Matin (1919–1935). Выборочно.
56. Le Petit Journal (1919–1935). Выборочно.
57. Le Petit Parisien (1919–1935). Выборочно.

58. *Le Petit-Niçois*. (1919–1935). Выборочно.
59. *Le Populaire* (1919–1935). Выборочно.
60. *Le Temps* (1919–1935). Выборочно.
61. *Paris-Soir* (1919–1935). Выборочно.

Пресса СССР:

62. Известия (1922–1935). Выборочно.
63. Правда (1922–1935). Выборочно.

Мемуарная литература:

64. Дирксен фон Г. Москва, Токио, Лондон – двадцать лет германской внешней политики. М., 2001.
65. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.
66. Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М., 2019.
67. Эррио Э. Из прошлого: между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958.
68. Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 2014.
69. Beck J. Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926-1939. Warszawa–Kraków, 2015.
70. D'Abernon, E.V. An ambassador of peace: pages from the diary of Viscount D'Abernon. (Berlin, 1920–1926). London, 1929.
71. Diariusz i teki Jana Szembeka / opracował T. Komarnicki. T. I. Londyn, 1964.
72. Diariusz i teki Jana Szembeka. T. 2. Londyn, 1965.
73. François-Poncet A. The Fateful Years: Memoirs of a French Ambassador in Berlin, 1931–1938. New York, 1949.
74. Hrynkiewicz A. Dziennik adiutanta Marszałka Józefa Piłsudskiego // *Zeszyty Historyczne* (Paryż). 1988. T. 85. S. 104.
75. Laroche J. Polska lat 1920–1935. Warszawa, 1966.
76. Lepecki M. Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1989.
77. Lipski J. Diplomat in Berlin 1933–1939. New York, 1968.

78. Meysztowicz J. Czas przeszły dokonany. Wspomnienia ze służby w MSZ w latach 1932- 1939. Kraków, 1984.
79. Morawski K. Tamten brzeg: wspomnienia i szkice. Warszawa, 1996.
80. Noël L. La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984.
81. Noël L. Agresja niemiecka na Polskę. Warszawa, 1966.
82. Świtalski K. Diariusz 1919–1935. Warszawa, 1992.
83. Vansittart R. G. Lessons of My Life. London, 1943.
84. Wagener O. Hitler aus nächster Nähe: Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929-1932. Ullstein, 1978.
85. Wysocki A. Tajemnice dyplomatycznego sejfu. Warszawa, 1974.
86. Pertinax. Les gravediggers of France. Gamelin, Daladier, Reynaud, Petain, and Laval. New York, 1968.

Электронные ресурсы:

87. Агентурное сообщение в ИНО ОГПУ при СНК СССР о переговорах канцлера Германии Ф. фон Папена в Париже о формировании западной военной коалиции против СССР. 24.06.1932. [электронный ресурс] // https://www.prilib.ru/item/1296775#v=d&z=3&n=5&i=13520995_doc1.tiff&y=1594&x=627 (дата обращения: 19.11.2021).
88. Агентурный материал РУ РККА о политических беседах министра-президента Пруссии Г. Геринга во время его визита в Польшу, с сопроводительным письмом заместителя начальника РУ РККА А. Х. Артузова наркомму обороны СССР К. Е. Ворошилову от 5 марта 1935 г. [электронный ресурс] // https://www.prilib.ru/item/1297266#v=d&z=3&n=5&i=13522087_doc1.tiff&y=483&x=592 (дата обращения: 14.03.2022).
89. Документальный агентурный материал 4-го Управления Штаба РККА о германо-польских отношениях, "пакте четырех" и германских предложениях Польше заключить соглашение на антисоветской основе. [электронный ресурс] //

- https://www.prilib.ru/item/1296468#v=d&z=3&n=5&i=13524895_doc1.tiff
&y=-176&x=564 (дата обращения: 22.11.2021).
90. Из дневника заместителя наркома по иностранным делам СССР Н. Н. Крестинского – запись беседы с послом Германии в СССР Г. фон Дирксеном и германским военным атташе в СССР О. Гартманом об ухудшении советско-германских отношений. 03.04.1933. [электронный ресурс] // https://www.prilib.ru/item/1296478#v=d&z=3&n=5&i=13519789_doc1.tiff
&y=349&x=611 (дата обращения: 04.05.2021).
91. Информация 2-го бюро Генштаба французской армии "О состоянии германо-польской политики". 09.01.1933. [электронный ресурс] // https://www.prilib.ru/item/1296484#v=d&z=2&n=5&i=13519998_doc1.tiff
&y=462&x=425 (дата обращения: 20.11.2021).
92. Устав Лиги Наций. [Электронный ресурс] // <http://doc20vek.ru/node/451>
(дата обращения: 13.02.2023).
93. Dr Kazimierz Rakowski – działalność w Paryżu [электронный ресурс] // <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/20270205>
(дата обращения: 27.10.2020).
94. League of Nations Official Documents. Council. Documents de travail. Council Documents, 1933. Free City of Danzig. Guard Detachment for The Polish War Material Depot. Question Of «Direct Action». [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/free-city-of-danzig-guard-detachment-for-the-polish-war-material-depot-question-of-direct-action>
(дата обращения: 06.12.2022).
95. League of Nations Secretariat Several Sections, Political and Technical Registry files (1919–1927). Organization. General. Council. Sessions of the Council. Minutes. Stenographic Record of the 37th Session of the Council, Geneva, 7-16 December 1925. [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/compte-rendu-stenographique-de-la-37eme-session-du-conseil-geneve-7-16-decembre-1925> (дата обращения: 06.12.2022).

96. League of Nations Secretariat. Administrative Commissions and Minorities Section. Registry files (1933-1946). Administrative Commissions. Danzig Harbour Board Police. Police of the Port of Danzig - Request of the Polish government of 7 March 1933 regarding increase of harbor police force. [электронный ресурс] // <https://archives.ungeneva.org/police-of-the-port-of-danzig-request-of-the-polish-government-of-7-march-1933-regarding-increase-of-harbor-police-force> (дата обращения: 06.12.2022).
97. Report to the Fourth Assembly of the League on the Work of the Council, on the Work of the Secretariat and on the Measures taken to execute the Decisions of the Assembly. Geneva, 28.06.1923. [электронный ресурс] // <http://digital.library.northwestern.edu/league/le00195a.pdf> (дата обращения 24.04.2018).

Сочинения государственных и политических деятелей

98. Радек К.Б. Ликвидация Версальского мира: доклад IV Конгрессу Коммунистического Интернационала. Пг., 1922.
99. Сталин И.В. Сочинения. Т. 2,7,13. М., 1946-1951.
100. Троцкий Л. Сочинения. Том 3. Ч. 2. М., –Л., 1925.
101. Beck J. Przemówienia, deklaracji, wywiady. Warszawa, 1939.
102. Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1. The Gathering Storm. Boston, 1986.
103. Józef Piłsudski o państwie i armii. T. I. Warszawa, 1984.
104. Nieznane rozmowy Józefa Piłsudskiego. Kraków, 2018.
105. Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. Warszawa, 1937.
106. Smogorzewski C. La Politique polonaise de la France: déclarations d'hommes d'état, savants, écrivains et publicistes français. Paris, 1926.

Энциклопедии и справочные материалы:

107. Большая Советская Энциклопедия. Т. 24. М., 1932.
108. Harmsworth's Universal Encyclopedia. Edited by J.A. Hammerton. Vol. 6. London, 1922.
109. Harmsworth's Universal Encyclopedia. Edited by J.A. Hammerton. Vol. 10. London, 1922.
110. Mały rocznik statystyczny Polski: wrzesień 1939 – czerwiec 1941. Warszawa, 1990.

Литература

111. Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007. 223 с.
112. Белогловский Е.С. Проблема безопасности Франции и борьба политических группировок в 1934–1935. // Французский ежегодник 1959. М., 1961. С. 321-339.
113. Белоусова З.С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964. 298 с.
114. Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. М., 1976. 418 с.
115. Белые пятна-черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2017. 822 с.
116. Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Далеко идущее германофильство Бека... // Родина. 2020. № 3. С. 122–125.
117. Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179-196.
118. Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Новая биография полковника Юзефа Бека // Славянский альманах. 2020. № 1-2. С. 482–491.
119. Борисёнок Ю.А., Кузьмичева А.Е. Польша-бабочка. Дипломатические порхания польских властей вокруг советской угрозы в 1930-е годы // Родина. 2021. № 11. С. 118–121.
120. Введение в теорию международных отношений: Учебное пособие / Отв. ред. А.С. Манькин. М., 2001. 317 с.

121. Вершинин А.А. В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935) // Российская история (Старое название: Отечественная история; История СССР). 2022. № 5. С. 177–195.
122. Вершинин А.А. Аристид Бриан. Политический портрет государственного деятеля и дипломата Франции // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 176–196;
123. Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская история. 2020. № 3. С. 52–66.
124. Вершинин А.А. Эдуард Даладьё и политика умиротворения агрессора накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 42–70.
125. Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022. 636 с.
126. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933–1938. М., 1966. 272 с.
127. Волос М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 60–67.
128. Демидов С.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. Рязань, 2017. С. 98–136.
129. Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945. 302 с.
130. Дюрозель Ж.-Б. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 году. // Французский ежегодник 1961. М., 1962. С. 444–457.
131. Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М., 2014. 384 с.
132. История дипломатии / Под ред. В.П. Потёмкина. Т. 3. М., 1945. 883 с.
133. История дипломатии. Т. 3 /0 Под ред. А.А. Громько, И.Н. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семенова и др. М., 1965. 752 с.
134. Кантор Ю.З., Волос М. Треугольник Москва–Варшава–Берлин. СПб., 2011. 218 с.
135. Кен О.Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003. 129 с.
136. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. 485 с.

137. Кузьмичёва А.Е. «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17-19.
138. Кузьмичева А.Е. «Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии». Что скрывалось за пактом Гитлера – Пилсудского? // СЕМИНАР / СЕМІНАР / SEMINARIUM. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О.Н. Кена. СПб., 2018. С. 57–71.
139. Кузьмичева А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 126–135.
140. Кузьмичева А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 126–135.
141. Кузьмичева А.Е. К вопросу о мифах в истории: было ли у Ю. Пилсудского завещание? // Casus belli в международных отношениях XIX-XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. М., 2023. С. 362-371.
142. Кузьмичева А.Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933-1934) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 1. С. 32–50.
143. Кузьмичева А.Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933-1934) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 1. С. 32–50.
144. Кузьмичева А.Е. Он был польским националистом, и это было его существом. Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 165–170.
145. Кузьмичева А.Е. Он был польским националистом, и это было его существом. Как Советский Союз прощался с маршалом Пилсудским // Славянский альманах. 2017. № 1-2. С. 165–170.
146. Кузьмичева А.Е. Почему Польша была против Восточного пакта? // СЕМИНАР / СЕМІНАР / SEMINARIUM. Сборник статей. Работы победителей Девятого открытого конкурса студенческих и аспирантских работ Актуальная наука памяти О.Н. Кена. СПб., 2017. С. 27–38.
147. Кузьмичева А.Е. Реакция Варшавы на франко-советское сближение 1934–1935 гг // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов. Краснодар, 2015. С. 155–164.

148. Кузьмичева А.Е. Французский фактор в политике равноудаленности Юзефа Бека в 1935–1936 гг. // Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв. Т. 9. Санкт-Петербург, 2017. С. 254–266.
149. Курганский А.А. Польша во внешней политике Великобритании в межвоенный период (опыт контент-анализа парламентских дебатов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2015. № 9. С. 94–100.
150. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно (1919–1925). М., 1947. 488 с.
151. Магадеев И.Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 58–69.
152. Магадеев И.Э. Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 35–44.
153. Магадеев И.Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14, № 3. С. 128–162.
154. Малафеев К.А. Луи Барту политик и дипломат. М., 1988. 172 с.
155. Малафеев К.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933–1939 гг. Рязань, 1994. 145 с.
156. Манфред А.З. К истории советско-французского пакта о взаимной помощи 1935 // Французский ежегодник 1961. М., 1962. С. 458–468.
157. Матвеев Г. Пилсудский. Москва, 2008. 473 с.
158. Матвеев Г.Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Т. 1. М., 2018. С. 414–425.
159. Матвеев Г.Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. № 5 (49).
160. Матвеев Г.Ф. Как делалось Силезское восстание 1921 г. // *Causa belli* в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. М., 2023. С. 108–130.

161. Матвеев Г.Ф. Как Польша участвовала в расчленении Чехословакии в 1938 г. // Мюнхен 1938. Падение в бездну Второй мировой войны. М., 2018. С. 233-250.
162. Матвеев Г.Ф. Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919-1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир: Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка. Серия Историки-слависты МГУ. Кн. 11. М., 2016. С. 425-443.
163. Матвеев Г.Ф. Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919-1920 годах? // *Studia slavica-polonica* (К 90-летию И.И. Костюшко). М., 2009. С. 105-114.
164. Матвеев Г.Ф. От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге // Родина. 2013. № 6. С. 91-94.
165. Матвеев Г.Ф. Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 130-143.
166. Матвеев Г.Ф. Тактика А.А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире 22 сентября – 12 октября 1920 года // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42-47.
167. Матвеев Г.Ф. Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 137–156.
168. Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 100-122.
169. Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Мезга Н.Н. Советско-польские отношения 1921-1926 годов: новый этап противостояния. Гомель: ГГУ им. Скорины, 2019 // Славяноведение. 2020. № 3. С. 129-131.
170. Матерски В. К. вопросу о периодизации польско-советских отношений в межвоенный период // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 4. С. 71-75.
171. Мезга Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель, 2010. 198 с.
172. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. 460 с.
173. Мельтюхов М.И. Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2022. 576 с.
174. Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М., 1977. 287 с.

175. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939. Что скрывалось за политикой "равноудаленности" министра Ю. Бека. М., 2004. 527 с.
176. Наумова Н.Н. Крах Франции: расплата за политику умиротворения // Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру / Ред. Л.С. Белоусов, В.Н. Горохов, А.С. Манькин и др. М., 2020. С. 160–181.
177. Наумова Н.Н. Образ поляков в личных свидетельствах капитана Ш. де Голля – участника советско-польской войны 1920–1921 гг // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.). Труды Исторического факультета МГУ. Т. 129. СПб., 2021. С. 272–288.
178. Обичкина Е.О. Мюнхенская политика: Франция в поисках безопасности в период чехословацкого кризиса (сентябрь 1938 г.-март 1939 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 6. С. 21-21.
179. Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 97-114.
180. Офицеров Д.В. Польско-германское сближение в 1933 году и вопрос превентивной войны // Вестник Пермского университета. № 4. 2003. С. 40-45.
181. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016. 171 с.
182. Парсаданова В.С. Советско-польские и советско-румынские отношения накануне второй мировой войны // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 23–41.
183. Парсаданова В.С. Эдвард Рыздз-Смиглы // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 10–23.
184. Парсаданова В.С. Юзеф Пилсудский // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 53–74.
185. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. 949 с.
186. Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции: борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена: 1919–1939 гг. М., 1973. 453 с.
187. Сальков А.П. Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 г. – март 1939 г.) /

- // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7. Минск, 2012. С. 9-28.
188. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. 335 с.
189. Случ С.З. Германо-польский пакт о ненападении 1934 г.— дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории. 1983. С. 84-104.
190. Смирнов В.П. Советско-французский договор о взаимной помощи в освещении советской печати // Россия-Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010. С. 243–252.
191. Смирнов В.П. Франция в XX веке. М., 2001. 352 с.
192. Стегарь С.А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980. 280 с.
193. Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1976. 422 с.
194. Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения:(между первой и второй мировыми войнами). М., 1959. 451 с.
195. Чарковски Р. «Интермариум»: польские интеграционные проекты и попытки их реализации в 1935–1938 годах. М., 2010. 199 с.
196. Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике: 1918-1925. М., 1974. 331 с.
197. Alexander M.S., Philpott W.J. The entente cordiale and the next war: Anglo-French views on future military cooperation, 1928–1939 // Intelligence and National Security. Т. 13. 1998. № 1. P. 53-84.
198. Ambrosius L.E. Woodrow Wilson and American Internationalism. Cambridge, 2017. 274 p.
199. Bakić D. Great Britain, the Little Entente and Security in Danubian Europe, 1919–1936. Leeds, 2010. 293 p.
200. Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. Wrocław, 1967. 244 s.
201. Batowski H. Między dwiema wojnami 1919–1939. Kraków, 1988. 545 s.
202. Bendiner E. Czas aniołów: tragikomiczna historia Ligi Narodów. Warszawa, 1981. 550 s.
203. Beuve-Méry H. Vers la plus grande Allemagne. Paris, 1939. 112 p.
204. Błahut K.J. Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze w latach 1919-1939. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1975. 367 s.
205. Borejsza J.W. Śmieszne sto milionów Słowian: wokół światopoglądu Adolfa Hitlera. Gdańsk, 2016. 218 s.
206. Boyce R. The great interwar crisis and the collapse of globalization. New York, 2009. 611 p.

207. Brzeziński A.M. Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym, 1919–1937. Łódź, 1996. 177 s.
208. Brzeziński A. Maria Skłodowska-Curie a polski projekt "rozbrojenia moralnego" w Lidze Narodów (1931–1933) // *Annales UMCS, Historia*. 2011. T. 1. № 66. S. 119-138.
209. Bułhak H. Polska-Francja z dziejów sojuszu 1933–1936. Warszawa, 2000. 178 s.
210. Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1922–1939. Cz. I (1922–1932). Warszawa, 1993. 320 s.
211. Bułhak H., Gmurczyk-Wrońska M. Juliusz Łukasiewicz, ambassador RP w Paryżu o «wojnie przewencyjnej» przeciwko Niemcom w 1933 roku // *Mazowieckie Studia Humanistyczne*. T. 8. 2002. № 2. S. 257-266.
212. Callwell C.E. Field Marshal Sir Henry Wilson, His Life and Diaries. Vol. II. London, 1927. 390 p.
213. Carley M.J. Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Crisis in Poland in 1920 // *The International History Review*. T. 2. 1980. № 3. P. 410-431.
214. Carley M.J. The Politics of Anti-Bolshevism: The French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920 // *The Historical Journal*. T. 19. 1976. № 1. P. 163-189.
215. Castellan G. Tajna remilitaryzacja Niemiec w okresie międzywojennym // *Dzieje Najnowsze: kwartalnik poświęcony historii XX wieku*. T. 3. 1971. № 1–2. S. 67–80.
216. Chałupczak H. et al. Polityka neutralizacji przez Polskę niemieckich petycji mniejszościowych do rady ligi narodów w okresie międzywojennym // *Polityka i Społeczeństwo*. 2012. № 9. S. 7-26.
217. Chastenet J. Histoire de la Troisième République. T. V. Les années d'illusions. 1918–1931. Paris, 1960. 352 p.
218. Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921–1939. Warszawa, 1970. 423 s.
219. Cienciala A.M. Poland and the Western Powers 1938–1939. London, 1968. 310 p.
220. Cienciala A.M. The Foreign Policy of Józef Piłsudski and Józef Beck, 1926-1939: Misconceptions and Interpretations // *The Polish Review*. Vol. 56. 2011. № 1/2. P. 199-226.
221. Cienciala A.M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno: Keys to Polish Foreign Policy, 1919–1925. Kansas, 1984. 384 p.

222. Clavert F. La France, la petite Entente et la Pologne: relations économiques et financières de la signature du traité de Versailles à la crise // *Valahian Journal of Historical Studies*. 2004. T. 2. P. 31-46.
223. Currey M. I. *Italian Foreign Policy, 1918-1932*. London, 1932. 330 p.
224. Cytowska-Siegrist E. Z zagadnień polityki włoskiej w Europie Środkowej w początkach lat trzydziestych // *Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 1972. T. 8. C. 111-126.
225. Davion I. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // *Revue historique des armées*. 2010. № 260. P. 54-64.
226. Davion I. L'intégration de la Pologne dans la Petite Entente: cheval de Troie de la France et serpent de mer diplomatique // *Valahian Journal of Historical Studies*. 2004. № 2. P. 67-93.
227. Davion I. Le système d'alliances français à la conférence du désarmement de 1932 // *Cahiers du CESAT*. № 16. 2009. P. 87-66.
228. Davion I. *Mon voisin, cet ennemi. La politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939*. Bruxelles, 2009. 472 p.
229. Davion I. Strategiczne stosunki francusko-polskie w latach 1918–1939 // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. T. 9. 2011. № 1. P. 113-125.
230. Davis R. *Anglo-French relations before the Second World War: appeasement and crisis*. New York, 2001. 219 p.
231. Debicki R. *Foreign Policy of Poland, 1919–1939*. New York, 1963. 192 p.
232. Dessberg F. La Pologne vue de France: un aperçu historiographique // *Revue historique des armées*. 2010. № 260. P. 3-17.
233. Dessberg F. *Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, 2009. 440 p.
234. Dessberg F., Wołos M. Francusko-sowieckie i polsko-sowieckie negocjacje w sprawie zawarcia paktów o nieagresji w latach 1925–1927 // *Zeszyty Historyczne*. 2007. № 161. S. 73–74.
235. Doise J., Vaisse M. *Politique étrangère de la France: diplomatie et outil militaire (1871–1991)*. Paris, 1992. 752 p.
236. Donnelly J. *Realism and International Relations*. Cambridge, 2000. 231 p.
237. Dullin S. *Des hommes d'influence. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930–1939*. Paris, 2001. 383 p.

238. Durosell J.-B. *France and the Nazi threat: The Collapse of French Diplomacy, 1932–1939*. New York, 2004. 545 p.
239. Duroselle J. B. *The spirit of Locarno: Illusions of pactomania // Foreign Affairs*. T. 50. 1972. № 4. C. 752-764.
240. Duroselle J.-B. *De Wilson à Roosevelt. Politique extérieure des Etats-Unis, 1913–1945*. Paris, 1960. 494 p.
241. Dyman T.S. *Britain, Poland, and the search for security in Europe: Anglo-Polish relations, 1924–1934*. Illinois, 1985. 437 p.
242. Eberhardt P. *The Curzon line as the eastern boundary of Poland: The origins and the political background // Geographia Polonica*. T. 85. 2012. № 1. S. 5-21.
243. Fabrycy K. *Komorka specjalna // Niepodległość*. T. V. 1955.
244. Faryś J. *Między Moskwą a Berlinem. Wizje polskiej polityki zagranicznej w latach 1918–1939*. Szczecin–Warszawa, 2019. 440 s.
245. Fiedor K. *Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1967. № 4. S. 485-517.
246. Fischer C. *The Ruhr Crisis 1923–1924*. Oxford, 2003. 328 p.
247. Fohlen Cl. *La France de l'entre deux guerres (1917–1939)*. Paris, 1966. 226 p.
248. Friszke A., Kornat M., Stemplowski R. *Dwie epoki: O celach w polskiej polityce zagranicznej 1918–1939 i 1989–2015*. Warszawa, 2020. 230 s.
249. Furnia A.H. *The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II, 1931–1938*. Washington, 1960. 454 p.
250. Garlicki A. *Józef Piłsudski. 1867–1935*. Kraków, 2008. 1088 s.
251. Garlicki A. *Od maja do Brześcia*. Warszawa, 1981. 408 s.
252. Garlicki A. *Piękne lata trzydzieste*. Warszawa, 2008. 284 s.
253. Gasiorowski Z.J. *Did Piłsudski Attempt to Initiate a Preventive War in 1933? // The Journal of Modern History*. T. 27. 1955. № 2. P. 135-151.
254. Gawroński J. *Dyplomatyczne wagary*. Warszawa, 1965. 328 s.
255. Girault R. *L'Europe centrale et orientale dans la stratégie des hommes d'affaires et des diplomates français // Les relations financières internationales, facteurs de solidarités ou de rivalités*. Bruxelles, 1979. P. 119-132.
256. Glabisz K. «Laboratorium» // *Niepodległość*. T. VI. 1958.
257. Gmurczyk-Wrońska M. *Józef Piłsudski and the Polish-French Alliance (1926-1935) // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. T. 54. № Sp. P. 65-80.

258. Gmurczyk-Wrońska M. Polska – niepotrzebny aliant Francji? (Francja wobec Polski w latach 1938–1944). Warszawa, 2003. 548 s.
259. Gmurczyk-Wrońska M. Negocjacje polsko–sowieckie o pakt o nieagresji w roku 1927 i w latach 1931–1932 // *Dzieje najnowsze*. 2012. № 3. S. 21-25.
260. Gregorowicz S. Koncepcja paktu wschodniego na tle stosunków polsko-sowieckich 1934—1935 // *Międzymorze. Polska i kraje Europy Środkowo-Wschodniej XIX-XX wieku. Studia ofiarowane Piotrowi Łossowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Warszawa, 1995. S. 321–331.
261. Gregorowicz S. Polsko–radzieckie stosunki polityczne w latach 1932–1935. Wrocław–Łódź, 1982. 270 s.
262. Gregorowicz S., Zacharias M.J. Polska – Związek Sowiecki. Stosunki polityczne 1925–1939, Warszawa, 1995. 230 s.
263. Guillen P. Franco-Italian relations in flux, 1918–1940 // *French Foreign and Defence Policy, 1918–1940*. 2005. P. 158-172.
264. Jackson P. French Security and a British ‘Continental Commitment’ after the First World War: A Reassessment // *The English Historical Review*. T. 126. 2011. № 519. P. 345-385.
265. Jeannesson S. Poincaré, la France et la Ruhr, 1922–1924. *Histoire d'une occupation*. Strasbourg, 1998. 432 p.
266. Jędrzejewicz W. The Polish plan for a «preventive war» against Germany in 1933 // *The Polish Review*. 1966. P. 62-91.
267. Jezierski A., Leszczyńska C. *Historia gospodarcza Polski*. Warszawa, 1999. 568 s.
268. Johnson G. Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929 // *Diplomacy and Statecraft*. 2006. T. 17. № 4. P. 753-769.
269. Jordan W.M. *Great Britain, France, and the German Problem, 1918–1939: A Study of Anglo-French Relations in the Making and Maintenance of the Versailles Settlement*. Oxford, 1943. 235 p.
270. Kalbarczyk S. Twarzą zwrócony ku Polsce. Józef Beck (1894–1944) // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2009. № 12. S. 85-91.
271. Kalvoda J. *Czechoslovakia's role in Soviet strategy*. Washington, 1978. 381 p.
272. Kamiński M.K., Zacharias M.J. *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej, 1918-1939*. Warszawa, 1998. 315 s.
273. Karski J. *The Great Powers and Poland, 1919–1945: From Versailles to Yalta*. Maryland, 2014. 525 p.
274. Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, 1977. 300 p.

275. Klimiuk Z. Kształtowanie się polsko-niemieckich stosunków gospodarczych w latach 1929–1939 // *Społeczeństwo i Polityka*. 2019. № 4 (61). S. 191-209.
276. Kołakowski P. «Laboratorium» – komórka analityczna marszałka Józefa Piłsudskiego // *Słupskie Studia Historyczne*. T. 16. 2010. S. 117-130.
277. Kolasa J. *The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations*. Wrocław, 1962. 208 p.
278. Komjathy A.T. *The Crises of France's East Central European Diplomacy, 1933–1938*. New York, 1976. 277 p.
279. Korbel J. *Poland Between East and West: Soviet and German Diplomacy Toward Poland, 1919–1933*. New Jersey, 1963. 336 p.
280. Korczyk H. *Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi narodów w 1926 roku*. Wrocław, 1986. 386 s.
281. Kornat M. *Wacław Grzybowski: ambasador w Moskwie (1936-1939): biografia polityczna*. Warszawa, 2016. 342 s.
282. Kornat M., Wołos M. *Józef Beck: biografia*. Kraków, 2020. 1184 s.
283. Kowal S. *Partnerstwo czy uzależnienie?: niemieckie postawy wobec stosunków gospodarczych z Polską w czasach Republiki Weimarskiej*. Poznań, 1995. 212 s.
284. Krasuski J. *Stosunki polsko-niemieckie, 1919–1932*. Poznań, 1975. 466 s.
285. Kulski W.W. *The Soviet Union, Germany and Poland // The Polish Review*. 1978. P. 48-57.
286. Kupchan C.A., Kupchan C.A. *The promise of collective security // International security*. 1995. 1995. № 1. P. 52-61.
287. Kuźmiński T. *Polska, Francja, Niemcy, 1933–1935: z dziejów sojuszu polsko-francuskiego*. Warszawa, 1963. 255 s.
288. Landau Z., Tomaszewski J. *Sprawa żyrdowska: przyczynek do dziejów kapitałów obcych w Polsce międzywojennej*. Warszawa, 1983. 305 s.
289. Lapter K. *Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku*. Warszawa, 1962. 329 s.
290. Łaptos J. *Francuska opinia publiczna wobec spraw polskich w latach 1919–1925*. Kraków, 1983. 174 s.
291. Le Goyet P. *France – Pologne, 1919–1939. De l'amitié romantique à la méfiance réciproque*. Paris, 1991. 396 p.
292. Link A.S. *Woodrow Wilson and a revolutionary world, 1913–1921*. Chapel Hill, 2017. 252 p.
293. Łopatniuk S. *Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze: 1921–1939*. Warszawa, 1987. 400 s.

294. Łossowski P. *Dyplomacja polska 1918–1939*. Warszawa, 2001. 477 s.
295. Łossowski P. *Po tej i tamtej stronie Niemna: stosunki polsko-litewskie, 1883–1939*. Warszawa, 1985. 325 s.
296. Łossowski P. *Stosunki polsko-litewskie 1921–1939*, Warszawa, 1997. 388 s.
297. Łuczak C. *Od Bismarcka do Hitlera. Polsko-niemieckie stosunki gospodarcze*. Poznań, 1988. 526 s.
298. Łysko M. *Ochrona praw mniejszości w II Rzeczypospolitej Polskiej w świetle postanowień tzw. małego traktatu wersalskiego z 1919 r // Miscellanea Historico-Iuridica*. 2019. № 1. S. 109-132.
299. Macartney M.H.H., Cremona P. *Italy's Foreign and Colonial Policy, 1914–1937*. London, 1938. 353 p.
300. Magadeev I. E. *L'alliance franco-polonaise dans les estimations militaires et diplomatiques de Moscou dans les années 1920 // Guerres Mondiales et Conflicts Contemporains*. 2022. № 4. P. 51–64.
301. Malec-Masnyk B. *Plebiscyt na Górnym Śląsku : geneza i charakter*. Opole, 1989. 274 s.
302. Mallett R. *The Italian Navy and fascist expansionism, 1935–1940*. London, 2013. 272 p.
303. Marks S. *The myths of reparations // Central European History*. T. 11. 1978. № 3. P. 231-255.
304. Materski W. *Tarcza Europy: stosunki polsko-sowieckie, 1918–1939*. Warszawa, 1994. 386 s.
305. Materski W. *The Second Polish Republic in Soviet Foreign Policy (1918–1939) // The Polish Review*. T. 45. 2000. № 3. P. 331-345.
306. McNair A. D. *The Legality of the Occupation of the Ruhr // Brit. YB Int'l L*. 1924. T. 5. P. 17-37.
307. Michowicz W. *Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945. Zbiór studiów pod red. M. Wojciechowskiego*. Toruń, 2000. S. 5-26.
308. Michowicz W. *Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska*. Łódź, 1989. 512 s.
309. Michowicz W. *Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym // Kwartalnik Historyczny*. T. 82. 1975. № 2. S. 321-346.
310. Michowicz W. *Walka dyplomacji polskiej przeciwko traktatowi mniejszościowemu w Lidze Narodów w 1934 roku*. Łódź, 1963. 201 s.
311. *Ministerstwo Spraw Zagranicznych II Rzeczypospolitej: organizacja, polityka, ministrowie*. Pod red. P. Długołęckiego i K. Szczepanika. Warszawa, 2014. 396 s.

312. Mitkiewicz L. Litwa i Polska. Stosunki wzajemne do roku 1939. Toruń, 2018. 170 s.
313. Mitrany D. The Case Against Pan-Europa // *Current History* (1916-1940). T. 33. 1930. № 1. P. 65-69.
314. Moczulski L. Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy? Warszawa, 2017. 352 s.
315. Morgenthau H. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 5th ed. New York, 1978. 650 p.
316. Murphy F.J. The Briand Memorandum and The Quest for European Unity 1929–1932 // *Contemporary French Civilization*. T. 4. 1980. № 3. P. 319-330.
317. Mysiewicz G. Perspektywa historyka wojskowego a historia polityczno-ustrojowa Rzeszy Niemieckiej okresu międzywojennego // *Europa Orientalis. Studia z Dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2015. № 6. S. 257.
318. Namier L. *Diplomatic Prelude 1938–1939*. London, 1948. 528 p.
319. Navari C. Origins of the Briand plan // *Diplomacy and statecraft*. T. 3. 1992. № 1. P. 74-104.
320. Néré J. *La Crise de 1929*. Paris, 1973. 222 p.
321. Néré J. *The Foreign Policy of France from 1914 to 1945*. London, 1975. 366 p.
322. Niclauss K. *Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung: eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935*. Bonn, 1966. 298 p.
323. Nowak-Kiełbikowa M. British Policy Towards Poland in the 1930s // *Acta Poloniae Historica*. 1979. T. 40. S. 97-122.
324. Nowak-Kiełbikowa M. *Polska – Wielka Brytania w latach 1918–1923*. Warszawa, 1975. 444 s.
325. Nowak-Kiełbikowa M. Stosunki polsko-brytyjskie w okresie pierwszego rządu labourzystowskiego (styczeń – październik 1924) // *Kwartalnik Historyczny*. T. 91. 1984. № 4. S. 807-844.
326. Pasztor M. *Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924–1939*. Warszawa, 2015. 354 s.
327. Pasztor M. Słabnące lobby. Działalność propolskich grup parlamentarnych we francuskim Zgromadzeniu Narodowym w latach 1921–1936 // *Dzieje Najnowsze*. T. 29. 1997. № 3. S. 47-62.
328. Philpott W., Alexander M. S. The French and the British Field Force: Moral support or material contribution? // *The Journal of Military History*. T. 71. 2007. № 3. P. 743-772.

329. Piszczkowski T. Anglia a Polska, 1914–1939: w świetle dokumentów brytyjskich. London, 1975. 456 s.
330. Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie od roku 1933 do wiosny 1938. Poznań, 1967. 222 s.
331. Radice L. The Eastern Pact, 1933–1935: A Last Attempt at European Co-operation // *The Slavonic and East European Review*. T. 55. 1977. № 1. P. 45-64.
332. Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. 1040 s.
333. Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019. 500 s.
334. Ratyńska B. Stosunki polsko-niemieckie w okresie wojny gospodarczej, 1919–1930. Warszawa, 1968. 355 s.
335. Rémond R. Jean-Baptiste Duroselle, La décadence // *Revue historique*. T. 263. 1980. № 2. P. 417-424.
336. Rollet H. Deux mythes des relations franco-polonaises entre les deux guerres // *Revue d'histoire diplomatique*. 1982. Juillet-décembre. P. 217-236.
337. Roobol W. Aristide Briand's Plan: The Seed of European Unification // *Ideas of Europe since 1914*. London, 2002. P. 32-46.
338. Roos H. A History of Modern Poland. London, 1966. 303 s.
339. Rostow N. Anglo-French Relations 1934–36. New York, 1984. 314 p.
340. Salerno R. M. Britain, France and the Emerging Italian Threat, 1935–38 // *Anglo-French Defence Relations between the Wars*. London, 2002. P. 72-91.
341. Sauvy A. Histoire économique de la France entre les deux guerres. Vol. I. Paris, 1959. 422 s.
342. Serwatka T. Józef Piłsudski a Niemcy. Wrocław, 1997. 176 s.
343. Seton-Watson H. Eastern Europe Between the Wars 1918–1941. New York, 1967. 425 p.
344. Sierpowski S. Narodziny Ligi Narodów. Powstanie, organizacja i zasady działania. Poznań, 1984. 310 s.
345. Sierpowski S. Piłsudski i jego polityka zagraniczna // *Józef Piłsudski i jego legenda* / red. Czubiński A. Warszawa, 1988. S. 78-138.
346. Sierpowski S. Piłsudski w Genewie: dyplomatyczne spory o Wilno w roku 1927. Poznań, 1990. 962 s.
347. Sierpowski S. Polityczne aspekty rozbrojenia (1919–1925) // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. 1983. T. 17. S. 47-77.
348. Sierpowski S. Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym // *Studia z dziejów najnowszych. Acta Universitatis*

- Vratislaviensis. Nauki Polityczne. № 1023. Studia ofiarowane prof. Karolowi Fiedorowi. Wrocław, 1989. S. 121-132.
349. Sierpowski S. Stosunki polsko-włoskie w latach 1918–1940. Warszawa, 1975. 689 s.
350. Sierpowski S. Stosunki włosko-polskie na tle międzywojennej Europy // Przegląd Zachodni. 1986. № 5-6. S. 225-240.
351. Sikorski T., Wątor A. Stanisław Kozicki o Action Francaise, Mussolinim, faszyzmie i stosunkach polsko-włoskich. Zapiski z rozmowy Michała Gwalberta Pawlikowskiego ze Stanisławem Kozickim [14 VIII 1928 r.] // Polish Biographical Studies. 2018. № 6. S. 197-208.
352. Skrzyński A. Poland and Peace. London, 1923. 154 p.
353. Skrzyński T. Programy walki z hiperinflacją – reformy Władysława Grabskiego i Leszka Balcerowicza // Zeszyty Naukowe. 2004. № 2. S. 73-90.
354. Sobański P. Roszczenia Polski wobec RFN w świetle doktryny niemieckiej. Poznań, 2019. 424 s.
355. Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973. 355 p.
356. Soutou G. H. L'alliance franco-polonaise (1925–1933) ou comment s'en débarrasser? // Revue d'histoire diplomatique. 1981. P. 295-348.
357. Soutou G. H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix (1914-1920). Paris, 2015. 384 p.
358. Soutou G. L'impérialisme du pauvre: la politique économique du gouvernement français en Europe Centrale et Orientale de 1918 à 1929: Essai d'interprétation // Relations internationales. 1976. P. 219-239.
359. Stachura P. Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic. London, 2004. 240 p.
360. Stawecki P. Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proveniencji wojskowej // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica. 1986. T. 28. S. 61-87.
361. Szeremietiew R. Czy mogliśmy przetrwać. Polska a Niemcy w latach 1918–1939. Warszawa, 1994. 244 s.
362. Vaisse M. Sécurité d'abord: la politique française en matière de désarmement, 9 décembre 1930 – 17 avril 1934. Paris, 1981. 653 p.
363. Vanku M. Mala Antanta 1920–1938, Titovo Uzice, 1969. 398 s.
364. Vershinin A. 'My task is to get into the French army': Soviet strategy and the origins of Soviet-French military cooperation in the 1930s // Journal of Strategic Studies. 2021. Vol. 44. № 5. P. 685–714.
365. Waites N.H. Troubled Neighbours: Franco-British relations in the twentieth century. London, 1971. 386 p.

366. Walczak H. Sojusz z Rumunią w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918–1931. Szczecin, 2008. 540 s.
367. Walters F.P. A History of the League of Nations. London – New York – Toronto, 1965. 833 p.
368. Wandycz P. Aleksander Skrzyński, minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2006. 311 s.
369. Wandycz P. Próba nawiązania przez Marszałka Piłsudskiego kontaktu z Hitlerem jesienią 1930 roku // Niepodległość (Nowy Jork). 1978. T. 11. S. 127-138.
370. Wandycz P.S. August Zaleski: minister spraw zagranicznych RP 1926–1932 w świetle wspomnień i dokumentów. Paris, 1980. 140 s.
371. Wandycz P.S. France and Her Eastern Allies, 1919–1925: French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962. 454 p.
372. Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988. 537 p.
373. Wandycz P. The Little Entente: Sixty Years Later // The Slavonic and East European Review. T. 59. 1981. № 4. P. 548-564.
374. Wandycz P. Trzy dokumenty: przyczynek do zagadnienia wojny prewencyjnej // Zeszyty Historyczne (Paryż). T. III. 1963. S. 7-14.
375. Wandycz P.S. Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku // Zeszyty Historyczne. Paryż. T. XVIII. 1970. S. 81-83.
376. Webster A. Strange Allies: Britain, France and the Dilemmas of Disarmament and Security, 1929–1933. New York, 2019. 400 p.
377. Wojciechowski M. Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933 // Roczniki Historyczne. 1963. T. 29. S. 105-180.
378. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1980. 558 p.
379. Wolfers A. Britain and France between two wars; conflicting strategies of peace from Versailles to World War II. New York, 1966. 467 p.
380. Wolfers A. Discord and Collaboration. Essay of International Politics. Baltimore, 1962. 306 p.
381. Wołos M. Alfred Chłapowski (1874–1940): biografia ambasadora Polski we Francji. Toruń, 1999. 342 s.
382. Wołos M. Francja–ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. Toruń, 2004. 674 s.
383. Wołos M. Józef Beck: espion allemand? Histoire d'une rumeur // Revue historique des armées. 2010. № 260. P. 45-53.

384. Wroniak Z. Polityka polska wobec Francji w latach 1925–1932. Poznań, 1987. 223 s.
385. Young R.J. France and the origins of the Second World War. New York, 1996. 200 p.
386. Young R.J. French Military Intelligence and the Franco-Italian Alliance, 1933–1939 // *The Historical Journal*. T. 28. 1985. № 1. P. 143-168.
387. Young R.J. Soldiers and diplomats: The French embassy and Franco-Italian relations 1935–6 // *The Journal of Strategic Studies*. T. 7. 1984. № 1. P. 74-91.
388. Zacharias M.J. Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936. Wrocław-Warszawa, 1981. 300 s.